Агентство «Аргентина»

Ирина Сербжинская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Алина поспешно отвинтила пробку с маленького флакона.

- Ты — некромант!

С этими словами она плеснула содержимым бутылочки прямо в лицо парню. Жидкости в крошечном флаконе волшебным образом оказалось неожиданно много и несчастного окатило с головы до ног.

Эффект от превращения оказался даже сильней, чем Алина рассчитывала, жаль только, что кроме нее полюбоваться необыкновенным зрелищем оказалось некому.

Вместо темноволосого парня посреди кладбища стоял совершенно другой человек: худой и жилистый, с грубыми чертами лица, одетый в поношенный камзол и серые штаны, а завершал гардероб довольно грязный шейный платок неопределенного цвета. Длинные русые волосы человека были стянуты в хвост замызганной черной лентой.

- Твою же мать! — с чувством выругался некромант, отряхиваясь. — Что это за хрень? Святая вода, что ли?»

- Алла Рут (Ирина Сербжинская)
  - Глава-1
  - Глава-2
  - Глава-3
  - Глава-4
  - Глава-5
  - Глава — 6
  - Глава -7
  - Глава-8
  - Глава — 9
  - Глава-10
  - Глава-11
  - Глава-12

Алла Рут (Ирина Сербжинская)
Агентство «Аргентина»

Глава-1

Когда Алина добралась до местного кладбища, уже наступил вечер — самое подходящее время, чтобы побеседовать по душам с обитателями погоста.

Она миновала ворота и по неширокой аллее, посыпанной песком, направилась дальше, читая на ходу указатели. Кладбище оказалось не из богатых: ни тебе мраморных надгробий или роскошных памятников, ни изваяний или фонтанов, все скромно, просто или, выражаясь современным языком: «по-бюджетному».

Современный язык Алина недолюбливала.

Она свернула на боковую аллею и огляделась: время было позднее и скорбящих родственников возле могил не наблюдалось. Строго говоря, на кладбище не наблюдалось вообще никого: кругом, сколько глазу хватало, тянулись ряды одинаковых холмиков, возвышались деревянные кресты да металлические памятники. Стояла тишина, которую так и хотелось назвать «гробовой», только легкий ветерок шелестел бумажными цветами дешевых венков и черными траурными лентами. Словом, все кругом ненавязчиво напоминало о бренности живого и о смерти, которая ждет в конце пути каждого из нас… ну, почти каждого.

Алина вытащила из кармана мятую бумажку, сверилась сначала с адресом, потом — с табличкой указателя и решительно направилась дальше: в конце аллеи виднелся покосившийся вагончик-бытовка, обнесенный железной невысокой решеткой, подозрительно напоминающей могильную ограду.

Приблизившись, Алина обнаружила на вагончике табличку: кусок картона с небрежно намалеванными буквами: «Офис кладбища № 18».

— Ну и сарай, — разочарованно протянула она, созерцая обшарпанный «офис». — Вечно мне всякая дрянь достается… а что делать? Придется заходить… потолковать с офисным работникам!

Зайти она не успела. Дверь с треском распахнулась, и на пороге появился «офисный работник»: молодой парень среднего роста, с растрепанными темными волосами, в джинсах, короткой черной куртке и кожаных перчатках без пальцев.

Он очень спешил: торопливо сбежал по лесенке, на ходу рассовывая по карманам какие-то вещи, быстро пересек крошечный дворик и возле калитки налетел на Алину.

— Смотреть надо! — буркнул «офисный работник», бесцеремонно отталкивая ее, и устремляясь прочь.

От такого нахальства Алина на мгновение онемела.

— Хам! Грубиян! — крикнула она вслед невеже, когда снова обрела дар речи.

Парень не обернулся.

Алина глянула на бумажку в руке и встрепенулась:

— Эй! Эй, стой! Я же к тебе! Стой, я тебе говорю!

С крайне недовольным видом «офисный работник» остановился.

— Ко мне? По поводу похорон приходите завтра.

— Каких похорон?!

Парень закатил глаза.

— У вас ведь кто-то умер, иначе с какой стати вы приперлись на кладбище? Кстати, читать умеете? Вот там приемные часы указаны. Сегодня мы уже не работаем, так что, пусть ваш покойник подождет до утра. Он уже никуда не торопится. Ясно?

— Какой покойник? — переспросила слегка сбитая с толку Алина. — У меня никто не умер… пока что.

— Поздравляю, — бросил парень и, что было духу, припустил к воротам.

— Стой! — снова закричала Алина, против воли вынужденная принимать участие в погоне. — Я к тебе по делу!

— Работаем с девяти до шести, перерыв с часу до двух, — отбарабанил парень, не сбавляя хода. — Заказ могил по пятницам с трех до…

Алина остановилась: пора было переходить к решительным действиям.

Она сунула руку в сумку, отыскивая приготовленный заранее стеклянный флакончик.

— Я знаю, кто ты такой, — многозначительно заявила. — Поэтому…

Эти слова, произнесенные нужным тоном, обычно действовали безотказно: жертва терялась и даже слегка пугалась, но в этот раз все пошло не так.

— Чего? — оглянулся «офисный работник». — И кто же?

Алина поспешно отвинтила пробку с маленького флакона.

— Ты — некромант!

С этими словами она плеснула содержимым бутылочки прямо в лицо парню. Жидкости в крошечном флаконе волшебным образом оказалось неожиданно много и несчастного окатило с головы до ног.

Эффект от превращения оказался даже сильней, чем Алина рассчитывала, жаль только, что кроме нее полюбоваться необыкновенным зрелищем оказалось некому.

Вместо темноволосого парня посреди кладбища стоял

совершенно другой человек: худой и жилистый, с грубыми чертами лица, одетый в поношенный камзол и серые штаны, а завершал гардероб довольно грязный шейный платок неопределенного цвета. Длинные русые волосы человека были стянуты в хвост замызганной черной лентой.

— Твою же мать! — с чувством выругался некромант, отряхиваясь. — Что это за хрень? Святая вода, что ли?

— Специальный магический эликсир, который заставляет таких, как ты сбросить человеческий облик и явить настоящую сущность! — с достоинством ответила Алина, на всякий случай отступив от некроманта на пару шагов.

— Ты что, не могла другого времени найти для своего идиотского разоблачения?! Эликсир… предупреждать надо!

— Я знаю, кто ты и тебе придется вернуться туда, откуда ты…

Бормоча ругательства, он выжал полы камзола.

— Сколько длится действие?

— Ты должен меня выслушать… что?! Недолго, минут пять. Это исключительно для того, чтобы показать тебе серьезность наших намерений и…

— И на том спасибо, — буркнул некромант, снова устремляясь вперед.

— Куда ты?! Стой!

Не оборачиваясь, он бросил через плечо:

— Достала ты меня! Хочешь что-то сказать — топай за мной!

— Что?! — возмущенная Алина подождала минутку, но некромант явно не собирался останавливаться.

— А ты куда? — крикнула она ему в спину.

— У меня тут срочное дельце на соседней улице!

…Вот так Алине пришлось сопровождать самого настоящего некроманта. Впрочем, случалось в ее жизни и не такое.

Быстрым шагом они миновали длинную аллею и направились к центральным воротам. Действие эликсира закончилось, и некромант вернул свою человеческую внешность: теперь в сумерках рядом с Алиной торопливо шел темноволосый худощавый парень, который куда-то очень спешил.

Она решила еще раз растолковать ему, что к чему, а для начала — повторить то, что проклятый некромант пропустил мимо ушей.

— Ты слышал, что я сказала? — начала она, с трудом поспевая за парнем. — Я сказала, что знаю, кто ты такой!

— Да мне пофиг, — отозвался некромант, думая о чем-то другом.

Алина умолкла.

— Гм… вот как? Странно. А куда мы идем?

Некромант пошарил в карманах куртки, вытащил сигаретную пачку, заглянул внутрь.

— На соседнюю улицу, говорил уже! — он скомкал пустую пачку и швырнул в сторону. — У тебя сигаретки не найдется?

— Нет. А что там, на соседней улице?

— Там только что склеил ласты один перец.

— Что склеил?!

Некромант резко остановился, Алина по инерции налетела на него и тут же проворно отскочила в сторону.

— Умер! Сыграл в ящик! Почил в бозе! Отошел в лучший из миров! Понятно?!

— Понятно. А ты откуда знаешь?

Парень закатил глаза.

— Я же некромант, дура! Я знаю о смерти все!

Он пошел дальше, на ходу роясь в карманах, и прибавил:

— Ну, почти все.

— Ясно, ясно. Но я вот что сказать хотела: тебе, конечно, интересно, кто я такая и зачем к тебе пожаловала. Так вот…

— Мне не интересно, — пожал плечами некромант.

— Почему?!

Они вышли из ворот, торопливо пересекли безлюдную автомобильную парковку, пустынную дорогу и свернули на боковую улицу.

— Все равно слушать тебе придется. Так положено! Слушай внимательно: я и мои друзья ищем таких как ты, попавших сюда из другого мира. Находим, хотя вы, конечно, очень похожи на обычных людей. Это, знаешь, какая-то не изученная нами до конца особенность: при попадании в этот мир, любое существо наделяется человеческой внешностью и выглядит совсем, как человек, но мы… что это? Что?!

Некромант обошел остолбеневшую Алину, остановился, и, засунув руки в карманы, с удовольствием рассматривая представшую перед ним картину.

— Это вот тот самый отбросивший коньки перец и есть.

— А что это с ним… — Алина старалась не смотреть в сторону «перца», однако, твердо знала, что все, что она уже успела увидеть, запомнится надолго. — Он… выглядит как-то… что с ним случилось?

— Его только что переехала машина, как он должен выглядеть?

— Машина?

— Ага, — некромант стоял, покачиваясь с носков на пятки, рассматривая труп. — Чувак на джипе трепался по телефону и так

увлекся, что не заметил, как размазал бедолагу по асфальту. А когда заметил, было уже поздно.

— Тролль меня побери! А где же этот чувак, владелец джипа?

Некромант присел возле тела на корточки.

— Свалил, разумеется. А ты что бы сделала на его месте? — он посмотрел на Алину. — Стояла и ждала, пока милиция приедет?

— Я, — законопослушно ответила она. — Сразу же вызвала бы «Скорую помощь» и…

Некромант фыркнул.

— Ну и дура. Зачем покойнику «Скорая помощь»?!

— А что же, по-твоему…

Некромант ловко пошарил по карманам перемазанного кровью плаща, вынул бумажник, раскрыл и огорченно присвистнул.

— Что-то негусто в этот раз…

Второй раз за этот удивительный вечер Алина потеряла дар речи.

— Что ты делаешь?! — зашипела она, оглядываясь по сторонам. — Положи сейчас же обратно! Ты… ты… он же мертвый!

— Да ну? Мертвый? — с иронией переспросил некромант. — В самом деле?

— Да! И ты обворовываешь труп!

Некромант положил бумажник в карман своей куртки.

— И что? Ты знаешь, сколько платят смотрителю кладбища? Сказать смешно. Небольшая прибавка к жалованью не помешает.

Алина покосилась на тело в луже крови.

— Да ты псих! Нельзя же вот так… и часто ты этим занимаешься?

Некромант пожал плечами.

— От случая к случаю. Я же знаю, кто и когда умирает, так что, главное, вовремя поспеть, пока труп не обнаружили, и люди не набежали.

Он перевернул тело и проверил задний карман брюк.

— Тьфу, — с отвращением сказала Алина, наблюдая за его действиями. — Мало того, что ты мародер, так ты еще и извращенец! Повезло мне в этот раз с «гостем»… и почему мне всегда достаются вот такие гнусные типы?!

Из заднего кармана некромант вытащил несколько скомканных купюр, начатую упаковку жвачки и пачку сигарет.

— Заткнись, а? — он любовно разгладил купюры. — Мне с человеком поговорить надо.

Некромант пересчитал наличность, спрятал в карман куртки

и поднялся на ноги.

— Слушай, мужик, — начал он, поглядывая на труп и разворачивая упаковку жвачки. — А у тебя что, денег совсем нет? Да… плохо. А что есть?

Алина краем глаза взглянула на тело.

— Ты с ним разговариваешь? С мертвым?!

— Для особо умных повторяю еще раз: я — некромант. Естественно, я разговариваю с мертвым.

Он протянул Алине жвачку.

— Хочешь? Апельсиновая.

— Нет, спасибо, что-то не хочется. А этот… человек, — она кивнула на труп. — Он сейчас… где?

Некромант снова присел возле тела и отыскал в кармане плаща небольшую связку ключей.

— Стоит рядом с тобой.

— Со мной?!

Некромант задумчиво покрутил в пальцах брелок с ключами.

— Значит, мужик, дома у тебя деньги имеются? Заначка, говоришь? Это хорошо. А живешь ты где? Понятно… а заначку-то куда спрятал?

— Ты что такое несешь? — зашипела Алина. — Ты собираешься идти к нему домой?!

— Отвали, — отмахнулся некромант. — Жена? Плохо… она дома сейчас? Нет? А где? На даче? А приедет когда?

Некромант повеселел, поднялся и сунул ключи в карман.

— Вот так приходится зарабатывать на хлеб с маслом, — мимоходом пояснил он Алине. — Тяжелым неблагодарным трудом! А что делать?

Она поборола негодование и ткнула в сторону некроманта пальцем

— Ты, — уничтожающим тоном проговорила Алина. — А ну-ка, ответь мне на один вопрос!

— Ну?

— Как ты умер?

Парень ухмыльнулся, распечатывая сигаретную пачку.

— А ты любопытная! Ну, скажу, так и быть, — он щелкнул зажигалкой. — Междоусобная война, законы военного времени — слыхала про такое? Меня повесили, — он отогнул воротник куртки и показал багровую полосу на шее. — И заметь: сейчас я, типа, человек, а шрам-то остался!

— За что повесили?

— За мародерство, — небрежно сообщил парень, закуривая.

— Так я и думала, — удовлетворенно кивнула Алина.

— Всего-навсего пара снятых сапог да несколько монет — это

что, повод тащить на виселицу?! Ну, а потом один начинающий маг вернул меня, так сказать, к жизни. Говорил, ему надо было потренироваться в оживлении.

Некромант философски пожал плечами и вдруг уставился куда-то, за спину Алины.

— Чего-о-о?! — с возмущением протянул он. — Я?! Да ты, мужик, с катушек съехал, что ли? Передать? Я тебе что — курьер?! Давай, вали куда положено, не задерживайся! Видишь, за тобой уже пришли!

Он проследил взглядом за кем-то невидимым и хмыкнул.

— Делать мне больше нечего, кроме как передавать его жене последние слова! Подумаешь, смерть! Тоже мне, событие. Умер и умер, делов-то…

Он закурил и направился прочь, разом позабыв про Алину.

Она бросилась следом.

— Стой! Стой, говорю! Я же тебе должна сказать… я же тебя нашла! Теперь ты должен вернуться в свой мир! Эй, подожди!

— Да катись ты со своим миром! — благодушно ответил некромант, сворачивая к остановке. Тотчас же, как по мановению волшебной палочки, в конце улицы показался ярко освещенный трамвай.

— Что?! Погоди, ты не должен… имей в виду, у тебя будут большие неприятности! — пригрозила Алина. — Огромные!

Некромант щелчком выбросил недокуренную сигарету прямо ей под ноги.

— Напугала, — ухмыльнулся он и вскочил на подножку трамвая.

Подобрав пассажира, трамвай покатил дальше, звеня на поворотах. Алина видела, как некромант прошел по салону, плюхнулся на сиденье возле окна и, можно было не сомневаться, тут же выбросил из головы ее слова.

— Чтоб ты сдох! — громко и с чувством сказала Алина, хотя пожелание это по отношению к давным-давно умершему некроманту было совершенно бессмысленно.

Когда трамвай скрылся с глаз, она села на скамейку возле остановки, вытащила из кармана мобильный телефон, потыкала в кнопки и поднесла к уху.

— Да? — мужским голосом откликнулась трубка.

— У меня невозвращенец!

…Молодая девушка, стройная и загорелая, с гривой белокурых роскошных волос, подлила в опустевшую чашку свежий кофе и скользнула взглядом по раскрытому ежедневнику, густо исписанному ровными строчками.

— Что за язык? — поинтересовалась она у посетителя, сидевшего за столом, мужчины среднего возраста, с темными кудрявыми волосами и веселыми карими глазами. Лето в этом году выдалось пасмурным и дождливым, но кожа человека была смуглой, словно загоревшей под нездешним солнцем, в неведомой стране, где круглый год цветут диковинные деревья, а теплый ветер с моря заставляет грезить о дальних дорогах и странствиях.

Тот улыбнулся.

— Латынь.

Девушка протерла стол и убрала салфетку в карман черного длинного фартука.

— Что-то не похоже. Латынь я в университете изучаю, а это…

Она пригляделась повнимательней.

— Это не латынь!

— Гм… — промычал уличенный в обмане посетитель. — Студентка, значит… это хорошо.

— Подрабатываю на каникулах. Так что это за язык?

— Хинди, — твердо ответил мужчина. — Одна из редких разновидностей. Малоизвестная и неизученная!

Девушка недоверчиво пожала плечами и отошла.

Посетитель отхлебнул кофе и покосился на лежавшую возле стола большую белую собаку.

— Вот так-то, Лукерья. Пришлось соврать такой красивой девушке! Может, она познакомиться хотела, а?

Он с надеждой посмотрел вслед официантке.

— Студентка, значит… гм… а, может, э-э… пригласить ее куда-нибудь?

Девушка оглянулась, он поспешно отвел взгляд.

— Знаешь, а в ней что-то есть. Что-то этакое! Не фыркай, Лукерья, я не в том смысле. Я о другом.

Он пододвинул синий ежедневник поближе.

— Студентка…гм… и хорошенькая какая! Клянусь, если она подойдет еще раз и спросит, что тут написано, я ей все честно выложу! Так и скажу: вот это заклинание для изгнания демонов, а это — для поиска оборотней! Познакомимся, а потом…

Лукерья насмешливо фыркнула, и хозяин ее тотчас же очнулся от приятных дум.

— Да, ты права, — вздохнул он и потер небритый подбородок. — А потом все будет, как всегда: приедет Ява и только мы с тобой нашу студенточку и видели! Первый раз, что ли? Так что и начинать не стоит. Давай лучше делом займемся. Хорошо здесь работается! Приятное место…

Кофейня «Последний белый слон» и впрямь была на редкость

приятным местом. Возле больших окон стояли старые деревянные столы, заваленные свежими газетами, разномастные скрипучие стулья и плетеные кресла, с потолка свисали старомодные кованые люстры с настоящими свечами, а на стенах красовались потемневшие от времени картины. Вдоль окна тянулась длинная дубовая стойка: так славно было сидеть возле нее на высоком табурете, пить кофе и наблюдать за жизнью вечернего города! Все заботы и тревоги оставались за порогом, и казалось, что все дела, какими важными они ни были, могли и подождать.

Но сегодня насладиться приятным времяпрепровождением не довелось: звякнул дверной колокольчик, и на пороге кофейни появилась молодая невысокая женщина с русыми волосами и сердитыми серыми глазами.

— Гляди, Лукерья, Алина пришла! У нее сегодня встреча с некромантом была. Сейчас узнаем подробности…

Алина уселась за стол и нелюбезным тоном буркнула подошедшей официантке.

— Кофе.

— Еще что?

— Ничего, — мрачно отрезала она.

— Как прошла встреча? — поинтересовался хозяин Лукерьи.

— Никак не прошла.

— Но ты с ним поговорила?

— Какое там! Он даже слушать не стал!

Она понизила голос:

— Этот тип не хочет уходить: он тут прекрасно устроился! Он не просто некромант, а мародер со стажем! У себя, в своем мире, трупы обирал, за это его и повесили когда-то, сюда пробрался — и опять за старое! Помяни мое слово, Ньялсага, мы с ним еще хлебнем лиха!

Алина взяла чашку с кофе из рук подошедшей официантки.

— Представляешь, прихожу я к нему на кладбище, а он….

Девушка-официантка, убирая со стола смятые салфетки и кружки, покосилась на Алину.

— Она шутит, — поспешно сказал Ньялсага, заметив взгляд. — У нее юмор такой. Черный юмор!

— Какие шутки?! — кипя от возмущения, воскликнула Алина и стукнула чашкой о блюдце. — Говорю же: он там, на кладбище, окопался, не выкуришь!

Выслушав душераздирающий рассказ, Ньялсага хмыкнул.

— Некромант-мародер? Такого у нас еще не бывало…

Он убрал ежедневник во внутренний карман куртки.

— Шутки шутками, а отправлять его нужно сегодня же.

Иначе, сама знаешь: и на некроманта управа найдется.

— Пыталась ему это объяснить, но он и слушать меня не пожелал! — Алина залпом выпила остывший кофе. — Так торопился квартиру обчистить, что…

— Ладно, не кипятись. Съездим сейчас, потолкуем, — успокоил ее Ньялсага, роясь в бумажнике.

— Вдвоем?

— Зачем вдвоем? — он вытащил купюру и положил на кофейное блюдце. — Бахрам с минуты на минуту здесь будет. А Ява прямо на кладбище подъедет, он сегодня что-то на работе задерживается.

— Знаю я, на какой он работе задерживается… — проворчала она. — Опять, небось, с девицами хороводится!

Ньялсага завистливо вздохнул.

— Это точно. Хочешь, подвезу тебя до кладбища?

Алина побарабанила пальцами по столу, с сомнением поглядывая в окно.

Прямо перед кофейней, на обычном своем месте, стоял автомобиль по прозвищу «Зеленый Дракон»: старый, битый, поцарапанный и насквозь проржавевший. По городу он передвигался неторопливо, как и полагается древней рептилии, с лязгом, скрежетом, бренчанием, а в дождливые дни, которые «Дракон» очень не любил, к привычному шуму добавлялся еще и визг отсыревших тормозных колодок. Ему давно пора было на покой, но Ньялсага, за долгие годы привыкший к престарелому железному чудовищу, ни за что не соглашался отправить машину на свалку.

— Нет, спасибо, — отказалась Алина. — Я с Бахрамом поеду. У него машина попросторней да и в салоне почище. Кстати, вот и он!

На парковку медленно вползал микроавтобус, раскрашенный в камуфляжные цвета. Мотор умолк, дверца распахнулась и из кабины выпрыгнул широкоплечий здоровяк в пятнистой куртке, защитного цвета штанах, обутый в высокие армейские ботинки.

Коротко стриженые светлые волосы здоровяка топорщились ежиком, голубые глаза смотрели задиристо, квадратный подбородок был упрямо выпячен — Бахрам был человеком, привыкшего решать все проблемы просто и без затей.

Через минуту он появился в кофейне, всем своим видом излучая такое невиданное мужество, что официантки возле кофемашины невольно переглянулись.

Довольный произведенным впечатлением, Бахрам вразвалку приблизился к столу, за которым сидели Ньялсага и Алина.

— Ну, что, едем?! Здорово, Лукерья!

— Едем, едем, — пробурчала Алина.

— Кстати, — Бахрам понизил голос и тревожно оглянулся по сторонам. — Сюда-то как добрались? За вами не было «хвоста»? Слежки, то есть!

Алина тяжело вздохнула.

— Началось…

— Мы петляли, — голосом заговорщика сообщил Ньялсага. — Три раза меняли машины, потом летели на вертолете. Еле оторвались!

Алина закрыла сумку, щелчок замка прозвучал, словно выстрел из пистолета.

— Опять боевиков насмотрелся? Кому за нами следить понадобилось?

— Святые ежики! — с возмущением воскликнул Бахрам. — Они хотят, чтоб мы так и думали! Всегда будь начеку, поняла?

Выяснять, кто такие «они» Ньялсага не стал.

— Пошли, — скомандовал он, поднимаясь из-за стола. — Потолкуем с некромантом. Лукерья, за мной!

Кофейня «Последний белый слон» опустела.

…Наступал поздний вечер. Ночная мгла выползла из лесов, спустилась с гор, и двинулась потихоньку к городу, как огромный зверь на мягких лапах. На шумных центральных улицах горели фонари и неоновые огни рекламных щитов, отпугивали ночного зверя, но на окраине царила такая кромешная тьма, что казалось: день никогда больше не наступит.

«Зеленый Дракон» свернул с шоссе и, недовольно фыркая, медленно пополз по грунтовой дороге, ведущей к кладбищу. Позади так же медленно тащился пятнистый микроавтобус. Свет фар выхватывал из темноты то черные деревья, стоявшие по сторонам, как безмолвные стражи, то давным-давно заброшенный колодец на обочине, то покосившийся забор: видно, когда-то здесь были дома, но со временем люди предпочли отселиться от мертвых подальше.

— Самое время для визита к некроманту, — ворчала Алина, глядя по сторонам. — Жуть какая…

Они подъехали к кладбищенской ограде и остановились. Возле самых ворот, под тускло светившим фонарем обнаружился еще один автомобиль: новенький, блестящий, точно соскользнувший с рекламной картинки

— Ява уже здесь, — отметил Бахрам. — Вперед, Алина!

Навешаем сейчас люлей твоему некроманту!

— Ему навешаешь, как же, — скептически отозвалась она, выбираясь из автобуса и направляясь к «Зеленому дракону»

Ньялсага вылез из машины, вслед за ним выскочила и

Лукерья.

— Куда? — строго спросил Ньялсага. — Тебя только там не хватало! Сиди в машине. Я скоро!

Бахрам потер руки.

— Ну что? — жизнерадостно спросил он, озираясь. — Где этот могильщик? Святые ежики, давайте управимся побыстрее! Я тут всю ночь торчать не нанимался! У меня еще деловая встреча намечается… — многозначительно прибавил он.

— Врешь, небось, — проворчал Ньялсага. — С кем?

— А кто нанимался? — недовольным голосом осведомилась Алина.

— Ну, это ж твой клиент был? — не удержался от шпильки агент Бахрам. — Твой. А ты с ним договориться не смогла. А теперь из-за тебя одна хорошенькая девушка скучает в одиночестве!

— Точно, врешь!

— Посмотрю я, как ты сейчас с ним договоришься, — ответила уязвленная Алина.

Возле «Дракона» появился молодой человек — высокий, с темными вьющимися волосами и карими улыбчивыми глазами.

— Что за девушка? — тут же поинтересовался он.

— Тебя, Ява, это не касается! — отрезал Бахрам и скептическим взглядом окинул приятеля, отметив черный длинный плащ, сорочку с галстуком и щегольские туфли тонкой кожи.

— Подходящий гардеробчик, чтоб по могилам бегать!

— По могилам бегать ты будешь, — отозвался Ява. — А я стану осуществлять общее руководство. Так кто, говоришь, тебя ждет?

— Общее руководство у нас Ньялсага осуществляет, — пробурчал Бахрам и перевел разговор на другое:

— Ежик всемогущий, долго мы тут стоять будем?!

Алина кивнула на огромный ржавый замок.

— Граница… э-э-э… ворота на замке!

Бахрам огляделся по сторонам, заприметил поблизости подходящую железяку, подобрал ее и приступил к решению поставленной перед ним задачи. Через минуту-другую дужка замка хрустнула, и створки ворот распахнулись.

— Вот так-то, — довольно сказал Бахрам, зашвырнув железяку в канаву и отряхивая руки. — Раз-два — и готово!

И они отправились по темной дороге, ведущей на кладбище.

— Пустовато как-то, — заметил Бахрам, вразвалку шагая по неширокой аллейке между двумя рядами могил. — И народу — никого!

— Двенадцать ночи, кого ты тут увидеть хочешь? — буркнула Алина.

— Двенадцать? — обеспокоено протянул Бахрам, украдкой вглянув на часы. — На приличных-то погостах как раз в это время самое веселье и начинается!

— Погоди, и тут начнется, — хмыкнул Ньялсага.

Слова его оказались пророческими, но до поры до времени никто и не подозревал, что через какой-нибудь час жизнь на тихом кладбище будет прямо-таки кипеть.

… Они подошли к обшарпанному вагончику с вывеской «Офис» и остановились. В окнах вагончика горел тусклый свет, слышалась музыка, полуоткрытая дверь тихонько поскрипывала.

Откуда ни возьмись, появился большой черный ворон, уселся на ближайшую могильную плиту, сложил крылья и замер, точно изваяние.

— Вперед, — скомандовал Ньялсага, открывая калитку. — Раньше начнем, раньше и…

Договорить он не успел: дверь вагончика с грохотом распахнулась, и на пороге появился давешний некромант.

Алина сразу же отметила, что за те два часа, что прошли с их встречи, некромант успел значительно поправить свое благосостояние: на нем красовалась дорогая кожаная куртка, явно с чужого плеча, в зубах дымилась сигара, а в руке поблескивала пузатая коньячная бутылка. На оттопыренном мизинце сверкал в свете фонаря золотой перстень-печатка.

— А, это опять ты, — без особого удивления сказал некромант. — Чего приперлась?

— На тебя полюбоваться, — неприязненно ответила Алина, окинув его выразительным взглядом.

— А я вот прибарахлился чуток, — самодовольно сообщил некромант, пристраивая сигару на перильца лесенки.

— Вижу, ворюга несчастный…

— «Курвуазье», — мгновенно определил Ява, едва глянув на бутылочную этикетку. — Однако! Не думал, что кладбищенские работники так зарабатывают. Может, плюнуть на работу в банке и сторожем на кладбище устроиться? — задумчиво спросил он сам себя.

Некромант любовно посмотрел на бутылку.

— Платят, конечно, мало, — признался он. — Но имеются, так сказать, побочные заработки!

Он понюхал коньяк и довольно ухмыльнулся.

— Могу угостить. Налить рюмочку?

Он пошарил на полке за дверью и вытащил высокий хрустальный бокал.

— Проклятый мародер, ты и рюмку прихватил? — удивилась Алина размаху грабежа.

Некромант удивился еще больше.

— Что ж мне, французский коньяк из горлышка пить?!

Он протер бокал полой собственной футболки и поставил на ступеньку.

— Ты ограбил квартиру мертвого человека! Обворовал! И тебе не стыдно?

Некромант махнул на Алину бутылкой.

— Уймите ее кто-нибудь! Ограбил… один бокальчик всего и взял. Говори лучше, чего надо и проваливай! Сюда вообще-то по ночам не ходят. Вход запрещен!

Он осторожно наполнил бокал.

— Нам можно, — отозвался Ньялсага, с интересом разглядывая некроманта. — Мы потолковать с тобой пришли, узнать, как живешь-поживаешь, чем занимаешься?

— Мародерством — мстительно сообщила Алина. — Я с ним по-хорошему пыталась договориться, а он и слушать не стал! Хам!

— Дура!

Алина повернулась к Ньялсаге.

— Слышал?!

— Она меня водой облила! — пожаловался некромант. Он приблизился к людям, держа в одной руке бокал, а в другой — бутылку.

— Верней, не водой, а каким-то зельем. Ну, ваше здоровье!

Он ловко опрокинул содержимое бокала в рот и довольно почмокал губами.

— Зельем, точно! Ну, и кто из вас — маг?

Алина ткнула пальцем в сторону Ньялсаги.

— Вот он. Я тебе говорила, что у тебя неприятности будут? Вот и дождался! Я тебе говорила, что тебе тут быть не положено и пора домой валить?

— С какой стати? — удивился некромант, снова наполняя рюмку. — Мне и тут хорошо. Да ты посмотри кругом, — он окинул гордым взглядом тихое кладбище. — Полюбуйся! Я тут так все устроил, наладил — закачаешься!

— Да от тебя так перегаром несет, что я уже качаюсь!

Некромант допил рюмку и поставил ее на ближайшую могильную плиту.

— Не понимаешь ничего в нашем деле, так и молчи…

Он пошарил по карманам, вытащил еще одну сигару и тяжелую золотую зажигалку.

— Кого сигаркой угостить?

Некромант вопросительно уставился на Яву.

Тот внимательно осмотрел предложенную сигару.

— Ее что, уже кто-то курил?

Некромант пожал плечами.

— Да, и что? Это тот перец, наверное, что вечером коня двинул. Но он не жадный, не обидится. Не хочешь? А ты?

Он протянул сигару Бахраму.

— Не трогай! — быстро предупредила Алина. — Он ее у хозяина спер, а хозяин этот сейчас неизвестно где!

— Почему неизвестно? — удивился некромант. — В морге он загорает. Там, между прочим, сегодня весело. Хорошая компания подобралась! Думаю, наведаться попозже, поболтать, то-се…

— Снова ограбить кого-то хочешь, мародер?!

Некромант щелкнул зажигалкой и закурил.

— Что-то я не въехал, — задумчиво проговорил он, глядя на тлеющий кончик сигары. — Какого ты… э… ты чего в чужие дела лезешь? А? Мне жить на что-то надо?

— Ах, ты…

Ньялсага понял, что настала пора вмешаться.

— Тебя как зовут?

— Гигель, — отозвался некромант, аккуратно положил сигару на краешек надгробия и потянулся за рюмкой.

— Не хотите со мной пить, валите отсюда! Живым на кладбище ночью делать нечего!

— Такими темпами он скоро в стельку напьется, — тревожно предупредила Алина. — И нам придется тащить его пьяного!

— Святые ежики, дотащим! — деловито ответил Бахрам. — Не впервой!

Некромант насторожился, задержав рюмку у рта.

— Куда это вы меня потащите?

— Знаешь, Гигель, мы ведь здесь не просто так, а по делу, — снова начал Ньялсага. — Я расскажу тебе, кто мы такие и чем занима…

Некромант пожал плечами.

— Да мне пофиг, кто вы такие! Пить со мной не хотите? Тогда я и разговаривать с вами не буду!

— Будешь, ворюга! — убежденно заявила Алина.

Некромант тяжело вздохнул и отхлебнул коньяк.

— Ох, и настырная ты! Как упырь по осени… чтоб тебе гроб из сырой осины сделали!

Он покачнулся и икнул.

— Так, кто, говорите, из вас — маг? — снова спросил Гигель.

— Допился, — констатировала Алина. — Вот уже провалы памяти начались, а там и до белой горячки недалеко. Вот он — маг! Я же тебе только что это говорила. Заклинатель.

— Заклинатель? — восхитился Гигель. — Круто!

Он снова приложился к бутылке.

— А серых кошек боишься?

— Гигель… — предостерегающе произнес Ява.

— А что я такого сказал?! Все маги их боятся, смешно даже…

Он поставил бутылку на надгробье.

— Слушай, маг… а по имени как? Ньялсага? А эту психованную как зовут? Понятно… ладно уж, рассказывайте, раз приспичило. Только уговор: потом ноги в руки — и марш отсюда! Надоели вы мне…

Он вынул из кармана куртки очки в золотой оправе и водрузил на нос.

— Говорите, слушаю…

— Господи, он и очки спер, — сквозь зубы процедила Алина. — Зачем ты их надел, придурок? Чтоб лучше слышать, что ли?!

— Отвянь, — отмахнулся некромант. — Давай, заклинатель, начинай, не тяни… мне еще в морг ехать!

Ньялсага переглянулся с остальными: Алина кипела от возмущения, Бахрам, прищурившись, смотрел на некроманта, явно прикидывая, как бы половчей дотащить его, пьяного, до микроавтобуса, а Ява из последних сил сдерживал смех.

— Скажу коротко: мы, Гигель, отыскиваем таких, как ты и отправляем обратно.

— А что, нас тут много?! — встрепенулся некромант. Очки слетели у него с носа, он ловко поймал их и пристроил обратно.

— Я что-то никого не встречал!

— Бывают. Обнаружить вас не так-то просто: по какой-то причине, все, кто сюда попадает, сразу человеческий облик принимают, — он окинул некроманта взглядом с головы до ног. — Но вам здесь делать нечего, так что…

Гигель друг задумался:

— Я что-то плохо помню, как сюда попал. Был немного не в себе…

Он озадаченно почесал в затылке и крякнул.

— И выпил-то тогда всего ничего, а…

— До такой степени нажрался, что перемещения не запомнил? — поразилась Алина. — Ну, даешь!

— Да я сам офигел, — признался некромант. — Так до сих пор и не знаю, почему я сюда попал-то? Я, вроде, не стремился. Как дело-то было, — оживился он. — Иду, это, я к себе на кладбище после дружеской попойки, никого не трогаю, и вдруг — бац! И я уже здесь. Как? Почему?

— Этого мы не знаем, — пожал плечами Ньялсага. — Может,

звезды на небе в какой-то момент так выстраиваются, может, грань между мирами истончается, или еще что… — он развел руками. — Но только появляется краткий миг, когда прошмыгнуть из одного мира в другой проще простого! Вот в такую минуту ты видно, поблизости и оказался.

Гигель кивнул.

— Оказался, точно. Ну, пришел в себя, отыскал кладбище и…

— Ладно, ладно, — перебил Ньялсага. — Дальше можешь не рассказывать. Теперь наша задача — обратный билет тебе выписать.

Некромант снова приложился к рюмке.

— Ничего вы мне не выпишите, — убежденно заявил он.

— Это почему? — поинтересовался Ява.

— Почему-почему… потому что я не хочу! Сами сваливайте, если охота! — он прищурился, глядя на людей, потом сорвал с носа очки и сунул в карман.

— Не вижу ни хрена… бракованные очки попались!

Ньялсага усмехнулся.

— Свалили бы, да не можем: нам обратный билет не продают.

— Если мы отсюда свалим, кто будет таких, как ты обратно отправлять? — солидным тоном проговорил Бахрам. — У нас все по уму, мы даже агентство свое открыли.

— Какое еще агентство?

— «Агентство «Аргентина», называется. Оказание услуг гостям города, усек?

— Каким гостям?

— Непрошеным, — продолжал втолковывать Барам, снова украдкой глянув на часы. — Вот и тебе окажем услугу: домой отправим. Только ты, парень, поторопись, а то меня ждет де… дела ждут! — быстро поправился он, заметив заинтересованный взгляд Явы.

— Да иди ты со своей услугой знаешь куда? — любезно ответил некромант, потянувшись за бутылкой. — У меня тут, между прочим, тоже дела, бизнес свой имеется! Покойники каждый день… кручусь с утра до ночи.

Он снова наполнил опустевший бокал.

— А что такое Аргентина?

— Страна такая. Далекая и прекрасная! Я там, правда, еще не был, но побываю непременно. Может, даже не один…

— Ну, флаг тебе в… в руки!

— Я предупреждала, — железным голосом сказала Алина. — Говорила, что с этим отморозком проблем будет — выше крыши. Хуже, чем с троллем, которого мы в прошлом году обнаружили,

помните? Он еще вышибалой в ночной клуб устроился.

Она повернулась к некроманту.

— Слушай, ворюга…

— Отстань, — отмахнулся Гигель. — Ну, что? Беседа закончена? Теперь, как говорится, пора и по могилам… то есть, по домам!

Он поднял полный бокал и, прищурившись, посмотрел на людей сквозь хрусталь.

— Ох, и надоели вы мне…

— А уж ты-то как нам надоел!

Некромант внезапно опустил бокал и ткнул пальцем в сторону Бахрама:

— Ух, ты! Смотрите-ка, что у него на шее! Это же знак наемников Черного Легиона! Редкая вещица!

— Точно, — польщенным тоном ответил Бахрам, ощупывая тяжелую литую подвеску, висевшую на кожаном шнурке. — Он самый!

— Откуда она у тебя? Только не заливай, что на ярмарке купил

Наемники этим медальоном так дорожили, что снять его можно было только вместе с головой.

Он поставил рюмку на надгробную плиту.

— Ты его спер?! Ну, точно, спер! Молодец, — добавил некромант с уважением. — Всегда такой хотел иметь, но легионеры, даже мертвые, ужасно несговорчивые! — пожаловался он, пожирая глазами медальон. — Я слышал, Легион расформировали лет двести назад?

— Святые ежики, это правда!

Гигеля вдруг осенило.

— Слышь, парень, — заговорщицки проговорил он и жестом фокусника, вытащил из рукава золотые женские часы. — А, может, махнемся?

— Повесить бы тебя еще раз… — процедила Алина.

— Смотри, отличные часики! — некромант повертел добычу перед носом Бахрама. — Или вот это!

Он сдернул с пальца кольцо.

— Настоящий бриллиант! Мелковат, правда, но и покойник попался не из богатых!

— Да нет, его каждый день вешать надо! — не унималась Алина. — Прямо с утра начинать и до вечера…

— Так как? Берешь колечко?

Бахрам отрицательно покачал головой.

Некромант огорченно вздохнул, надел кольцо на палец и налил себе коньяку.

— Жаль. Ну, валите тогда отсюда! О чем с вами говорить-то?!

Внезапно из темноты грохнул выстрел, и хрустальный бокал в руке некроманта разлетелся вдребезги.

— Началось… — тяжело вздохнула Алина.

… Первым опомнился Ява: схватил некроманта за шиворот и оттащил за ближайший гранитный памятник. Секундой позже там оказалась и Алина.

- Кто это?! Кто?! — испуганно твердил Гигель, озираясь.

— Это те самые неприятности, о которых я говорила, ясно?!

— Блин! — в панике воскликнул некромант. — Я думал, неприятности — это вы!

— Ошибся, голубчик! Неприятности — это вот они! — Алина ткнула пальцем куда-то в сторону.

— Да кто это?!

Алина и Ява переглянулись.

— Слушай внимательно, — начала Алина. — Там два придурка, которые за тобой приехали. Вообще-то их трое, но…

— Третьего я пока что-то не вижу, — сообщил Ява, вглядываясь в темноту.

— Чего им надо?!

— Узнали о тебе и явились по твою душу! — сердито отрезала Алина.

— Блин, да откуда у меня душа?! — завопил некромант. — Скажи им, что нету у меня ее! Нету! И пусть валят отсюда! И чтоб без стрельбы! Они бутылку сейчас разобьют!

Он заискивающим тоном обратился к Алине.

— Слушай, как там тебя… сбегай за бутылочкой, а? Вот она стоит, на надгробии. Не хочешь? Тогда я сам…

— Это просто такое выражение, понимаешь? — просьбу о «бутылочке» Алина решила проигнорировать. — На самом деле, они явились за твоей головой.

— Так что им нужно, голова или душа?! — не дождавшись ответа, некромант решительно одернул куртку. — Все, я пошел!

— Застрелят тебя сейчас, — предупредил Ява.

— Я уже мертвый, усек?! Меня застрелить трудновато!

Алина потянула Яву за рукав.

— Пусть идет, не отговаривай. Иди, ворюга, иди! Счастливо тебе!

— Серебряные пули? — продолжал Ява, в упор глядя на некроманта. — Они, конечно, тебя не убьют, но вот парализовать на пару часов — это запросто. А пока ты будешь в отключке, тебе отрежут голову, потом расчленят, потом сожгут и пепел по ветру развеют.

— Это уж тебя точно прикончит! — с удовольствием сказала Алина.

— Мать твою! — в ужасе воскликнул некромант и с необыкновенной резвостью прыгнул за ближайшую могилу. — Трындец полный! Такой был приятный тихий вечер… и вдруг!

Он осторожно высунулся из-за могилы.

— Эй! Эй! Как тебя? Алина, что ли? Что мне делать-то сейчас?!

— Ну, что… — со вздохом отозвалась она. — Ты пока сиди там и не высовывайся, понял? А мы пойдем, поговорим…

… Ньялсага, заметив на лице Бахрама многозначительную предквушающую улыбку, поспешил предупредить:

— Драки не затевать! Ясно?

Тот неискренне возмутился.

— А что сразу я? Я и не собирался! Ты Алине это скажи, у нее прямо руки чешутся заехать кое-кому по физиономии!

Сомневаться в его словах не приходилось: Алина сверлила появившегося из темноты человека таким взглядом, что всякий другой на его месте давным-давно превратился бы в кучку пепла. Но, похоже, на незнакомца такие взгляды не действовали, а испепелить его и подавно никому не удавалось — ни в прямом, ни в переносном смысле слова. Это был крепкий, капитального сложения молодого мужчина, с темно-русой шевелюрой и светло-серыми глазами. Обычно, при встрече с подобными людьми, прохожие спешат перейти на другую сторону улицы: во избежание неприятностей.

Звали его Лютер, но за пристальный немигающий взгляд холодных глаз, лишенных всякого выражения, Ява называл его не иначе, как «Бриммский василиск» и при желании охотно рассказывал историю о том, как василиск много лет подряд терроризировал небольшой городок Бримм. Сначала горожане сначала пытались избавиться от него своими силами, потом нанимали охотников со стороны, но, в конце концов, желающих помериться силами с чудовищем не находилось даже за большие деньги. И только когда в Бримме не осталось ни одного живого человека, василиск отступил.

— Зачем явились? — поинтересовался Ньялсага, надеясь, что перепуганный некромант будет сидеть за могилой тихо, как мышь и не попытается бежать: в присутствии «Бриммского василиска» все попытки к бегству заканчивались быстро и весьма печально.

— Слышали, тут появился некромант? — поинтересовался стоявший рядом с Лютером человек. Чуть выше среднего роста, с самой заурядной внешностью, одетый в потертую джинсовую

куртку и бейсболку, он производил обманчиво-доброе впечатление, однако взгляд был жестким и непримиримым. Человека звали Кемен, и в последнее время Ньялсаге приходилось сталкиваться с ним гораздо чаще, чем хотелось бы.

— Может, и появился, а вам-то что? — неприязненным тоном отозвалась Алина. — Мы его первые обнаружили!

Лютер смерил ее холодным взглядом.

— И почему он еще здесь?

— Твое какое дело? Вас это не касается, так что и говорить не о чем.

«Бриммский василиск», как и полагается василиску, до разговоров снисходил редко, поэтому промолчал.

Ньялсага покосился в сторону могилы, за которой затаился некромант-мародер.

— Алина права — мы нашли его первыми. Он никого не убил, не пролил здесь, в этом мире, кровь. Значит, вы зря приехали. На рассвете мы отправим его обратно.

Кемен и Лютер переглянулись.

— Разговор окончен, — заключила Алина.

— Точно, — поддержал Бахрам. — Святые ежики, валите отсюда, что-то вы мне на нервы действуете!

— Валерьянку пей, — посоветовал Кемен. — Говорят, помогает.

— Некроманту здесь не место, — сказал Лютер. — Его не обратно отправлять надо, а прикончить! Жаль, что мы поздно его нашли, а то бы…

Его слова подействовали на Алину, как красная тряпка на быка.

— Он что, по своей воле сюда попал?! «Прикончить»… он никому ничего плохого не сделал. Сидит себе на кладбище и все!

— Еще бы они по своей воле сюда попадали, — недовольно буркнул «Бриммский василиск».

— Заткнулся бы ты! — взорвалась Алина. — Вы в прошлом месяце убили грокка, а он никому не причинил зла!

— Не причинил, потому что не успел, — процедил Лютер, глядя на нее сверху вниз. — Или надо было подождать, пока он сожрет кого-нибудь?

— Грокки — травоядный, ты, идиот! Если бы не вы, мы бы отправили его обратно — и дело с концом!

— Мы обнаружили его первыми, — обронил «Бриммский василиск». — Все по уговору. Если гостей находите вы — нянчитесь с ним и отправляйте обратно. Если первыми находим мы, то… — он сделал выразительную паузу. — разговор с ними совсем другой. Еще вопросы есть?

— Ах, ты…

— Тихо! — пресек ссору Ньялсага. Алина умолкла.

— Из-за таких, как вы, всякая нечисть и чувствует себя здесь, как дома, — процедил Кемен, прочесывая взглядом тихое кладбище.

— Слышали уже, — ответил Ньялсага. — Ну что, расходимся?

Кемен и Лютер не двинулись с места.

Бахрам побагровел от негодования.

— Ежик всемогущий! Вы, ребята, человеческую речь понимать разучились? Расходитесь, вам сказано! Проваливайте отсюда, то есть!

— Не голоси, — обронил Лютер, нисколько не устрашившись нависшей над ним внушительной фигуры Бахрама.

— Не удалось никого сегодня убить, досадно, правда? — язвительно осведомилась Алина.

«Бриммский василиск» не ответил.

Он перевел глаза на Яву, который как бы невзначай сделал шаг поближе и глаза его сузились. Ява приглашающе улыбнулся.

— Проваливайте, — повторил Ньялсага и направился к вагончику с надписью «Офис», вполголоса присовокупив в адрес Кемен и Лютера парочку крепких словечек.

— Как же я не люблю, когда ты сквернословишь! — елейным тоном проговорила Алина.

Тут все и началось.

Гигель выскочил из-за могилы и, что было духу бросился к вагончику.

Бахрам кинулся следом, намереваясь отшвырнуть некроманта обратно в укрытие, а уж там, за могилой или памятником, хорошенечко растолковать, какой замечательной мишенью служит тот, кто несется, как заяц, по открытой местности.

Лютер действовал гораздо решительнее. Одной рукой он оттолкнул Алину, оказавшуюся на пути, а в другой у него мгновенно оказался небольшой полуавтоматический пистолет.

Дважды хлопнул выстрел, одна пуля просвистела возле головы некроманта, другая — попала в мраморный памятник, отскочила и ударила в грудь Ньялсаги, отбросив его на металлическую оградку могилы.

— А, ты вот как! — возмутилась Алина. — Нарушаешь уговор?! Ну, держись!

Дальнейшая потасовка была короткой, но бурной: что ни говори, а старые обиды всегда придают новой драке ни с чем не сравнимую прелесть. Наблюдавший за происходящим большой черный ворон, сидевший на суку старого вяза, получил от зрелища огромное удовольствие.

Ньялсага с трудом поднялся и, потирая саднившую спину и прихрамывая, бросился к месту схватки.

— Прекратить! — скомандовал он, оттаскивая Алину. Ей во что бы то ни стало хотелось свести счеты с Лютером, который воспринимал ее наскоки с невозмутимостью и хладнокровием истинного василиска. Однако сдачи не давал — и на том спасибо.

— Уймись, Алина! Ява! Бахрам!

Когда драка была остановлена, Ньялсага перевел дух.

— Вы, двое! — он встал напротив Кемена и Лютера. — Убирайтесь отсюда!

— Чтоб вы сдохли, — процедила Алина и повернулась к Лютеру: — Ненавижу тебя!

— Взаимно, — отозвался «Бриммский василиск».

… Когда они исчезли, Ньялсага вздохнул с облегчением.

Некромант, со всеми предосторожностями, вылез из-за памятника и сел на могилу.

— Ну, ни хрена ж себе! — в ужасе повторял он, озираясь по сторонам. — На моем кладбище — и такое безобразие!

— Чего ты в драку полезла? — недовольно просил Ньялсага у Алины. — Могли бы спокойно все уладить.

— Уладить?! Еще чего! — она сердито фыркнула. — Эти подонки в тебя стреляли!

Ньялсага пожал плечами.

— Первый раз, что ли? А вот ты поговорку такую знаешь: «Худой мир лучше доброй ссоры»?

— В первый раз слышу, — ответил за Алину Ява, делая удивленные глаза.

— Я тоже, — заявила она. — Никогда раньше такой глупости не слыхала!

Черезвычайно довольный собой Бахрам потер руки.

— Поразмялись маленько, а то скучновато как-то было!

Он заметил взгляд Ньялсаги и ухмыльнулся.

— Мы не нарочно, — с достоинством сказала Алина. — Все произошло совершенно случайно, с кем не бывает? Надо быть готовым ко всему, правда, Бахрам?

— Точно! Ко всему! — отозвался он, оживляясь. — Вот, помню, как-то раз угодили мы в жуткую переделку, в окружение, то есть! Сутки бродили по подземному лабиринту, пытались выбраться, — он зловеще понизил голос. — Представляешь? Темные тоннели, шириной не более четырех стрел! Ни еды, ни питья, кромешный мрак и кругом — враги!

— Когда это ты был в окружении да еще в подземном лабиринте? — скептически поинтересовалась Алина.

— На прошлых играх по пейнтболу, — вращая глазами, поведал Бахрам. — Вот тогда-то мы и попали в окружение! Это был настоящий ад, детка! Мы…

— Еще раз назовешь меня «деткой» — схлопочешь! — сердито предупредила Алина, не любившая фамильярности.

— Святые ежики, да я просто хотел рассказать, как это было круто! А сейчас? Ничего особенного сейчас не произошло. Какая-такая драка?! Ну, заехала Алина кое-кому разок по физиономии — и что? Не понимаю, чего он так завелся? Я же, само собой, поспешил защитить женщину…

— Как и подобает настоящему мужчине, — подсказал Ява.

— Во-во, точно. Как и подобает!

— Женщине, кажется, ничего не угрожало? — проворчал Ньялсага.

Сидевший на суку ворон громко и насмешливо каркнул.

— Тебя никто не спрашивал, — бросил ему Ява. Он развязал галстук и спрятал в карман.

Ньялсага взглянул на птицу.

— Все в порядке, Дэберхем, можешь возвращаться. Передай Цолери, — мы его нашли.

Черный ворон, оглушительно хлопая крыльями, сорвался с ветки и взмыл в ночное небо.

…Некромант покрутил в руке пустую бутылку и зашвырнул в кусты.

— Ни капли! Все пролилось! Вот ведь невезуха…

Он тяжело вздохнул и уселся на могильную плиту.

Алина поджала губы.

— Ты бы хоть спасибо сказал, за то, что мы тебя защитили! Если б не мы…

— Да как-то хреново вы меня защищали! — не остался в долгу Гигель. Он вытащил из кармана золотые очки и повертел в руках.

— Стекло разбилось! Чтоб тебе… а ведь я их продать хотел!

Он покосился на людей.

— Одни убытки из-за вас. По-хорошему, вы мне теперь заплатить должны. Компенсировать, так сказать, ущерб: моральный и материальный!

Некромант подумал минутку и добавил:

— Особенно — моральный.

Ньялсага повернулся к Алине.

— Если хочешь ему врезать — давай, я мешать не буду. Он и меня уже достал!

Гигель тут же пошел на попятный.

— Ладно, ладно…защитники, — проворчал он. — Рассказывайте уж, в чем дело?

Рассказ начал Бахрам.

— Тут, парень, вот в чем дело-то, — солидным тоном начал он. — Здесь, на этой земле, — для убедительности Бахрам топнул по земле ногой — Древнее-то царство когда-то было. Потом оно исчезло, другое появилось, долгая история!

— Да мне плевать, что здесь раньше было! — воскликнул некромант. — Ты к делу переходи! Кстати, — вскользь прибавил он. — Зря ты подвесочку менять не хочешь. А давай так: часы, колечко и две бутылки коньяка за медальон Легиона, а?!

— Заткнись и слушай! — приказала Алина. Гигель умолк.

— Разные существа жили: и люди, и нелюди. Сперва вроде мирно, а потом….

Бахрам сделал многозначительную паузу.

— Враждовать стали. Охотники появились: это люди, которые уничтожали тех, кто к человеческой расе не принадлежит. Тут ведь кого только не было: ламии, вампиры, тролли, ведьмы, гоблины. Некроманты тоже водились.

Гигель заерзал на могильной плите.

— Знаете что? Давайте туда зайдем, — он кивнул на вагончик с надписью «Офис». — У меня там еще одна бутылочка припрятана. Я собирался завтра ее… но ради такого случая…

— Сиди! — цыкнул Ява.

— Считали, что нелюдям тут не место. Борьба шла не на жизнь, а на смерть! Ведьм сжигали, вампирам — осиновый кол в сердце, ламиям — головы с плеч, а некромантов…

Гигель вытер со лба холодный пот.

— Слушай, мужик, ты давай того… без подробностей!

— Да ты не бойся, это же давным-давно было! — Бахрам хлопнул его по плечу так, что некромант чуть не свалился на землю. — В общем, работы у охотников было много, ну и, в конце концов они всех… э-э… ну, неважно. Сейчас, Гигель, на этой земле только люди живут. Живут-поживают, а все истории про вампиров да магов сказками считают.

— А эти двое кто? Те, что здесь были?

— Кемер с Лютером? Нет, они-то, конечно, это сказками не считают.

— Да откуда они взялись?! — в отчаянии вскричал некромант. — Они вообще — кто? Смертные?

— Ага. Откуда взялись? Я у них не спрашивал. Но только как начали сюда попадать существа из другого мира, так они тут и объявились.

Бахрам с досадой крякнул.

— Конечно, нам с ними договориться удалось, Ньялсаге, то есть, а по первости-то что творилось! Прямо, война! — со вкусом проговорил Бахрам. — Вспомнить приятно.

— Они приехали тебя убить, — перебила Алина. — Вот опередили бы нас на минуту — и все! Кранты тебе, ворюга!

Некромант обиженно пробубнил:

— Чего заладила: «ворюга» да «ворюга»… они вернутся?

— Если обратно не отправишься, вернутся непременно, — заверил Ньялсага. — Сам понимаешь, мы ж охрану к тебе не приставим?

— А почему, кстати? — с негодованием спросил некромант. — Вы же обязаны меня защищать!

Алина села на могильную плиту рядом с некромантом и заговорила проникновенным голосом:

— Послушай, Гигель, — она похлопала его по плечу. — Оставайся! Я бы на твоем месте обязательно осталась. Прекрасное кладбище… где ты еще такое найдешь?! Да и к жалованью прибавки… может, скоро еще кого обворуешь? Отличная жизнь! Чего тебе еще надо?!

Ява фыркнул.

— А завтра явится к тебе эта парочка и поговорит по душам. А, да у тебя ж души нету, я и забыла!

Некромант вскочил на ноги.

— Да ну ее, нахрен, такую жизнь! — категорическим тоном заявил он. — Давай, заклинатель, отправляй меня обратно! А то и оглянуться не успею, как меня того… я уже один раз умирал, хорошего мало!

Он подумал немного, почесал в затылке и повернулся к Ньялсаге.

— Как эти двое узнали, что я тут?

Тот хотел было что-то сказать, но его опередил Бахрам.

— Есть тут у нас знакомый один, Цолери его зовут. Он всегда чувствует, когда сюда кто-то попадает.

— Чародей? — уточнил некромант.

Бахрам хмыкнул.

— Святые ежики, хотел бы я знать, кто он! Но не чародей, это точно.

— А кто же?

Бахрам пожал плечами.

— Никто не знает, а спрашивать — без толку: не больно-то он разговорчив. Он тут давно появился, еще до нас. Ворона видел? Это его птица, Дэберхем зовут. Как только Цолери кого из ваших почует, то сразу Дэберхема посылает. Тот и нам и Кемену сообщает. А там уж — кто первый вас обнаружить успеет… ясно?

Если мы — то обратно вас отправим, а если Кемен со своими, то…

Бахрам выразительно провел ладонью по горлу.

Гигель тревожно оглянулся по сторонам.

— А часто они первыми успевают?

— Всякое бывало, — неохотно откликнулся Ява.

— Святые ежики, чего у нас только не бывало, рассказать — не поверишь! Вот как-то раз интересная история была…

Слушать интересную историю некромант не пожелал.

— Потом расскажешь. Слышь, чародей, так что насчет отправки? Ты с этим не тяни! Раз вы мои защитники, делайте, что вам положено!

Он покосился на Алину.

— А если что не так пойдет, куда на вас пожаловаться можно?

— Слыхали?! — воскликнула она. — Он жаловаться на нас собрался!

— Отправить мы тебя можем только на рассвете, — объяснил Ньялсага. — Рассвет — это особое время, время, когда все, можно сказать, начинается заново.

— Да мне пофиг, какое это время! — махнул рукой некромант — В общем, так: стойте здесь и ждите меня! Если что — защищайте, ясно? Да получше защищайте, а то знаю я вас! А я скоро: только вещички соберу!

Он рысцой побежал к вагончику, но возле самой калитки остановился и наклонил голову набок, точно прислушивался к чему-то.

— Святые ежики, что это с ним? — удивился Бахрам.

Некромант повернулся к людям.

— Слышь, тут такое дело… может, заедем кое-куда по дороге? — заискивающе спросил он. — Здесь недалеко один перец только что коньки отбросил… заглянем на минутку?

…На берегу моря было пустынно. Мир спал крепким предутренним сном и краешек неба на востоке только-только начал светлеть.

— А у тебя это хорошо получается? — подозрительно допытывался некромант у Ньялсаги. — Точно отправишь, куда надо?

— Никто еще не жаловался, — успокоил тот.

Однако Гигель успокаиваться не желал:

— Ты уж не облажайся. В конце концов, маг ты или кто?!

— Ох, Гигель, — вздохнул Ньялсага. — Проваливай отсюда по-добру, по-здорову. Пропустишь рассвет, придется тебе еще на

день оставаться, а за этот день, сам знаешь, многое произойти может!

— Знаю, — согласился некромант.

Он подошел к кромке воды и принялся ждать.

Первый луч солнца скользнул по воде и в тот же миг пропал песчаный берег, растворилось в дымке море. Прямо под ногами некроманта распахнулась бездна. Стало видно, что Гигель стоит на самом краю скалистого обрыва, рядом с ним плыли серые облака, пролетали птицы, а где-то далеко внизу ревела и бурлила вода.

— Чего теперь? Прыгать?! — нервно спросил Гигель. — Терпеть не могу высоты… боюсь!

— Ты же мертвый, чего тебе бояться? — успокаивающе пробасил Бахрам.

— Так-то оно так… — некромант нерешительно придвинулся к самому краю обрыва и глянул вниз. — Твою мать, высоко-то как…

Он глубоко вздохнул, собираясь с духом.

— Ладно уж… пойду я, пожалуй…

— Давай, Гигель, — сказал Ньялсага. — Пора становиться тем, кто ты есть на самом деле! Свободной дороги, парень!

…По узким улочкам, крутым и каменистым, «Зеленый дракон» тащился медленно, с утробным рычанием. Спуски и подъемы были для автомобиля нелегким испытанием, и Алина каждый раз ожидала, что когда-нибудь «Дракон», этот дряхлый старец, не одолеет крутой подъем и покатится назад, прямиком в залив.

- Уж лучше бы меня Ява подвез, — сердито бормотала она, вытаскивая из-под заднего сиденья туго набитую сумку. — У него в машине и музыка играет, и кондиционер работает, и пахнет приятно. А у тебя…

Она принюхалась.

— Чем это так воняет?

— Воняет? А… — благодушно протянул Ньялсага, крутя баранку. — Это я бутерброд покупал недельку назад, а съесть забыл. Ты пошарь под сиденьем, он, наверное, там лежит.

Алина щелкнула замками сумки.

— Делать мне больше нечего, только бутерброды искать… подвинься, Лукерья!

Она вытащила из сумки аккуратно свернутые вещи и принялась раскладывать на сиденье.

— Слушай меня внимательно. Я сейчас переодеваться буду, поэтому ты смотри прямо перед собой. А если глянешь в зеркало

заднего вида — то тут тебе и смерть, понял?!

Ньялсага хмыкнул.

— Можно подумать, я что-то новое увижу… вот, помню, как-то раз…

— Давай без воспоминаний, — предупредила Алина, стягивая джинсы. Переодевшись, она убрала в сумку кроссовки и свитер.

— Остановись возле сквера!

«Зеленый дракон», дребезжа и чихая синим дымом, остановился и Алина выбралась из салона.

Сейчас вместо джинсов, свитера и куртки на ней была строгая прямая юбка, белая блузка и темный пиджак, а светлые русые волосы она собрала в узел на затылке.

Ньялсага опустил заляпанное мутное стекло и высунулся наружу.

— Подожди! А ты разве не…

— Освобожусь после обеда, — не слушая его, объявила Алина. — И отыщи ты, наконец, проклятый бутерброд, ведь вонь такая, будто у тебя в машине тролль сдох!

Приказ Ньялсага проигнорировал.

— И ты бросаешь меня в такой момент?! — пораженно вопросил он. — Да как ты можешь, жестокосердная?! Ты что, забыла — я же ранен! В меня стреляли! — он указал пальцем на дырку в кожаной куртке. — Видишь?! У меня в груди пуля, моя жизнь в опасности! Я могу умереть!

— Ньялсага… — угрожающим тоном начала Алина.

— Моя жизнь в опасности! Ты должна спасти меня, своего командира!

Терпение ее лопнуло.

— Да пошел ты! — рявкнула она и хлопнула дверцей так, что «Зеленый дракон» в ужасе содрогнулся.

— Бесчувственная женщина, — проворчал Ньялсага, провожая взглядом Алину, которая, стуча каблуками, решительной походкой направлялась к трехэтажному кирпичному зданию, возле которого бегали стайки детей. — Ей бы только в инквизиции работать…

… В обычной, нормальной жизни ее звали Алиной Сергеевной и работала она в самой обычной средней школе — преподавала географию.

Директор относился к ней с большим уважением и даже слегка побаивался, что не мешало ему коварно подсовывать Алине самые трудные и буйные классы, от которых отказывались все учителя: приходили к нему в кабинет и заявляли, что в класс, где беснуется 5-й «Б» не пойдут ни за какие коврижки. Уж лучше

увольнение.

Директор вздыхал, мялся и обещал подумать, хотя, думай, не думай, выход был только один: Алина.

Она хладнокровно выслушивала жалкий лепет о том, как невоспитанны современные дети, как безобразно они ведут себя на уроках, не желая постигать разумное и вечное, после чего отправлялась на встречу с учениками, вооруженная лишь указкой, да свернутыми в трубку географическими картами.

Уроки географии всегда проходили в абсолютной тишине.

Директор величал ее про себя «железная Алина», старшеклассники же втихомолку звали «Алина-барракуда» и, умудренные печальным опытом, знали точно: на уроках географии лучше сидеть тише воды, ниже травы. Здоровее будешь.

Печатая шаг, Алина шла по длинному школьному коридору. До конца большой перемены времени оставалось еще достаточно: можно успеть и журнал 5-го «Б» в учительской взять и припрятанную в надежном месте коробку мела забрать (прежняя, купленная на ее собственные деньги, бесследно пропала прямо из закрытого ящика стола). В краже мела Алина подозревала учителя математики, прошлогоднего выпускника местного педагогического института. Конечно, он клялся, что совершенно не при чем и, конечно, «железная Алина» могла расколоть его в два счета, но делать этого не стала. В начале года коллега добровольно взял на себя обязанности классного руководителя в 9-го «А» — за одно это, как считал весь преподавательский коллектив школы, ему следовало немедленно воздвигнуть бронзовый монумент на главной городской площади.

На втором этаже, как всегда, царил невообразимый шум и гам, и толпы шестиклассников с топотом носились по коридору, стараясь перекричать друг друга. Словно ледокол прошла «железная Алина» через толпу беснующихся школьников и, как всегда, одно ее появление сотворило маленькое чудо: шестиклассники вдруг притихли, вспомнили о неотложных и важных делах и, сломя голову, ринулись в класс. В дверях тут же образовалась куча-мала: каждый стремился оказаться как можно дальше от «Алины-барракуды».

Однако, стоило ей только взглянуть на кучу-малу, как она тут же сама собой исчезла, а шестиклассники, тихие и кроткие, как овечки, вошли в класс, уселись за столы и уткнулись в тетради.

Алина появилась на пороге, неотвратимая и ужасная, как годовая контрольная.

— Контурные карты принесли? — людоедским голосом поинтересовалась она.

Шестиклассники обреченно переглянулись.

— Домашнее задание сделали?

В кабинете установилась гробовая тишина.

— У вас завтра проверочная работа! Как напишите? Какие результаты покажете?

Класс молчал.

Алина взглянула в открытую дверь: в кабинете напротив, тихо, как мыши, сидел другой шестой класс и, судя по всему, готовился встретить смерть достойно.

— А вы? — спросила она. — Принесли карты?

Ответом было молчание.

Следующие пять минут Алина-барракуда потратила на то, чтобы донести до нерадивых учеников всю важность знания географии. Отделавши, как следует, сперва один шестой класс, затем — другой, она направилась дальше.

Возле учительской начиналась зона старших классов, так что тут поговорить по душам Алине не удалось: многоопытные девятиклассники испарялись, едва завидев ее на горизонте.

Но не все, не все было гладко в педагогической деятельности Алины-барракуды.

Имелся и у нее свой, персональный кошмар и назывался этот кошмар так: пятиклассник Соловьев.

Веснушчатый и белобрысый пятиклассник Соловьев был единственным человеком во всей школе, который по какой-то таинственной причине совершенно не боялся учительницы географии. Над этой загадкой «железная Алина» ломала голову с начала учебного года, разгадать ее пока что не могла и успокаивала себя лишь тем, что учиться в средней школе Соловьеву еще долго, а за это время ей, конечно же, удастся запугать его точно так же, как и всех остальных.

Так она предполагала, но предвидеть будущее Алине было не дано, и она не догадывалась и ни о том, какие события вскоре произойдут, ни о том, какую роль сыграет во всей этой истории пятиклассник Соловьев.

А Соловьев в это же самое время сидел на подоконнике, в окружении верных друзей, грыз шариковую ручку и изучал нацарапанные на мятом листке строчки. Пятиклассник был занят очень важным делом: набирал команду на собственный пиратский корабль.

Ранним утром, когда Соловьев на трамвае ехал в школу, посчастливилось ему увидеть необыкновенное зрелище: в залив медленно входил парусник «Магеллан». Ничего необычного в его появлении не было: еще неделю назад по телевизору сообщили,

что «Магеллан» совершает кругосветное путешествие, с остановками в портах по маршруту, однако зрелище величественного парусного корабля потрясло пятиклассника до глубины души. И пока Соловьев добирался до школы, в голове его родился блестящий план: судно захватить, команду уволить, а самому податься в пираты.

К делу пятиклассник приступил немедленно.

Первым делом, нужно было решать, кого стоит брать на борт пиратского судна — подходящие кандидатуры записывались в столбик на листе, вырванном из тетради по математике. К четвертому уроку команда была почти укомплектована. Для солидности Соловьев внес в список пожилого охранника школы Василия Ивановича и здоровенного накачанного физрука по прозвищу «Терминатор».

Люди на пиратском корабле должны были быть крепкими, смелыми, не бояться трудностей и наводить ужас на все живое, так что следующей кандидатурой, как и следовало ожидать, стала учительница географии Алина-барракуда.

Тут Соловьев задумался, размышляя, какую бы должность ей предложить. Помощник капитана и шкипер в команде уже были, а на роль обычного матроса такого человека брать было неловко. Имелась, конечно, и капитанская должность, но ее пятиклассник Соловьев приберегал для себя.

— Может, повар? — спросил у будущего капитана будущий шкипер.

— Кок, — со знанием дела поправил Соловьев и, подумав, добавил: — Не, она не согласится.

И тут пиратского капитана осенило.

Боцман! Боцман должен был иметь деревянную ногу, курить трубку, пить ром, сквернословить и держать в страхе всю команду. Со всем этим Алина-барракуда справилась бы просто замечательно.

— А деревянная нога? — с надеждой спросил будущий помощник капитана.

— Придется обойтись, — коротко ответил Соловьев.

Он нацарапал имя Алины на мятом листке и облегченно вздохнул: команда подобралась хоть куда!

…Не подозревая о далеко идущих планах пятиклассника Соловьева, будущий боцман пиратского корабля, Алина-барракуда, помахивая классным журналом, явилась к пятиклассникам на урок.

— Здрасте, Алина Сергеевна! — радостно завопил Соловьев, запихивая в карман какую-то бумажку.

Алина смерила пятиклассника взглядом с головы до ног, от стриженых ежиком светлых волос, голубых глаз и румяных щек до стоптанных кроссовок. Даже закаленные жизнью девятиклассники начинали в такой момент нервничать, но Соловьеву все было нипочем.

— Марш в класс! — кисло сказала Алина, не дождавшись привычной реакции. — У вас контрольная работа сегодня!

Объявив тему контрольной, она уселась за учительский стол.

— Начинайте! Кто не успеет, пеняйте на себя: двойка в четверти обеспечена. Будете ходить ко мне все каникулы и каждый день контрольные писать!

Пятиклассники лихорадочно принялись строчить в тетрадях.

— А кто раньше напишет, может книжки читать? — громко спросил Соловьев.

— Может, — со вздохом разрешила Алина, мысленно поклявшись посвятить все каникулы обдумываю плана по запугиванию пятиклассника. — Только не вслух.

— Ага. Мне бабушка хорошую книжку достала про…

Родители Соловьева строили железную дорогу в какой-то маленькой южноафриканской республике, на родину наезжали нечасто, и воспитанием пятиклассника занималась бабушка: монументальная старуха, похожая на памятник императрице, что красовался на набережной.

— Соловьев, — железным голосом проговорила Алина. — Двойку в четверти получить хочешь?! Нет? Вот то-то. Пиши контрольную!

Убедившись, что все (даже Соловьев) занялись делом, Алина решила провести сорок минут урока не без удовольствия и вытащила из сумки тяжелую, щедро иллюстрированную книгу «Рецепты Елисейского дворца».

Кулинария была давней и пылкой страстью Алина-барракуды.

— «Соус «Жюдик», — с упоением забормотала она, любуясь красочными фотографиями. — В сотейнике на медленном огне растопить масло… так… дегласировать коньяком». Коньяком?

Алина на мгновение задумалась.

— У Явы попрошу…

Она окинула класс бдительным взором и снова уткнулась в книгу.

— Дегласировать коньяком и фламбировать. «Мякоть омаров и сваренные овощи положить в кастрюлю, залить соусом и подогреть»…

Алина невольно улыбнулась: некоторые рецепты звучали точь-в-точь, как чародейские заклинания!

— «Фуа гра, паштет по-французски. Гусиную печень вымочить

в молоке, нашпиговать кусочками сырого трюфеля»… гм… трюфеля…. «или белого гриба, полить коньяком или мадерой»… интересно, есть ли у Явы мадера? «Оставить мариновать на три часа»…прекрасно…

Она снова оглядела класс и осторожно перевернула несколько страниц, любуясь красочными фотографиями.

— А вот еще отличнейший рецептик, — благоговейно прошептала «железная Алина». — Фондю! «Легкое и восхитительно ароматное с прованским ароматом, идеально для окунания в него хрустящих сухариков. Для приготовления этого фондю даже не нужен специальный горшочек».

Алина удовлетворенно кивнула.

— «Возьмите сыр камамбер, снимите бумагу»… тролль тебя задери! Камамбер? Где его брать? Придется снова Яву грабить.

В ярких красках она представила предстоящий налет на жилище Явы.

— А, может, у него и трюфели найдутся?

— Алина Сергеевна! — пропищал пятиклассник Соловьев, безжалостно разрушая приятные мечты о разграблении чужого холодильника. — Я написал! Можно мне идти?

— Нет! — отрезала она. — Знаю я тебя, опять по коридору носиться будешь и в классы заглядывать. Сиди тихо и книжку читай, которую бабушка дала!

Соловьев немного повозмущался, пошумел, потом вытащил потрепанный толстый том и грохнул на парту.

Алина поморщилась.

— Потише, Соловьев!

— Да я…

— Читай сказки и помалкивай! — велела Алина, мельком взглянув на часы: до конца урока оставалось десять минут.

— Я не маленький, сказки читать, — солидно ответил Соловьев. — Это «Энциклопедия ветров»!

— Вот-вот, читай энциклопедию. Может, хоть тройку по географии исправишь.

Алина попыталась погрузиться в сладостные грезы о приготовлении фуа-гра и прочих изысков иноземной кухни, но не тут-то было — Соловьев громко зашелестел страницами и забубнил на весь класс:

— Рабутен, северо-западный ветер в Гапансе! Слыхали про такой, Алина Сергеевна?

— Слыхала. Умолкни, Соловьев…

— «Танцующие джинны», ух ты, вот это название! Пыльные или песчаные вихри в Берберии! Тут и фотография есть! А где эта Берберия?

— Соловьев, покажи фотку! — заныл кто-то с другого ряда.

Алина вздохнула и с сожалением закрыла кулинарную книгу.

— Финикийский ветер! — продолжал самозабвенно бубнить Соловьев. — Птичий ветер! Еще одна фотка…

— Соловьев, ну покажи… — ныли пятиклассники.

Соловьев показал друзьям фигу и продолжил:

— Маврикийские ураганы! Алина Сергеевна, расскажите про маврикийские ураганы!

— Сдай тетрадь, Соловьев и убирайся из класса. Все равно звонок через три минуты.

— Соранг! Сказочный ветер счастья и удачи!

Алина подняла голову.

— Что? — переспросила она, мигом забыв про рецепты. — Соранг?

— Хотите, прочитаю? — обрадовался Соловьев и уткнулся в книгу. — «Соранг прилетает раз в несколько столетий и только ночью». А-а-а-а… да тут написано, что его на самом деле нет, такого ветра, это все легенды, сказки! — разочарованно протянул он. — Жаль… говорят, он может исполнять желания, представляете?

— Представляю, — сквозь зубы сказала «железная Алина» и убрала «Рецепты Елисейского дворца» в сумку. Громко зазвенел школьный звонок.

— Сдавайте тетради!

— Любое желание исполнится! Ух, ты! — вопил пятиклассник Соловьев, перекрикивая трезвон. — Если б этот волшебный ветер сюда прилетел, я бы уж загадал!

Класс восторженно загудел. Все наперебой придумывали желания и громче всех орал пятиклассник Соловьев.

— Ну, правда же, Алина Сергеевна! Я бы загадал, чтоб директором банка стать! Новый компьютер! Самолет! И собака! Это же здорово?

— Здорово, здорово, — отмахнулась Алина, стараясь пресечь несанкционированный митинг в кабинете географии. — Тетради — на стол и марш на физкультуру!

Но пятиклассники никак не могли успокоиться.

— А еще пиратский корабль! — вопил Соловьев. Он грамотно воспользовался суматохой и сунул свою тетрадь в середину пачки, чтобы не сразу обнаружилось, что контрольная написана им только наполовину. — Правильно?

— Правильно, правильно…

Вскоре класс опустел и только пятиклассник Соловьев все не мог запихать в портфель свое добро: тетради, папки и книжки.

— Так умные люди и поступают, — бормотала Алина себе

под нос, складывая тетради в аккуратную пачку. — Талант выбирают славу, деньги, в конце концов…

Она сдвинула брови, будто рассердившись на кого-то.

— А не очень умные…

Соловьев потоптался по портфелю ногами, чтобы тот, наконец, застегнулся и вопросительно уставился на учительницу географии.

— А не очень умные? Они что выбирают?

Алина посмотрела в окно, где какой-то безымянный ветер гнал по небу облака, и вздохнула:

— Бессмертие…

Глава-2

Из школы Алина-барракуда возвращалась в прекрасном настроении: проклятого некроманта, этого кладбищенского предпринимателя удалось благополучно спровадить восвояси, лодыри и бездельники из седьмого класса показали на проверочной работе прекрасные результаты, а в сумке у нее лежали «Рецепты Елисейского дворца»: значит, вечерком можно будет приготовить что-нибудь новенькое, необычное.

Она поднялась на четвертый этаж и здесь, возле собственной квартиры получила сюрприз: входная дверь оказалась приоткрытой. Алина замерла, потом выругалась — не очень громко, чтобы не услышали соседи, питавшие к скромной учительнице географии самое искренне уважение. Но как не ругаться, когда мечты о спокойном вечере разлетаются вдребезги, точно хрустальная рюмка, спертая из чужой квартиры ворюгой-некромантом?!

От воспоминаний о некроманте настроение Алины испортилось. Она решила раз и навсегда разобраться с теми, кто самовольно проникает в чужие жилища, не имея на то разрешения, и уже начала обдумывать гневную речь, но тут дверь неожиданно распахнулась.

На пороге, гостеприимно улыбаясь, стоял Ньялсага.

— А, вот и хозяйка! Мы уже заждались. Ява, Алина пришла!

Кипя от возмущения, Алина оттолкнула его и прошла в квартиру.

— Ты опять? Опять? Я же просила! Ты же дал слово!

— Какое? — искренне удивился Ньялсага.

Алина-барракуда уперла руки в боки и так посмотрела на него, что окажись на месте Ньялсаги двоечники из девятого «Б», они тут же поклялись бы больше никогда не списывать на контрольных, а учебник географии вызубрили бы от корки до корки.

— Почему вы с Явой — в моей квартире? Кто вас сюда звал?!

Ньялсага удивился еще больше.

— А что?

— А то! Привыкли заваливаться, как к себе домой! А я, между прочим, — Алина понизила голос. — Могла прийти и не одна! Об этом ты подумал?

— А с кем?

Алина разъярилась окончательно.

— Ты что, издеваешься надо мной, что ли? Я — одинокая

молодая женщина! Я могла прийти домой с… с…

Ньялсага вопросительно поднял брови.

— С мужчиной! — сквозь зубы процедила она. — А тут — вы! Что бы он обо мне подумал?!

Ньялсага не выдержал и захохотал.

— Что смешного? Почему вы все время здесь? Вам жить негде, что ли?!

Но он продолжал смеяться, и Алина сердито махнула рукой.

— А Ява где?

Ньялсага ткнул пальцем куда-то вглубь квартиры.

— А Бахрам?

— В агентство поехал. Но звонил только что, говорил, что скоро будет.

Алина наградила заклинателя взглядом, которым приберегала исключительно для пятиклассника Соловьева. На проклятого пятиклассника этот взгляд почему-то не действовал и, вспомнив об этом, Алина-барракуда поклялась сама себе до зимних каникул непременно прибрать к рукам Соловьева и запугать точно так же, как и всех остальных учеников.

— У меня что: постоялый двор? Трактир?!

Бормоча ругательства, она направилась в комнату.

— Да чего ты сердишься? Мы просто по дороге заглянули, навестили, так сказать…

— Давно не виделись, что ли? Взяли моду по любому поводу заглядывать!

Ньялсага озадаченно пожал плечами.

— Мы думали, ты обрадуешься…

— Я очень рада видеть вас круглые сутки! — сквозь зубы процедила Алина. — Может, еще кого-нибудь из «попаданцев» с собой притащите? Для компании? В тесноте, как говорится, да не в обиде!

Она обвела взглядом квартиру.

Хоромы и впрямь были небольшие, зато уютные и обжитые. В гостиной стоял большой мягкий диван, заваленный подушками, кресло, плетеная корзина с журналами. На низком столике возвышалась пирамида книг по кулинарии, венчал ее огромный том «Шокирующие откровения великих кулинаров». В соседней комнате виднелся письменный стол с настольной лампой под зеленым абажуром, полки, заставленные учебниками по географии и застекленный книжный шкаф. Повсюду царил образцовый порядок: Алина-барракуда была человеком аккуратным, неряшества не терпела, хотя каждый раз с появлением незваных гостей беспорядок в доме образовывался сам собой.

Она недовольно покосилась на белую лохматую собаку с кроткими глазами, которая лежала на диване.

— Еще и Лукерью притащил! Вот что, Лукерья: если твой хозяин и дальше будет вламываться сюда в мое отсутствие…я… я ему…

Собака смутилась, завиляла хвостом, и Алина, смягчившись, махнула рукой.

— Ладно, ты тут не при чем. Пойдем-ка Яву поищем.

Ява обнаружился в ванной комнате. На столике возле раковины валялся пинцет, окровавленные комки ваты и бинты.

— Не ванная, а полковой лазарет, — поджав губы, заметила Алина и покосилась на запачканное зеркало.

— Убери тут все, как закончишь, понял?

Она повернулась, чтобы уйти, но вдруг вспомнила кое-что:

— Слушай, у тебя коньяк есть?

— С собой?

— Дома. Дома у тебя коньяк имеется?

— Да, — недоуменно ответил Ява.

— А камамбер?

— Найдется. А тебе зачем?

— Приготовить кое-что хочу, — объяснила Алина, погрузившись в приятные кулинарные мечтания. — Понимаешь, есть во французской кухне такое блюдо…

— Ах, приготовить, — неопределенным тоном протянул Ява, выбрасывая в мусорную корзину бинты и вату. — Тогда нету.

— Купи, — распорядилась Алина. — Завтра же купи, а я у тебя возьму.

— Сама покупай, — отозвался Ява.

— На учительское жалованье я себе такого позволить не могу. А вот ты — вполне. Я недавно в газете читала, что все, кто в банках работает, огромные деньги получают. Особенно, финансовые аналитики!

Она многозначительно посмотрела на Яву, тот вздохнул.

— Читай больше. В газетах еще не такое напишут!

— Значит, ты купишь камамбер, — не слушая, говорила она. — А я приеду и заберу. И приготовлю…

В дверях появился Ньялсага.

— Прогони собаку с дивана! — приказала Алина. — Сейчас же. Ты бы ее воспитывал, что ли, а то такой крокодил вымахал, а понятия о хороших манерах — никакого!

— Она прекрасно воспитана, — заверил Ньялсага. — И Лукерья не крокодил вовсе, а большая пиренейская овчарка.

— Вот именно что большая…

Ява протянул ему пулю.

— Вот тебе сувенирчик. Это уже третья? Сохрани на память.

Ньялсага небрежно сунул «сувенирчик» в карман.

— Все-таки, Лютер — настоящий психопат, — заявила Алина. — Чуть что — сразу стрелять. Давайте как-нибудь вызовем к нему бригаду скорой психиатрической помощи? Анонимно, он и не узнает. Позвоним в «Скорую» примерно в час ночи…

Ньялсага прислонился к дверному косяку.

— Погоди ты, Алина, с психиатрической помощью. Я вот о чем думаю: что-то у нас гости появляются все чаще и чаще. Вспомните, сколько их обычно бывало?

Ява задумался, протирая салфеткой столик возле умывальника.

— Четыре-пять в год. Не больше.

— Правильно, — кивнул Ньялсага. — А в этом году? Сегодняшний некромант — десятый!

Алина молча пошевелила губами, загибая пальцы.

— Девятый, — уточнила она, закончив подсчеты. — Призраков, что весной были, я не считаю. Девять — за полгода. Да, многовато…

Ява вытер салфеткой запачканное зеркало.

— Почему, как думаешь?

Ньялсага пожал плечами.

— Не знаю. Но если и дальше так дело пойдет, придется объявление в газете давать: «Все случайно попавшие сюда тролли, вампиры и оборотни, приходите по адресу…»

Он посмотрел сначала на Яву, потом — на Алину и вздохнул:

— Да что с вами? Это же была шутка!

Алина спохватилась:

— Конечно, шутка, я так и подумала! Ха-ха, очень смешно, очень! А теперь иди в гостиную, и прогони Лукерью с дивана.

Когда Ньялсага скрылся в комнате, Алина с укоризной взглянула на Яву.

— Ну? Мы же договаривались. Пообещали друг другу, что будем смеяться над его шутками. Неужели трудно это делать?

Он вымыл руки и закрутил кран.

— Да не трудно, только я все время забываю. Ладно, Алина, если мы тебе так надоели, то…

Она махнула рукой.

— Оставайтесь, чего уж там. Чаю попьем! У меня и варенье малиновое имеется.

Выпроводив Яву из ванной, Алина направилась на кухню. Кухня Алины-барракуды очень напоминала лабораторию алхимика: повсюду стояли стеклянные баночки с приправами, бутылочки с соусами, коробочки с пряностями, на подоконнике в

керамических горшках росли душистые травы, а на столе, покрытым скатертью в красно-белую клетку, лежала толстая поваренная книга.

Окинув взглядом свое царство, Алина почувствовала прилив вдохновения: захотелось блеснуть кулинарными талантами. Чай с вареньем отменяется! Скромный, но изысканный дружеский ужин — вот что может украсить вечер.

Она открыла книгу — старую, потрепанную, с написанными от руки рецептами — и принялась листать страницы.

— Консоме, бешамель, фламбе из фуа-гра… — бормотала Алина-барракуда, впиваясь глазами в мелкие строчки, и названия блюд звучали в ее устах, точно диковинные заклинания. Работа на кухне всегда успокаивала ее и приводила в хорошее расположение духа. Но перед тем, как приступить к готовке, следовало сделать еще кое-что. Алина поднялась и подошла к шкафчику. В шкафу, на особой полочке, стояли две вырезанные камня фигурки — единственное, что удалось когда-то захватить с собой из другой жизни. Вынув из шкафчика ломоть хлеба, покрошила перед богами и тихо произнесла нужные слова, отгоняющее несчастье и приносящее удачу.

Какой-то внутренний голос подсказывал Алине, что удача им всем скоро очень понадобится.

…Ньялсага и Ява вели в гостиной неторопливый разговор.

— Этот некромант меня достал, — жаловался Ньялсага, почесывая за ушами развалившуюся на диване Лукерью. — Алина говорит, он еще и квартиру чью-то обчистил напоследок?

— Старые привычки, — Ява потянулся за журналом. — Как у того гоблина, которого мы прошлой зимой обнаружили.

— Тот, что круглосуточный киоск обворовал? Как же, помню…

Ньялсага пощелкал пультом телевизора.

— Кажется, Алина недовольна, что мы на огонек заглянули?

— Она недовольна, что ты ее дверь заклинанием отпираешь, — пояснил Ява, листая журнал. — Я бы на ее месте тоже взбеленился.

— А что тут такого? Я всегда так делаю. Дай-ка мне газету с программой…

Ява потянулся за газетой и замер с протянутой рукой.

— Чувствуешь запах? Что это?!

Ньялсага покосился в сторону кухни.

— Ну, что… Алина готовит ужин.

— Ужин?! Она же говорила, будет чай? Чай с вареньем?

— Значит, передумала, — Ньялсага поднялся с дивана и

открыл балконную дверь. — Ну и вонь! Как в логове грифонов!

— Не знаю я, как логове грифонов воняет. В Лутаке их отродясь не было, они, я слышал, где-то севернее обитали.

— А я вот как-то раз…

— Чья была идея, заехать к Алине? Твоя! Вот ты и расхлебывай: иди и скажи, что мы торопимся и ничего есть не будем.

Ява вынул из кармана мобильный телефон.

— А я Бахраму позвоню, предупрежу, чтоб не вздумал приезжать.

Ужин… да я ее стряпню в рот не возьму! Хватит с меня и прошлого раза!

Ньялсага поднялся.

— Я скажу, что…

Послышались шаги, на пороге появилась Алина с подносом, уставленном тарелками.

— Алиночка! — льстивым голосом воскликнул Ньялсага, плюхаясь обратно на диван. — А мы-то тут гадаем: чем это так вкусно пахнет?

— Неземные запахи, — поддакнул Ява, поспешно пряча мобильник. — Прямо, как на том свете… в раю!

— Суп-пюре «Леонтин», — со сдержанной гордостью сообщила Алина. — Блюдо французских королей!

— Да что ты говоришь? — Ньялсага покосился на Яву. — Королей, значит… гм… вкусно, должно быть!

Ява опасливо посмотрел в тарелку.

— Что это такое? Очень похоже на…

— На суп-пюре, — быстро подсказал Ньялсага. — Французские короли только это и ели. Шедевр! Просто шедевр!

Раскладывая ложки, Алина скромно улыбнулась.

— Я всегда говорила: у каждого имеется свой талант, надо его только обнаружить. Я вот, например, люблю готовить.

— Да, да! — горячо согласился Ньялсага. — У тебя настоящий талант. Ни в одном трактире так не приготовят!

— Ни в одном, это точно, — вздохнул Ява. — Знаешь, Алина, а я бы просто чаю…

— После ужина! — непреклонно заявила она.

Ньялсага поболтал ложкой в буром густом месиве. Пробовать было страшно, отступать — невозможно: Алина, накрыв на стол, обратно на кухню не спешила — закрыла балконную дверь и теперь аккуратно расправляла шторы.

— Алиночка, а рецепт допускает перец? — заискивающе спросил он. — Или горчички?

— Крысиного яду, — еле слышно пробормотал Ява.

От верной смерти его спасло только то, что Алина снова увлеклась рассуждениями о высокой кухне и слов этих не расслышала.

— Горчички… — повторил Ньялсага погромче. — Можно?

Алина взглянула на него с укоризной.

— Собрался изысканное блюдо портить горчицей?

— А, вот как… значит, нельзя?

— И думать забудь! Старайся выработать в себе хороший вкус. Попробуй суп, я тебе точно говорю: ты такого еще никогда не ел!

— Такого я не ел, это правда, — покорно согласился Ньялсага, с тоской глядя в тарелку.

Алина, прихватив пустой поднос, направилась на кухню.

— Я еще и мясо готовлю, «Дофин» называется!

— Алиночка, да мы с Явой торопимся! Вспомнили только что: у нас срочное дело!

Она не ответила.

Оставшись в комнате одни, Ньялсага и Ява переглянулись.

— Ешь! — сквозь зубы приказал Ньялсага.

— Ты — первый. А может, Лукерье скормим?

— Отравить ее хочешь?

Завидев появившуюся на пороге Алину, они поспешно схватились за ложки.

— Изумительный суп! — фальшивым голосом воскликнул Ньялсага.

— Потрясающий! — подхватил Ява. — Действительно, шедевр… такой даже есть жалко!

— Где же Бахрам? — озабоченным тоном поинтересовалась она. — Суп-пюре перестоится!

— За твоим супом, Алиночка, он с другого конца света примчится! — заверил Ньялсага. — Где он еще такое отведает?

— Нигде! — заверил Ява.

Алина довольно улыбнулась.

— Сейчас подам мясо!

… После супа, настало испытание мясом «Дофин».

Ньялсага расхваливал блюдо с красноречием придворного менестреля. Восхвалениям мешала Лукерья, которая крутилась рядом и норовила сунуть морду в карман куртки, где лежала порция мяса, завернутая в салфетку.

— Отстань, Лукерья! — ворчал Ньялсага вполголоса. — Это не тебе!

— А к чаю будут пирожные, вчера пекла. «Поцелуй монарха» называется, — сообщила Алина, расставляя расписные фарфоровые чашки, которыми очень гордилась. — Будете?

— Не, я монарха целовать не согласен, — отказался Ньялсага, отпихивая собаку.

Ява потыкал вилкой в мясо, плавающее в чем-то зеленом.

— И почему мне Орден отравителей на ум приходит? — поинтересовался он, предусмотрительно дождавшись, когда хозяйка покинет комнату. — Какую карьеру Алина бы там сделала!

— Туда женщин не принимали, — напомнил Ньялсага, заворачивая в салфетку кусок мяса. — А зря: только они умеют качественно и с выдумкой отравлять жизнь!

— Нет уж, жизнь Алина пусть кому-нибудь другому отравляет, — решительно заявил Ява и, прихватив тарелку, направился к балкону.

— Не помнишь, что под окном? Клумба или тротуар?

Он щелкнул шпингалетом, вышел на балкон и поставил тарелку на перила. Вечер медленно переходил в ночь, запах моря усилился, и уже сияла над заливом первая звезда.

Ветер дальних странствий реял над городом, навевал мысли о неведомых странах, о далеких путешествиях, будоражил воображение, шептал о сказочном и, казалось, что вот-вот, окутанный сиреневыми сумерками, войдет в гавань сам «Летучий голландец» с истлевшими парусами на мачтах и мертвым экипажем на борту.

В такие моменты душа требовала чего-то особенного, каких-то исключительных, незаурядных поступков и Ява эти поступки совершил. Серебряной вилкой подцепил он кусок Алининого кушанья и швырнул вниз.

— Прощай, мясо «Дофин»!

Перегнувшись через перила, он проследил траекторию полета.

— Ява! — тревожно окликнул из комнаты Ньялсага.

— Все нормально. Жертв и разрушений нет… пока. Неси свою порцию!

— Ява!!!

Проводив взглядом последний кусок, исчезнувший в кустах, он довольно улыбнулся, повернулся, и нос к носу столкнулся с Алиной.

За ее плечом маячил Ньялсага, делая отчаянные знаки.

— Где мясо «Дофин»? — железным голосом осведомилась она.

— А я… знаешь ли… э… хотел поесть на балконе, закатом полюбоваться, поставил вот сюда тарелку и потом… нечаянно…

— Видишь, Алиночка, какое неуважение к твоему искусству, какая непочтительность к французской кухне, — заторопился

Ньялсага, до глубины души поражая приятеля лицемерием. — А вот я честно все съел! До последней крошки!

Алина посмотрела на одного, на другого и рявкнула:

— Вон отсюда!

… Во дворе изгнанные из дома друзья остановились. Ньялсага посмотрел на плывущую в вечернем небе кривобокую луну, посвистел любимую песенку «Три почтенные старушки».

— Что, поймали тебя с поличным? Теперь Алине на глаза и не попадайся!

Он полез в карман, достал сверток с мясом.

— Отстань, Лукерья, это не для тебя! Сиди здесь и жди, я сейчас…

Он подошел к подвалу, посвистел. Никто не отозвался.

— А вот мясо «Дофин»! — громко объявил Ньялсага, разворачивая салфетку с Алининой стряпней. — Есть желающие попробовать?

Из темноты подвала потянулись разномастные собачонки. Это были городские дворняжки, пугливые и жалкие, как маленькое, побитое неприятелем войско. Они чуяли запах, но подходить близко опасались: умудренные жизнью в большом городе, собачонки хорошо знали цену людям, и цена эта была невысока.

Ньялсага положил угощение на землю и махнул рукой.

— Налетай, ребята! Только Алине не говорите, а то она меня проклянет.

Собачонки выждали, пока он отойдет подальше, а потом дружно налетели. Ява брезгливо посторонился, когда одна из них прошмыгнула рядом.

— А ты свою порцию выбросил, — попенял ему Ньялсага. — Лучше б народ покормил!

Ява поморщился:

— Еще чего. Я собак терпеть не могу.

— Вот это ты зря, — не согласился Ньялсага.

— Разносчики заразы, санитары помоек… и, кстати, Лукерья твоя линяет все время, так что скажи ей, чтоб она ко мне и близко не подходила!

— Я-то скажу, да только она меня не послушает…

Еще одна тень выскользнула из кустов и, крадучись, двинулась к пирующим дворняжкам: на запах мяса спешила тощая серая кошка.

Ньялсага торопливо посторонился.

— Все еще шарахаешься от них? — вздохнул Ява. — Хватит уже… здесь души погибших магов не вселяются в серых кошек.

Тут и магов-то кроме тебя нет!

— Привычка… — пробормотал Ньялсага, опасливо наблюдая за кошкой.

А та, схватив кусок мяса, шмыгнула в темный подвал и только ее и видели.

Громко хлопнула дверь подъезда, две девушки, весело переговариваясь, прошли мимо, за ними тянулся шлейф тонкого аромата духов.

Ява проводил девушек взглядом и заторопился.

— Ладно, мне пора. Ты можешь тут хоть всю ночь торчать, а я домой поехал!

— Как же, домой ты поехал, — проворчал Ньялсага.

Он подождал, пока собачонки прикончат ужин, кликнул Лукерью, бродившую в зарослях сирени и направился к «Зеленому дракону», насвистывая песенку о почтенных старушках.

…По утрам в кофейне «Последний белый слон» народу было — не протолкнуться. Зато часам к одиннадцати, когда на парковку кофейни, лязгая и громыхая, приползал «Зеленый дракон», обстановка становилась самой приятной: тихо, пахло кофе, свежими газетами, и посетителей — всего ничего.

Ньялсага устроился у окна и приготовился немного поработать: разложил карандаши, ручки, вынул синий ежедневник, а Лукерье велел лежать под столом тихо и никому не мешать.

Из-за стойки появилась белокурая красавица с подносом в руках — та самая, что разговаривала с ним накануне — а на подносе у нее стояла большая белая чашка с кофе и блюдечко сухариков для Лукерьи.

Ньялсага взял чашку, да так неловко, что на мгновение коснулся пальцев девушки. Она, впрочем, прикосновения и не заметила — поставила блюдечко и отошла.

Он смотрел ей вслед.

В момент, когда их пальцы соприкоснулись, открылось ему нечто невидимое человеческому глазу: аура, загадочный мерцающий ореол, невидимым пламенем окутывавший девушку с головы до ног. Цвет ауры переливался всеми оттенками фиолетового и означать это могло только одно.

— Прорицатель, — пораженно пробормотал Ньялсага, уставившись на девушку. — Самый настоящий прорицатель, Лукерья! Подумать только!

Он покачал головой, отхлебнул кофе и раскрыл ежедневник.

— Гм…. гм… первый раз встречаю здесь человека со

способностями к магии! А ведь она о них даже не подозревает. Гм… нам бы ее способности пригодились, правда?

Ньялсага посмотрел на собаку.

— Но, Лукерья, людей мы в наши проблемы не впутываем: ничем хорошим для смертных это не кончится. Так что…

Он пододвинул к себе ежедневник.

— Давай-ка займемся делом…

…На самом деле, ежедневник в синей парусиновой обложке был не чем иным, как книгой заклинаний. Ньялсага называл ее «походной», потому что она всегда находилась во внутреннем кармане его кожаной куртки. Существовала, конечно, и основная книга — но она хранилась в укромном месте, надежно защищенном магией от пожаров, воров и прочих неприятностей и никогда этого самого укромного места не покидала.

Так поступали все маги-заклинатели, так поступал и Ньялсага. У каждого из них имелось две-три «походных» книги: туда записывались заклинания, которыми приходилось пользоваться чаще всего. Разумеется, большинство магических формул чародеи зубрили наизусть, но ведь всего упомнить невозможно!

К тому же, каждый уважающий себя заклинатель постоянно работал над заклятьями, корректируя их и подгоняя под постоянно изменяющиеся обстоятельства: мир менялся, и магия должна была меняться вместе с ним. В основной книге имелись тексты, написанные на языке столь древнем, что помнили их только те, кто видел рождение солнца, но что толку было в тех заклятьях? Древняя магия больше не отражала сути. С помощью старых заклинаний можно было разве что вызвать какого-нибудь допотопного демона или древнее божество, которое вряд ли обрадовались бы такому беспокойству. Потому-то Ньялсага и корпел над заклинаниями, изменял их, составлял новые формулы и размышлял над текстами — думалось в кофейне «Последний белый слон» куда как хорошо. То, что в синий ежедневник мог заглянуть кто-нибудь любопытный, его совершенно не волновало: для человека, далекого от магии, слова заклинаний оставались всего лишь ничего не значащей тарабарщиной.

В синей книге у Ньялсаги хранились самые нужные заклинания, в основном те, что могли пригодиться в работе с «гостями»: формулы распознавания, защиты, выслеживания, личной безопасностью и многое другое. Иногда он выписывал заклятья на узкие бумажные полоски, сворачивал трубочкой и рассовывал по карманам — предосторожность никогда не помешает!

Мчались за окном автомобили, проезжали автобусы, спешили

по своим делам горожане, а кофейня «Последний белый слон» жила своей неторопливой жизнью. Иногда окна на улицу открывали и Ньялсага, отрываясь от заклинаний, прислушивался к шуму города: автомобильным гудкам, обрывкам разговоров, шелесту листвы, плеску волн, звуку шагов и пению птиц. Весь мир для него был соткан из звуков и некоторые, особенно запомнившиеся — шорох опадающих листьев осенью или свист ветра в крыльях птицы — он складывал в копилку памяти: за долгие годы у него уже собралась приличная коллекция.

Кто-то из прохожих торопливо шагал мимо, кто-то заворачивал в кофейню — все это были самые обычные люди, мало интересующиеся бессмертием и ничего не ведающие о волшебном ветре Соранг.

— Вот ведь счастливчики, — Ньялсага допил остывший кофе.

— Проживут жизнь и уйдут, когда положено. Оставят частичку себя в детях: своего рода иллюзия бессмертности…

Он посмотрел на Лукерью, развалившуюся на полу.

— Как думаешь?

В ответ собака застучала хвостом по полу.

— Понятно, — он проводил взглядом молодую пару с коляской, прошедшую мимо окна кофейни и снова пододвинул к себе толстый потрепанный ежедневник.

— Бессмертие, бессмертие… они жили долго и счастливо и никак не могли умереть…

Он вынул из кармана красный фломастер и принялся листать густо исписанные страницы.

— Вот что я скажу, Лукерья: прежде чем желать чего-то, подумай хорошенько! Может, будет лучше, если мечта так и останется мечтой?

Ньялсага вздохнул и снова углубился в работу, время от времени делая пометки на полях ежедневника.

Наконец, он откинулся на спинку стула и потер уставшие глаза.

— Знаешь, Лукерья, — сказал Ньялсага, помешивая ложечкой кофе. — А «гостей»-то в последнее время, действительно, все больше и больше. Предчувствие у меня такое, будто скоро что-то произойдет…

Он замолчал, и большая белая собака шумно вздохнула, всем сердцем сочувствуя хозяину.

— Давно хотел тебе сказать, — строго заметил Ньялсага. — Ты бы к Яве не лезла, а? Во-первых, сама знаешь, он собак терпеть не может, а во-вторых, ворчит, что ты линяешь и из-за тебя у него вся одежда в шерсти. Знаю, что ты здороваешься так, но с ним уж как-нибудь поаккуратней. Лапу подай при встрече — и хватит с

него!

Ньялсага отодвинул чашку, взял карандаш и снова уткнулся в ежедневник. Давным-давно из основной книги он выписал парочку старинных заклинаний, составленных еще в те времена, когда почти все заклятья существовали в виде стихов. При помощи затейливой магической формулы можно было укрепить невидимые границы существующего мира, но для того, чтобы заклинание заработало, требовалось подогнать архаичные вирши под реалии сегодняшнего дня.

Эта простая с виду задача оказалась не из легких, над ее разгадкой Ньялсага бился уже не один год, но результаты пока что не радовали.

Он с головой погрузился в работу и окружающий мир, шумный и многолюдный, перестал для него существовать.

Из мира магии и заклинаний в мир, далекий от волшебства, Ньялсагу вернул странный звук: будто кто-то настойчиво барабанил по стеклу.

Он поднял голову.

Вдоль окна кофейни прямо над тротуаром тянулись длинные ящики с цветами: левкоями, петуньями и душистым горошком. На одном из ящиков сидел большой черный ворон и с недовольным видом постукивал клювом в стекло, пытаясь привлечь внимание.

— Дэберхем явился. Снова гости… Лукерья, жди здесь, я сейчас.

Он направился к двери, на ходу пряча ежедневник во внутренний карман, а ворон, тем временем перелетел на перила веранды и пренебрежительно покосился на рыжего бездомного кота, шнырявшего поблизости.

— Что скажешь? Опять?! Хотел бы я знать, кто тут появится, в конце концов… — Ньялсага облокотился на перила. — Кто на этот раз? Кто? Что значит «предположительно»? Поточнее нельзя?

Дэберхем каркнул с явной насмешкой. Заклинатель хмыкнул.

— Ишь, шутник! Ладно, возвращайся к Цолери.

Громко хлопая крыльями, ворон поднялся в небо.

Ньялсага проводил его взглядом, вернулся в кофейню и вынул мобильный телефон.

…Казалось бы, любой из «попаданцев», невесть как оказавшийся в незнакомом мире, должен был несказанно радоваться тому, что отыскались доброхоты, вызвавшиеся немедленно вернуть его обратно, туда, откуда он прибыл. При встрече со столь благородными и великодушными людьми, полагалось бы радоваться им, как родным, ликовать и бросаться

на шею со слезами радости и умиления.

А, вот, поди же! Гости если и бросались, то исключительно с дурными намерениями, при этом щелкали зубами и завывали так, что кровь в жилах стыла. Подавляющее большинство существ, попавших в этот мир, в дружеской беседе были не расположены, а желали, к примеру, закусить с дороги и в качестве обеда почти всегда выбирали тех, кто собирался им помочь.

Ньялсага припомнил гоблинов, что наведывались сюда в прошлом месяце. Веселые компанейские ребята, с которыми ухо надо было держать востро и лишний раз спиной не поворачиваться. Конечно, в людоедстве гоблины замечены не были, но скажем прямо — это было единственное, в чем их еще не заметили. Племя гоблинов славилось непредсказуемостью и любило ставить в тупик тех, кто самонадеянно полагал, что изучил гоблинскую породу вдоль и поперек. Жизнь подобных знатоков заканчивалась на удивление быстро.

Поэтому, в сложных случаях (а таковыми бывали почти все случаи, за редким исключением), Ньялсага долгих разговоров с «попаданцами» не вел, традиционной фразы: «Я знаю, кто ты!» не говорил и магическим эликсиром не поливал. Он предпочитал пользоваться другими методами — грубоватыми, но эффективными: благо, в «походной» книге заклинаний имелись подходящие заклятья. И только лишив непрошенного гостя возможности немедленно разорвать заклинателя в клочки, можно было чувствовать себя в относительной безопасности и приступать к душевным разговорам.

Ньялсага убрал в карман куртки потрепанный синий ежедневник и взглянул на очередного гостя.

В невидимой магической сетке билось существо, отдаленно напоминающее на редкость уродливую старуху с длинными седыми волосами, заплетенными в две косы, горбатым носом и свисающими из-под верхней губы длинными пожелтевшими зубами. На сутулые плечи старухи был наброшен серый заплатанный плащ, из-под которого виднелись заскорузлые босые ноги.

Еще одним заклинанием Ньялсага стянул сетку потуже и «гостья» лишенная возможности пошевелиться, распахнула рот, больше похожий на звериную пасть, усеянную острыми зубами, чем на обычный человеческий рот, и пронзительно завизжала.

— Чтоб тебя! — Ньялсага поспешно пробормотал нужные слова и страшная старуха словно онемела: она по-прежнему разевала рот, но оттуда не доносилось ни звука.

Догадавшись, что визга не слышно, старуха захлопнула жуткую пасть и злобно уставилась на людей.

— Вот так-то лучше, красавица, — выдохнул Ньялсага, вытирая со лба пот. — Ну и ну! Баньши! Ява, ты как?

— Чего? — переспросил тот, громче чем обычно: от пронзительного визга у него заложило уши и все звуки доносились словно сквозь толстый слой ваты. — Кажется, нормально.

Ворон, сидевший на нижней ветке дерева, нетерпеливо каркнул.

— Все в порядке, Дэберхем, — бросил Ньялсага. — Передай Цолери: мы ее нашли.

Однако Дэберхем улетать не торопился. Ньялсага обошел кругом туго спеленутую магической сетью старуху и покачал головой:

— Визг баньши запросто может свести человека с ума, поэтому я наложил на тебя кое-какое заклинание. Оно будет действовать сутки, а за это время мы тебя отправим туда, откуда ты явилась. Поняла? До этого будешь говорить нормальным человеческим голосом.

Старуха злобно оскалилась.

— Будешь, будешь, деваться тебе некуда. Времени у нас много, разговору никто не помешает, потому что сюда, на эту аллею, никто не заглянет, — на всякий случай Ньялсага проверил заклинание — простенькое, известное даже начинающим магам, однако черезвычайно полезное: теперь эту часть парка случайные прохожие, сами того не замечая, будут обходить стороной.

— Отлично, — Ньялсага уселся на корточки перед плененной баньши и подпер кулаком щеку.

— Ну, что, красавица, скажи-ка давно ли ты сюда попала?

Баньши беззвучно провизжала что-то, и заклинатель прекрасно ее понял.

— А вот такими словами выражаться не нужно… я всего лишь проявил разумную осторожность. Не повредит тебе заклинание, не возмущайся. Как тебя зовут? Как?! Не обзывайся, лучше назови свое имя! Я, конечно, могу его из тебя при помощи магии вытащить, но предпочитаю все узнавать по-хорошему… пока что.

В голосе человека прозвучала еле различимая угроза. Глаза уродливой старухи забегали, она открыла рот и прошипела, будто выплюнула, какое-то слово

— Мэргрид, — понимающе кивнул Ньялсага. — Слышал, Ява?

— Слышал.

Ньялсага снова перевел взгляд на баньши.

— Ну, Мэгрид, и давно ты здесь? Ясно… а чем занималась?

— Спроси, не прихлопнула ли она тут кого, — посоветовал агент Ява. — Старушка бойкая, от такой чего угодно ожидать

можно!

— Слышала? Отвечай, Мэргрид!

Старуха устремила на Яву свирепый взгляд маленьких бесцветных глаз.

— Пытается меня соблазнить, — самодовольно сообщил Ньялсаге Ява. — Я ей понравился!

— Еще одна жертва твоего нечеловеческого обаяния? — пробурчал Ньялсага. — Старовата она, по-моему. Советую ограничиться юными столетними ведьмами, как в прошлый раз.

— Две чудесные ведьмочки-близняшки, — мечтательно вздохнул Ява. — Мы славно скоротали время до рассвета. Я их немного просветил: всю ночь показывал местные достопримечательности, водил в библиотеки, на выставки, экскурсии…

— То-то они утром уходить не хотели, — хмыкнул Ньялсага и снова обратился к баньши. — Мэргрид, у меня к тебе серьезный вопрос: ты никого не убила в этом городе?

Старуха буркнула что-то и отвернулась.

— Говорит, что нет… — Ньялсага поднялся на ноги. — Сейчас проверим.

Он сделал баньши знак, она нехотя встала.

— Смотри мне в глаза, — приказал заклинатель.

Старуха дернулась, насколько ей позволяла магическая сетка, и нехотя подняла голову.

— Смотри в глаза, — жестко повторил Ньялсага. Из-под нависших век блеснули блеклые глазки баньши и в тот миг, когда взгляды заклинателя и Мэргрид встретились, Ньялсага пробормотал пару строк из длинного старинного заклятья. Для человеческого уха они звучали всего-навсего потоком архаичной бессмыслицы, на баньши же слова заклинания подействовали именно так, как полагалось. Зрачки ее глаз на мгновение расширились, старуха покачнулась и упала бы, если б не удержала ее незримая крепкая сеть.

— Она сказала правду, — Ньялсага помахал рукой, разгоняя невидимое облако магической энергии.

Баньши потрясла головой, длинные седые косы скользнули по плечам старухи, как змеи.

— Что? — спросил Ньялсага. — Нет, убивать тебя я не собираюсь. Чего? Да, могу и слово дать. Хорошо, хорошо… даю тебе слово заклинателя!

Старуха исподлобья взглянула на него и оскалила длинные зубы.

— Зачем поймал? — продолжал разговор Ньялсага. — Зачем, что пора тебе домой, загостилась ты здесь! На рассвете уйдешь…

угадала, я тебя и верну! Да, совершенно точно. Повезло тебе, Мэргрид, что мы с Явой тебя первыми нашли, потому что есть тут еще кое-кто и эти «кое-кто» о тебе тоже знают…

Он задумчиво посмотрел на Яву.

— Что ж нам с ней делать: оставить в таком виде до утра или вернуть здешний облик?

— Славная старушка, — проговорил Ява, рассматривая баньши. — Пусть так остается, мне нравится.

Баньши злобно блеснула глазами.

— Так ты не врал? Тебе и старушки нравятся? — озадаченно спросил Ньялсага.

Ява скромно пожал плечами.

— Ладно, демон с ней… верну человеческий облик! — Ньялсага махнул рукой. — Но дай мне слово баньши Мэргрид, что когда я с тебя сеть сниму, ты нападать не будешь!

Он поразмыслил немного и уточнил:

— Ни физически, ни магически!

Уточнение было нелишним: баньши славились изворотливостью и коварством и всегда старались обернуть данное человеку обещания против него же самого.

Пленница прищурила глаза, подумала и медленно кивнула.

— Хитрая бестия! Пытаешься обмануть? Не выйдет, — предупредил Ньялсага, не спеша освобождать ее. — Давай-ка, Мэргрид, делать все, как полагается: произнеси обещание вслух. Без этого, сама знаешь, клятва силы иметь не будет!

Баньши нехотя прошипела несколько слов и тут же магическая сеть с легким звоном рассыпалась зеленоватыми искрами.

Вместо старой уродливой карги перед Явой и Ньялсагой появилась невысокая девушка с самой заурядной внешностью, одетая без особых изысков: в летнюю ветровку, поверх серой футболки и хлопковые мятые штаны. Светлые, небрежно постриженные, волосы Мэргрид были собранные в пучок дешевой пластмассовой заколкой, на ногтях виделся облупившийся розовый лак.

— Дивный гардеробчик. Наверное, с ближайшей помойки? — бестактно поинтересовался Ява.

— Ничего ты в моде не понимаешь, — не согласился Ньялсага. — Вся молодежь эдак одевается. Стиль такой… забыл, как называется!

Девушка топнула ногой.

— Приказываю заткнуться! Немедленно! И впредь говорить только после моего разрешения!

Ньялсага и Ява переглянулись.

— Ого, — сказал слегка опешивший Ява.

— Я — баньши Мэргрид, дух умершей знатной эльфийки, — объявила девушка, сверля взглядом стоявших перед ней мужчин. — А вы — простолюдины, низшее сословие! Приказываю вам знать свое место!

Она вытянула указательный палец в сторону Ньялсаги.

— Это тебе выпала честь вернуть меня обратно в мой мир?

— М-м-м… да. Выпала.

— Так отчего же ты медлил?! — вскричала разъяренная баньши Мэргрид. — Мне пришлось ждать? Ты должен был сразу отыскать меня, а ты не торопился! Поэтому…

Она смерила Ньялсагу негодующим взглядом.

— Приказываю тебе покончить с собой!

Черный ворон вспорхнул со спинки скамьи и подлетел поближе.

— Выполняй приказ, — сказал Ява, покосившись на Дэберхема.

Ньялсага пожал плечами.

— Я бы с удовольствием, только кто ж тебя, Мэргрид, обратно отправит? Разреши, я сначала домой тебя верну, а уж потом покончу с собой?

Баньши на мгновение задумалась.

— Разрешаю, — нехотя процедил она. — Но это еще не все!

— А что еще?

— Кто посмел наделить меня таким обликом? Почему я выгляжу, как прачка или служанка?! Если бы вы видели меня настоящую…

— Мы видели, — вставил Ява.

— Я была красавицей, — не слушая его, продолжала баньши. — Почему здесь я стала такой… такой обычной?!

Ньялсага развел руками.

— Этого я не знаю. Любое существо, что попадает сюда, приобретает человеческий облик, вот только выбрать этот облик невозможно. Приходится, как говорится, брать, что дают!

Баньши кивнула на Яву.

— Лжешь! Уж он-то точно не обошелся без магии!

— Никакой магии, Мэргрид. Он так выглядит на самом деле, ему просто повезло. Ява любимчик судьбы, ему всегда достается все самое лучшее!

Баньши скривилась.

— Глупо, — проворчала она. — Человеческая жизнь коротка. Он и глазом моргнуть не успеет, как станет дряхлым безобразным старцем, а потом умрет. Так ему и надо!

Услыхав такое, Ява задумался

— Предлагаю лишить ее дара речи, — вполголоса предложил он Ньялсаге. — До утра, а?

Тот отмахнулся.

— Мэргрид, пора нам ехать в агентство. Там…

Баньши насторожилась.

— Куда?

— Это место, где все, не принадлежащие этому миру, дожидаются рассвета, — пояснил Ньялсага и принялся искать в карманах куртки ключи от «Зеленого дракона». — Ты там посидишь до утра в приятной компании… — он кивнул на Яву.

— Что?! Я? Почему я?

— Потому что твоя очередь, — Ньялсага вытащил ключи. — Не делай вид, что забыл.

Баньши Мэргрид заартачилась.

— Не желаю! — громко заявила она.

— Видишь, она не желает! — заторопился Ява. — Лучше ты сам с ней…

Ньялсага покрутил на пальце кольцо от связки ключей.

— С какой стати? Я в прошлый раз сидел. В общем так: до рассвета баньши Мэргрид под твоей опекой. Гостья дала слово не причинять вреда, так что опасности никакой. Уговори ее поехать в «Аргентину», только без… э…культурной программы. Чтоб не получилось так, как с ведьмами-близняшками, понял? Задача ясна?

— В общих чертах, — вздохнул Ява, еще не вполне осознавая всей глубины распахнувшейся перед ним бездны.

— Вот и отлично. Ну, мне пора. Срочные дела!

Ньялсага сделал несколько шагов по направлению к выходу из парка, но вдруг остановился.

— Ява! — предостерегающе сказал он. — Только не приводи ее в «Последний белый слон»! Понял? Не приводи!

— Стой, стой! Может, вызовем Алину?

Но Ньялсага уже исчез.

…Когда «Зеленый дракон», дребезжа и завывая, протащился мимо сквера и скрылся за поворотом, Ява вздохнул и приступил к делу.

— Вот что, Мэргрид, — проговорил он тоном, не терпящим возражений.

— Сейчас мы с тобой поедем кое-куда и до утра…

— Что случилось с ведьмами? — перебила Мэргрид.

— Ничего. Заклинатель отправил их обратно — и дело с концом.

Баньши недовольно скривилась.

— Ваш заклинатель происхождения неблагородного, это сразу видно. Наверное, из купеческого сословия? Нынче в Гильдию магов кого только не принимают. Пусть немедленно вернется: он нужен мне для важного разговора!

— Он не вернется. Слышала же: срочные дела.

— Врет, — высокомерно обронила баньши.

— Врет, — согласился Ява. — Можешь поговорить со мной.

— Я не веду бесед со слугами. Или ты ученик чародея? Зубришь заклинания, постигаешь тайны волшебства? — небрежно поинтересовалась Мэргрид, искоса взглянув на Яву.

— Нет, я к магии никакого отношения не имею, — честно признался тот.

Словно ледяная волна ударила ему в лицо и слова замерли у него на губах. Лицо девушки, стоявшей перед ним, исказилось хищной гримасой, растянувшиеся в улыбке губы приподнялись, обнажая длинные острые клыки. Быстрее молнии баньши бросилась на стоявшего перед ней человека — и тут же будто чья-то крепкая рука отшвырнула ее назад. Мэргрид грохнулась спиной на асфальт, в мгновении ока вскочила на ноги, зашипела и бросилась снова, пытаясь преодолеть невидимую границу, прочностью не уступающую кирпичной стене.

— Даже не пытайся, — спокойно предупредил Ява. — Ничего не получится.

Приготовившаяся к прыжку баньши, замерла.

— Почему? — проскрежетала она.

Ява вытащил кармана плаща серебряную монетку на тонкой цепочке.

— Неужели ты думаешь, заклинатель отправил меня на прогулку с такой симпатичной дамой, без подходящего амулета?

Он посмотрел на обескураженную баньши и усмехнулся.

— Превращайся-ка обратно, не валяй дурака.

Через секунду на месте баньши стояла, сердито сверкая глазами, прежняя девушка.

— Защита от чужой магии? — в голосе ее звучала досада. — Мог бы и предупредить!

— Предупреждаю, — Ява убрал амулет. — Я хоть и не ученик чародея, но кое-чему научиться пришлось. Кстати, — он взглянул на баньши. — Не ты ли давала слово не нападать на нас?

Мэргрид поправила растрепавшиеся волосы.

— Я давала его не тебе, — буркнула она, пошарила по карманам и вынула упаковку жевательной резинки.

— Обычная уловка баньши? Что ж, женщины на меня, конечно, и раньше нападали, но… гм… с другими целями.

Баньши фыркнула, разворачивая упаковку.

— Кто это такой и почему ваш заклинатель разговаривал с ним? — она ткнула пальцем с сторону черного ворона, сидевшего на спинке скамейки.

— Это Дэберхем. Цолери, его хозяин, чувствует, когда сюда кто-то проникает и сообщает нам. Мы отыскиваем вас и отправляем обратно.

Баньши скептически посмотрела на ворона.

— Что-то не скоро его хозяин меня обнаружил!

— Цолери может почуять другое существо лишь тогда, когда оно хоть на мгновение обретет прежний облик, — пояснил Ява. — Те, кто сюда попадает, выглядят, как люди. Но все они тяготятся человеческим обличьем, каждому хочется хоть не надолго снова стать самим собой.

Глаза Мэргрид сузились.

— Существо?! Ты уже во второй раз называешь меня так! Запомни: я тебе не существо. Я — дух злой умершей эльфийки! Она была довольно знатной особой и красавицей, как все эльфийки. Разумеется, когда я стала духом, я унаследовала ее красоту. Понял?

Ява кивнул.

Мэргрид окинула птицу пренебрежительным взглядом.

— Моя эльфийка всегда посылала с письмами феникса. Ворон — это для простолюдинов или для магов-бедняков, которые не могут наскрести денег на приличную посыльную птицу!

Дэберхем склонил голову набок и уставился на Мэргрид так, словно не верил своим ушам.

— Когда я была жива и так прекрасна, что мужчины развязывали из-за меня войны…

— Войны?

— Ну, почти, — небрежно сказала Мэргрид, засовывая жвачку в рот. — Мне присылали щедрые дары и заваливали любовными письмами. Но если бы какой-нибудь воздыхатель прислал мне послание с вороном, то тут же получил бы от ворот поворот. Бедняки меня не интересовали. Моя красота требовала достойного финансового обрамления!

Мэргрид вытащила из кармана дешевое круглое зеркальце, посмотрела на собственное отражение и поморщилась.

— Все-таки, досадно, что ваш маг… как там его имя… так бестолков, что не может сделать так, чтоб я выглядела, как прежде! Существовать с подобной внешностью, все равно что ходить в лохмотьях — никто на тебя и внимания не обратит.

Дэберехем сорвался со спинки скамейки и, шумно хлопая крыльями, взмыл в небо.

Ява проводил птицу завистливым взглядом.

— Может быть, все-таки поедем в агентство?

Мэргрид спрятала зеркальце в карман.

— Нет!

— Но почему?!

Терпение баньши лопнуло.

— Приказываю тебе понять, что я — дух! А духи и привидения не могут показываться на улице среди бела дня. Сейчас же, в этом отвратительном облике простолюдинки я, по крайней мере, могу пройтись под солнцем. Когда же я в последний раз видела солнце? — она задумалась. — Не помню. Кто знает, когда я увижу его еще раз?

Мэргрид решительно двинулась по дорожке.

— Ты можешь развлекать меня приятным разговором. Рассказывай что-нибудь интересное.

— Что же? — обреченным тоном спросил Ява.

— Кто вы такие? Почему ворон приносит известия именно вам?

— Долгая история, — проговорил Ява. — Слышала что-нибудь про Соранг?

Она кивнула.

— Конечно. Волшебный ветер, который прилетает раз в сто лет и непременно в самую короткую летнюю ночь. Говорят, если знать особое заклинание и оказаться на морском берегу в нужное время, то можно поймать Соранг. Тогда он исполнит любое твое желание — правда, всего одно. Но горе тому, кто…

Внезапно Мэгрид остановилась, как вкопанная.

— Желания, точно! Как я сразу не догадалась!

Она уставилась на собеседника.

— Как только я увидела вас, сразу почувствовала: что-то тут не то! Значит, вы… ты?! И заклинатель — тоже?! Так я и знала!

Мэргрид захохотала так громко, что шедший впереди старичок с авоськой оглянулся и перешел на другую сторону аллеи.

— Ну и дураки же вы, что связались с волшебным ветром!

Настроение у баньши улучшилось. Она смерила Яву взглядом с головы до ног:

— И что попросили? Погоди, погоди, не говори. Я угадаю сама!

Мэргрид остановилась возле ажурной кованой решетки сквера. По вечерам в сквере собиралась молодежь и гремела дискотека, но по утрам царила настоящая идиллия: прогуливались по дорожкам мамаши с колясками, бабушки выгуливали внучат, а в большой песочнице два карапуза, под присмотром молодого отца, лепили куличики.

— Денег? Славы? Красоты? Бессмертия? — вслух перечисляла баньши, сосредоточенно сдвинув брови.

Она покачала головой и пошла дальше, Ява двинулся следом.

— Красота тебе не нужна, значит, ты пожелал чего-то другого. Ты богат? — деловито осведомилась Мэргрид.

— Не очень. Финансово обрамить твою красоту не получится.

— Жаль. Знаменит?

— В определенных кругах, — скромно ответил Ява.

— Наверное, в женских? Хвастун, как все мужчины, — пренебрежительно бросила Мэргрид. — Стало быть, славы и богатства у тебя нет? В другое время я на тебя и не взглянула бы!

Она покосилась на Яву.

— Значит, ты не богат, не знаменит, не…. Что же остается?

Погрузившись в раздумья, баньши дошла до пестро раскрашенного павильончика, где торговали мороженым, свернула на боковую аллею и внезапно остановилась, как вкопанная.

— Сколько тебе лет? — прищурившись, спросила Мэргрид.

Ява усмехнулся.

— Смотря что считать годами… ну, скажем, двадцать восемь.

— И как долго тебе двадцать восемь?

Он промолчал.

— Так я и знала! — торжествующе воскликнула баньши. — Бессмертие! Вот что вы попросили у Соранга!

Она направилась к скамейке, что стояла неподалеку от детской песочницы.

— Все-таки, что ни говори, я не только очень красива, но еще и черезвычайно умна. Сразу догадалась! А вот вы, поймавшие Соранг, тупее гоблинов! И ты, и ваш заклинатель, и… а здесь есть еще кто-то, отмеченный волшебным ветром?

Ява кивнул.

— Шайка бессмертных, вот вы кто! — обличающим тоном объявила баньши. — Недостойная ни жалости, ни снисхождения. Попросили у Соранга вечной жизни? Так вам и надо!

Мэргрид уселась на скамейку и обвела сквер веселым взглядом.

— Наверное, радовались, получив дорогой подарок?

— Слишком дорогой, — неохотно ответил Ява. — Надо было сначала посмотреть, какая цифра стоит на ценнике «Бессмертие».

— Что-то ты не очень-то рад, — вкрадчивым голосом продолжала баньши. — Уже надоело жить вечно?

Ява сел на скамью и откинулся на жесткую высокую спинку.

— Не особенно. Мы стали бессмертными не так давно.

Баньша Мэргрид хихикнула.

— И на что вы собираетесь тратить вечные жизни?

— Пока не знаем, — пожал плечами Ява. — Может, захватим власть над миром и будем повелевать смертными, может, объявим себя мировым злом и развяжем войну, а может быть, придумаем что-нибудь еще.

Баньши одобрительно кивнула, Ява покачал головой.

— Вижу, с чувсвом юмора у тебя не очень. Ладно, тогда поговорим о тебе. Женщины это любят.

— Я — Мэргрид, дух умершей злой эльфийки! — отчеканила баньши.

— Чем ты занималась в своем мире, Мэргрид?

— Сеяла зло, чем я еще должна заниматься? Моя эльфийка была очень, очень злой. Я совершала различные злодеяния, а, кроме того, пугала глупых смертных.

Она отыскала в кармане жвачку и сунула в рот.

— Существует уйма древних поверий, где говорится, что человек, услышавший вой баньши, непременно умрет. Я обожала приводить в ужас целые деревни. Бывало, повоешь совсем немного, а глупые люди еще месяц-другой трясутся от страха и готовятся к смерти! Такие доверчивые, — Мэргрид вздохнула. — Некоторые дураки действительно умирали… от страха. Еще баньши подстерегают одиноких путников и пугают до смерти. Это очень просто делается: достаточно надеть что-то белое, распустить волосы и появиться темной ночью на дороге. Осенью, когда во всех городах королевства бывают ярмарки и народ только и делает, что разъезжает по дорогам, работы у меня невпроворот.

— Ясно.

— Да. Уж не знаю, что такого ужасного в белой одежде и распущенных волосах, — пробормотала баньши, погрузившись в приятные воспоминания.

— Надеюсь, тут ты этого не делала?

Мжргрид передернула плечами и вскочила на ноги.

— Здешние простолюдины поражают необразованностью, — с досадой бросила она и устремилась к выходу из парка. Ява поспешил за ней.

— Я как-то добрых полчаса выла на пустыре, надеясь напугать хоть кого-то — и что? Какой-то человек высунулся из окна и завопил: «Уймите эту чертову собаку»! И все! И это вместо того, чтобы устрашиться и, возможно, умереть!

Они вышли на солнечную оживленную улицу.

— Однако, в пребывании здесь имеются свои преимущества, — продолжала Мэргрид. — Я могу показаться на улице днем, я вижу свое отражение. В своем мире я тоже могу

отражаться, — добавила она. — Но только в волшебных зеркалах, а они не всегда под рукой.

Мэргрид остановилась напротив веранды небольшого кафе, уставленной столиками.

— А еще я могу чувствовать запах пищи и даже ощущать ее вкус. Желаю зайти сюда. А ты велишь трактирщику подать лучшие блюда!

— Непременно. Ладно уж, заходи…

Пока Мэргрид устраивалась за столом, Ява вытащил из кармана телефон и набрал номер. После пары длинных гудков в трубке раздался знакомый голос.

— Алина, — проговорил Ява, стараясь говорить как можно естественней: на любое вранье у нее был прямо-таки феноменальный нюх. — Где ты?

— В школе, — с легким недоумением отозвалась она. — А что?

— Разве Ньялсага не говорил, что после обеда ты должна работать с гостьей? Он же тебе звонил!

Алина изумилась еще больше.

— Когда?! Погоди-ка… — она замолчала. В трубке слышались чьи-то приглушенные робкие голоса, не иначе звонок застал Алину-барракуду в разгар воспитательного процесса. После небольшой паузы она вернулась к разговору.

— Ява, ты тут?

— Тут, тут.

— Марш отсюда, Соловьев! — неожиданно громко скомандовала кому-то Алина. В трубке послышался звук шагов, потом хлопнула дверь.

Ява, бывший в курсе сложных отношений Алины и пятиклассника Соловьева, невольно улыбнулся.

— Тролль побери, с сегодняшним педсоветом у меня все из головы вылетело! — пожаловалась Алина. — Хоть убей, не помню, чтоб Ньялсага мне звонил.

— При мне звонил, я прекрасно помню!

— А я — нет. Но раз ты говоришь… — Алина чем-то звякнула, будто положила на стол связку ключей. — Я сейчас позвоню ему и…

— Не надо, — быстро сказал Ява. — У него с телефоном что-то… то ли сломался, то ли разрядился. А сам Ньялсага с утра в «Белом слоне» сидит, заклятья переводит. Просил не беспокоить! Так что приезжай-ка ты прямо сюда, я тебя быстренько введу в курс дела!

Она вздохнула.

— Ладно. Куда ехать?

…Официантка принесла заказ: две чашки кофе и большую тарелку с фруктовым салатом, который пожелала отведать Мэргрид.

Баньши придирчиво изучала поданное блюдо.

— Готовили для простолюдинов, сразу видно. Передайте хозяину, что я очень, очень недовольна его трактиром. Пусть утопится в котле с похлебкой!

Она небрежно махнула рукой официантке.

— Приказываю удалиться!

Ява украдкой взглянул на часы: Алина должна была появиться с минуты на минуту.

— Моя эльфийка к этому и не прикоснулась бы, — сообщила баньши, уписывая салат. — Она предпочитала изысканную пищу. У вас здесь и понятия не имеют о хорошей еде.

Хлопнула служебная дверь, в зале появился невысокий коренастый мужчина средних лет. Поверх одежды у него был повязан длинный черный фартук, в нагрудном кармане рубашки виднелся потрепанный блокнот и карандаш, а через плечо было переброшено белоснежное кухонное полотенце. Мужчина приблизился к столу, за которым сидели Ява и баньши.

— Мне передали, вы чем-то недовольны? — вежливо осведомился он у Явы. — Чем именно?

Он взглянула на Мэргрид и выражение лица у него сделалось таким, будто он только что съел целый лимон.

— А, это ты…

Ява поднял на мужчину удивленный взгляд.

— Вы знакомы? Но… как… каким образом? Мэргрид?

— Она у меня официанткой работала, — тяжело вздохнул мужчина. Целых два дня. Это были самые тяжелые два дня в моей жизни!

— Официанткой?! — переспросил Ява, чувствуя, что его изумление достигает каких-то совсем уже невероятных пределов.

— Ну да, — небрежно сказала Мэргрид, с преувеличенным вниманием рассматривая в тарелке листики мяты. — Первый раз в жизни попробовала сама заработать себе на кусок хлеба. Мне не понравилось.

— Я из-за тебя половину клиентов растерял! — в отчаянии воскликнул хозяин, вытирая лоб полотенцем. — Думаешь, легко было постоянную клиентуру создать?! А ты за два дня…

— Что она натворила? — перебил Ява, покосившись на баньши.

— Путала заказы, дерзила, а если посетитель ей не нравился — а не нравились ей все до одного! — отказывалась приносить еду. Слышали бы вы, как она разговаривала с людьми!

Баньши Мэргрид сверкнула глазами.

— Я говорила с ними так, как они того заслуживали!

Хозяин в отчаянии воздел руки к небу.

— По-твоему, так нужно разговаривать с постоянными посетителями?!

Баньши принялась яростно кромсать вилкой ягоды в салате.

— Однажды, — продолжал несчастный хозяин, снова промокая пот со лба. — Она, ни с того, ни с сего, объявила, что намерена сообщать посетителям их последние слова.

— Что? — переспросил Ява. — Это как?

— Дескать, имеется у нее такой редкий дар: предвидеть, что скажет человек в последние минуты свой жизни. Мол, это привлечет массу новых клиентов, ведь каждому будет интересно узнать… а что получилось?! Люди и заходить к нам боялись! Человек появляется на пороге, а она ему в лоб: «Перед смертью ты скажешь: «Черт, этот люк во дворе так и не закрыли!». Понятное дело, посетитель улепетывает прочь и впредь обходит мое кафе десятой дорогой!

— Я хотела…

— А повар?!

Хозяин бросил взгляд в сторону кухонного окна, где сновал усатый коротышка в белоснежном колпаке.

— Он не умеет готовить, — высокомерно процедила баньши. — Гномы — никудышные повара, это всем известно!

— Слышали? — страдальческим голосом обратился хозяин к Яве. — Повара она постоянно называла гномом, а он, между прочим, терпеть не может шуточки про свой рост!

Он покачал головой.

— Клянусь, если бы я еще раз встретил того парня, что привел ее сюда и уговорил взять на работу, я бы… я бы… чтоб ему до конца его дней черствыми булочками питаться!

Хозяин вытер лысину кухонным полотенцем.

— А ведь как уламывал, как уговаривал! «Характер, говорил, золотой, нрав добрый! Девушка трудолюбивая, прилежная». Как же!

Мэргрид сузила глаза.

— Твоими последними словами будут…

— Замолчи! — в ужасе воскликнул он и махнул на нее полотенцем. — И слушать не желаю!

— Что за парень? — рассеянно поинтересовался Ява, поглядывая в окно: не спешит ли подмога в лице Алины.

— Заходил к нам частенько, все кофе с пирожными покупал, — нехотя проговорил хозяин. — Услышал, что официантка у нас уволилась, ну и привел свою знакомую, — он

указал на насупившуюся Мэргрид. — Такой, — хозяин наморщил лоб, припоминая. — Худой, темноволосый… все в кожаной куртке ходил и в перчатках таких… с обрезанными пальцами. Что ему до смерти горелой яичницей питаться!

Ява насторожился.

— Что-что?! — не веря своим ушам, переспросил он. — Темноволосый?! В куртке? В перчатках?

Когда вконец расстроенный хозяин, наконец, отошел, Ява побарабанил пальцами по столешнице.

— Мэргрид, — осторожно проговорил он. — Этот парень, твой знакомый… он, случайно, не Гигель-некромант?

Баньши, не отрывая взгляда от тарелки с фруктами, кивнула.

…Дверь кафе распахнулась, впуская стайку шумной молодежи. Ява взглянул на посетителей: Алины все еще не было.

— Значит, Гигель, — продолжил он разговор. — Зараза кладбищенская! А нам ничего не сказал!

Баньши пожала плечами.

— Некроманты умеют держать язык за зубами.

— Это уж точно… но как вы встретились?! У нас такого еще не было, чтобы гости между собой знакомились.

— Случайно столкнулись на улице, — с неохотой процедила Мэргрид.

— И?

— Что «и»? Я сразу поняла, что передо мной — некромант, точно так же, как он сразу же догадался, что я — баньши, — недовольно буркнула она. — Думаешь, по вам не заметно, что вы тоже не принадлежите этому миру?

— Нас оставь в покое. Говори, что было потом?

Мэргрид стукнула кулаком по столу.

— Потом я, конечно же, хотела его убить!

— Почему?

— Древняя смертельная вражда. Баньши и некроманты — заклятые враги!

— Вот как, — с недоумением проговорил Ява, припоминая все, что было ему известно об отношениях баньши и некромантов. — Но Гигель вроде остался жив? То есть, он, конечно, мертв, но…

Баньши вздохнула.

— Здесь-то все по-другому, — призналась она. — Я ему даже обрадовалась: хоть кто-то такой же, как я! Мы поговорили и решили отложить убийство до лучших времен. Все равно о нашей смертельной вражде здесь никто не знает.

Ява задумчиво смотрел на нее.

— Значит, вы с Гигелем друзья?

Мэргрид подцепила на вилку кусочек банана и принялась внимательно его рассматривать.

— Еще чего! Я — дух знатной эльфийки, а он — всего-навсего обычный некромант с сельского кладбища. Мне не к лицу знаться с простолюдинами, я ему сразу так и заявила!

— А он?

— Засмеялся, — буркнула Мэргрид.

— Но зачем Гигель устроил тебя на работу?

Баньши фыркнула.

— В своем мире я — дух и мне не нужна пища, но здесь?! Как можно прожить без денег? Без еды?

Она бросила взгляд в сторону кухонного окна, за которым сновал повар в высоком белом колпаке.

— Боги за что-то прогневались на меня, — расстроено сообщила Мэргрид. — Сначала перенесли сюда, потом наделили отвратительной внешностью, затем вынудили работать в трактире и вдобавок мой единственный знакомый оказался некромантом!

Она бросила вилку и с несчастным видом уставилась в окно.

Ява взглянул на большие круглые часы над дверью, гадая, скоро появится спасение. Алина не спешила.

— А что там насчет предсмертных слов? Это правда?

Мэргрид пожала плечами.

— Конечно. Обычно люди мелют всякую чушь, — она ткнула пальцем в проходившего мимо столика человека.

— «Что это?».

Ява оглянулся.

— Где?

Мэргрид закатила глаза.

— Это его последние слова, глупец! После этого он уже ничего не скажет.

Она кивнула на веселую кудрявую официантку с подносом в руках.

— «Как такое возможно?».

Потом указала на высокую рыжеволосую женщину за столиком уличного кафе.

— «Теперь он меня не забудет».

— Странные слова…

Мэргрид пожала плечами.

— Она покончит с собой из-за несчастной любви, что тут странного?

«Скоро узнаю, существует ли Бог на самом деле?», — она проводила взглядом старушку в белом платье в горох. — «Мама!», «На том свете до фига народу, как мне отыскать бабушку?».

Глупости, глупости! — воскликнула баньши.

Ява не выдержал.

— Мои последние слова тебе тоже известны?.

— Может быть. Хочешь кзнать?

Он мгновение поколебался, потом кивнул.

В глазах баньши загорелся лукавый огонек.

— А что я получу взамен? — вкрадчиво спросила она. — Давай так, — Мэргрид перегнулась через стол и понизила голос: — Ты поведаешь мне, почему вы, бессмертные, живете здесь и не уходите обратно, в свой мир, а я скажу твои последние слова! Очень, очень выгодная сделка, приказываю согласиться!

Ява еще раз посмотрел на дверь: Алина все не было.

— Мы… мы не можем уйти.

— Но почему, почему?!

— Нас там ищут, — неохотно объяснил он. — Особенно, Ньялсагу.

— Кто ищет?! — с жадным интересом спросила баньши. — И почему они не явятся за вами сюда?

— Потому, что никто, никто не знает о существовании этого мира и никто никогда не узнает. Ясно? А теперь говори мои последние слова, и пойдем отсюда.

Баньши с довольным видом откинулась на спинку стула.

— Мне не известны твои последние слова! — торжествующе объявила Мэргрид. — Я не могу их знать: ты же бессмертный! А я так далеко не заглядываю.

Ява разочарованно хмыкнул.

— Так я и знал. Баньши всегда обманывают.

— А нечего быть легковерным, как овражный гном! От тебя никакой пользы, ты даже не рассказал мне ни одной интересной истории. А вот Гигель знал уйму забавных историй. Рассказывал часами! Я иной раз навещала его на кладбище… от скуки, разумеется.

— Он был веселый парень, хоть и некромант, — согласился Ява.

— Рассказывал о своих приключениях, о здешней жизни… чего он только не знал!

Ява усмехнулся, припомнив Гигеля.

— А потом вдруг исчез, — с досадой сказала баньши. — Пропал. И я, дух такой знатной особы, вынуждена была прочесывать все кладбища города в поисках проклятого некроманта! Куда он делся? Не то, чтобы я беспокоилась, но… у некромантов столько врагов!

— Можешь не беспокоиться, — успокоил Ява. — Ничего с ним не случилось. Он снова обитает на своем сельском кладбище,

жив-здоров, если, конечно, так можно сказать о мертвом.

Мэргрид вытаращила глаза.

— Он вернулся обратно?!

— Да.

Баньши на мгновение задумалась.

— А… на каком именно кладбище он обитает?

Ява пожал плечами.

— Не знаю, не спрашивал.

— Но почему?!

— Да как-то в голову не пришло.

Мэргрид отвернулась и уставилась в окно.

— Мог бы и поинтересоваться, — буркнула она. — Так, значит, ваш заклинатель отправит меня на рассвете? А раньше нельзя? У меня, злого духа знатной эльфийки, очень, очень много важных дел!

Ява внимательно взглянул на нее.

— Уж не собираешься ли ты разыскать своего приятеля? Я как раз собирался тебе сказать кое-что насчет…

Мимо столика с подносом в руках проплыла официантка, бросив в сторону Мэргрид неприязненный взгляд.

Баньши встрепенулась.

— Хочешь узнать ее последние слова?

— Нет. Лучше послушай меня. Я…

— Она скажет: «Как-то быстро все закончилось». А вот он, — Мэргрид кивнула на пожилого человека, сидевшего у окна. — Подумает: «Забыл выключить свет». Смешно, правда? А вот эта…

Она замолчала и пристально уставилась на русоволосую молодую женщину, направляющуюся к их столу. Женщина была одета строго и сдержанно: темная юбка, белая блузка, пиджак, на плече у нее висела кожаная сумка.

— Она… она… — в недоумении бормотала баньши. — Проклятье!

Не могу узнать, но ведь этого не может быть! Она же обычный человек? Или нет? А, да это еще одна из шайки бессмертных!

— Тише, Мэргрид! — зашипел Ява, озираясь по сторонам. — Это Алина. И да, она тоже бессмертна.

Глава-3

Выражение лица Алины не предвещало ничего хорошего.

— Ява, — категоричным тоном заявила она, усаживаясь за стол. — Ты меня обманул! Снова.

— Что ты, Алина, как можно!

— Я звонила Ньялсаге.

— Ну, зачем ты…

— С его телефоном все в порядке. Ньялсага сказал, что ты хочешь спихнуть на меня свою работу. Как обычно.

— Ничего подобного! Я рассчитывал на твою моральную поддержку — вот и все. Разве друзья не должны поддерживать друг друга?!

Алина испытующе посмотрела на Яву, тот ответил ей честным открытым взглядом.

— Вспомни, я же помогал тебе, когда ты сидела в агентстве один на один с лепреконом? Ты позвонила, я сразу же приехал и…

— Ты пробыл в агентстве всего пятнадцать минут! — отчеканила она. — А потом сказал, что хочешь купить кофе, вышел и появился только на рассвете, причем сразу на морском берегу!

— Да, да, — заторопился Ява. — Но это все из-за лепрекона! Ты же знаешь, их любимое занятие — играть в карты на деньги или золото, причем, обыграть их практически невозможно. Я за эти пятнадцать минут проиграл кучу денег! Они все-таки жульничают, пускают в ход свои чары!

— А хочешь знать, что проиграла я?! Всю зарплату, ключи от дома и новую книгу «Как перестать есть навсегда». Я была практически разорена! Мне пришлось занимать деньги у директора школы!

— Вы играли в карты с лепреконом?! — изумленно переспросила Мэргрид и захохотала.

— Это был единственный способ удержать его в агентстве, — бросил Ява и спохватился: — Алина, знакомься! Это Мэргрид, дух умершей эльфийки!

— Знатной эльфийки, — высокомерным тоном поправила баньши.

— Да, очень знатной, — подтвердил Ява. — И очень злой. Ее эльфийка — просто исчадье ада! У нее был черный пояс по злодеяниям.

— Прекрасно. Так и быть, я окажу тебе необходимую

моральную поддержку. Но недолго: ко мне сейчас девятый «А» заявится, пересдавать тесты по географии.

Он воспрял духом.

— Знал, что ты не откажешь. У вас с Мэргрид, конечно, найдется о чем поболтать. Может, пройдетесь по магазинам? А я бы пока передохнул часик-другой.

— А-а-а-а, — понимающе протянула Алина. — Вот оно! «Часик-другой»? Нет уж, знаю я тебя. Сам возись с этой…

— Приказываю относиться ко мне с должным уважением! — воскликнула баньши. — Иначе узнаешь, что такое мой гнев!

Алина вопросительно посмотрела на Яву.

— Сколько минут я должна оказывать дружескую поддержку? Десяти хватит? Меня ждут в школе.

— Хочешь, я куплю тебе новую кулинарную книгу? Самую дорогую!

— Нет!

Ява погрустнел.

— Значит, ты бросишь меня в трудную минуту? Не ожидал от тебя такого….

— Я была красавицей, не тебе чета, — продолжала бубнить Мэргрид. — И я вечно останусь молодой и красивой. А вот ты скоро будешь дряхлой бессмертной старухой!

— Ты только не расстраивайся, — ласково проговорила Алина. — Но я не старею. Бессмертные достигают какого-то определенного возрастного уровня и останавливаются на нем. Поняла?

— Нет, — надменно процедила баньши.

— Яве всегда будет двадцать восемь, мне всегда будет тридцать, Бахраму всегда будет двадцать пять, Ньялсаге…

Баньши с интересом уставилась на Алину.

— У него спрашивай сама, — ловко уклонилась она от ответа. — Ява, ты пил здесь кофе? Хороший? Пожалуй, закажу чашку.

— Приказываю тебе развлекать меня!

— Нет, спасибо, мне хватает развлечений с девятым «Б». А если уж совсем скучно станет, то всегда есть пятиклассник Соловьев.

— Отказываешься?! — прошипела Мэргрид. — Пеняй на себя!

— И что ты сделаешь? — хладнокровно спросила Алина, закаленная ежедневным общением с учениками средней школы.

— Наведу на тебя порчу! — зловеще сообщила Мэргрид и принялась рыться в карманах куртки.

Ява озадаченно сдвинул брови.

— А ты умеешь? — усомнился он. — Может, просто повоешь

часик-другой у нее под окном? Кстати, это прекрасно поможет скоротать время до рассвета…

— Не надо выть под окнами моей школы. Девятиклассники могут неправильно понять.

— Ты удивишься и ужаснешься, когда узнаешь, что умеют баньши!

— бормотала Мэргрид, роясь в карманах. Она вынула крохотную тряпичную куколку и посадила на стол.

— Что это?

— Стоит мне проткнуть ей сердце и ты умрешь, — объявила Мэргрид, гипнотизируя Алину взглядом. — Приказываю трепетать!

Ява тяжело вздохнул и протянул баньши пластиковую вилку.

— Валяй, попробуй.

— Это твое Вуду на меня не действует, ясно? — сказала Алина. — Ява, отвези ее в агентство, закрой в клетке для оборотней и…

— Лучше своди ее в магазин, — взмолился он. — Тут на соседней улице полно бутиков!

— У меня не та зарплата, чтобы по бутикам ходить! — отрезала Алина. — Где мой кофе?

Она взяла у подошедшей официантки чашку и молочник.

— Ты достойна смерти! — с негодованием объявила Мэргрид, уставившись на Алину. — Все пугались, а ты, видите ли, не желаешь! И ты, ты… ты одета, как служанка! — выпалила она.

Алина подняла глаза к потолку и мысленно прочитала наизусть рецепт знаменитого лукового супа — чтение рецептов ее всегда успокаивало, так, как других людей, к примеру, успокаивала музыка или счет от одного до десяти.

— Видят небеса, я очень добрый человек. Я так добра, что хуже некуда! Но эту самую Мэргрид я знаю всего пять минут и уже терпеть не могу. Пойду я, пожалуй.

Она поднялась из-за стола и повесила на плечо сумку.

Ява поспешно вынул из бумажника купюру и сунул подошедшей официантке.

— Мэргрид, не отставай! — бросил он, устремляясь за Алиной.

— Пожалуйста, пожалуйста, возьми ее с собой в школу!

— Ни за что. У меня сегодня был педсовет, три урока в девятых классах и пятиклассник Соловьев. Хватит с меня неприятностей!

Однако, божества, следящие за тем, чтоб каждому из живущих было отпущено именно столько неприятностей, сколько положено, рассудили иначе: в дверях кафе Алина и Ява нос к носу

столкнулись с Лютером.

— Вот кого не хватало, — с досадой пробормотала Алина.

— Приказываю немедленно развлекать меня! — продолжала гнуть свое Мэргрид, задетая тем, что Алина по-прежнему не желала ни ужасаться, ни восхищаться. — Иначе тебе конец! Мне известны чары, которые могут уничтожить даже бессмертного, — пригрозила она.

Услышав последние слова, «Бриммский василиск» остановился.

— Что встал? — осведомилась Алина.

Он смерил Мэргрид подозрительным взглядом.

— Это кто? Цолери говорил, что в городе баньши. Это она?

— Не твое дело, — отрезала Алина.

Мэргрид в ярости уставилась на человека, не желающего уступать ей дорогу.

— Приказываю убраться с моего пути, отродье гоблина! — рявкнула она, испепеляя Лютера взглядом. — Прочь с дороги, жалкий червь!

— О! — Алина взглянула на баньши с неожиданной симпатией. — «Потомок гоблина»?! «Жалкий червь»?! Ява, теперь я ненавижу ее гораздо меньше. Но все равно не буду с ней возиться и не надейся!

… Не поддавшись на уговоры, Алина отбыла в школу, где ожидала ее приятная и непыльная работа — уроки в буйных девятых классах, запугивание пятиклассника Соловьева и прочие удовольствия.

Поняв, что помощи ждат неоткуда, Ява взял быка за рога.

— Развлечения закончены, Мэргрид. Едем в агентство!

— Нет! — отрезала Мэргрид и плюхнулась на лавочку под деревом. — Приказываю помнить, что совсем скоро я лишусь возможности видеть солнце и ходить по улицам днем.

— Ну, станешь ходить ночью, какая разница?

— Я буду очень, очень занята! Ты хоть представляешь, сколько в нашем королевстве сельских кладбищ?!

Ява спохватился.

— Погоди-ка! Я ведь так и не сказал тебе главного. Это касается тебя и Гигеля.

— Конечно, придется выкраивать время и на то, чтобы пугать людей, работа есть работа, — не слушая его, продолжала рассуждать Мэргрид. — Но если я буду превращаться, скажем, в летучую мышь, то смогу за ночь облететь несколько кладбищ. Так дело пойдет быстрее!

— Превращаться? Никогда не слышал о такой способности у

баньши, — признался Ява. — Но послушай меня… о, Мэргрид! — с отчаянием воскликнул он. — Только не это!

На месте баньши сидела серая пушистая кошка.

— Очень остроумно, — вздохнул Ява. — Не вздумай в агентстве такую штуку проделать!

Послышалось хлопанье крыльев, и на спинку скамьи опустился большой черный ворон. Он посмотрел на кошку, наклонил голову набок и вопросительно взглянул на Яву.

— Все в порядке, Дэберхем. Это не новый гость, а все та же баньши. Развлекается.

Ява вздрогнул: рядом с ним снова сидела Мэргрид.

— Ваш заклинатель боится серых кошек? — она засмеялась. — А не напугать ли мне его как следует? В конце концов, мне полагается повергать людей в ужас!

— Лучше не надо. Он тоже может повергнуть тебя в ужас, знаешь ли. У него это неплохо получается.

— Глупости. А как тебе мое превращение?

— Я восхищен. Вот и Дэберхем подтвердит.

Мэргрид поморщилась.

— Не люблю птиц: безмозглые создания!

Дэберхем с возмущением каркнул и взлетел. Ява тяжело вздохнул.

— Не мудрено, что у тебя нет друзей, с таким-то характером. Кстати, насчет Гигеля: не вздумай… Мэргрид! Тролль бы тебя побрал!

Крупная летучая мышь, сидевшая на лавочке, пропищала в ответ что-то нелицеприятное.

Ява покачал головой. Дожидаясь, когда Мэргрид вернет себе прежний облик, он перебирал в кармане разные безделушки: крошечные серебряные фигурки, монетки, пару гладких янтарных бусин, отполированные морским прибоем камешки. На каждый из этих предметов, выглядевших вполне безобидно, были наложены особые заклинания, и Ньялсага никогда не забывал обновлять их.

— Ну, как? — самодовольно осведомилась баньши, возникая рядом с Явой.

— Мэригрид, я же просил! В этом мире не следует баловаться такими вещами, — из доброй дюжины безделушек Ява выбрал обрывок золотой цепочки с крохотным кулончиком в виде листка клевера. — Каждый раз, когда ты меняешь облик, Цолери с Дэберхемом думают, что объявился еще один гость. Дэберхем летит проверять, а Цолери…

Мэргрид не слушала его.

— Я собираюсь запугать вас до смерти! — торжествующе объявила она.

— Думаешь, получится?

— Конечно! — весело ответила Мэргрид. — Ты был так глуп, что открыл мне вашу тайну. Как только я вернусь в свой мир, я всем, всем расскажу, где скрывается шайка бессмертных. Рано или поздно эти слухи дойдут до тех, кто вас ищет, они явятся сюда и…

Ява лениво проводил взглядом плывущее над городом большое облако, похожее на дракона, а когда перевел глаза на баньши и обнаружил, что она снова исчезла, а на песчаной дорожке сидит большая бурая жаба.

Ява поднялся со скамьи, неторопливо подошел к жабе и присел на корточки.

— Мэргрид, — проговорил он. — Есть одна маленькая деталь. Я все хотел тебе рассказать, да ты слушать не желала. Мы, знаешь, не заинтересованы в том, чтоб об этом мире знал еще кто-то. Именно поэтому наш заклинатель шепнет тебе на прощанье пару слов, и ты ничего не будешь помнить ни об этом мире, ни об этом городе, ни о тех, кого тут встретила. Ясно?

Жаба уставилась на него выпученными глазами и негодующе булькнула.

— Да, да, о некроманте Гигеле ты тоже не вспомнишь, — сказал Ява, поигрывая золотым кулончиком. — Да и он о вашей дружбе уже забыл. Вы снова станете смертельными врагами. Говоришь, королевство у вас маленькое? Значит, рано или поздно вы с ним все-таки столкнетесь… интересно, кто кого?

Ява оценивающе посмотрел на жабу:

— Я бы поставил на Гигеля. Парень явно не так прост, как кажется…

С жабой творилось что-то странное.

Глазки ее выпучились, лапы скребли по песку, рот разевался, будто она изо всех сил пыталась что-то сказать. Ява усмехнулся и убирал в карман золотой кулончик.

— Что, доигралась? Обратно превратиться не можешь? Тут, Мэргрид, с магией надо быть поосторожней: она иногда осечки дает, — назидательным тоном сказал он. — Что же, делать нечего, поехали в агентство…

Он осторожно взял Мэргрид-жабу, посадил в карман плаща и, весело насвистывая, отправился на стоянку.

…В свое время Ньялсага, выбирая место для агентства, пересмотрел множество вариантов и подобрал, наконец, подходящий: просторное помещение в цокольном этаже небольшого дома.

Выбор оказался на редкость удачным: тихая улица, здание с

хорошей звукоизоляцией, с подземным гаражом, через который можно попасть в агентство, минуя главный вход. Обитатели дома, сотрудники многочисленных офисов и контор, были людьми нелюбопытными и тем, что творится за дверьми с табличкой «Агентство «Аргентина», не интересовались. Кроме того, дом этот находился на задворках драматического театра, что тоже было очень даже кстати.

Если выбор месторасположения взял на себя Ньялсага, а оформление важных бумаг, договоров на аренду и финансовых документов легло на плечи Явы, то обустройством двух комнат агентства, его, так сказать, интерьером, настойчиво пожелал заняться Бахрам. Он потратил на это немало времени и сил и устроил все по своему вкусу, невзирая на протесты Алины, которая, как любая женщина, хотела комфорта и уюта. Она утверждала, что после дизайнерских изысков Бахрама агентство стало выглядеть точь-в-точь, как штабная палатка какого-нибудь захудалого военачальника, не выигравшего за свою жизнь ни одного сражения. Ява был с ней полностью согласен. Он заявил, что мебель агентства наводит на мысли о городской свалке, где, если покопаться хорошенько, можно отыскать вещи и получше.

Ньялсага от подобных разговоров уклонялся: обстановка его вполне устраивала, а любимое плетеное кресло он действительно притащил с ближайшей помойки.

Воодушевленная поддержкой Явы, Алина не теряла надежды склонить Бахрама на свою сторону. Агентство выглядит по меньшей мере странно, говорила она, так не лучше ли все переменить? Вот туда поставить миленький журнальный столик, сюда — повесить симпатичные шторки с оборочками, а вот тут…

Но все было тщетно. Бахрам бурчал что-то себе под нос о людях, ничего не понимающих в военном деле и походной жизни, горшки с геранью, купленные Алиной, собственноручно выставил за дверь и продолжал обустройство.

Он развесил на стенах карты, утыканные красными и синими флажками — битвы, для которых рисовались эти карты, давным-давно отгремели, кровопролитные сражения стали историей, а имена полководцев стерлись из людской памяти. Но Бахрам, когда выпадало свободное время, подолгу простаивал перед картами, напряженно размышляя, как все пошло бы, если б военачальники поступили не так, а эдак… все бы получилось тогда иначе!

В простенках между окнами появились мишени для дартца и прилепленные скотчем рекламные плакаты оружия и военного снаряжение. Чуть поодаль он поставил стол, который тут же завалил журналами по пейнтболу, рекламными листовками,

коробками из-под пиццы, мотками веревок, какими-то железками и прочим хламом непонятного назначения. Выбрасывать все это Бахрам строго-настрого запретил.

Имелся в комнате и потертый диван коричневой кожи, столик поменьше, где стояли чашки, коробки с чаем и электрический чайник, а у окна — громадный застекленный шкаф. Стекла, впрочем, Бахрам сразу же заклеил непрозрачной цветной пленкой: чтобы гости агентства не могли рассмотреть, что находится внутри, и не пугались бы раньше времени.

Вторая комната была чуть меньше. Сюда Бахрам приволок еще один стол, большой и крепкий, на котором мгновенно образовалась живописная свалка из диковинных предметов непонятного назначения: Бахрам выдавал их за пейнтбольное снаряжение. Рядом находилось старое кресло, а на полу возле стены лежали свернутые спальные мешки. В углу стоял стальной несгораемый сейф, сплошь залепленный вырезанными из журналов картинками с рекламой оружия и красочными глянцевыми плакатами городского пейнтбольного клуба «Легион», руководителем которого Бахрам и являлся. В этой комнате он частенько ночевал, а, случалось, и жил по нескольку дней, разрабатывая стратегию будущей игры и готовясь к крупным пейнтбольным сражениям.

Ява открыл своим ключом тяжелую стальную дверь и вошел. В агентстве было пусто и тихо, лишь слабо гудели и потрескивали лампы дневного света под потолком. Ньялсага, скорее всего, сидел в кофейне «Последний белый слон», работая с книгой заклинаний, Алина пропадала в школе, осуществляя планы по запугиванию пятиклассника Соловьева, а Бахрам уехал со своим клубом в горы, на большую игру и обещался быть в городе завтра после обеда.

Ява аккуратно достал из кармана жабу и посадил на стол.

— Добро пожаловать в агентство «Аргентина», Мэргрид. Осматривайся пока, а я кофе приготовлю.

Жаба возмущенно забулькала в ответ, сверля Яву возмущенным взглядом.

— Прости, — без тени раскаяния проговорил тот. — До приезда заклинателя придется тебе в лягушачьей шкуре побыть. Я, как ты знаешь, не маг, поэтому обратно превратить тебя не могу.

Он сварил кофе, отыскал в столе у Бахрама свежий номер журнала «Пейнтбол» и устроился в кресле, с интересом изучая богато иллюстрированную рубрику «Девушки и пейнтбол», наслаждаясь тишиной и тем, что никто не приказывал развлекать себя, не грозил убить, не рассказывал во всех подробностях, как

быстро и эффективно напугать человека до смерти.

За окном уже темнело, когда на крыльце послышались, наконец, чьи-то шаги.

Ява отложил журнал и поднялся с кресла.

Алина стояла возле стола, с удивлением разглядывая жабу, сидевшую на коробке из-под пиццы.

— Это кто?

— Жаба.

— Зачем ты ее сюда приволок? Будешь целовать? — Алина подозрительно посмотрела на Яву. — Она превратится в прекрасную принцессу и…

— Она превратится в баньши. Это же Мэргрид!

Глаза Алины вспыхнули.

— Ах, вот оно что! — сладким голосом проворковала она, мгновенно приходя в хорошее настроение. — Как я могла ее не узнать?! Она же совсем не изменилась!

Жаба негодующе забормотала, уставившись на нее выпученными черными глазками.

Алина полюбовалась приятным зрелищем, повесила сумку на спинку стула и прошла в соседнюю комнату. Ява двинулся следом.

— Почему она стала жабой? — вполголоса поинтересовалась Алина, включая кофеварку.

— Развлекалась так, — пояснил он. — Превращалась то в кошку, то в летучую мышь, то в жабу. Дэберхема чуть с ума не свела!

Алина осторожно выглянула в дверь: Мэргрид-жаба по-прежнему сидела на коробке, клокоча от возмущения, как маленький чайник, забытый на огне.

— А почему не может собой стать?

Ява молча повертел перед носом Алины золотую подвеску.

— Амулет, блокирующий обратное превращение, — понимающе кивнула Алина. — Ньялсага дал?

— Нет, в антикварном магазине купил. Конечно, Ньялсага, — Ява убрал амулет. — Хочу немного отдохнуть. Путь до его приезда она побудет жабой.

Ява со всеми предосторожностями выглянул в соседнюю комнату, Мэргрилд тут же заметила его и негодующе квакнула.

— Так не полагается, — Алина присела и выдвинула нижний ящик стола. — Куда девался сахар?

Ява протянул ей упаковку сахара.

— Провела бы ты целый день с баньши, по-другому бы заговорила. Между прочим, к приходу Ньялсаги она собиралась превратиться в серую кошку. Думает, что это очень остроумно.

Алина задумалась.

— Она говорила, что я одета, как служанка. Слышал?

— Слышал.

Алина прихватила чашку и направилась в другую комнату.

— Ладно, пусть будет жабой, я не против…

…Когда на улице совсем стемнело, в агентстве появился Ньялсага.

В сопровождении веселой Лукерьи, он вошел в комнату, увидел жабу, сидевшую на столе и замер.

— Баньши Мэргрид в облике жабы? И давно она так?

— Давненько, — признался Ява.

— И ты не стал превращать ее обратно?

— Не стал.

Ньялсага перевел взгляд на Алину, та развела руками.

— Я тут не при чем!

Ньялсага сел в продавленное плетеное кресло и задумался.

— Она немного шумновата, эта баньши. Не знаю, как Яве, а мне очень хотелось тишины, — начала Алина рассудительным тоном. — Хотелось отдохнуть после рабочего дня. Сам понимаешь, в школе постоянно галдят дети, дома — соседи за стеной…

— Точно, — поддакнул Ява.

— Тебе надо научиться ладить с людьми, — отвлекся от размышлений Ньялсага. — У меня тоже были шумные соседи, но я с ними прекрасно поладил!

— Как тебе это удалось? — изумилась Алина.

— С соседями очень важно установить дружеские отношения, — назидательно сказал Ньялсага. — Сначала, конечно, надо познакомиться. Это делается очень просто: заглядываешь к ним на огонек, просто так, по-приятельски и говоришь: «Добрый вечер, какое прекрасное полнолуние сегодня! Я — ваш новый сосед, граф Цепеш, но вы зовите меня просто Дракула!».

Жаба-Мэгрид на столе квакнула, и Яве показалось, что он различил что-то вроде одобрения в коротком, но выразительном «ква!».

— Это была шутка? — поинтересовалась Алина. — Конечно, шутка, я сразу догадалась!

— Это, Алина, чистая правда.

Ньялсага покосился в сторону соседней комнаты, откуда доносилось возмущенное бормотание жабы.

— Кажется, она сильно не в духе?

— Не то слово, — сказал Ява.

— Тогда пусть будет жа… э-э-э, пусть сидит в коробке. На всякий случай. До рассвета не так уж далеко.

…Ранним утром на пустынном морском берегу случайных людей, как правило, не бывает, а потому — никто не увидел, как вместо большой бурой жабы на песке возникла разъяренная баньши Мэргрид. Глаза ее сверкали, руки были уперты в бока.

— Приказываю вам всем немедленно… — дрожащим от ярости голосом начала она.

Но в этот миг из-за моря показался край солнца. Свет ударил в глаза баньши, она зажмурилась, а когда снова открыла их, перед ней лежала узкая тропа, убегающая в ночной сад, обнесенный покосившимся забором. Калитка в сад была приоткрыта.

— Свободной дороги, Мэргрид! — торопливо перебил ее Ньялсага, указывая на тропинку. — Свободной дороги!

И баньши Мэргрид исчезла.

… Поздним утром Ява оставил машину возле большого торгового центра — далековато, конечно, можно было найти парковку и поближе, но как отказать себе в удовольствии лишний раз пройтись по шумным улицам, ведущим к заливу? Ньялсага утверждал, что у города имеется собственная аура, сине-зеленая, как морская волна. Ява чародеем не был, и ему не дано было видеть магической ауры, мерцающей над улицами и площадями, но в словах Ньялсаги он не сомневался.

Кругом кипела веселая жизнь: пахло кофе и морем, сверкали зеркальные двери отелей и дорогих магазинов, по широкой мостовой мчались огромные экскурсионные автобусы — не зря же именно этот район в путеводителях для туристов, пышно именовали «сердцем города»! Но у Явы на этот счет имелось собственное мнение. Он точно знал, что сердце города, его душу, его суть искать нужно вовсе не в деловых нарядных кварталах с небоскребами и зеркальными витринами. И если свернуть с широкого проспекта в любой переулок, ведущий к морю — вот тогда-то беспечному путешественнику и откроется совсем другой город.

На здешних улицах, узких и кривых, бродили люди, выглядевшие так, будто только что ступили на эту землю с кораблей, над которыми развевались флаги никогда не существующих государств. Здесь тянулись прилавки, заваленные самым фантастическим товаром, цветочницы предлагали экзотические растения, а из множества ресторанчиков и закусочных доносились запахи непривычной еды. В магазинчиках

и лавках торговали всякой всячиной: редкими пряностями, пестрыми шалями, шарфами, расписными зонтиками. Старинные браслеты и кольца с бирюзой грудами лежали на медных подносах, рядом с пестрыми коробками восточных благовоний, яркие наряды в витринах невольно притягивали взгляд: то ярко-зеленые короткие пальто, то башмаки с бубенчиками, то шляпы, украшенные цветами и фруктами или накидки, затканные золотом и серебром. Крошечный магазинчик на углу торговал старинными музыкальными инструментами, а в подвальчике через дорогу можно было купить древние карты звездного неба.

Сотни раз приходилось бывать здесь Яве, но толком разобраться в сложном переплетении прибрежных улочек ему так и не удалось. Он точно помнил, что совсем недавно, вот на этом самом месте находилась чайная лавка и ее хозяин, старый китаец, как-то протянул проходившему мимо человеку крошечную чашечку чая. Бледно-зеленый напиток имел горьковатый привкус и сначала не очень-то понравился Яве, но позже он внезапно ощутил странное спокойствие, позволяющее на миг подняться над шумом и суетой прибрежных улиц и почти понять что-то очень важное.

Но когда он пришел сюда во второй раз, чайный магазинчик бесследно исчез, на его месте оказалась лавка, торгующая благовониями и бородатый толстый хозяин, сидевший за кассой, шумно клялся, что торгует здесь уже много лет, и ни о каком чайном магазине он и не слыхивал. Однако, через недельку-другую магазинчик вновь объявлялся на прежнем месте, а торговца благовониями никто не мог припомнить.

Рыбные лавки, магазины старинных часов, лотки с цветами и лавки со сладостями пропадали и снова появлялись — каждый раз на другом месте. Обнаруживались новые переулки, а знакомая улочка, по которой Ява столько раз сбегал к морю, внезапно заканчивалась тупиком или крошечным пятачком, где стояло несколько столиков, повар жарил на открытом огне рыбу и жонглер, развлекая посетителей, запускал в небо сверкающие кольца.

Словом, прибрежные улицы жили собственной загадочной жизнью, и Ява подозревал бы, что тут не обошлось без магии, если б не знал совершенно точно: никакой магии в этом мире не существовало.

Он миновал несколько узких улиц, заполненных обитателями квартала, любопытными зеваками и туристами, свернул под навес и пошел длинными переходами. По обеим сторонам тянулись освещенные витрины, в одной из них стояли крошечные круглые аквариумы с тропическими рыбками, сверкающими, как

драгоценные камни.

В самом конце длинного перехода виднелась открытая настежь дверь со шторой из пестрых стеклянных бус, рядом с дверью была приколочена облупившаяся табличка: «Книжная лавка «Бродяга».

Ява вошел, и колокольчик над дверью звякнул, приветствуя посетителя.

В книжной лавке царила тишина, нарушаемая лишь шорохом страниц. Сюда не доносился ни шум улиц, ни голоса людей, здесь было царство книг: старых, солидных, с потертыми корешками и пожелтевшими страницами. Букинисты, охотники за редкостями, часами просиживали в потертых кожаных креслах, изучая сокровища лавки, рассматривая старинные гравюры в альбомах, замирая над страницами бесценных фолиантов. Лампы с выцветшими красными абажурами освещали дубовые полки, плотно заставленные книгами, старинные шкафы, низкие столики, заваленные гравюрами. На стенах висели потемневшие от времени картины и неведомые злобные чудовища, изображенные на них, зорко стерегли каждое человеческое движение.

Ява прошел вдоль книжных полок — к одной из них была прислонена маленькая лесенка, на тот случай, если кому-нибудь из покупателей потребуется книга с самого верхнего ряда — и усмехнулся, краем глаза отметив какое-то быстрое движение в стороне.

Юркий маленький зверек скользнул вверх по стойке стеллажа, пробежал по тесно поставленным рядам книг и пропал за стопкой пергаментов. Мелькнул длинный хвост, острая мордочка с белой полосой посередине и вот уже таинственный обитатель книжной лавки показался собственной персоной: хорек с гладкой коричневой шерсткой и круглыми смышлеными глазами.

— Привет, Дэберхем, — сказал Ява. — Цолери у себя?

Хорек пренебрежительно фыркнул.

— Ну да, где ему еще быть, как не в своем логове, — согласился Ява и направился дальше: в самом дальнем углу лавки, за книжными стеллажами находилась комната, где обитал хозяин «Бродяги».

Дверь, как всегда, была открыта, но входить без приглашения Ява не рисковал, поэтому остановился на пороге.

«Логово» было небольшой полутемной комнатой. Посередине стоял старый письменный стол и кресло, книжный шкаф, битком набитый такими редкостями, что любой букинист продал бы душу за возможность покопаться в его недрах. Правда, о

существовании шкафа с сокровищами коллекционеры и не подозревали: в «логово» дозволялось входить немногим. На каменных плитах пола лежали потертые ковры, на стенах висели гобелены, старинные карты да деревянные маски, изображающих свирепых чудовищ.

Окна были плотно закрытые бамбуковыми жалюзи, и в комнате всегда царил полумрак, однако, ни ламп, ни светильников здесь не имелось: хозяин «Бродяги» не признавал электрического света, а для освещения использовал толстые восковые свечи.

Сейчас обитатель «логова» — человек, с лицом, на котором, казалось, навеки застыло хмурое и сосредоточенное выражение — сидел за столом, изучая какую-то книгу. Долговязый, с широкими костистыми плечами, он напоминал Яве храмового рыцаря — если бы, конечно, рыцарю вздумалось одеться в клетчатую просторную рубаху, кожаный жилет, потертые джинсы и тяжелые армейские ботинки. Темные с проседью волосы, Цолери убирал в хвост.

Заслышав шаги, он поднял голову.

— Ява? Входи.

— Привет, Цолери. Вот, решил заглянуть, — сообщил Ява, переступая порог и дожидаясь, пока глаза привыкнут к полутьме. — Хотел, конечно, сначала тебе позвонить, предупредить, но…

Цолери хмыкнул. Он упорно игнорировал блага цивилизации и принципиально не пользовался телефоном, предпочитая передавать сообщения через Дэберхема.

— Мобильник здорово облегчил бы твою жизнь, — в очередной раз Ява сделал заведомо безнадежную попытку убедить хозяина «Бродяги» купить, наконец, телефон.

— Она у меня и так не тяжелая.

Цолери был немногословен и, если это было возможно, предпочитал обходиться вообще без слов.

Он отодвинул книгу и зажег еще пару свечей: в «логове» стало светлее.

— Отправили баньши?

Ява кивнул, невольно пускаясь в размышления о своем загадочном собеседнике.

Мало того, что тот не выносил электрического освещения и не любил дневного света, Цолери, вдобавок ко всему, терпеть не мог зеркал. Однако, как утверждал Ньялсага, вампиром он не был и этому заявлению Ява верил. Не являлся он и магом, хотя имел удивительный дар чуять, когда в этот мир проникал кто-то посторонний.

Именно тогда черный ворон по имени Дэберхем взлетал в небо: по давнему уговору он приносил новость и Ньялсаге и Кемену. Сам же Цолери в истории с «гостями» не вмешивался, в многочисленные конфликты между Кеменом и Ньялсагой никогда не встревал и упорно хранил подчеркнутый нейтралитет.

Каждый раз, встречаясь с Цолери, Ява задавал себе вопрос: кто же он такой? Ответа на этот вопрос пока что не было.

Конечно, Ньялсага без труда мог бы выяснить, кем на самом деле являлся хозяин «Бродяги»: для этого нужно было всего-то пожать ему руку. Проблема состояла только в том, что Цолери, прекрасно осведомленный об удивительной способности Ньялсаги видеть чужие ауры, никогда не подавал ему руки и ограничивался при встрече коротким кивком.

Ява тряхнул головой, отгоняя непрошеные мысли.

— Есть что-нибудь для меня? — поинтересовался он..

— Кое-что отыскал. Присаживайся.

Ява опустился в старое скрипучее кресло и покосился на громадную развернутую книгу, которую читал Цолери. Страницы фолианта были испещрены странными значками, мало похожими на буквы и Ява усмехнулся: еще одна загадка! Цолери знал все существующие на свете языки, в том числе и те, что давным-давно исчезли.

— Редчайшую книгу откопал, — продолжал хозяин «Бродяги». Он поднялся из-за стола, подошел к невысокому старинному шкафчику и осторожно вынул тяжелую книгу, переплетенную в кожу. Уголки книжной обложки были окованы позеленевшей от времени медью.

— Достать было нелегко: один- единственный экземпляр, хранится в библиотеке Ордена магов Пустынных земель. Слыхал о таком?

Ява отрицательно мотнул головой.

— Ну и ладно. — Цолери положил книгу на стол и любовно провел по ней широкой ладонью.

— Настоящая человеческая кожа! А какая выделка, полюбуйся! Змеелюди, что в Пустынных землях живут, людей не жалуют: если забредет туда какой-нибудь бедолага, то пропадает бесследно. А потом, глядишь, через какое-то время в библиотеке Ордена появляется еще одна книга, переплетенная в человеческую кожу!

Яве очень хотелось поинтересоваться, каким образом Цолери удается добывать редкие книги из других миров, но он промолчал, зная, что вопросы немногословному хозяину «Бродяги» лучше не задавать.

— Но, Ява, — Цолери предостерегающе поднял палец. —

Книгу мне удалось вытащить только на пару дней. Упаси небо, если змеелюди обнаружит пропажу! У них такие маги — в любом мире достанут. Понял?

Он устремил на Яву испытующий взгляд серых глаз, тот кивнул.

— Я не подведу, ты же знаешь.

— Знаю, — Цолери уселся за стол, выдвинул ящик и вынул круглый деревянный футляр: в таких обычно хранились свитки. — Вот тебе еще кое-что: мемуары одного чародея из Лутаки. Он всю свою жизнь — а прожил он немало, лет триста, что ли — изучал волшебные ветра. Все, что узнавал, записывал. — Цолери положил руки на лакированный футляр. — Тут и о Соранге есть.

Темные глаза Явы сузились.

— О Соранге?

— Да… кое-что. Сам посмотришь. Ничего такого, чего бы ты не знал, нет, но почитай. Может, и наткнешься на какую-нибудь мысль.

— Ты читал?

— Так, просмотрел, — уклончиво ответил Цолери. — Он твердит то же самое, что и все остальные, а что писали по этому поводу другие, ты хорошо знаешь: не первый год я для тебя подобные книги достаю. Все чародеи утверждают, что если уж Соранг дает бессмертие — это навсегда.

Ява упрямо наклонил голову.

— Посмотрим!

Цолери усмехнулся.

— Ты никогда не сдаешься, верно? Ладно, копайся в книгах, изучай свитки, мне не жалко.

— Ну, времени-то меня впереди хоть отбавляй, — пробормотал Ява.

Быстрая тень метнулась по полу: коричневый хорек стрелой прошмыгнул в комнату и бросился к книжному шкафу.

Глаза Цолери вспыхнули.

— Вот отсюда! — рявкнул он, разом утрачивая свою обычную флегматичность. Тяжелое пресс-папье ударилось в пол, как раз туда, где секундой раньше был зверек.

Быстрее молнии хорек вскарабкался по книжному шкафу, с необыкновенной ловкостью увернулся от пущенной в него кофейной чашки и скрылся за стопкой книг.

— Проклятая тварь! Чтоб ты сдох!

Деревянная статуэтка врезалась в груду фолиантов, за которой прятался хорек. С отчаянным писком зверек отскочил, цепляясь коготками за книги, но не удержался и сорвался со

шкафа. Крохотный комочек полетел вниз, но за секунду до того, как он должен был коснуться каменных плит, хорек вдруг гибко извернулся и исчез, а в следующее мгновение большой черный ворон, сильно взмахивая крыльями, поднялся с пола, взлетел на шкаф, уселся там, и насмешливо каркнул, глядя на Цолери круглыми глазами.

Ява вздохнул.

Размышляя о хозяине «Бродяги», волей-неволей приходилось гадать и о том, каким образом попал сюда Дэберхем, необыкновенное существо, умевшее превращаться то в хорька, то в ворона и почему эти двое — Цолери и Дэберхем — вынуждены были держаться вместе.

Ньялсага предполагал, что они связаны каким-то общим заклятьем, и у них одна жизнь на двоих: если погибнет Дэберхем, то умрет и Цолери. И опять-таки, узнать, так ли это на самом деле не было никакой возможности: Цолери явно был не из тех, с кем можно было дружески поболтать.

Ясно было лишь одно: он смертельно ненавидел Дэберхема. Ворон же относился к нему насмешливо и не упускал случая довести хозяина до белого каления. Вот и сейчас: Цолери, сидя за столом и сжимая в руке тяжелую бронзовую фигурку, испепелял ворона взглядом, а Дэберхем, делая вид, что ничего не замечает, невозмутимо почистил перья, и замер, словно изваяние, вырезанное из черного блестящего дерева, лишь глаза его поблескивали в свете свечей.

Ява осторожно кашлянул, напоминая о своем присутствии.

— Так что ты там говорил про чародея? — поинтересовался он.

Цолери, помедлил немного, успокаиваясь, и поставил бронзовую статуэтку на место.

— Про какого чародея? А… это уже другой.

Он снова пошарил в ящике стола и вытащил кусок помятого старого пергамента.

— Вот, это тоже тебе. Почитай на досуге: любопытно! Он живет сейчас в Горном королевстве, тоже весьма интересуется теми, кому удалось поймать Соранг. Ты же знаешь, отмеченных волшебным ветром, было немало…

Дэберхем бесшумно слетел со шкафа и опустился на спинку кресла, где сидел Ява.

— Сейчас-то, конечно, кое-кто уже умер: ведь не все захотели бессмертия. Ты не поверишь, какие глупости выпрашивают иной раз люди! — Цолери пренебрежительно хмыкнул. — Так вот, этот чародей… довольно могущественный и влиятельный, кстати сказать, хотя и якшается с драконами… — хозяин «Бродяги» на

мгновение задумался, барабаня пальцами по книге. — А может, потому и стал влиятельным, что свел дружбу с драконами? — спросил он сам себя.

Ява пожал плечами.

— Он, как мне кое-кто сообщил, составляет список всех, кто поймал волшебный ветер. Собирает о них сведения, узнает подробности жизни… гм… на месте этих людей я бы всерьез забеспокоился!

— Но зачем он это делает?

— Кто ж его знает?

Ява открыл книгу и осторожно перевернул несколько страниц.

— Может быть, именно здесь найдется хоть пара строчек о том, как снять заклятье Соранга, как снова стать смертным человеком?

Цолери с сомнением покачал головой.

— Никогда о таком не слышал, уж не обижайся. Но, как здесь говорят: «Чем черт не шутит?». Вдруг да отыщешь?

Он протянул пергамент.

— Вот тут и список, и кое-какие сведения об этих людях. Читать только здесь, в лавке! — добавил Цолери. — Этот документ нужно вернуть на место завтра утром, потому что если чародей его хватится, он, чего доброго, попросит драконов помочь с поисками!

— Только их тут не хватало, — проворчал Ява, осторожно разворачивая свиток. — Что за язык? Мне незнаком.

— Я переведу. Это одно из наречий южной Наргалии.

Ява внимательно осмотрел пергамент.

— А, может, его отсканировать? Сделать копию, тогда и торопиться не надо будет?

Цолери насторожился.

— Что сделать?

— Скопировать. Есть специальный аппарат…

— Аппарат?! Еще чего, не выдумывай. Сиди здесь и читай, да побыстрей, пока хозяин не обнаружил пропажу!

Ява вздохнул.

— Ладно… но ты бы хоть ксерокс освоил, что ли… хорошая штука и очень помогает в работе.

Он положил пергамент на стол и придвинул свечу поближе.

— Листок бумаги и ручка найдутся?

Цолери поставил перед ним бронзовую чернильницу, положил гусиное перо и принялся рыться в ящике стола в поисках чистой бумаги.

— Отлично… — скептически пробормотал Ява, при виде

грубо выделанного толстого листа, протянутого ему Цолери.

— Вот вы, молодые, все торопитесь, — проговорил хозяин «Бродяги», хмуря брови. — А зачем, спрашивается? Куда спешить, если впереди вечность? Так что, не торопись, пиши пером да чернилами, как положено — глядишь, поспокойней на душе будет!

— Тоже верно, — согласился Ява, откинув крышку чернильницы. — Успокоиться не мешает. Я вот сегодня утром как пообщался с директором одного из филиалов нашего банка, так потом полдня успокаивался!

— Писал пером? — с одобрением спросил Цолери.

— Нет, изучал каталог средневековых пыток. Коллеги из Испании привезли. Хороший каталог и иллюстрации качественные. Очень успокаивает!

Цолери улыбнулся, что бывало с ним нечасто.

— Хочешь кофе? — спросил он. Ява кивнул: кофе Цолери угощал очень редко, в знак особой милости.

Пока хозяин «Бродяги» молол зерна ручной старинной мельничкой и варил кофе на спиртовке (спиртовка была огромной уступкой цивилизации), Ява просмотрел манускрипт, одновременно пытаясь припомнить, когда в последний раз ему доводилось писать пером.

Из книжной лавки донеслись чьи-то голоса.

Цолери поставил перед Явой медную джезву и две кофейные чашки.

— Наливай, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Стоило ему выйти, как на стол тут же спланировал Дэберхем: ворон прошелся перед Явой, потом заглянул в книгу, которую читал Цолери.

— Валил бы ты отсюда, приятель, — посоветовал Ява. — А то увидит хозяин, опять запустит чем-нибудь.

Ворон насмешливо каркнул и перелетел на спинку кресла Цолери.

— Ну, как знаешь, — вздохнул Ява.

Однако, как только на пороге появился Цолери, ворон съежился, будто растворяясь в воздухе, а через секунду маленький юркий хорек скользнул на пол и шмыгнул за книжных шкаф.

— Хамское животное! — напутствовал хорька Цолери и пробормотал сквозь зубы замысловатое ругательство на неизвестном языке. — Чтоб ты сгинул!

Раздраженно бормоча что-то, он уселся в кресло и отхлебнул кофе. Ява протянул ему пергамент.

— Записывай, буду переводить, — проворчал Цолери,

пододвигая поближе джезву с кофе.

В нагрудном кармане плаща у Явы находилась прекрасная дорогая ручка с золотым пером, но пользоваться ею при Цолери он не посмел.

— Готов?

Ява обреченно вздохнул, взял гусиное перо и обмакнул в чернильницу.

— Готов.

….Алина явилась в школу, как обычно, с утра пораньше. Настроение у Алины-барракуды было прекрасным: гости вот уже который день не объявлялись, стало быть, можно жить вполне нормальной жизнью. К пятому уроку она успела переделать кучу дел. Вначале провела долгую задушевную беседу с восьмым классам, в ярких красках поведав, какие ужасы поджидают на каникулах того, кто получит в четверти «двойку»: дополнительные занятия, семинары, проверочные работы и ежедневная генеральная уборка кабинета географии. Восьмиклассники хорохорились и бодрились, но Алина видела, что семена упали на благодатную почву и совсем скоро взойдут, заколосится и дадут отличный урожай в виде «пятерок» по контрольным. Запугав двоечников, как следует, она появилась в одном из старших классов, где отыскала нерадивых учеников, осмелившихся опоздать вчера на факультативные занятия по экономической географии на целых десять минут. Девятиклассники спрятались в кабинете медсестры, пытаясь симулировать внезапное заболевание, но провести Алину-барракуду им, конечно же, не удалось.

Словом, трудилась она, не покладая рук, и к обеду у Алины оставалось только одно-единственное дело: воспитательная работа с пятиклассником Соловьевым. Но тут требовался особый подход, поэтому она решила не торопиться, а сначала попить в учительской чаю с булочкой и вареньем, и обдумать все хорошенько.

В разгар мыслительного процесса в учительскую заглянул девятиклассник и, поглядывая на учительницу географии затравленными глазами, робким шепотом сообщил, что директор школы просит ее зайти к нему в кабинет незамедлительно.

Алина-барракуда отодвинула вазочку с вареньем, вздохнула — воспитательная работа снова откладывалась на неопределенное время — и поднялась из-за стола.

…Завидев ее на пороге, директор тут же налил чаю и открыл большую коробку шоколадных конфет.

Многоопытная Алина насторожилась.

За радушным приемом ей сразу же увиделся подвох: не иначе, как директор попросит сейчас взять еще один класс или провести внеплановую олимпиаду по географии! От всего этого Алина-барракуда решила твердо отказаться: хватит с нее и того, что, подменяя заболевшую коллегу, она добровольно взяла на себя классное руководство у пятиклассников. Временно, конечно, но все же!

Однако директор был стреляный воробей, тертый калач и сложное искусство — управлять учительским коллективом, почти полностью состоящим из женщин — постиг в совершенстве.

— Алиночка, положение отчаянное, — он снял круглые очки и принялся протирать стекла бумажной салфеткой.

— Опять? — нисколько не удивившись, спросила Алина, алчно рассматривая коробку с шоколадом.

— Опять. Ты сейчас временно замещаешь классного руководителя 5 «Б», потому я тебя и попросил зайти.

— Замещаю, — согласилась Алина-барракуда, выбирая в коробке конфету побольше. — Соловьева вот сейчас собираюсь воспитывать. Надо за него серьезно браться, ведь малолетний хулиган растет! Все мои замечания от него отлетают, как от стенки горох! Пора его на педсовет вызвать, пропесочить, как следует!

— Да-да, — поспешно отозвался директор, надел очки и промокнул салфеткой загорелую лысину. — Вот о Соловьеве-то я и хотел с тобой посоветоваться. Мне сейчас, понимаешь, из больницы позвонили…

Алина замерла, не донеся конфету до рта.

— Он уже и в больнице успел что-то натворить?!

— Нет, нет, — директор пододвинул ей стакан с чаем. — Бабушка его туда угодила. Она человек пожилой, сама понимаешь. А родителей у Соловьева нет.

— Есть, — отозвалась Алина, не замечая сгущавшихся над ней туч. — Они где-то в Африке работают, железную дорогу строят. Сбежали от ребенка, — она покачала головой, жуя конфету. — А впрочем, от такого ребеночка и я бы сбежала!

— Да, но ведь из Африки мы их вызвать не можем? — задал резонный вопрос директор.

Алина пожала плечами.

— И что?

— А то, что бабушка в больнице будет целую неделю, а Соловьева на это время девать совершенно некуда.

— Родственники? — коротко спросила Алина-барракуда, приступая к конфете с ликером.

— Нету, — коротко ответил директор.

Она задумалась. Директор тоже умолк, поглядывая на нее из-под очков. В этот момент он был очень похож на кота, подстерегающего у норы мышь, но Алина, глядя в чашку с чаем, ничего не замечала.

— В общем, так, Алиночка, — решительно сказал директор, не дождавшись ответа. — Придется тебе, как временно исполняющему обязанности классного руководителя, пятиклассника Соловьева в детский приют оформить.

— Куда?!

Алина поставила чашку на стол и уставилась на директора. Тот развел руками.

— Куда ж его девать? Дома его одного на неделю оставить невозможно. Кто его кормить будет, следить за ним? А у нас в городе, знаешь, прекрасный приют для малолетних правонарушителей имеется. Там все, как полагается: и милиция, и охрана, и решетки на окнах. Таким, как Соловьев там самое место! Ты позвони, Алиночка, договорись, а потом и отвези. Машину я выделю.

— Ну, в приют — это уж как-то…

Директор сцепил пальцы на животе и заговорил рассудительным голосом:

— В приют, в приют. Соловьев этот — малолетний хулиган, позор нашей школы! Я давно его на педсовет вызвать собираюсь, пропесочить, как следует! Все замечания от него — как от стенки горох!

— Да какой он…

— И даже родители от него в Африку сбежали!

Директор покачал головой.

— Я бы, Алиночка, и сам от такого ребенка сбежал! — признался он. — Ты знаешь, что он вчера в кабинете зоологии натворил? Поймал в аквариуме лягушек, отнес в школьную столовую…

— Знаю, знаю, — тяжело вздохнула Алина-барракуда, которой пришлось под визг поварих собственноручно вылавливать половником живых лягушек из бака с холодным компотом.

— Я с тобой, Алиночка, во всем согласен. Хулиган! Пусть посидит в приюте, под надзором милиции, над своим поведением подумает, а когда бабушка из больницы выйдет и его из приюта заберет, мы его сразу же на педсовет вызовем! Пропесочим и…

— Это уж ты…

Директор подлил ей чаю.

— Ты кушай, кушай. Хорошие конфеты, импортные.

Алина покосилась на коробку.

— По-твоему, приют — это единственный выход? Ты не подумай, — спохватилась она. — Мне этого разгильдяя совсем не жалко! Но…

Директор развел руками.

— Куда его девать, Алиночка? Родителей нет, родственников нет, классная руководительница отсутствует!

— И что? — недовольно пробурчала Алина-барракуда.

— Приют, — со вкусом повторил директор, делая вид, что всецело поглощен разворачиванием конфетного фантика. — Гляди, Алиночка, трюфель! Сейчас, конечно, таких трюфелей, как раньше, не делают, но…

И он пустился в долгое обстоятельное повествование о том, какие трюфеля бывали раньше и о том, что нынешние конфеты — совсем не то, потому что содержат они не качественный шоколад, а одну только неполезную гадость.

— А вот в тех трюфелях такой шоколад был, ты не поверишь! — благодушно журчал директор, словно совершенно позабывший о малолетнем хулигане Соловьеве.

Алина закрыла глаза, мысленно повторила про себя рецепт салата «Парижские тайны» (это всегда успокаивало) и уставилась на директора.

— При чем тут классная руководительница?!

Директор неохотно прервал увлекательный рассказ.

— Да так… к примеру, если б она в школе была, я б попросил ее… ты точно не хочешь этот трюфель? Гляди, какой свежий!

Алина-барракуда в очередной раз попыталась успокоиться. Для начала она мысленно пожелала директору подавиться конфетой, а затем повторила про себя рецепт салата — два раза подряд.

— О чем попросил?

— Ну, не знаю, — директор погрузился в размышления, не забывая, однако, зорко поглядывать на Алину. — Домой к себе его взять, что ли…

Она подскочила на стуле.

— Куда? Куда?!

— Ты, Алиночка, не волнуйся. Тебя-то попросить об этом я не могу, — голосом гипнотизера вещал директор. — Зачем тебе такая обуза, правда? Я бы, например, ни за какие коврижки! Да что там, даже за годовую премию — и то не согласился бы! Так что, оформляй-ка его в приют. Прямо вот сейчас и займись!

Алина-барракуда посмотрела на директора круглыми глазами, потом перевела взгляд на портрет великого педагога Макаренко, висевший над директорским столом.

Некоторое время она созерцала прославленного корифея молча, как бы освежая в памяти его новаторские и необыкновенно эффективные педагогические методы, блестяще зарекомендовавшие себя в колонии для малолетних преступников, которую, как известно, и возглавлял Антон Семенович Макаренко.

Затем она пододвинула к себе коробку конфет и, в глубокой задумчивости, принялась лихорадочно уничтожать их одну за другой, не замечая вкуса. На десятой конфете директор слегка заволновался: неужели его блестящий и тщательно обдуманный план не сработает?

Но тут Алина-барракуда положила обратно надкушенный трюфель и мрачным голосом произнесла:

— Ладно. Одна неделя — это не так уж долго… всего семь дней. Вытерплю.

Директор подавил вздох облегчения, вытащил из коробки очередную салфетку и промокнул лысину.

— Но…

— Что, Алиночка?

— Мне нужен отгул! Понимаешь? Отгул. И немедленно!

Директор задумчиво отхлебнул остывший чай.

— Зачем тебе отгул?

Скрывать Алине было нечего и она ответила прямо:

— Хочу напиться.

— Напиться?!

— У меня почти неделю будет жить пятиклассник Соловьев. Ребенок! Мне даже как-то не по себе, — призналась она, дожевывая последнюю конфету из коробки. — Сам знаешь, когда детей много и они в классе — это одно. А когда ребенок дома и ты с ним один на один… — Алина покачала головой. — Думаешь, легко будет?

— Ты справишься! Заодно и по географии его подтянешь. Но отгул? — директор замялся. — Конец четверти, Алиночка, столько дел, не до отгулов! У тебя, кстати, и ведомости не все заполнены, я проверял. И потом, — он блеснул очками. — Зачем тебе напиваться? Ты же женщина!

— И что? — мрачно спросила она. — Я хочу успокоиться, нервы в порядок привести.

Директор задумался.

— Может быть, ты просто поплачешь? — с надеждой спросил он. — Прямо тут, в моем кабинете? Это очень успокаивает, все учительницы говорят. А я могу выйти на это время. Поплачешь — и никаких отгулов! А?

Алина хмыкнула. Последний раз она плакала около двадцати

лет назад, когда разбушевавшийся попаданец-зомби прокусил ей ногу, но об этом учительница географии решила директору не сообщать.

Она с сожалением посмотрела на пустую конфетную коробку и поднялась.

— Плакать я не буду. Лучше пойду, сообщу Соловьеву радостную весть. Пусть он плачет!

О том, что ждет его в ближайшее время, Алина сообщила Соловьеву голосом тролля, привыкшего каждый день завтракать маленькими детьми. Однако вредный пятиклассник вместо того, чтобы испугаться, почему-то обрадовался, чем расстроил Алину-барракуду неимоверно.

…Конечно, события в школе, где трудилась, воспитывая подрастающее поколение, Алина, происходили незаурядные (поразительно, как быстро разлетаются новости! Поглазеть на пятиклассника Соловьева сбежались все ученики, от мала до велика, солидные девятиклассники даже пожимали ему руку и сочувственно похлопывали по плечу), но и в кофейне «Последний белый слон» тоже было нескучно.

Черный ворон Дэберхем, сидя за окном на цветочном ящике, сначала постукивал клювом в стекло, безуспешно привлечь внимание Ньялсаги, уткнувшегося в ежедневник, потом перелетел на веранду — постучать в другое окно, а заодно отвязаться от рыжего бездомного кота, который намеревался изловить птицу. В конце концов, Дэберхем, потеряв терпение, устроил такую безобразную драку с котом, что Ньялсага, услыхав шум, очнулся, глянул в окно и выскочил на веранду с проворством молодого лепрекона.

Когда же кот был с позором изгнан, а Дэберхем, торжествуя победу, улетел с поля брани, Ньялсага вернулся в кофейню, сел за стол и вытащил из кармана мобильный телефон.

Белокурая девушка-официантка принесла кофе.

— Ваши друзья скоро подъедут? — поинтересовалась она, угощая Лукерью сухариком. — Приготовить для них пиццу?

Ньялсага поморгал глазами, соображая.

— Что? А… нет, не нужно. Они ненадолго.

Когда девушка отошла, он покачал головой.

— Прорицатели, Лукерья, иной раз прямо в тупик ставят своей осведомленностью. Вот, помню, знал я одного гоблина, тоже провидца, так он…

Собака демонстративно зевнула: историю про гоблина-провидца она слышала так часто, что знала наизусть.

— Не хочешь слушать — не надо! — сказал задетый таким

отношением Ньялсага.

Первым примчался Бахрам: он круглосуточно находился в полной боевой готовности и втайне очень гордился тем, что где бы не находился, добирался до кофейни «Последний белый слон» ровно за пятнадцать минут.

Ява частенько недвусмысленно намекал о больших неприятностях, которые грозят тому, кто гоняет по городу с такой скоростью, но Бахрам, имеющий обширные знакомства среди дорожных патрулей, неприятностей не боялся. Зато он всегда прибывал первым! Если же Ява или Алина, по чистой случайности, опережали его, Бахрам не на шутку расстраивался.

Усевшись за стол, Бахрам сразу же взял быка за рога.

— Ну, что?! Едем?

— Еще пять минут, — охладил его пыл Ньялсага, хотя и сам был как на иголках. — Сейчас Ява и Алина будут, они уже звонили.

— Звонили? Надеюсь, с надежного телефона? — тревожно спросил Бахрам, понизив голос.

— Алина — из учительской, Ява — из банка. Куда уж надежней!

Бахрам с надеждой взглянул в сторону витрины.

— Может, я тогда пожрать успею? Перекусить сегодня не удалось, голодный, как тролль по весне! Святые ежики, да я ехал и мечтал о пицце!

Ньялсага мельком взглянул на белокурую девушку.

— Потом поешь, не то того сейчас. Сухарик возьми, если хочешь.

Бахрам взглянул на тарелку с сухариками, пренебрежительно пожал плечами и от нечего делать принялся разглядывать портрет какого-то короля, что висел на стене. Монарх неведомого государства был изображен в кудрявом парике, в парадном воинском мундире, ладонь лежала на рукояти меча. А уж орденов! Тут и звезда, и банты с бриллиантами и…

Бахрам с досадой фыркнул. До чего ж везет некоторым — родиться королем! Все к твоим услугам, воюй на здоровье! И армия есть, и военачальники, и соседние государства, которые можно завоевать, а если с завоеваниями возиться не хочется, так хоть пограбить хорошенько…

Лишние деньги в казне никогда не помешают, да и воинскую славу приобрести бы неплохо. Однако ж, несмотря на это, некоторые облеченные властью личности сражения вести не желают. Почему?! Бахрам снова покосился на портрет неизвестного короля и вздохнул. Этот монарх, сразу видно, до войны не охоч. А чем еще, скажите на милость, настоящий

мужчина заниматься должен, если не воевать?!

Ньялсага закончил телефонный разговор и поднялся.

— Идем!

Бахрам вскочил, прихватил с тарелки самый большой сухарь и двинулся следом.

Ньялсага сбежал по ступеням веранды и направился к «Зеленому дракону», мирно дремавшему под окном кофейни.

— Так, говоришь, телефоны у Явы и Алины надежные? — вернулся к любимой теме Бахрам. — Хорошо, но проверить-то не мешает, — он тревожно оглянулся по сторонам. — Вдруг прослушивают? У меня есть знакомые, они могут с этим помочь. С проверкой линии, то есть!

— Какой дурак будет прослушивать школьные телефоны? Что он там важного узнает? Расписание уроков?

Бахрам оживился.

— Вот-вот! Они хотят, чтоб мы так и думали!

— «Они»?

Бахрам солидно кивнул, не вдаваясь в подробности, кто такие эти «они».

— Ну, где же наши?! Может, вдвоем, а?

— Цолери говорит, это оборотень. Хочешь повторения прошлогодней истории? Когда вы с Алиной, не дождавшись остальных…

— Так то Алина, — не согласился Бахрам. — А то — ты!

Он подумал и скромно прибавил:

— Ну, и я с тобой!

— Подождем немного…

Бахрам шумно вздохнул.

— Опять ждать! А Кемен со своими?

— Уже знают, — нехотя проговорил Ньялсага.

— Ежик всемогущий! Чего ж мы стоим?!

Послушался шум мотора, на парковке показалась серая машина с тонированными стеклами.

— Ява! — подскочил Бахрам. — Все, поехали!

Навстречу Яве тут же кинулась веселая Лукерья.

— Пошла вон! — сердито приказал тот, уворачиваясь от собачьих объятий.

— Выезжаем, — заторопился Бахрам. — Пора! Время не ждет, то есть!

Ньялсага сунул в карман ежедневник.

— Еще пару минут! Если Алина не успеет, тогда — без нее. А то, может, по дороге ее захватим…

Бахрам довольно потер руки.

— Ява, знаешь, кто сегодня? Оборотень!

— Знаю, знаю… — недовольно отозвался тот, счищая с плаща собачью шерсть.

— Кстати, у нас в эти выходные — большая игра. Ты как? Съездил бы хоть раз с нами? Совсем по-другому бы относился к пейнтболу!

— Делать мне больше нечего, кроме как бегать по лесам да друг в друга шариками с краской пулять. Детские игрушки!

— Пейнтбол — это не игрушка! Пейнтбол — это…

— … образ жизни, — кивнул Ява. — Слышал уже.

— Святые ежики, два дня, ночевка в горах! Будем разрабатывать одну секретную операцию, все, как полагается: сначала — разведка, потом — нападение на базу противника, с захватом заложников…имей в виду, будет женское подразделение «Дикие кошки»!

Ява заинтересованно взглянул на него.

— Пытки заложниц планируются? Нет? Ну, что ж тогда ехать? Только время терять…

Бахрам огорченно крякнул. Он давно уговаривал друзей принять участие в какой-нибудь широкомасштабной игре и каждый раз искренне расстраивался, когда они отказывались.

— Что же ты делать будешь на выходных? Чем займешься? Опять пойдешь к Цолери в старых книгах рыться? Искать ответы?

Ява пожал плечами.

— Это навсегда, приятель! — принялся втолковывать Бахрам. — Мы бессмертны и с этим ничего не поделаешь! Думаешь, мне не хотелось бы снова стать смертным, все жизнь воевать, а под конец — геройски погибнуть в сражении?

— Непременно в сражении? — улыбнулся Ява.

— Святые ежики! Умереть в бою — вот славная смерть! Но это невозможно, — огорченно сказал Бахрам. — Нечего и мечтать. Так что забрось ты эти древние книги, поедем вместе с нами… поедешь?

Ява отрицательно помотал головой.

— У нас в Черном Легионе ты бы, наверное, писарем был, — огорченно сказал Бахрам. — Скрипеть пером да перебирать бумаги — разве ж это дело для настоящего мужчины? Мужчина должен воевать!

— Писарем, как же! Я б сразу в маркитанты пошел. Спекулировал бы продовольствием, амуницию и фураж налево продавал, сколачивал капитал, а в свободное время посещал бы прекрасных юных дев!

Ява мечтательно вздохнул.

— А ты бы в это время мерз и голодал!

Бахрам забеспокоился.

— Голодал? Солдат должен хорошо питаться, иначе он воевать не сможет!

— Будешь окрестные деревни грабить, — безжалостно сказал Ява. — Продовольствие-то я к рукам приберу!

Бахрам сокрушенно вздохнул.

— Крестьяне в наших краях бедны. Их и пограбить-то толком не удастся…

— Ладно уж, приходи тогда ко мне, своему маркитанту. Я тебе по старой дружбе мешок сухарей недорого продам.

Ньялсага взглянул на солнце, определяя время.

— Все, больше ждать некогда. Едем!

В этот момент и появилась Алина. Она была в синих джинсах, короткой коричневой куртке и ботинках, на плече у нее висела спортивная сумка.

— Алина, быстрей в машину! — скомандовал Ньялсага. — Подробности по пути расскажу. Ты с кем поедешь: со мной или…

— У тебя в машине бардак, все сиденья — в собачьей шерсти. Ява, я с тобой поеду!

Они поспешили к машинам.

— Новости у нас, — на ходу говорил Ньялсага, роясь в карманах в поисках ключей.

— У меня тоже, — мрачно ответила Алина.

— Оборотень! — понизив голос и вращая глазами, пояснил Бахрам.

— А у меня — ребенок! — отрезала Алина.

Бахрам осекся на полуслове.

— Ребе… кто? — недоверчиво переспросил Ньялсага.

— Святые ежики, Алина! Откуда он у тебя?!

Алина выразительно промолчала, Бахрам слегка покраснел.

— А чей ребенок? — поинтересовался Ява. — Твой?

— Ты что, с ума сошел?! Как он может быть мой?

— Откуда ж он взялся?

— Бабушка пятиклассника Соловьева в больницу попала. Ребенка девать совершенно некуда, родственников нет. Не на улице же его оставлять? Ну, вот мы и решили…

— Кто это — «мы»?

— Мы с директором школы. Поживет у меня неделю.

— Ах, с директором…

— Да. По крайней мере, мальчишка хоть питаться нормально будет. Явится вечером из школы, я ему обед приготовлю.

— Ежик всемогущий…. — в ужасе воскликнул Бахрам. — Ты будешь его кормить?!

Алина бросила в его сторону короткий взгляд, и Бахрам мигом заткнулся.

— Он будет получать полноценное питание. Например, вчера я лепила вареники с творогом. Можете завернуть ко мне вечером, угощу.

— Я, Алина, здорово занят сегодня, — не моргнув глазом, соврал Ньялсага. — А вот Ява с Бахрмом, они — с радостью!

— Я тоже занят, — отперся Ява. — Да ты, Алина о нас так не заботься, мы привыкли к простой незатейливой пище…

Алина вздохнула.

— Ну, как же. Вы, можно сказать, моя семья…

— Святые ежики, Алина! Снова-здорово, опять вареники! Ты их всю неделю лепишь, что ли? — вмешался в разговор бесцеремонный Бахрам. — Я творог уж видеть не могу! Ты другое что-нибудь готовь. На одних варениках далеко не уедешь!

— Дебилы, собирающиеся куда-то ехать на варениках, мне не семья! — отрезала Алина, села в машину и громко хлопнула дверцей.

Бахрам почесал в затылке, подумал.

— Ява, ты слышал, у Алины — ребенок. Ей в школе его выдали!

— Слышал, не глухой…

— Будет у нее жить. И она будет его кормить!

— А вот это печально.

Алина опустила стекло:

— Долго вы копаться будете? Мне домой надо. С детьми столько хлопот, просто голова кругом. Вот, сбегала на большой перемене в магазин, купила книгу «Питание школьника». Еда для ребенка должна быть питательной и полезной, богатой витаминами! И еще: я сейчас кухню Италии изучаю, так что скоро спагетти вас угощу, раз вы вареников не хотите.

Бахрам вздрогнул.

— Святые небеса, помогите нам пережить Италию! — пробормотал Ява, переглянувшись с приятелем.

— Слышь, маркитант, — вполголоса сказал Бахрам. — Насчет ребенка… надо бы завтра заехать к Алине, нормальной еды пацану привезти. Пока она его не угробила… не отравила, то есть!

На его счастье слов этих Алина не расслышала.

…На большом гранитном валуне сидел, нахохлившись, черный ворон и, наклонив голову, прислушивался к словам Ньялсаги.

— Амулеты у всех есть?

— Какой именно оборотень? — деловито уточнил Бахрам.

— Неизвестно. Возможно, волк, возможно вервольф, не к

ночи будь помянут… кошка, крыса или просто галлюцинация, как в прошлый раз.

Ньялсага развернул бумажку с заклинанием, пробежал глазами и сунув обратно в карман.

— Если это действительно оборотень, он здесь, — Ньялсага кивнул на тяжелую дверь, ведущую в полуразвалившийся давным-давно заброшенный форт. — Больше ему деваться некуда. Поблизости ни леса, ни гор, только берег моря: оборотню и укрыться-то негде.

Он посмотрел на развалины. Большая часть форта находилась под землей — огромный лабиринт пещер, туннелей и коридоров, раскинувшийся прямо под ногами людей. В другом мире, в том, который он покинул много лет назад, этот подземный город, темный, сырой и холодный, был бы, без сомнения, густо населен. Это место прямо-таки предназначалось для самых опасных тварей, которые прятались бы здесь от солнечного света и человеческого общества, бесшумно крались по темным и узким коридорам и выбирались бы на поверхность земли лишь ночью, подстерегая добычу. И уж, конечно, никто из людей отважился бы сунуть нос в населенное монстрами подземелье. Да что там люди — даже чародеи не вошли бы сюда по доброй воле, разве только тогда, когда под землю их бы загнали совсем уже отчаянные обстоятельства!

— Заклинание для ночного зрения, заклинание личной безопасности и еще одно, которое, поможет обнаружить живое существо в подземелье, — озабоченно перечислил Ньялсага. — Вроде все… на рожон не лезьте, ясно? Первым иду я, Ява и Бахрам — за мной. Алина, ты здесь останешься. Нечего тебе там делать…

Он раздал амулеты.

— Соблюдайте осторожность, а то, чего доброго, оборотень одним из вас пообедает.

— Ты классно пошутил! — поспешно вставил Ява, вспомнив наставления Алины.

Ньялсага озадаченно умолк.

— Когда?

— Да вот, прямо сейчас. Отличная шутка была — про обед!

— Конечно, — поддержала Яву Алина. — Замечательная!

Ньялсага вздохнул.

— Да нет, это как раз не шутка была. Будьте осторожны! На все про все у нас полчаса, потом заклинания придется обновлять. Бахрам, сеть с собой?

Бахрам похлопал себя по карману.

— А как же! Святые ежики, с того момента, как Дэберхем нам

принес новость о «попаданце» всего ничего прошло, а мы уже его обнаружили! Пусть Кемен со своими утрется!

— Ты погоди радоваться-то, — пробормотал Ньялсага, направляясь к двери. — Скажешь это, когда все закончится.

И, как это частенько бывало, оказался прав.

Ржавая железная дверь со скрежетом отворилась и из темноты подземелья показался Кемен, в своей неизменной джинсовой куртке и бейсболке, низко надвинутой на глаза. Следом появился Лютер с заткнутым за пояс пистолетом. Ньялсага услышал, как позади него Бахрам выругался.

Следом за людьми появился молодой парень, босой, со сбитыми грязными ногами, в грубой и довольно грязной одежде. Спутанные волосы невыразительного серого цвета и карие глаза, в которых виднелся страх.

— С дороги, — бросил Кемен вместо приветствия, и Ньялсаге не оставалось ничего другого, как посторониться.

— В этот раз вы первыми не успели, — «Бриммский василиск» не отказал себе в удовольствии сообщить это и подтолкнул парня в спину.

Ньялсга пригляделся к «попаданцу» внимательней.

Разные существа попадали сюда и все они вели себя по-разному: одни впадали в ярость от страха, другие — мгновенно оценивали ситуацию и находили в ней немалые выгоды для себя, третьи — воспринимал город, как поле для большой охоты и были опасны для всего живого. Но были и те, кто подобно пойманному оборотню, попав в новую обстановку, цепенел от страха, плохо понимая, что творится вокруг.

Но, несмотря на это, Кемен, конечно же, принял кое-какие меры предосторожности: на шее у парня поблескивал металлический ошейник.

— Живое серебро? — хмуро спросил Ньялсага. — Где раздобыл?

— Где раздобыл, там уже нет. С лахши-оборотнем без него нельзя, — сообщил Кемен, вынимая из кармана телефон. — Пока этот ошейник на нем, он не сможет ни в кого превратиться.

Он поднес к уху телефон. Где-то неподалеку послышался шум мотора.

— Лахши? — переспросил Ява.

— Очень немногочисленная группа оборотней, — пояснил Ньялсага, не сводя глаз с перепуганного парня. — Им не нужно полнолуние, чтобы обернуться. Превращение может застигнуть их в любой момент. Происходит это непроизвольно и они его не контролируют… как и себя. Лахши становятся очень свирепыми и кровожадными.

— Правильно, — кивнул Кемен. Даже сейчас он казался самым обычным жителем города, неприметным и незапоминающимся — такая заурядная внешность отлично маскировало его цепкий острый ум. Ньялсага уже давно убедился, что в выслеживании «попаданцев» Кемену равных не было. Иногда, после очередной стычки, Ньялсага раздумывал, что за аура могла быть у этого человека, но пожимать Кемену руку, чтобы узнать это, не хотелось. На дороге, ведущей к форту, показался белый потрепанный пикап. Лютер подтолкнул оборотня и они двинулись по направлению к машине.

— Он же никого не убил, — заикнулась было Алина. — Мы могли бы сегодня утром отправить его обратно…

Но Лютер не удостоил ее и взгляда: прошел мимо, будто не слышал ее слов.

— Если на него когда-нибудь нападет оборотень, — сквозь зубы процедила Алина. — Я и пальцем не пошевелю!

— Убил или не убил — какая разница? — обронил Кемен. — Мы нашли его первыми, значит, и говорить не о чем. Кстати, — он перевел взгляд на Ньялсагу. — Что-то частенько вы стали успевать первыми, а? Придется потолковать с Цолери.

Ньялсага промолчал.

Кемен твердо знал, что нелюдям не место в этом мире. Ньялсага считал так же, но на этом их сходство и заканчивалось.

Не так давно между ними, наконец-то, установилось что-то вроде вооруженного перемирия, но под слоем серой золы тлели угли, и достаточно было легкого ветерка, чтоб раздуть их, и пожар заполыхал бы снова.

Поэтому, Ньялсага отвел глаза, чтобы не видеть, как ведут к белому пикапу оборотня, испуганно озирался по сторонам, не понимал, ни того, куда он попал, ни того, что происходит, ни того, что ждет его дальше.

— До встречи, ребята, — бросил Кемен и двинулся к пикапу, за рулем которого сидел молодой крепкий парень. Он появился в команде Кемена совсем недавно и Ньялсага еще плохо его знал.

Когда пикап исчез за поворотом, Ньялсага взглянул на ворона, который по-прежнему черным изваянием сидел на гранитном валуне.

— Возвращайся, Дэберхем, — Ньялсага хотел сказать что-то, но сдержался. — Передай Цолери — мы не успели.

Глава-4

Спустя пару дней после известных событий, Ньялсага подходил к дому Алины. Темнело, дом светился желтыми окнами и, казалось, что там, за задернутыми шторами, течет уютная спокойная жизнь. Впрочем, наверное, так оно и было.

Стоило ему свернуть во двор, как за гаражами и в подвале началось оживление: знакомые собачонки спешили засвидетельствовать свое почтение и робко намекнуть об ужине.

— Здорово, лохматые! — поприветствовал их Ньялсага. — Что, есть хотите?

Он отыскал взглядом окна Алининой квартиры: в кухне горел свет.

— Опять что-то готовит, — сокрушенно вздохнул заклинатель. — Итальянские рецепты осваивает, не иначе!

Вдруг собачонки насторожились, учуяв чужого: со стороны парковки приближался человек, который, как совершенно точно они знали, собачье племя не любил и никогда ничем вкусным не угощал. Дворняжки еще раз застенчиво напомнили, что перекусить Алининой стряпней они совершенно не против и скрылись в темноте.

Ньялсага указал подошедшему Яве на освещенные окна.

— Гляди, Алина на кухне. Готовит!

— Даже под пытками она не заставит меня ужинать, — решительно отрезал тот. — С меня и мяса «Дофин» хватит. Расскажи лучше, что там с гостем? Почему ты нас не дождался?

Ньялсага вздохнул:

— С гостем… ну, я остался жив-здоров. Это плюс! А минус…

Он вздохнул, затем решительно сказал:

— Пойдем к Алине, там поговорим.

У подъезда им повстречался Бахрам, нагруженный коробками, свертками и пакетами.

— Святые ежики, вовремя вы. Ява, ну-ка помоги!

Он протянул ему пару увесистых пакетов, коробку, от которой пахло чем-то горячим и вкусным и небольшой сверток, завернутый в бумагу, с логотипом местной кондитерской фабрики.

— Держи! И еще вот это. Это тоже… а еще одну коробку тебе не дать?

— Не дать. Пусть кто-нибудь другой потрудится, — Ява покосился на Ньялсагу, но тот сделал вид, что намека не понял.

— Где гость? — продолжал Бахрам. — В агентстве никого

нет, я заезжал. Где он? Кстати, слежки за собой не замечали? Нет? Точно? Надо быть начеку!

— За мной следят, я точно знаю, — сообщил Ява. — Спецслужбы держат под колпаком день и ночь!

— Вот ты смеешься, а ведь всякое может быть! — назидательно заметил Бахрам. — Надо держать ухо востро!

Они поднялись на третий этаж, Ньялсага уже протянул руку, чтобы по привычке открыть замок заклинанием, но припомнил недавний разговор и решил не рисковать.

— Знаете что, — нерешительно сказал он. — А ведь и, правда, неудобно как-то без предупреждения заваливаться. Наверное, надо было прежде позвонить? А?

— Святые ежики, что тут неудобного?

— А вдруг у нее… — Ньялсага помялся. — Возможно, у нее сейчас… кто-нибудь? Друг или еще кто?

Ява недоверчиво уставился на него.

— Ты пошутил? Уже можно смеяться?

— Она недавно про учителя математики рассказывала. Он сначала мел у нее воровал, а потом в кино пригласил. Или, по-твоему, у Алины не может быть ухажера?

— Может, — согласился Ява. — Укротитель из цирка. Дрессировщик львов.

— А она говорила…

Неожиданно дверь распахнулась: на пороге стояла Алина с огромным ножом в руке.

— Э… привет, Алиночка, — Ньялсага покосился на сверкающий нож. — А мы вот мимо проходили и решили завернуть, рассказать последние новости. А потом подумали, что ты ведь можешь быть и не одна. А?

Он вопросительно уставился на нее.

— Я не одна, — важно сказала Алина. — И что?

Ньялсага и Ява переглянулись. Бахрам озадаченно хмыкнул.

— Ежик всемогущий, а с кем? — бестактно поинтересовался он.

— Кто там, кто?! — неожиданно заорал из глубины квартиры мужской голос. — О! Я так и знал! Я подозревал! Ты изменяешь мне! Ты разбила мое сердце! Я убью тебя!

Ньялсага вопрошающе посмотрел на Алину.

— Ах, Педро! — истошно завопил в ответ женский голос. — Как ты можешь подозревать меня! Наша любовь…

Ньялсага сдержанно кивнул. Мыльные сериалы были еще одним пылким увлечением Алины — после кулинарии, конечно.

— Заходите, — пригласила она. — Я тут на кухне кручусь, делаю ребенку свежий салат. Очень важно, чтобы детский

организм получал витамины, необходимые для полноценного существования!

Бахрам поспешно протянул хозяйке коробки и свертки.

— Вот, держи. Я кое-чего захватил для детского организма. Пицца еще горячая. А вот тут, — он забрал у Явы пакеты. — Чипсы, булочки с сосисками и пиво!

В прихожую на запах горячей пиццы выглянул пятиклассник Соловьев.

— Зачем же это? — сдвинула брови Алина. — Я готовлю суп минестроне и спагетти с базиликовой подливкой. А ты — пицца!

— Ну, она тоже вроде как итальянская, — почесал в затылке Бахрам. — Это я мелкому привез!

— Пиво тоже мелкому?!

Бахрам громко захохотал.

— Не, пиво — нам!

Он вручил коробку Соловьеву.

— Ух, ты, пицца! — обрадовался тот.

Довольный Бахрам вынул из кармана большую плитку шоколада и положил на коробку.

— Это шоколад из неприкосновенного запаса суперсекретных агентов, — заговорщицким тоном сообщил он. — Съешь только в случае голодной смерти. Ну, или когда будешь на сверхсекретном задании! Ясно?

— А вы — суперсекретный агент? — с благоговением спросил пятиклассник, взирая на него снизу вверх. — На спецоперациях бывали?

Бахрам многозначительно промолчал.

— Ух, ты… — восхищенно протянул пятиклассник Соловьев. — А рассказать что-нибудь можете?

— Подписка о неразглашении, — солидно пояснил Бахрам. — Но скажу по секрету, сынок, я побывал в самом пекле!

Он положил руку на плечо пятикласснику.

— Однажды врагу удалось окружить нас в ущелье и мы, отрезанные от мира, целый месяц вынуждены были питаться только конфетами и мороженым. Это была настоящая пытка!

Он помолчал, как бы припоминая ужасные события, и понизил голос:

— Не все выжили! А тем, кому посчастливилось уцелеть, пришлось проходить курс лечения лимонадом и шоколадными тортами. Только так можно было вернуться в строй! Понял?

Соловьев потрясенно молчал.

— Ну, вот и поговорили, — заключил Бахрам. — А теперь иди и лопай пиццу, пока не остыла!

Он проводил взглядом пятиклассника и довольно хмыкнул.

— Проходи на балкон, суперагент, — вздохнула Алина. — И больше пиццу не привози. Ребенку нужно сбалансированное питание, а не сухомятка!

Бахрам двинулся за Ньялсагой и Явой, на ходу открывая банку пива.

— Пусть привыкает к суровой солдатской жизни!

— Привыкнет еще, успеет, — проворчала Алина.

…На балконе стоял маленький столик и два раскладных стула — один заняла Алина, на другом, с банкой пива в руке по-хозяйски расположился Ява.

— Только рискни положить ноги на стол, — сразу же предупредила его Алина. — Не знаю, что я тогда с тобой сделаю!

— Я и не собирался.

— Но ты об этом подумал!

— Ты что, прорицатель? — скептически поинтересовался Ява.

Ньялсага встрепенулся.

— Кстати, о прорицателе! Как раз хотел вам рассказать…

— Ты лучше расскажи о «попаданце» и о том, почему ты его отправился искать в одиночку! — суровым голосом перебила Алина.

— Святые ежики, — Бахрам окинул взглядом вечерний пейзаж: темный двор, зеленое вечернее небо и видневшееся за домами море.

— Отличная погодка! Надо бы нам всем за город съездить, на природу, то есть!

Алина пожала плечами.

— Зачем?

— Развлечемся, — туманно пообещал Ява, переглянувшись с Ньялсагой.

— Знаю я ваши развлечения. Опять уедете куда-нибудь в лес, и просидите весь день в машине, пытаясь перепить друг друга. Потом самый стойкий позвонит мне и попросит приехать и развезти вас по домам. Нет уж… хватит с меня!

— Если бы кое-кто не жульничал и не использовал заклинания, — расстроено прогудел Бахрам. — То еще неизвестно, кто бы в прошлый раз победил!

Алина поднялась и стала расставлять на столике тарелки.

— Пока по городу шляется оборотень, о развлечениях можно забыть.

Она посмотрела на Ньялсагу, как на нерадивого ученика, предусмотрительно забывшего дома дневник, чтоб не схлопотать еще одноу «двойку» по географии.

— Объясни, почему ты отправился на поиски один? Ты же

сам учил нас никогда так не поступать!

Ньялсага на мгновение почувствовал себя в шкуре пятиклассника Соловьева.

— Времени в обрез было, — начал он оправдываться. — Цолери сказал, что Кемен со своей бандой уже выехал. Да и «попаданец»-то — ничего особенного, мелочь какая-то, вроде лепрекона или фильги. Я и решил проверить на скорую руку, благо, как раз и время свободное выпало. А получилось…

Бахрам пододвинул кастрюлю, навалил на свою тарелку груду тушеных овощей с мясом, потер руки и приступил к еде. Ява с интересом наблюдал, как приятель смело отправил в рот первую порцию.

— Рассказывай по порядку, — сказала Алина. Ньялсага вздохнул:

— По порядку… — он взял банку пива и подцепил кольцо. — Ну, случайно проходил мимо лавки Цолери, зашел, повидаться, узнать, нет ли каких новостей. А у него Кемен сидит, выясняет, почему очередной гость уже год как в этом мире околачивается, а Цолери его только-только почуял! Дэберхем как раз собирался лететь к нам с новостью.

Ява покосился на низкий столик, куда так удобно было бы положить ноги, потом взглянул на Алину и решил не рисковать.

— Кемен, конечно, думает, что Цолери специально прикрывал оборотня?

— Не знаю я, что он думает.

— Святые ежики! — вскричал Бахрам, поспешно прожевывая мясо. — Это Цолери-то? Да он никогда… он же соблюдает этот… как его… нейтралитет!

— Кемен постоянно к нему цепляется, — продолжил Ява. — Удивляюсь, почему Цолери это терпит.

— У Кемена, наверное, имеется какой-то компромат на него. И с его помощью он Цолери шантажирует, — со знанием дела заявил Бахрам.

— Цолери не больно-то пошантажируешь, — проворчала Алина.

— Компромат, конечно, — хмыкнул Ява. — Скажи еще: древний договор, подписанный кровью!

Бахрам перестал жевать и подозрительно уставился в тарелку.

— Святые ежики, Алина! Сдается мне, капусту надо тушить чуток подольше. Сыровата она. У нас в Легионе как-то была стряпуха из троллей, так она…

— Ты мне тут свои порядки не заводи, — умело поставила его на место Алина, уязвленная сравнением со стряпухой-

троллем. — «Сыровата»! В рецепте написано, что капуста должна похрустывать на зубах!

— Да уж, хрустит она, будь здоров, — пробурчал Бахрам и отодвинул тарелку.

Дождавшись, пока Алина и Бахрам закончат препираться, Ньялсага продолжил рассказ.

Он покинул книжную лавку «Бродяга», в первой же попавшейся подворотне сотворил самое простое заклинание поиска и двинулся на розыски. Конечно, полагалось вызвать кого-нибудь на подмогу, но времени на это не было. Лепреконы и фильги были миролюбивы и покладисты, угрозы людям не представляли, особых хлопот с ними никогда не было и Ньялсаге очень хотелось обнаружить гостя первым, до того, как на него наткнется Кемен со своими подручными.

Однако поиски ничем не увенчались.

Заклятье выводили заклинателя то на одну улицу, то — на другую, то уводило на набережную, а потом и вовсе растаяло в воздухе, оставив мага ни с чем.

— Быть такого не может, — озадаченно пробормотал Ньялсага. Он сложил еще одно заклинание, пустил его по воздуху — невидная человеческому глазу серебристая нить затрепетала на морском ветерке и тут же растаяла, оставив после себя лишь медленно гаснувшие радужные искры.

Ньялсага облокотился на высокий парапет и, глядя на море, задумался. Незваный гость умело скрывался, такого не было, пожалуй, со времен призрака по прозвищу Тень, злобного привидения, который, отправляясь в свой мир, попытался прихватить с собой и людей — желательно, мертвыми. Но каким образом обычному лепрекону удавалось почти год водить за нос Цолери с его феноменальным чутьем на потусторонние существа?

Ньялсага взглянул в небо: Дэберхема не было, значит, поиски Кемена тоже были пока что безрезультатными.

Он подумал еще немного и вернулся к «Зеленому дракону». В машине нагревшейся на солнце, было жарко и душно, а кондиционер сломался давным-давно. Ньялсага открыл окно и вынул из кармана куртки синий ежедневник — «походную» книгу заклинаний. На ее страницах имелись заклинания на все случаи жизни и уж, конечно, можно было отыскать несколько подходящих заклятий поиска для тех, кто не желал быть обнаруженным.

Он полистал страницы.

— Вот оно, — Ньялсага впился глазами в строчки, написанные от руки. Заклинание было составлено каким-то безымянным чародеем давным-давно и Ньялсага, перенося

четверостишие из основной книги в «походную» так и не удосужился перевести его с древнего языка на современный. С трудом припоминая значения иных слов и выражений, он принялся разбирать написанное.

— Гм… гм… «Надлежит прежде всего изловить серую кошку, дабы принести ее в жертву на одном из городских…». Кошку?!

Ньялсага с досадой захлопнул книгу.

Древний заклинатель явно выжил из ума и забыл, что серые кошки — это души убитых магов. А с мертвыми чародеями связываться — себе дороже!

Через минуту Ньялсага, успокоившись, снова открыл книгу и стал переворачивать страницу за страницей. Нужно было отыскать другое заклинание поиска и, желательно, такое, при котором не потребуется приносить в жертву серых кошек.

— Проклятый лепрекон, — сквозь зубы бормотал Ньялсага, пробегая глазами строчки. — Где ты научился скрываться от чужой магии? Закончил чародейскую школу?

Он перевел взгляд за окно.

— Лепрекон-маг? — спросил он сам себя и хмыкнул: лепреконы были свободолюбивы и непокорны, не терпели ни малейшего принуждения и чародейские школы с их жесткими правилами и порядками были явно не для них.

— А, может, это не лепрекон? — вдруг усомнился Ньялсага, пожал плечами и снова уткнулся в книгу. К счастью, вскоре обнаружилось еще одно заклинание и кошки в нем не упоминались. Обнаружить того, кто не желал быть найденным, можно было и другим способом: пролив в морскую воду собственную кровь и произнеся при этом соответствующие слова.

Он захлопнул книгу и порылся в набитом кучей хлама бардачке и нашел перочинный нож. Положив его в карман, Ньялсага покинул «Зеленого дракона», на прощанье похлопав его по нагревшемуся на солнце боку и направился к лестнице, ведущей к морю.

…Тут в рассказ шумно вмешался Бахрам.

— Святые ежики, ты что, взаправду собирался откромсать себе палец? — воскликнул он, вытаращив глаза. — Позвонил бы мне, я б мигом раздобыл тебе кошку! Вот у нас в Легионе один маг тоже как-то…

— Времени не оставалось, — сдержанно отозвался Ньялсага.

— Истинный самурай перед трудностями не отступает, — вальяжно развалившись на стуле, сообщил Ява, помахивая банкой с пивом. — Тот недостоин звания самурая, кто за свою жизнь не сделал себе хотя бы парочку харакири!

— Шутки у тебя, Ява… — недовольно пробурчал Бахрам и

умолк, а

Ньялсага продолжил рассказ.

…У воды он остановился. Поверхность моря играла тысячами сверкающих бликов, чайки качались на воде, как поплавки.

Он вынул из кармана складной нож, открыл, подошел к самой воде, и сосредоточился. Шум окружающего мира — плеск волн, крики чаек, голоса с набережной, теплоходные гудки и обрывки музыки — постепенно затихал. Дождавшись тишины, Ньялсага пробормотал короткое заклинание и уколол палец острием ножа.

Алая капля крови набухла и упала в воду, затем еще одна и еще.

Ньялсага ждал. Зеленая искрящаяся путеводная нить появилась в воздухе, скользнула в сторону, точно подхваченная ветром, и полетела вдоль набережной.

…Теперь, главное, было не потерять паутинку из виду: путеводное заклинание никого не ждет, просто летит себе, как заблагорассудится и если заклинатель ее упускает — что ж, возвращайся на берег и начинай все заново!

Вот только уверенности, что во второй раз все получится, у Ньялсаги не было.

Он взбежал вверх по лестнице набережной и оказался возле дороги. Путеводная нить, невидимая другим, закружилась в воздушном потоке, плавно перелетела через проезжую часть и поплыла дальше.

— Давай, давай, — побадривал его заклинатель. — Ищи лепрекона!

Снова у него мелькнула мысль, что тут что-то не складывается, ведь с обнаружением лепреконов никогда не было никаких проблем: попадая в незнакомый мир, они сразу же отправлялись туда, где водились деньги. Прошлый лепрекон, к примеру был обнаружен в хранилище одного из банков и извлекать его оттуда пришлось, конечно же, Яве.

Но тот, которого разыскивал сейчас Ньялсага, явно отличался от своих соплеменников и умел прятаться куда лучше!

Вскоре Ньялсага с беспокойством заметил, что зеленый блеск путеводной нити становится все слабее: заклинание теряло свою силу, а значит, вскоре исчезнет совсем. Его, конечно, можно было обновить, но придется возвращаться к морю, терять время, а Кемен тем временем, вполне может отыскать лепрекона безо всяких заклинаний: на гостей из другого мира у него был прямо-таки звериный нюх.

Но путеводная нить, почти полностью выцветшее и

утратившая зеленый блеск, продолжала вести Ньялсагу. Вот она на секунду застыла в воздухе, поплыла в переулок, заклинатель поспешил за ней, и оказался в самом обычном дворе: тихом, зеленом, с лавочками у подъезда и песочницей в самом центре.

— Тролль тебя задери! Жилой дом…

Почти невидимая нить скользнула в один из подъездов и поплыла наверх. Вслед за ней, отсчитывая этажи, торопился Ньялсага.

На площадке четвертого этажа заклинание вспыхнуло, рассыпалось бледно-зелеными искрами и исчезло.

— Где-то здесь, — негромко проговорил заклинатель, рассматривая одинаковые двери, обитые дешевым серым дерматином. За которой из них скрывался лепрекон?

Впрочем, гадать Ньялсага не любил. Он порылся в памяти, вспоминая заклинание, которое заставило бы существо, не принадлежащее этому миру, почувствовать смутное беспокойство и выглянуть за дверь. Действовало заклинание избирательно и гость посерьезнее лепрекона его бы и не почувствовал, но…

Шаги за дверью послышались прежде, чем Ньялсага успел произнести первое слово заклинания. Щелкнул замок, звякнули ключи, и дверь распахнулась.

На пороге стоял невысокий, ничем не примечательный человек средних лет.

Увидев его, Ньялсага остолбенел.

— Заклинатель? — в высшей степени доброжелательно осведомился человек.

— Э-э-э… вечер добрый, — заикаясь, выдавил тот: ничего умнее в голову не пришло.

Он смотрел на стоявшего перед ним человека самой безобидной внешности, сутулого, лысоватого, в больших роговых очках, одетого в мятые домашние брюках и спортивную курточке, обутого в разношенные шлепанцы и клял себя за то, что понадеявшись на встречу с обычным лепреконом, не озаботился дополнительным охранным заклинанием, желательно, самым сильным из всех, что когда-либо существовали на свете.

Древний кровожадный монстр, высший оборотень из клана Предвестников смерти стоял на пороге и разглядывал незваного гостя с расстояния вытянутой руки.

… В этот драматический момент балконная дверь открылась, и на пороге появился пятиклассник Соловьев с тарелкой в руках:

— Алина Сергеевна, вам пиццу оставить? — с набитым ртом пробубнил он.

— Оставь меня в покое, мучитель, — скорбно ответила

Алина. — Доедай и садись «Занимательную математику» читать. В начале следующей недели проверочная работа будет, мне ваш математик по секрету сказал.

— Я на «пятерку» напишу, — похвалился Соловьев, набивая рот пиццей.

— Как же, на «пятерку»… — тяжело вздохнула Алина-барракуда. — Хоть на трояк вытяни — и то хорошо.

— Святые ежики, замучили пацана математикой! — громко возмутился Бахрам но, заметив пристальный взгляд Алины, тут же исправился: — Но вообще-то, будущему суперагенту математика нужна. Иногда…

— Считать трупы врагов? — лениво поинтересовался Ява.

— Трояк? Спорим, я на «отлично» напишу? — азартно спросил пятиклассник. — Спорим?!

Ньялсага отставил в сторону пустую банку из-под пива.

— Спорим, спорим. На что?

— На наклейки от супер-мега-конструктора «Терминатор»! Видали такой?

— Видал, — покривил душой Ньялсага. — Значит, на наклейки? Договорились. Давай пять!

Пятиклассник, сияя от предвкушения победы, протянул Ньялсге пятерню.

…Заключив необыкновенно выгодное пари, Соловьев поспешно скрылся в комнате с «Занимательной математикой» под мышкой, а Алина бросила нетерпеливый взгляд на Ньялсагу.

— Ну? — коротко спросила она. — Видел? Какая?

— Лазоревая, — задумчиво отозвался тот, привычно переводя цвет ауры пятиклассника в события жизни, через которые ему предстоит пройти. — С резким переходом в темно-синий. Нормальная жизнь у мальчишки будет, но потом произойдет что-то… что-то необычное… и это изменит его жизнь навсегда.

— Что произойдет?! — насторожилась Алина.

— Не знаю, я же не пророк.

— В каком смысле изменит? В хорошем? В плохом?

— Алина, откуда мне знать?! У Бахрама вон тоже… аура светло-зеленая, а потом — бац! — резкий переход в белую. Тоже, значит, какое-то событие судьбоносное произойдет, всю жизнь его поменяет, но в какую сторону — в плохую ли, в хорошую, кто его знает!

— В хорошую, — уверенно заявил Бахрам. — Стану я великим полководцем, вот увидите! Зеленый — цвет воинского флага в моем Легионе!

Алина задумчиво покачала головой:

— Не люблю я белый цвет. Белый — это… — она

запнулась. — Пустота. Ничто. Небытие.

— Глупости, — недовольно сказал Бахрам. — Хороший цвет, чистый!

— Может, к делу вернемся? — нетерпеливо спросил Ява.

— Вернемся, — Алина покосилась на него. — Ладно уж, так и быть… можешь положить ноги на стол. Смотреть жалко, как ты, бедняга, мучаешься… а обувь у тебя чистая?

Вопрос был задан для порядка: Ява питал к хорошей обуви слабость, и на его ботинках даже в осеннюю распутицу невозможно было обнаружить ни пятнышка.

Алина вытащила из упаковки две банки пива и протянула одну Ньялсаге.

— Поклянись нам, что больше никогда не отправишься искать гостей в одиночку! Видишь, как дело обернулось? Ты едва не угодил в лапы оборотня-людоеда!

— Святые ежики, интересно, как он выглядит по-настоящему? — поинтересовался Бахрам, завистливо поглядывая на Яву, который, воспользовавшись разрешением, положил ноги на край стола.

Алина хмыкнула:

— Оборотней не видел, что ли? Наверное, страшилище, обросшее шерстью, с когтями и хвостом. А, возможно, и с рогами!

Ньялсага вздохнул:

— Не знаю, как он выглядит. Оборотни этого клана умеют казаться обычными людьми — до тех пор, пока не превращаются в чудище из кошмарного сна. У них и магия особенная: опасная и жестокая.

Хорошо, хоть у меня хватило ума не плеснуть ему в лицо эликсиром…

— Почему же Цолери решил, что это лепрекон? — с недоумением спросила Алина.

— Определить не мог. Высшие оборотни во что угодно могут превращаться: в туман, в дождь, в снег, в дым. О них мало что известно: они живут очень обособленно, в пустынных местах, в лесах или горах и горе тому путнику, что окажется поблизости!

— А почему их клан называется «Предвестники смерти»?

— Кроме их необыкновенного уменья превращаться, у них имеется еще одна особенность. Каждый из высших оборотней — к счастью, их не так уж много — умеют оборачиваться желтым туманом. Особым туманом: любой, кто это видит, вскоре умирает. Я слышал, что Предвестники смерти не терпят, если поблизости селятся люди. Если такое происходит, кто-то из оборотней входит в город, превращается в желтый туман — и через пару дней в округе не остается ни одного живого человека. В некоторых

местностях, где живы легенды о высших оборотнях, люди до сих пор боятся тумана, даже самого обычного!

— Что-то вроде оружия массового поражения? — уточнил Ява.

— Точно.

Алина подумала.

— Но как, — осторожно начала она, глядя на Ньялсагу. — Как нам удастся выдворить отсюда такую опасную тварь? Что будет, если он… не захочет?

Ньялсага пожал плечами.

— Пока не знаю, — признался он. — Помощи нам просить не у кого, но и оставлять его здесь нельзя.

Они помолчали.

— Ежик всемогущий! Он рассказал, как попал сюда?

Ньялсага прислонился спиной к балконным перилам.

— Он до разговора не снизошел. Спросил, кто я такой, узнал, где агентство находится, и буркнул, что, возможно, соблаговолит заглянуть через денек-другой. Не расположен был к душевной беседе, ну, и я настаивать не стал. Его лучше не сердить.

Ньялсага посмотрел через плечо на ночной город, раскинувшийся внизу.

— Бахрам, можешь через своих знакомых раздобыть сводки о пропавших без вести за минувший год? Хочу посмотреть, не увеличилось ли их число ли за последнее время.

— Достану, — солидно кивнул тот. — Святые ежики, сам Предвестник смерти! Дело-то — труба!

— В каком смысле? — насторожилась Алина.

— В том, что если он и сожрал здесь кого-то, то есть, пролил кровь, все равно Кеменовская банда ничего с ним поделать не сможет, — пояснил Бахрам, развалившись на стуле. — Силенок у них не хватит с высшим оборотнем тягаться!

Он повернулся к Ньялсаге:

— А, может, оборотень и их сожрет, а? Он же людоед. Явятся они за ним, а он их — ам! И нету.

В голосе Бахрама явственно слышалась надежда.

— Нет, нам так сильно не повезет, — вздохнул Ява. — Это все равно, что миллион в лотерею выиграть.

— Гм… — помычал Ньялсага, не глядя на них. — Угу… я как раз сказать хотел…

Алина привстала, через стеклянную дверь балкона взглянула в комнату, где лежа на полу, среди разбросанных деталей конструктора, читал «Занимательную математику» пятиклассник Соловьев, и снова уселась на стул.

— Что сказать?

— Я… в общем, ну… пришлось мне ему позвонить.

— Кому?

— Кемену, — неохотно выдавил Ньялсага.

— Зачем?!

— Предупредить, чтоб они не совались к оборотню. Если, конечно, жить хотят.

Бахрам громко крякнул, смял пустую банку и бросил в мусорную корзину.

— Молодец, — с досадой процедила Алина. — Мы теперь служба спасения для идиотов? Не знала этого.

— Святые ежики, зря ты это! Пусть бы они с оборотнем потолковали, — расстроено пробубнил Бахрам. — Узнали бы, почем коврижки у горных троллей!

— Зачем, зачем ты это сделал? Кто тебя просил? Такой был подходящий случай избавиться от всех разом!

— Но, Алина… они все-таки, обычные люди. Не бессмертные!

— И слава небесам! Я бы не выдержала, если б мне пришлось общаться с ними на протяжении столетий. Особенно, с Лютером, он мне на нервы мне действует, высокомерная скотина! А теперь мне придется терпеть его еще лет сорок. Ну да ладно, вот станет он дряхлым старичком, уж тогда я оторвусь! — мечтательно проговорила она.

Ява усмехнулся.

Алина перевела взгляд на небо, где сияли яркие летние звезды.

— А как хорошо все могло получиться! Превратился бы оборотень в туман и… эх, ты мне всю жизнь испортил своей дурацкой порядочностью!

Она швырнула пустую банку в корзину, но промахнулась.

Ява поднялся, выкатил банку из-под стула и отправил в корзину.

— Значит, скоро нам придется уговаривать окопавшегося здесь смертельно опасного оборотня отправиться восвояси? — уточнил он. — Надо бы хорошо подумать над аргументами.

— Вот зайдет он к нам в агентство, поговорим с ним, узнаем, чего он хочет, тогда и думать будем, — отозвался Ньялсага.

Они помолчали, глядя с балкона в освещенную комнату. Пятиклассник Соловьев все так же валялся на полу, листая книгу, а на экране телевизора тянулись, сменяя друг друга, бесконечные серии мыльного сериала.

— Алина, зачем ты смотришь эту ерунду? — с недоумением спросил вдруг Ява.

— Вот доживешь до моих лет… — назидательно начала она, но умолкла и махнула рукой. — Просто смотрю — и все.

Красивая жизнь, высокие отношения, любовь навеки!

Алина вздохнула.

— Иногда хочется нормальной жизни, как у обычных людей. Дом, семья…что в этом плохого? Хочется, чтоб кто-нибудь обнял крепко-крепко и…

Ява оживился, убрал ноги со стола и наклонился к Алине.

— Я весь к твоим услугам! — многозначительно произнес он.

Она попробовала испепелить его взглядом, но Ява только ухмыльнулся.

— Святые ежики! — воскликнул Бахрам, с удивлением следя за перипетиями сюжета. — Почему они все время то плачут, то целуются?! Я вот как-то в Наргалию ездил, за новобранцами в Легион, — оживился он. — Так там очень похожие обычаи. При встрече принято обнимать друг друга, а если встречаешь женщину, то ее и поцеловать можно. В щеку, — уточнил Бахрам на всякий случай.

— Какой ужас, — вздохнула Алина. — Надо срочно ехать в Наргалию.

— Не хандри, Алина, — сказал Ньялсага. — Думай о хорошем. О будущем или еще о чем…

— Я бессмертна, — мрачно откликнулась она. — Какое у меня может быть будущее?

Алина поднялась со стула и окинула недовольным взглядом переполненную мусорную корзину, столик с грязными тарелками и груду мятых салфеток.

— Ну и бардак вы развели, а убираться-то опять мне! Валите-ка по домам.

— Вечно ты нас шпыняешь, как сержант — новобранцев, — пробурчал Бахрам, не делая никаких попыток подняться. — Давайте лучше еще по глоточку на дорожку!

Ньялсага покопался в коробке и протянул ему банку с пивом.

— За что выпьем?

Алина посмотрела на экран телевизора, где красиво страдали герои сериала, и вздохнула.

— Не знаю…

— За любовь, — сказал Ява. — Чтоб держаться от нее подальше!

…Утром следующего дня пятнистый микроавтобус с надписью «Агентство «Аргентина» — услуги для гостей города» на полной скорости влетел на парковку возле красивого нового дома-высотки и остановился, как вкопанный.

— Святые ежики, звони ему еще раз, — распорядился Бахрам, рассовывая по карманам массу полезных вещей: перочинный нож,

моток изоленты, амулет защиты от чужой магии, накануне выданный Ньялсагой, и многое другое.

— Пять раз звонила, — раздраженно откликнулась Алина. Она выпрыгнула из автобуса и громко хлопнула дверцей. — Телефон не отвечает!

Бахрам вылез следом и окинул взглядом чистый ухоженный двор с цветущими клумбами.

— А, может, на работе он? Кстати, пока мы сюда ехали, ничего необычного не заметила? «Хвоста» или еще чего? А?

— Нет его на работе, — отрезала Алина, пропустив мимо ушей вопрос насчет «хвоста». — Иди за мной!

Подъездная дверь оказалась заперта. Алина чертыхнулась, вспомнив, что бумажка с цифрами кода осталась на столе в школе и нажала кнопку домофона…

— Ежик всемогущий, — недовольно бурчал рядом Бахрам. — Снова-здорово, опять гости! Ты, Алина, как хочешь, а мне это уже надоело! У меня на следующей неделе большая игра будет, мы форт штурмуем и там…

В домофоне послышался короткий гудок.

— Да, — произнес чей-то голос.

Бахрам прервал рассказ.

— Утро, как говорится, доброе! Это…

Алина оттолкнула его и отчеканила:

— Ява, немедленно открой, хуже будет!

Раздался щелчок, и тяжелая бронированная дверь подъезда приоткрылась.

— Пойдем по лестнице, — предложил Бахрам, осматриваясь в просторном светлом холле подъезда. — Ишь, ты… как во дворце каком! У нас в Легионе был как-то военачальник родом из…

— Пешком на восьмой этаж? — Алина еще раз нажала на кнопку вызова лифта. — Нет уж…

Подъехал лифт, двери кабины, отделанной темным деревом и зеркалами, бесшумно разъехались.

— Красота, — довольно проговорил Бахрам, входя. — И кто в таком дорогом доме проживает?

Он покосился на маленькое электронное табло с рядом цифр, подумал и нажал на кнопку с цифрой «восемь». Лифт поехал вверх.

— Сотрудники банка, где Ява работает, — Алина мельком посмотрела в зеркало и поправила волосы. — Нам с тобой тут квартирки не по карману.

На восьмом этаже они вышли и направились к двери.

— Святые ежики, Алина, — помявшись, проговорил Бахрам. — Я вот тут подумал… по домофону-то, кажется, вовсе не

Ява отвечал, а кто-то другой?

— Какая разница, кто отвечал, — Алина решительно нажала пуговку звонка. — Ньялсага сказал, приехать всем, значит, мы все сейчас и приедем!

Она нажала кнопку и не отпускала до тех пор, пока за дверью не послышались шаги.

— И что за манера у него телефон все время отключать…

Дверь широко распахнулась.

— Э-э-э… — ошарашено выдавил Бахрам. — Я ведь говорил, что отвечал-то вроде не он… а кто-то другой…

На пороге стояла стройная загорелая девица с пышными черными кудрями, длинными ногами и такими формами, что голливудские звезды, узрей они такое великолепие, лишились бы сна и покоя до конца своих дней. Из одежды на загорелой красавице имелась лишь короткая мужская рубашка.

— Э… м-м-м… доброе ут… а мы тут… — нечленораздельно замычал Бахрам, полностью деморализованный увиденным. — Мимо вот проходили и…

Девушка с досадой фыркнула и, повернувшись, направилась в глубь квартиры, бесшумно ступая по пушистому ковру изящными босыми ступнями.

Бахрам шумно засопел.

Не обращая на него внимания, девушка принялась собирать раскиданную по всей гостиной одежду.

— А… м-м-м, — забормотал побагровевший Бахрам. — А… а я тут… нашел вот… это не ваше?

Двумя пальцами он снял с настольной лампы какую-то кружевную тряпочку и протянул красавице.

— Где хозяин? — громко осведомилась Алина, оглядываясь по сторонам: полуобнаженная длинноногая брюнетка не произвела на нее никакого впечатления.

Не проронив ни слова, девушка сбросила рубашку и начала одеваться.

— Посмотри в соседней комнате, — приказала Алина Бахраму. — Да не стой же ты с разинутым ртом, как горгулья!

Тот промычал в ответ что-то невразумительное, но с места не тронулся.

Алина вздохнула: Бахрам временно выбыл из строя, значит, розыски Явы ложились исключительно на ее плечи. Она деловито прикинула, с какой из комнат начать: апартаменты у Явы были просторные, так что поиски грозили затянуться. Немного поколебавшись, Алина решительно направилась к спальне, но тут дверь распахнулась, и появился Ява, на ходу застегивая джинсы. Он был босиком, по пояс голым, а его темные волосы, обычно

аккуратно причесанные, были взлохмачены.

— Вот и хозяин нашелся. На кого ты похож? Посмотри на себя в зеркало, чудовище! — с отвращением сказала Алина. — Ты чем занимался?!

— А, это вы… — пробормотал он, нисколько не удивившись присутствию в собственной квартире Алины и Бахрама. — Я? Я… э… работал. С коллегой, — он бросил растерянный взгляд на по-прежнему хранившую ледяное молчание девушку. — Срочная работа, проверка банковских документов одного из наших филиалов. Пришлось взять работу на дом.

Алина покосилась на разбросанную по ковру одежду.

— Вижу, работы у вас было невпроворот?

— Что-то я вчерашний вечер плохо помню… — пожаловался Ява, потирая лоб. — Наверное, перетрудился…

— Конечно, перетрудился, — Алина взглянула на девицу, которая, стоя посреди гостиной, застегивала пуговицы прозрачной блузки. — Но отдыхать некогда: Ньялсага ждет, срочное дело!

— Сидел над документами всю ночь, — бормотал Ява, потирая лоб. — А что ж дальше было?

— Голова болит? — сочувствующе поинтересовался Бахрам. Он заглянул в спальню, где царил жуткий беспорядок, заметил возле постели несколько пустых бутылок и присвистнул. — У нас в Легионе один раз тоже такое было! Поспорили как-то два тролля, кто больше выпьет, — оживленно начал он. — Купили бочонок…

— Раскалывается! Слушай, — Ява понизил голос и кивнул на девушку. — Не знаешь, как ее зовут?

— Святые ежики, — в отчаянии простонал Бахрам, мигом забывая про троллей. — Как можно… м-м-м… проработать с такой девушкой всю ночь и не помнить, как ее зовут?!

Ява вздохнул и повернулся к гостье.

— Привет, — он замялся, явно пытаясь вспомнить имя, в отчаянии оглянулся на Алину, та развела руками. — Утро доброе и все такое… я… ты… мы… э-э-э… закончили с документами?

Девушка бросила на него убийственный взгляд.

— Неужели не закончили? — пробормотал Ява, оглядываясь по сторонам.

Брюнетка отыскала за креслом маленькую сумочку, из-под груды одежды, валявшейся на полу, вытащила дамскую туфельку и огляделась в поисках второй.

— А что мы еще делали? — спросил Ява, но ответа не дождался. — Ты что сердишься? — догадался он. — Почему?! За что?! Клянусь, что бы я ни сделал, я этого не хотел!

Девушка выпрямилась.

— Хотел, — отчеканила она, испепеляя его огненным взглядом. — Еще как хотел! И не один раз!

Она схватила вторую туфлю, стоявшую почему-то на столе, за вазой с фруктами, обулась, и, высоко подняв голову, устремилась к двери.

— До встречи, — неуверенно сказал Ява вслед.

Девушка бросила что-то в ответ, и хлопнула дверью так, что стоявшие на столике высокие бокалы, зазвенели.

Бахрам и Алина переглянулись.

— Что она сказала? — слабым голосом спросил Ява.

— Обозвала тебя извращенцем, — с готовностью сообщил Бахрам и захохотал.

Ява без сил рухнул в кресло.

— Гнусная ложь! Она из конкурирующей фирмы, я все вспомнил. Коварно втерлась в доверие, хотела опорочить мое честное имя! Заманила домой, затащила в спальню, а потом…

— У тебя пять минут на сборы, — перебила Алина — Ньялсага нас будет ждать на берегу, возле старого Яхт-клуба.

— Зачем? — без особого интереса осведомился Ява.

— Ты что, до сих пор в себя не пришел, что ли? — набросилась на него Алина. — Кто-то в гости пожаловал!

— Опять? — он вздохнул, с трудом выбираясь из глубокого кресла. — Надоели они мне. Ладно, сейчас…

Ява, спотыкаясь, побрел к спальне.

— И ты, Алина, не кричи, ты же не в школе. И без того голова болит.

Спокойно разговаривай… лучше всего — шепотом.

— Шевелись, шевелись, — безжалостно командовала Алина.

…Ровно через пять минут компания уже стояла возле лифта и Ява изо всех сил жал кнопку вызова.

— Алиночка, — заискивающе говорил он, прислушиваясь, не едет ли лифт. — У тебя, случайно, пива с собой нет?

Алина расстегнула сумку и протянула холодную жестяную банку.

— Держи, извращенец… так и знала, что тебе понадобится!

День выдался пасмурным, небо затянули низкие облака и мерещились близкие сумерки, хотя время едва-едва перевалило за полдень.

Ньялсага гнал «Зеленого дракона», стараясь выжать из древней машины все, на что она способна, чтобы вовремя успеть к месту событий. Но «Дракон» торопиться не собирался, тащился еле-еле и, конечно, опоздал. Еще издалека Ньялсага заметил

сначала машину Явы, пятнистый микроавтобус Бахрама, а потом разглядел и еще кое-что: под деревом стоял старый белый пикап, на котором обычно ездил Кемен, а рядом с ним — синий внедорожник Лютера. Значит, Кемен отнесся к предупреждению серьезно, искушать судьбу не стал и поиски оборотня прекратил.

Ньялсага оставил «Дракона» возле автомобиля Явы и направился к группе людей, стоявших на пустынном морском берегу.

Надо как можно быстрее прояснить ситуацию, выяснить, кто подоспел первым, и главное, держать подальше Бахрама, который никогда не упускал возможности, как он сам выражался «немного поразмяться». Со дня на день Бахрам должен был уехать на большую игру, к которой готовился почти два месяца и все это время молил богов, чтобы не случилось ничего бы ничего экстраординарного, вроде появления гостей из другого мира. Но боги, судя по всему, сочли молитвы неубедительными.

У Ньялсаги к богам тоже имелись претензии: что им стоило придерживаться хоть какой-то очередности? Дождались бы, пока решится вопрос с оборотнем из клана Предвестников смерти и только после этого посылали бы кого-нибудь следующего! Так ведь нет…

Он коротко кивнул Кемену, тот ответил таким же сдержанным кивком. Лютер же, по своему обыкновению, не удостоил заклинателя и взглядом.

— Где гости? — спросил Ньялсага Яву.

Тот убрал в карман старинную золотую монету с заклинанием безопасности: еще вчера Ньялсага выдал каждому по галеону — на всякий случай. Когда в городе бродит высший оборотень, предосторожность не помешает. В монеты были превращены самые обыкновенные пуговицы, но отличить их от настоящих галеонов было под силу разве что лепреконам.

— Нету.

— Как это?

Алина вполголоса пояснила:

— Странная какая-то история получается. Дэберхем указал конкретно на это место?

— Конечно. Да я и сам проверял..

— Но никого нет!

Алина еще раз огляделась по сторонам.

— А, может, кто-то уже здесь? Невидимый?

Предчувствие опасности ворохнулось у Ньялсаги под сердцем.

Он осмотрел берег взглядом, усиленным магией.

— Здесь нет никого, кто не принадлежал бы этому миру.

Кроме нас и…

Черный ворон, громко хлопая крыльями, сделал круг над головами людей и плавно опустился на крышу белого пикапа. Кемен недовольно покосился на птицу, но промолчал.

— Ладно… давайте пока о приятном, — вздохнул Ньялсага. — Кто подъехал первым, вы или они?

Ответил Ява:

— Подъехали мы одновременно, секунда в секунду. Так что, как разбираться сейчас будем — не знаю.

— Святые ежики, что неясного? Я им сейчас рожи начищу — вот и разберемся!

— Ты бы раньше времени на рожон не лез, — посоветовал Ява, здраво оценивая ситуацию.

Алина неприязненно посмотрела на Лютера и поджала губы.

— Мечтаешь, что бы ты с ним сделала, попади он в твои руки связанным? — ехидно поинтересовался Ява, от которого не укрылись взгляды, которыми обменялись Алина и «Бриммский василиск».

— Заткнись, извращенец, — проворчала она.

Ньялсага подумал немного и вздохнул.

— Деваться некуда, придется потолковать с Кеменом.

— Потолковать? — переспросила Алина. — О, да вы, я гляжу, друзьями стали?

— Охранное заклинание обнови, — деловито напомнил Ява. — Кто знает, что ему в голову взбредет? А о чем ты с ним говорить собрался?

— На ужин хочу пригласить, — буркнул Ньялсага. — Пора уже завязать близкие отношения, а?

Бахрам с готовность захохотал.

— Отличная шутка! Ты классно пошутил!

Вдруг он умолк и подозрительно уставился на Ньялсагу.

— Или ты взаправду?

Ньялсага тяжело вздохнул.

— Что у вас с чувством юмора? Конечно, шутка.

— Святые ежики, это хорошо, а то я было подумал…

Бахрам оглянулся на остальных:

— Чего молчите? Мы же договорились смеяться, когда он будет шути…

Алина ткнула его кулаком в бок и Бахрам умолк.

В разговор вступил Ява.

— Запоминай главное, — сказал он Ньялсаге, блестя глазами. — Постарайся быть романтичным. Рассказывай, что ты одинок, никем не понят и мечтаешь о большой настоящей любви. Не забудь добавить, что ты много страдал в жизни. Это всегда

работает!

Ньялсага в упор посмотрел на него, но смутить Яву было не так-то просто.

— И главное — побольше двусмысленностей!

— Я хочу просто поговорить. Обсудить ситуацию. Дэберхем ясно дал понять, что кого-то обнаружил. Мы явились, а никого нет! Такого раньше не было. Поэтому…

Снова вмешался Бахрам.

— Ежик всемогущий, они к нам направляются! Тоже видно потолковать решили…

— Ну что, приглашаем на ужин? — поинтересовался Ява. — Накормим их Алининой стряпней и дело в шляпе: противник устранен!

— Это уж слишком, — отверг заманчивое предложение Ньялсага. — Мы же не изверги какие!

Но разговора не случилось: туман над морем сгустился, окрасился в дымный цвет и на мокрый песок шагнули долгожданные «гости».

… Держались они так, словно заглянули в давно знакомое и привычное местечко.

Первой взгляду предстала красивая молодая женщина с пепельными волосами, уложенными в высокую прическу, открывающую белую шею с шелковой лентой медальона. Голубое атласное платье, отделанное старинными кружевами и расшитое мелким жемчугом, изящные туфельки с накладными бантами — казалось, красавица явилась на морской берег прямиком с бала. На украшенном золотым шитьем поясе женщины висел маленький арбалет.

Спутники таинственной дамы выглядели попроще.

Следом за ней на берег шмыгнул маленький щуплый человечек неопределенного возраста с коротко стрижеными седыми и глубоко посаженными голубыми глазами, в лучиках мелких морщин. Он был одет в коричневый поношенный камзол, коричневые же штаны, а наружность имел до того неприметную, что стоило хоть на мгновение отвести от него взгляд — и уж не припомнить, как он выглядел!

Завидев людей, человечек сладко улыбнулся, отвесил поклон и встал позади красавицы в бальном платье, глядя так ласково и приветливо, словно нежданно-негаданно обрел давно потерявшихся родственников.

Второй же спутник, сутулый пожилой мужчина среднего роста, облаченный в скромную черную одежду, напротив, внешность имел запоминающуюся и черезвычайно к себе

располагающую. Он был чисто выбрит, причесан, держался степенно и с достоинством. Его цепкие черные глаза основательно обшарили и людей, стоявших на берегу и местность кругом.

Следующий «попаданец» не появился, а вывалился из тумана, будто кто-то невидимый дал ему сзади крепкого пинка. Еле удержавшись на ногах здоровенный рыжий детина с физиономией, густо заляпанной веснушками, открыл рот и огляделся по сторонам. Увиденное поразило его: он хмыкнул, почесал пятерней в голове и, словно в ожидании приказа, уставился на женщину в голубом платье.

И последним из тумана, который уже трепал и развеивал свежий ветер, выехал верхом на коне призрачный однорукий всадник в доспехах. Он производил ощущение жути: казалось, откинь он забрало — за ним обнаружится не человеческое лицо, а черная клубящаяся мгла. На боку всадника висел меч в ножнах.

Появление странной компании поразило людей, но Ньялсага успел подумать, что если б не странная ситуация, эту минуту следовало бы запомнить надолго: как-никак, ему впервые удалось увидеть Кемена и Лютера с вытаращенными глазами.

Но в следующий момент пришлось удивиться еще больше, потому что пепельноволосая красавица бросила на Кемена изумленный взгляд и воскликнула:

— Хэрвелл?!

Рука женщины скользнула к арбалету и сжала рукоять.

Сутулый человек в черном, разглядывая Кемена, задумчиво пожевал губами.

— Позволю себе усомниться, — почтительно, но твердо проговорил он глухим негромким голосом.

Женщина подхватила юбки и двинулась к Кемену.

— Ты жив?! Глазам своим не верю!

Она остановилась напротив и оглянулась на свою свиту, будто требуя объяснений.

— Откуда он взялся? Я убила его собственными руками!

Не дождавшись ответа, красавица в упор уставились на Кемена.

— Этого не может быть! Ты погиб!

— Осмелюсь вмешаться, — осторожно подал голос человек в черном.

— Помолчи, Трефалониус! — оборвала его красавица и Трефалониус тут же умолк.

— Как тебе удалось остаться в живых? — требовательно спросила она, сверля Кемена пронзительными синими глазами. На всех остальных таинственная женщина не обращала никакого

внимания.

— Снова меня обманул? Это на тебя похоже. Наша последняя встреча была… дай-ка припомнить… больше сотни лет назад. Маленький городок на границе… ты уничтожил там целое гнездо вампиров, а ведь среди них было двое высших! У меня имелись на них планы, — сквозь зубы процедила женщина. — Они должны были принадлежать мне!

Ее глаза гневно блеснули.

— Но ты и твои дружки, охотники за нечистью, сожгли всех. Такое случалось не раз: стоило мне только услышать про гнездо химер или логово вампиров и я уже знала, где тебя можно было найти, — продолжала она, поглаживая арбалет. — Тебе долго удавалось разрушать все мои планы. И лишь однажды…

Алина незаметно потянула Ньялсагу за рукав.

— Ты видишь всадника?

— Вижу, — коротко ответил тот. Все происходящее нравилось ему все меньше и меньше. У него появилось скверное предчувствие того, что начинается какая-то странная и жуткая история, в которую все они будут втянуты, и что избежать этого невозможно: звезды на небе выстроились определенным порядком, события свершились, и история уже набирала ход.

— А что это у него там… — шепотом продолжала Алина, не отрывая глаз от призрачного всадника. — Что привязано у седла? Это же не…

— Головы, — с удовольствием сообщил ей Ява вполголоса.

— Головы?! Чьи?

— Наверное, врагов. А разве тебе ни разу не хотелось иметь голову Лютера, а? Ее можно поставить дома на холодильник или брать в школу и пугать учеников!

В другое время ему, конечно, пришлось бы жестоко поплатиться за свои слова, но сейчас Алине было не до того.

— Но однажды, — женщина говорила тихо, но каждое ее слово было отчетливо слышно всем. — Мое терпение закончилось. В этот день ты нашел свою смерть, а я…

Внезапно женщина умолкла и вгляделась получше.

— Постой-ка… да ты… это не Хэрвелл! — удивленно воскликнула она.

Голос Кемена звучал обманчиво спокойно.

— Верно. Хэрвелл был моим прадедом. Догадываюсь, почему вы были знакомы. И догадываюсь, что ты такое.

— Ежик всемогущий, — озадаченно пробормотал Бахрам, уставившись на Кемена. — Чего только не узнаешь! Вот как-то у нас в Легионе… гм… ладно, потом расскажу.

Оправившись от удивления, женщина негромко рассмеялась.

— Так ты потомок Хэрвелла?! Воистину, сегодня особый день! Меня зовут Гинзога. Слышал это имя?

Глаза Кемена сделались ледяными.

— Слышал. Ты та, кто убила его семью.

Гинзога сделала знак своим спутникам, приказывая подойти ближе.

— Мне не было дела до его семьи, — она улыбнулась, показав острые мелкие зубы. — Мне нужен был только он, и я его получила. А о семье позаботился кто-то из химер: говорят, сожгли всех прямо в собственном доме.

Она усмехнулась.

— Охотиться на химер опасно: во-первых, их трудно убить, а во-вторых, они ужасно мстительны и злопамятны. Хэрвеллу следовало осмотрительней выбирать себе врагов!

Женщина посмотрела на Кемена, он ответил тяжелым взглядом.

Приблизились спутники Гинзоги и замерли на почтительном расстоянии.

— Потомок Хэрвелла, — она указала пальцем на Кемена. — Фюзорис, разве не ты должен был тогда все проверить?

Щуплый человечек в коричневом сюртуке всплеснул руками.

— Вот бестии, вот ленивые создания эти химеры! Ведь простого дела поручить нельзя! Надо же, такой малости сделать не смогли!

Обещали уничтожить всех до одного, ну, я и не проверил, хотя на пепелище лично побывал. Ан, проморгал! Ан, кто-то из деток Хэрвелла уцелел! Непорядок!

Он посеменил к Кемену поближе, остановился, всматриваясь в его лицо, и сокрушенно покачал головой.

— Не доглядели, мил-человек, не доглядели, ты уж прости старика! В следующий раз всенепременно проверю!

— Ничего, я не в обиде, — сквозь зубы процедил Кемен.

Гинзога снова окинула его взглядом с головы до ног и губы ее изогнулись в усмешке.

— Чем занимаешься, потомок Хэрвелла? Уж не продолжаешь ли его дело?

— Можно и так сказать.

Она рассмеялась и обернулась к своей свите.

— Эта встреча послана мне свыше!

Одетый в черное Трефалонус поклонился.

— Совершенно так.

Взгляд Гинзога скользнул по берегу, по людям, стоявшим на песке. Тонкие брови ее приподнялись.

— Похоже, я опять немного промахнулась со временем, —

она поправила кружевные манжеты. — Помнится, в наш последний визит сюда… Трефалонус, напомни, когда это было?

В руках человека в черном сам собой возник лист пергамента.

— Ровно сто восемь лет назад, — в очередной раз поклонившись, сообщил Трефалонус. — Тогда вы изволили разобраться с Хэрвеллом, а потом — присоединить к нашей Своре немало новобранцев: десять вампиров, двенадцать некромантов, восемь неплохих колдунов, ну и так, по мелочи: парочка чернокнижников, один заклинатель духов да ведьма, та, что повсюду таскала с собой говорящую жабу.

— Свора проклятых? — негромко произнес Кемен. — Вот кто сюда пожаловал!

Гинзога небрежно кивнула.

— Если б Хэрвелл был жив, он бы тебе многое мог рассказать.

— Пополнить? — переспросила Алина. — Что значит «пополнить»?

— Святые ежики, да кто она? У нас в Легионе как-то раз…

— Сейчас узнаем, — шепнул Ньялсага. — Я сам еще не все понимаю.

Гинзога поиграла концами пояса.

— Да. Хэрвелл хорошо знал, что такое Свора. Я несколько раз предлагала ему стать одним из нас, но он так и не пожелал, — в глазах Гинзоги мелькнула ярость. — Отказался, причем в таких выражениях, которые пристали более пьяному гоблину, чем…

Трефалониус поджал губы и осуждающе покачал головой.

— В тот день, в последний день, я снова предоставила ему выбор, — продолжала Гинзога. — Смерть или Свора. Но он…

— Я знаю, что он выбрал, — коротко сказал Кемен.

Тут в разговор вмешался Лютер.

— Значит, ты явилась сюда за новобранцами? — он посмотрел на спутников Гинзоги. — Ясно… это и есть твоя Свора? Что-то негусто…

Гинзога перевела на него глаза, но «Бриммский василиск» спокойно выдержал пристальный взгляд.

— Я путешествую налегке, беру с собой лишь самых необходимых. Вот, к примеру, Фюзорис…

Человечек в коричневом сюртуке с готовностью поклонился.

— Как только нужда во мне возникает, тотчас прилетаю по первому же мановению! Фюзорис, потомственный некромант, имею свой постоялый двор, — задушевным голосом поведал он. — Тружусь помаленьку… даю кров и тепло уставшим путникам! Будете в наших краях, не побрезгуйте, навестите! Друзья меня «дядюшка Фю» прозывают, ну, и вы меня так зовите, чего уж там, — махнул он пухлой ладошкой. — Ведь знакомство,

я полагаю, мы с вами сведем самое короткое!

— Святые ежики, с чего бы это?

— Трефалониус, — продолжала Гинзога, и сутулый человек в черной одежде выступил вперед. — Стряпчий. Ведает моими делами. Контракты, договора, важные документы — из тех, что подписываются кровью — это все по его части.

Трефалонус одарил людей сдержанной улыбкой.

— Стряпчий по ремеслу, вампир по сути, — буднично сообщил он. — Буде необходимость или желание продать или заложить душу — милости прошу ко мне! Составим бумагу, комар носу не подточит!

Следующий из Своры был представлен Гинзогой кратко.

— Мунго-оборотень, — небрежно махнула она рукой в сторону рыжего детины. Детина икнул и покачнулся.

— Чаще меня называют Мунго-лис и я…

Тут он снова громко икнул и, глядя на Лютера, вдруг произнес громко и с чувством:

— Брат мой! Посоветую тебе бороться с корыстолюбием и стяжательством! С корнем вырывай шипы соблазна! Ибо, что деньги? Прах! Как ни старайся, а всех богатств земных тебе не собрать!

«Бриммский василиск» опешил, что бывало с ним нечасто.

— Чего?! — переспросил он, уставившись на оборотня.

— Корыстолюбие — порок, с которым надлежит неустанно бороться! — назидательно пояснил Мунго-лис и опять икнул.

Потомственный некромант дядюшка Фю сделал шажок вперед.

— Не извольте удивляться, сахарные мои, — он успокаивающе поднял обе руки ладонями вперед. — Это он странствующего монаха недавно съел. С Мунго такое вечно приключается: съест кого-нибудь… нехорошо, конечно, людей в пищу употреблять, да что делать-то? Не помирать же с голоду? Так вот, съест он кого-нибудь, а потом еще несколько деньков говорит точь-в-точь как тот, кем он закусил. Такое вот удивительное явление!

Он ласково улыбнулся.

— Сейчас-то уже пореже стало, а вот в первые дни, после того, как он монахом закусил, прямо никакого спасения не было! То молитвы читал, то в паломничество уговаривал отправиться, хе-хе!

Дядюшка Фю тихонько посмеялся.

— Верите ли, иногда мечтаю, чтоб он кого-нибудь немого съел. Да где ж столько немых взять? Вот и мучаемся!

— Лис-людоед? — удивилась Алина. — Разве лисы едят

людей?

Она произнесла это тихо, но дядюшка Фю расслышал и повернулся к ней.

— Едят, медовая моя, да еще как едят-то!

Он хотел сказать еще что-то, но умолк, повинуясь движению руки Гинзоги.

— Это Харгал, — представила она последнего из Своры. — Мой рыцарь.

Призрачный всадник тронул коня и подъехал поближе.

Алина невольно взглянула на сморщенные высохшие головы, притороченные к седлу, и сделала шаг назад.

— Он неразговорчив, — усмехнулась Гинзога. — По правде говоря, я вообще никогда не слышала от него ни единого слова. Но от Харгала этого и не требуется.

— Ты со своим сбродом явилась сюда напрасно, — прервал ее Кемен. — Ни колдунов, ни вампиров здесь больше нет. Теперь здесь живут только люди, обычные люди.

Гинзога прищурила яркие глаза:

— Пытаешься провести меня, совсем, как Хэрвелл, — процедила она и сдвинула брови, будто припоминая давнюю обиду. — Он всегда норовил обмануть. У него был лживый язык…

Ньялсага слушал, и тревога все сильней стучалась в его сердце.

Гинзога приподняла тяжелые атласные юбки и сделала несколько шагов по песку.

— Неважно: сгодятся и обычные люди. В моей Своре полным-полно бывших людей! Обычно, я проводила здесь три дня, — она взглянула на город в туманной дымке. — Ты не поверишь, сколько желающих можно найти за это время.

В разговор вмешался Ява.

— Значит, ты и твоя Свора пересекаете границу между мирами по своей собственной воле?

— Конечно, — обронила Гинзога.

Ньялсага и Кемен переглянулись.

— В этот раз желающих не будет, — предупредил Ньялсага.

Гинзогу взглянула на него:

— А ты еще кто? — она наклонила голову набок, будто прислушиваясь к чему-то. — О! Чародей?! Назови свое имя, — приказала она. — Но не пытайся лгать, ибо как только ты произнесешь его вслух, мне станет ясно, действительно ли оно принадлежит тебе…

Выхода не было, и Ньялсага ответил.

По телу Гинзоги пробежала дрожь, синие глаза вспыхнули.

Среди ее спутников послышался взволнованный ропот.

— Я слышала о тебе! — торжествующим голосом воскликнула Гинзога.

— Бессмертный заклинатель, улизнувший от ищеек Сумеречного Ордена? Они ищут тебя до сих пор, но тщетно.

Она подошла ближе.

— Ты ведь знаешь, почему?

— Догадываюсь.

— Слышала также и о твоем даре, — продолжала Гинзога. — Благодаря ему ты способен видеть некое волшебное сияние. Правда ли, что оно открывает тебе истинную природу любого существа, которого ты коснешься?

Ньялсага нехотя кивнул.

— Большая удача — встретить здесь тебя! — воскликнула Гинзога, не сводя с него глаз. — А потомок Хэрвелла утверждал, что тут живут простые люди. Лжец! Позже я разберусь с ним…

— Да он один такой, — с досадой буркнул Лютер. — А все остальные — обычные.

Но Гинзога, прищуренными кошачьими глазами рассматривая остальных, покачала головой.

— Обычные? Нет, я чувствую кое-что… кое-что необычное. Что же это? Постойте-ка… да это печать волшебного ветра?

Она выпрямилась.

— Отмеченные Сорангом! — в ее глазах блеснуло торжество. — Вот вы кто. Какая невероятная, несказанная удача!

Гинзога оглянулась на своих спутников:

— Слышали? Это они!

Дядюшка Фю обрадовано всплеснул руками:

— Радость-то какая, сахарные мои! А вас-то там ищут все, с ног сбились! Гадают, куда вы делись? А вы — вот они, живы-здоровы!

Старый некромант повернулся к Трефанониусу:

— Сердце мое чуяло, что ждет нас всех большая радость! Вот она, радость-то и есть!

Трефалониус согласно кивнул:

— Кое-кто дорого заплатит за бессмертных!

— Заплатит? — переспросил Кемен, насторожившись. — Вы что, их продать собираетесь?

Дядюшка Фю задумчиво пожевал губами.

— Отчего ж не продать, голубь ты мой, если цену хорошую дадут? Да и то сказать, цена-то ведь не всегда золотой монетой измеряется. Цена-то, она разная бывает…

— И кому? — грубовато перебил его Лютер, но дядюшка Фю нисколько не обиделся, а лишь добродушно усмехнулся.

— Я расскажу, кому, — негромко проговорила Гинзога. —

Много лет существует Сумеречный Орден, чародеи которого изучают тайны бессмертия. Те-кто-в-сумерках жаждут жить вечно, но никакой магией не добиться этого. Кое-что у них, конечно, получилось: они создали заклинание, которое позволяет продлять собственную жизнь за счет жизни другого…

— Это как? — угрюмо поинтересовался Кемен.

— И очень просто, — с готовностью пояснил дядюшка Фю. — Изловят человечка, подвергнут особой магической процедуре и от его жизни по кусочку отгрызают. Двадцать, тридцать лет… глядишь, их собственная чародейская жизнь на эти двадцать-тридцать лет и продлится!

Он сложил руки и благодушно посмотрел на людей.

— Только хлопотно это, голуби мои! Ритуал сложный и опасный провести надобно, да и власти королевства не дремлют. Начнут слишком часто человечки пропадать, упаси небо, заметит это кто-нибудь, да и донесет куда надо!

— Такие дела должно в глубокой тайне творить, — солидно подтвердил Трефалониус. — Иначе, много желающих вечной жизни вкусить найдется. Делиться придется…

— А от бессмертных, медовые мои, от живущих вечно и жизнь можно вечно черпать, — заключил дядюшка Фю. — И никаких тебе хлопот! Конечно, по первости человечки-то, говорят, буянят, покоряться не желают, за свою жизнь борются, хе-хе!

Он добродушно посмеялся.

— Да ведь с магическим-то заклинанием не поспоришь. Произнес его опытный чародей — и все! И сидит такой человечек тихий да покорный и уж не чувствует, как из него жизнь-то высасывают!

— Чародеи Ордена давно мечтают прибрать к рукам волшебный ветер, — продолжила Гинзога. — Но это не так-то просто.

— И в чем сложность? — спросил Кемен.

— В заклинание, призывающем Соранг. Оно утрачено навсегда.

Маги, которые знали его, давным-давно умерли и унесли свою тайну в могилу. А от нынешних чародеев мало проку! Они бились над заклинанием много лет, пока однажды до них не дошел слух…

Гинзога взглянула на Ньялсагу и сладко улыбнулась.

— Слух о том, кому удалось создать заклятье, призывающее ветер…

— Милая сказочка, — пробурчал Кемен. — А от нас-то ты чего хочешь?

Гинзога повернулась к нему:

— Нетерпелив, как все смертные. Это погубило Хэрвелла, помни об этом!

— С учетом того, чем я занимаюсь, — ответил он. — Я на долгую жизнь не рассчитываю. Переходи к делу!

Гинзога улыбнулась.

— Будь по-твоему, поговорим коротко. Я прибыла сюда, чтобы пополнить мою Свору и пополню ее… за счет вас. Я заберу бессмертных, заберу заклинателя и…

Она взглянула на Кемена:

— Тебя, потомок Хэрвелла!

— Все еще хочешь свести с ним счеты? Даже с мертвым?

— Конечно, — промурлыкала Гинзога. — У мести нет сроков давности!

Она посмотрела на людей, как на товар, который собиралась купить.

— Отмеченные Сорангом! Теперь, когда у меня есть, то, что нужно Сумеречному Ордену, я поговорю с ними по-другому! Трефалонус! — Гинзога щелкнула пальцами, вампир-стряпчий мгновенно возник рядом. — Подготовь-ка…один, два, три…

Гинзога перевела взгляд на Кемена и усмехнулась.

— … пять контрактов. Клянусь огнем моего костра — сегодня мой лучший день!

— Какие еще контракты? — насторожилась Алина.

В руках Трефалонуса, словно из воздуха, появилась стопка пергаментов: старинных, пожелтевших.

— Сию минуту все оформим в лучшем виде, — заверил стряпчий, доставая из рукава гусиное перо.

Дядюшка Фю радостно потер руки.

— И прекрасно, ненаглядные мои, и расчудесно! Я, признаться, уже и душой к вам так прикипел, что и не чаял, как расставаться станем! Право-слово, как увидел, так и почувствовал необыкновенное к вам расположение!

— Душой? — с иронией переспросил Лютер, комкая пустую пачку из-под сигарет.

— Ну, это, конечно, я так, для красного словца, про душу-то, — признался ничуть не смутившийся некромант. — Откуда она у меня? Однако, — тут дядюшка Фю повернулся к Гинзоге и отвесил ей поклон. — Несправедливо как-то получается, воля ваша, несправедливо — и все тут! Надобно и на этого молодого человека контрактец составить. Он, конечно, обычный человек, но уж больно хорош! Чист душою, отважен сердцем… правда, горяч, да ведь все мы по младости лет горячи, чего уж там! — он сокрушенно вздохнул.

— Слышала? — шепнул Алине не потерявший присутствия

духа Ява. — Как он Лютера расписывает?

— Как думаешь, кто она? — не слушая его, тихо спросила Алина.

— Может быть кем угодно…

— Трефалонус, — небрежно обронила Гинзога, и вампир-стряпчий понятливо кивнул.

— Еще один контракт сию минуту готов будет!

«Бриммский василиск» одарил Трефалонуса тяжелым взглядом.

— Не переводи зря бумагу, кровосос. Засунь эти контракты себе в…

Дядюшка Фю всплеснул руками.

— Какая бумага, драгоценный мой? Какая бумага?! Разве такие контракты на бумаге пишут?! Изволь взглянуть поближе, — с этими словами он выхватил у Трефалонуса один их пергаментов и сунул под нос отшатнувшемуся Лютеру. — Человеческая кожа, ненаглядный ты мой! И прекрасной выделки!

Он вернул пергамент вампиру.

Ньялсага вмешался в разговор.

— Никто из нас никогда не будет в твоей Своре, не надейся!

В глазах Гинзоги появилась усмешка.

— Поосторожней, заклинатель! Стоит мне сообщить Ордену, где находятся те, кого они разыскивают долгие годы и чародеи, те-кто-в-сумерках будут здесь так быстро, что ты и глазом моргнуть не успеешь! С ними шутки плохи, тебе ли не знать? Пока они не догадываются о существовании этого мира, у меня много тайн, которыми я ни с кем не делюсь, но… все может измениться!

— Им сюда не попасть.

Гинзога коснулась фарфорового медальона, висевшего у нее на шее.

— А если я помогу?

Ньялсга закусил губу.

Вампир-стряпчий на мгновение поднял голову от пергаментов. Дядюшка Фю смотрел на людей, приятно улыбаясь. Мунго-лис ухмылялся и почесывал в голове, а Харгал возвышался поодаль неподвижным призрачным памятником, даже его конь стоял не шелохнувшись.

— Вместе с чародеями Ордена сюда наведается и кое-кто еще, — продолжала Гинзога. — Вампиры, дракониды, виверры, призраки… это станет началом конца вашего мира. А сколько новобранцев для Своры я здесь отыщу!

Трефалониус с готовностью взмахнул пачкой пергаментов.

— Придется нам потрудиться: город, вижу, немаленький!

— Конечно, придется, — подхватил дядюшка Фю. — Ну, да ведь мы, бесценный мой друг, работы не боимся?

— Святые ежики! — с возмущением воскликнул Бахрам. — Попридержите коней, а то что-то резко вы начинаете! Потрудиться, ишь…

— Только попробуй всучить контракты ничего не подозревающим людям! — предупредил Кемен вампира. — Они ведь даже не поймут, во что ввязываются!

Дядюшка Фю добродушно улыбнулся.

— Поймут, яхонтовый мой, еще как поймут! Не сразу, конечно, а по прошествии некоторого времени! Огорчатся, расстроятся, ну, да к тому времени уж поздно будет! А потом все обиды забудутся, — он развел руками. — И как славно получится-то!

— Со мной вампир, некромант и оборотень, — сказала Гинзога. — Мы дадим новобранцам возможность самим выбрать, кем они хотят стать.

— Все по справедливости, сахарные мои, все по справедливости. Желает человек вампиром стать, так разве ж Трефалониус ему в такой малости откажет?! Желает — оборотнем, пожалуйста! Мунго-лис всегда тут! Ну, а ежели по некромантской части, — в голосе дядюшки Фю появилась рассудительность. — Это уж ко мне, милости прошу!

Гинзога усмехнулась:

— Но, может быть, я сохраню в тайне существование этого мира. Это будет зависеть от вас.

Дядюшка Фю покачал головой.

— Соглашайтесь, медовые мои, соглашайтесь! Иль вы думаете, что после этакой-то приятной встречи мы с вами вдруг расстанемся? Да ни за что!

Трефалониус, похлопывая по ладони свернутыми в трубку пергаментными листами, согласно кивнул.

— Мы станем Сворой? — пробормотал Ява. — Вот, значит, как все закончится?

Гинзога перевела взгляд на него.

— Нет, — медленно проговорила она. — С этого все начнется!

Мгновение Ява смотрел ей в глаза, потом взгляд его опустился ниже.

— Классное декольте, — тоном знатока заметил он. — И содержимое ничего так. Настоящее?

— Заткнись, — тихо бросил ему Ньялсага, но Яву уже понесло.

— Напомни-ка, как тебя зовут? У меня неважная память на

женские имена.

— Как же это ты, сахарный мой, запамятовал? — поспешил на помощь дядюшка Фю. — Ну, да ничего, скоро запомнишь. Гинзога, хозяйка Своры проклятых, и в нашем мире известна всем своими выдающимися…

— Выдающимися, это точно, — согласился Ява, продолжая изучать декольте. — Значит, ты, Гинзога, раздаешь приглашения в страну чудес? Я воздержусь, пожалуй: что-то ты мало похожа на добрую фею.

Глаза Гинзоги вспыхнули.

— Не дерзи, бессмертный, — проговорила она очень тихо, голос ее звучал сухо и монотонно, как шорох змеиного брюха по песку. — Мне не по силам тягаться с волшебным ветром, я могу попытаться снова сделать тебя смертным…

— Что, правда?

— Ненадолго, — зловещим тихим голосом продолжала Гинзога. — Всего на пару минут.

Она коснулась пальцем его лба, и Ява покачнулся, будто молния прошла через все его тело и ударила прямо в сердце.

— Этого времени хватит, чтобы убить тебя и присоединить к Своре — уже мертвого.

— А что, я помогу, — сердечным голосом заверил дядюшка Фю, — Сколько я мертвых за свою жизнь поднял — не поддается исчислению! Так что, можно и убить. Вот только с магом неувязочка, — озабоченно прибавил он, кивнув на Ньялсагу. — Такая досаднейшая неувязочка, медовые мои: стоит чародею умереть, как вся его магия — фьюить! И улетела! И становится он обычным ожившим мертвецом, а это, любезные мои, совсем не то, что нам надо. Да и заклинания свои он позабудет, а это уж никуда не годится!

— Погоди, ты же только что говорила, что тебе нужны бессмертные, — заволновалась Алина. — Зачем же убивать?

— В моих руках заклинатель, который способен вызвать Соранг, а значит, бессмертных будет столько, сколько потребуется. Одним я вполне могу пожертвовать, — по-прежнему, не отрывая глаз от Явы, прошипела Гинзога. — Это будет урок вам всем… и смертным, и бессмертным. Я стану возить его с собой: в назидание другим и себе на потеху.

— Стоп, — произнес Ньялсага. — Давай-ка без угроз. Будем считать, что предварительное согласие ты получила. Мы, практически уже в твоей Своре. Но, — он вложил в голос как можно больше убедительности. — Дай нам хоть немного времени!

— Небольшая отсрочка, — поддержал его Кемен.

— Зачем же вам отсрочка, сахарные мои? — всплеснул руками дядюшка Фю. — Время только терять!

— Чтобы закончить земные дела, — глубокомысленно проговорил Бахрам, глядя на некроманта сверху вниз. — Вот для чего.

Он заметил выражение лица Алины и поспешно добавил:

— А чего? Я тоже читаю книжки! Иногда….

Гинзога отвернулась от Явы, и Ньялсага перевел дух.

— У нас с Хэрвеллом как-то возник небольшой спор. Он тоже как-то попросил отсрочку… но это его не спасло. Не спасет и вас.

Она молчала несколько долгих секунд, потом кивком подозвала вампира.

— Трефалониус! Сколько времени мы обычно даем на раздумья тем, кого не сразу обращаем?

Вампир-стряпчий выступил вперед. Пергаменты из человеческой кожи исчезли, вместо них в руках Трефалониуса оказался свиток, густо испещренный какими-то знаками.

— Согласно договору, заключенному… — внушительно произнес стряпчий первые слова, а потом забормотал такой скороговоркой, что разобрать о чем он говорил, было решительно невозможно. — С учетом сложившихся обстоятельств…. опущу обычные формальности, дабы обсудить наиболее важный вопрос… сроку дается — неделя, но, учитывая позднейшую поправку, имеем полное законное право на сокращение срока, — он поднял глаза от свитка и приятно улыбнулся. — Итого, срок — три дня, начиная с нынешней минуты.

— Три дня? — уточнил Ньялсага, глядя на Гинзогу. Она медленно наклонила голову.

— Скажи это вслух! — потребовал он.

— Три дня, — усмехнувшись, повторила она.

Ньялсага кивнул. Теперь Гинзога, кем бы она ни была, не сможет нарушить данное слово.

— Но не юли, чародей! — угрожающе добавила она. — Не пытайся обхитрить. И вы, в свою очередь, тоже должны вслух пообещать мне, что через три дня будете принадлежать мне!

— Через три дня! — сказал Ньялсага.

— Через три дня! — повторили остальные.

Где-то далеко на городской башне ударили часы. Башня находилась далеко, но странное дело — звук курантов донесся так громко и ясно, будто часы находились где-то рядом.

Глава-5

Прогноз погоды обещал на всю неделю солнце — настоящий подарок для города, визитной карточкой которого стали дожди!

Правда, на непогоду здесь никто особого внимания не обращал, местные жители даже зонтами не пользовались. Собственно говоря, так и узнавали приезжих — те, стоило брызнуть мелкому несерьезному дождику, сразу же прятались под зонтиками.

Ньялсага припомнил, что как-то раз, когда он жил в городе у моря всего ничего, довелось ему поболтать с официанткой в кофейне «Последний белый слон». Ньялсага тогда только-только обнаружил это замечательное место, девушки-прорицателя, конечно же, тогда и в помине не было, а кофе готовила колоритная пожилая дама с рыжими кудрями и вечной сигаретой в зубах.

— Хороший у вас город, — сказал заклинатель, промокший с головы до ног. — Вот только дожди…

— Какие дожди? — искренне удивилась официантка, бросила взгляд за окно и пожала плечами.

Но в середине лета божества, отвечающие за погоду, обычно вспоминали о существовании города и делали щедрый подарок — несколько недель солнца, синего неба и жары.

Вне сомнения, подарок в виде отличной летней погоды был уже отправлен соскучившимся по солнечным денькам горожанам, но, похоже, кто-то другой внес в погодные планы коррективы — и Ньялсага даже догадывался, кто именно.

Он оставил «Зеленого дракона» дремать на парковке и направился к дверям. Кофейня «Последний белый слон» открывалась ровно в шесть утра и, несмотря на ранний час, там уже имелись посетители: за стойкой у окна сидела девушка, уставившись в раскрытый ноутбук и рассеянно прихлебывая кофе, да старичок с газетой, устроившийся в кресле возле входа. Пахло свежим кофе, горячим молоком и булочками.

Ньялсага занял место за столом в самом углу — не хотелось, чтоб кто-нибудь помешал разговору. Разговор предстоял важный, с глазу на глаз… тут заклинатель бросил взгляд за окно и вздохнул. Возле окна на ящике с цветами сидел нахохлившийся Дэберхем, всем видом выражая крайнее возмущение.

— Ладно, ладно, — пробормотал Ньялсага, приподнялся, щелкнул шпингалетом и приоткрыл окно. Дэберхем был глазами и ушами Цолери, так что присутствие ворона при важном

разговоре не повредит.

Белокурая девушка-прорицатель, улыбнулась постоянному посетителю, приняла заказ и отошла.

В ожидании кофе Ньялсага задумчиво смотрел в окно, но по своей давней привычке, не столько смотрел, сколько слушал. Звуков кругом было великое множество: шелест листьев, мелодичное звяканье звонка проехавшего велосипеда, чей-то негромкий смех, шорох шин, звук шагов. В кофейне слышался разговор, гудение кофе машины, стук чашки о блюдце. Мир звуков всегда завораживал Ньлясаге, не любил он только тишину. Не обычную тишину, которая, если хорошенько прислушаться, тоже была наполнена живыми звуками, а настоящую, абсолютную. Чудилось в полном безмолвии что-то зловещее, неживое.

Девушка принесла кофе, поставила на стол вазочку с пакетиками сахара и сливок. Ньялсага заметил, что сахара и сливок была положена двойная порция — тайный дар явно подсказал прорицательнице, что скоро за этот стол пожалует еще кое-кто.

Так и получилось: не успел Ньялсага приступить к кофе, как за окном послушался шум мотора и вскоре на пороге появился Кемен — как обычно, в потертой джинсовой куртке, в низко надвинутой бейсболке, с большой спортивной сумкой на плече.

Он заметил Ньялсагу, кивнул и направился к столу.

В ту же секунду появилась официантка с большой чашкой чая на подносе.

— Они что тут, мысли читать умеют? — проворчал Кемен.

— Будущее предвидят, — будничным тоном пояснил Ньялсага. — Не все, конечно, но кое-кто — точно.

Он, привстав, впервые обменялся рукопожатием с Кеменом. Ослепительно вспыхнул цвет чужой ауры: желто-оранжевый, похожей на пылающий костер. Воля и целеустремленность, с примесью изрядной категоричности. Такой человек если имеет на что-то свой собственный взгляд, то уж ни за что не изменит его — даже себе во вред.

Потомственный охотник за нечистью — это многое объясняет. И то, как, не владея магией, Кемен выслеживал «попаданцев» и то, как безжалостно расправлялся с ними — теперь все вставало на свои места.

Вот только договориться с ним будет нелегко, — подумал Ньялсага, усаживаясь на место и пододвигая к себе чашку.

Фанатики — народ несговорчивый и упрямый. Но сейчас, когда в этот мир пожаловала Свора проклятых, лучше им оставить разногласия и быть на одной стороне.

Кемен устроился за столом и расстегнул объемистую сумку.

— Что с оборотнем? — отрывистым голосом бросил он. — Все еще шляется по городу?

— Пока что — да, — осторожно сказал Ньялсага.

— Почему ты решил, что с ним невозможно справиться? — буркнул Кемен, роясь в сумке. — Оборотни здесь уже бывали и мы…

— Этот совсем другой. Не мальчишка-вервольф, которого вы убили недавно, а высший оборотень из клана Предвестников смерти. Если ему что-то не понравится, он вполне может превратиться в желтый туман и через пару дней никого из вас не будет в живых, так что лучше не злите его. Но, — прибавил Ньялсага, видя, что его собеседник хочет что-то возразить. — Если хотите попробовать, пробуйте! Отправляйтесь за ним, я мешать не стану!

Он покосился за окно, где на ящике с цветами сидел ворон. Дэберхем застыл изваянием черного дерева, но Ньялсага знал, что птица ловит каждое слово.

— Пора этой твари убраться отсюда, — отрезал Кемен. Он вытащил из сумки несколько папок и шлепнул на стол.

Ньялсага вздохнул.

— Пора. Он обещал зайти к нам, я попробую его убедить…

Кемен недобро прищурил глаза.

— Убедить?

— Именно. Попросить, причем очень вежливо, потому что заставить высшего оборотня не получится.

— А если он откажется? Если он уже пронюхал о Своре и решил действовать с ней заодно?

Ньялсага задумчиво простучал пальцами по столешнице несколько тактов из песенки «Три почтенные старушки».

— Тогда не знаю.

Подобные мысли уже приходили ему в голову, но до встречи с Предвестником смерти ничего определенного сказать было нельзя.

— «Не знаю» — пробурчал Кемен, развязывая тесемки на одной из папок. — Хорошенький ответ!

— Что ты имеешь против оборотней? Как я понял, твоего предка, Хэрвелла, не они убили? Не логичней ли воспылать ненавистью к химерам, например?

Глаза Кемена сверкнули.

— Послушай-ка, — произнес он тихо и угрожающе, впиваясь взглядом в собеседника. — Хэрвелл очищал эту землю от разных тварей. И я делаю то же самое. Меня учил этому мой дед, он, хоть и не встречал никого из них, но был уверен, что те, за которыми

Хэрвелл охотился, не уничтожены, они просто отступили на время и затаились где-то.

Рано или поздно они вернутся. И они вернулись: оборотни, вампиры, зомби и прочие твари из кошмарных снов. И это вы виноваты в том, что они здесь. Вы пришли оттуда, — Кемен кивнул за окно и Ньялсага прекрасно понял, что он имел в виду. — И привели их за собой!

Кемен умолк и бросил хмурый взгляд на заклинателя.

— Если ты о Гинзоге, — промолвил Ньялсага. — То мы тут не при чем. Она может пересекать границы по своей воле.

— Не о ней сейчас речь. Меня беспокоят люди, их безопасность.

Человеческая память коротка. Одна-два поколения — и вот уже оборотней, гоблинов, ламий считают сказками и не верят в них! А как можно защититься от того, в чье существование ты не веришь? Поэтому я буду уничтожать тех, кому здесь не место. Всех подряд!

— Всех подряд, значит… — вздохнул Ньялсага. — А что, если когда-нибудь сюда попадет обычный человек? Тогда что? Тоже попытаешься прикончить, как меня когда-то?

— Откуда я знал, что вы бессмертные? — буркнул Кемен. — Хэрвелл…

— Хэрвелл не убивал всех подряд. Он охотился за вампирами, ведьмами, химерами, за теми, кто действительно был угрозой для людей. Но вряд ли он уничтожал лепреконов, единорогов и грокки!

— Если они попали сюда, значит, подписали себе смертный приговор!

Ньялсага хмыкнул.

— Знаешь, что самое опасное в этом? Охота меняет людей. Как там у Ницше? Вы заглянули в бездну — и бездна заглянула в вас. Мне доводилось встречать таких, как Хэрвелл, охотников. Не часто, но доводилось. Да, они убивали, но у них имелись свои правила, свой кодекс и они его соблюдали. Первой строчкой в списке этих правил идет истребление зла, тут ты прав. Но дальше, вторым пунктом уточняется: «Но это должно быть действительно зло». Ясно?

Он посмотрел на собеседника.

— Это ты к чему? — буркнул Кемен.

— К тому, что рано или поздно вы можете превратиться в обычных убийц. Войдете во вкус. Охота — дело такое… надо уметь вовремя затормозить. Не у всех это получается.

Кемен раздраженно оттолкнул чашку.

— Хорошо разглагольствовать о добре и зле тому, у кого

вечная жизнь и можно не особо опасаться за свое существование! А вот будь вы обычными смертными людьми, рассуждали бы иначе!

Ньялсага перевел взгляд за окно, долго смотрел на идущих мимо людей и только потом взглянул на своего собеседника.

— Бессмертие… нашел, чему завидовать!

Кемен прищурил глаза.

— Чем плохо?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжил:

— Вчера, на берегу, ведьма болтала про какой-то волшебный ветер. Что это такое? Это он делает людей бессмертными?

Разговаривать об этом Ньялсаге очень не хотелось.

— Соранг — волшебный ветер, который прилетает на Землю примерно раз в сто лет, в самую короткую летнюю ночь. Каждый год в эту самую ночь те, кто хочет поймать его, выходят на морской берег, смотрят на закат и ждут. Иногда, в тот самый момент, когда солнце вот-вот скроется, на одно короткое мгновение вдруг вспыхивает зеленый луч. Это знак того, что волшебный ветер уже здесь. И если в этот момент позвать его, он обязательно откликнется и исполнит твое самое заветное желание.

— И много желающих?

— Желающих-то много, но тех, кто поймал Соранг — мало. Трудно угадать момент, ведь никто не знает, когда он появится и появится ли вообще. Некоторые всю жизнь ждут.

В голосе Кемена звучало подозрение:

— И что? Ваш Соранг действительно исполняет любые желания, как золотая рыбка?

— Исполняет, — отозвался Ньялсага, глядя в чашку. — С большим удовольствием. Золотая рыбка с акульими зубами…

— Орден чародеев, о котором говорила ведьма, хочет заполучить тебя, чтобы ты вызывал волшебный ветер, когда им пожелается?

— Да. А когда он прилетит, заставят какого-нибудь бедолагу пожелать себе бессмертия — и будут жить за его счет столько, сколько захотят.

Кемен высыпал в чашку пакетик сахара.

— А почему колдуны сами не могут попросить у Соранга бессмертия, раз уж им так приспичило жить вечно?

Ньялсага вздохнул.

— Осторожные потому что. Знают, что придется платить и очень дорого. Безопасней использовать кого-нибудь другого.

— Платить?

— Да, — нехотя проговорил Ньялсага. — Рано или поздно

Соранг явится за тем, чьи желания когда-то исполнил и тогда придется расплачиваться по счетам.

Он посмотрел на своего собеседника и усмехнулся.

— Что касается меня, надеюсь, это будет не завтра, так что не торопись радоваться.

Кемен пожал плечами.

— Ладно. В сторону сказки, поговорим о деле, — он открыл папку. — Я так понимаю, придется нам действовать заодно? Временно, — подчеркнул Кемен. — Пока Свора здесь и люди в опасности.

— В самой большой опасности пока что мы, — ответил Ньялсага, роясь в кармане куртки. — Гинзога дала слово не трогать никого из нас в течение трех дней. Она произнесла это вслух, стало быть, нарушить обещание не сможет. Но, — он выложил на стол три золотые монеты: галеоны, с отчеканенным на каждом галеоне изображением корабля, летящего на всех парусах. — Обещание не распространяется на ее Свору. Вчера я это упустил, а сегодня уже поздно. Надо было связать клятвой и ее подручных!

— То есть, эта компания может напасть на нас? — угрюмо уточнил Кемен.

Ньялсага кивнул.

— Да. Я почти уверен, что они попробуют. Просто для того, чтобы напугать, показать, кто здесь главный. Поэтому вчера я создал амулеты с охранным заклинанием.

Он пододвинул галеоны Кемену.

— Носите их в нагрудном кармане, ближе к сердцу.

— Они защитят?

— Да. Но заклинание нужно обновлять каждый день.

Кемен недоверчиво хмыкнул, взял одну монету, тяжелую, с благородным тусклым блеском и повертел в пальцах.

— Настоящее золото?

— Настоящая пластмасса. Это обычные пуговицы, — пояснил Ньялсага. — Но сразу предупреждаю, если вы вздумаете с этими амулетами попереть на Предвестника смерти, он мое охранное заклинание взломает за полминуты.

Кемен хмыкнул, все еще разглядывая галеоны.

— Такой хреновый ты маг?

— Может, и не хреновый, но только с высшими оборотнями мне не тягаться.

Кемен убрал золотые монеты в карман.

— Ладно… посмотрим, на что твое заклинание способно. Про Гинзогу узнал что-нибудь?

— Пока нет, — признался Ньялсага. — Но попросил кое-кого

собрать о ней сведения, — он бросил взгляд на Дэберхема. — В течение дня будут. Ну, и Предвестника смерти расспрошу, конечно. Возможно, он соизволит что-нибудь сообщить.

Кемен нагнулся к сумке, стоявшей на полу, вытащил еще одну пачку бумаг.

— Ну, значит, у меня база данных получше твоей. Я, когда мне что-то узнать надо, с потусторонними существами не консультируюсь!

Ньялсага решил пропустить колкость мимо ушей.

— Что это? — он кивнул на пачку. Часть бумаг оказалась ксерокопиями, другие же выглядели подлинными документами — листы грубой пожелтевшей бумаги, исписанные мелким почерком со старомодными росчерками, помещенные в прозрачные папки-файлы.

— Архив моего прадеда.

Ньялсага поднял брови. Дэберхем оживился и сделал несколько шажочков по ящику, приблизившись к окну вплотную.

— Хэрвелла? Разве он сохранился? Гинзога, кажется, говорила, что его дом сожгли химеры?

— Сожгли, — кивнул Кемен. — Так что основной архив погиб. Я так понял, Хэрвелл на протяжении всей жизни, вел что-то вроде дневника: делал записи об охоте, собирал сведения о существах, с которыми встречался: вампиры, оборотни, химеры, ламии…

— Здесь водились ламии? — поинтересовался Ньялсага. — Никогда не сталкивался с ними. Там, где я жил, их не было.

— Водились. Очень хитрые твари, нелегко с ними справиться! — Кемен перебирал густо исписанные листки. — Это все, что осталось от архива. При пожаре почти все сгорело, но кое-какие записи, самые важные, Хэрвелл всегда возил с собой. После его смерти сумка с бумагами оказались у друга Хэрвелла, а тот… ну, это долгая история, к делу не относится, — прервал он сам себя. — Часть документов — подлинная, часть — ксерокопии, оригиналы я не стал приносить: они такие ветхие, что рассыпаются в руках.

Подошла белокурая официантка, убрала посуду и поставила на стол чашку с кофе и молочник. Кемен дождался, пока девушка отойдет, и продолжил:

— И про Свору проклятых кое-что есть. Жаль, что немного…

Он открыл одну из папок и вынул лист бумаги.

— Если б архив сохранился, я бы всю подноготную про них знал! — в голосе Кемена слышалась досада. — Вот, почитай-ка про наших гостей, — он протянул ксерокопию Ньялсаге. — Свора проклятых называется так не случайно. На самой Гинзоге и на

каждом из ее свиты лежит проклятье.

— Догадаться нетрудно, — пробормотал Ньялсага, впиваясь глазами в буквы.

— Гинзога… кстати, в своих записях Хэрвелл называет ее не иначе, как «старая змея»…древняя и очень опасная тварь. При жизни была ведьмой… после смерти — тоже.

— Мертвая ведьма, вот как… — протянул Ньялсага, не отрываясь от чтения. — Плохо дело…

— Ее убили жители городка, где она жила. Там стало умирать очень много детей, горожане заподозрили неладное, наняли мага, тот и выяснил, в чем дело.

Ньлясага поднял глаза.

— Ее прокляли женщины?

— Да, матери убитых ею детей. Они растерзали ее, но ведьма восстала и обрела силу. Слышал о подобном?

— Слышал, — задумчиво проговорил Ньялсага. — Проклятья считаются одной из наиболее опасных форм магии. Исторически сложилось так, что цель проклятья — месть, а действовать оно может или немедленно, или по прошествии многих лет. У Гинзоги, видимо, как раз такой случай — отсрочка.

Кемен, добавляя в чай сливки, скептически хмыкнул.

— Чем опасно проклятие мертвой ведьме? Ничем!

— Не скажи… смотря кто и как проклял. Проклятия обладают огромной силой и очень опасны, особенно, когда их насылают маги, жрецы, ведьмы, колдуны… или люди, которые не могут отомстить как-то иначе.

— Неужто? — насмешливо протянул Кемен.

Ньялсага откинулся на спинку стула.

— Можешь не верить, дело твое. Но знаешь, чьи проклятья считаются самыми опасными и сильными? Кто способен проклясть не только конкретного человека, но и весь его род?

Кемен потянулся за ложечкой.

— И кто? — кисло спросил он. — Колдун? Или какой-нибудь супермаг с волшебным посохом?

Ньялсага усмехнулся.

— Женщины.

Кемен поднял брови.

— Это шутка?

— Какая шутка? Это научный факт, если, конечно, словом «наука» можно назвать магию, — Ньялсага покосился на девушку-прорицательницу за стойкой. — Проклятье из уст женщины — страшная вещь! Рано или поздно Гинзога почувствует это на своей шкуре… если до той поры не ухитрится избавиться от проклятья матерей.

Кемен открыл еще одну папку.

— Поехали дальше. Свора Гинзоги — та еще компания! Все, как один — хитрые и опасные твари, хоть и выглядят клоунами.

Он выложил на стол несколько старых помятых пергаментных листов, для сохранности затянутых в полиэтиленовую пленку и пододвинул Ньялсаге.

— Фюзорис, дядюшка Фю, не к ночи будь помянут. Он действительно потомственный некромант. Держал постоялый двор для нечисти, и работал этот постоялый двор только по ночам. Догадываешься, где он был расположен?

— Возле кладбища?

— Там. Все, кто на кладбище обитал — вурдалаки, упыри, и прочая мразь — все они у дядюшки Фю трудились. Кто в трактире, кто еще где. Постояльцы там были особенные: ведьмы, вампиры, ламии, черные маги… иной раз, и люди забредали, по незнанию.

По лицу Кемена скользнула тень.

— Живыми они с постоялого двора не уходили. Но однажды дядюшка Фю и его подручные убили странствующего монаха, и перед смертью он их проклял.

— Это серьезно, — кивнул Ньялсага. — Считается, что проклятье, произнесенное в момент смерти или перед смертью, обладают наибольшей мощью.

— Почему?

— Умирающий вкладывает в слова все свою жизненную энергию.

— Ясно. Непременно прокляну кого-нибудь, как умирать стану. Если успею, конечно, — пробормотал Кемен и вынул из папки лист бумаги.

— Следующий — Трефалониус. Вампир, раньше был человеком. У Трефалониуса своя история, — Кемен отхлебнул остывший чай и поморщился. — Он был стряпчим в небольшом городке и ухитрился здорово разбогатеть. Ходили слухи, что он занимался подлогами, мошенничеством, присваивал имущество сирот… ему приписывали также убийство собственной жены и детей. В общем, времени даром наш стряпчий не терял. Кто-то из тех, кого он разорил и обобрал при жизни, его и проклял. Похоже, что сначала Трефалониус не придавал этому особого значения, но под старость забеспокоился. Он подкупил местных священников и устроил так, чтоб его похоронили в освященной земле возле церкви.

— Боялся, что после смерти придется ответить за все то, что он натворил при жизни, — пояснил Ньялсага, внимательно слушая рассказ.

— Наверное, вот только лечь в могилу он так и успел!

— Стал вампиром?

— Да. И, обратившись, сделал блестящую карьеру: попал в Свору к Гинзоге, пробился наверх, вошел в доверие к ведьме, и теперь помогает ей вербовать новобранцев. Гинзога говорила вчера, что Трефалониус отлично знает человеческую породу, умеет разговорить человека, расположить к себе, внушить доверие… наверное, использует вампирские чары.

Ньялсага задумался.

— Скорее всего, так и есть. С Трефалониусом надо держать ухо востро Чем безобидней выглядит вампир, тем он опасней.

— Да все они там…

— Да, хорошего мало, — согласился Ньялсага.

— Сейчас будет еще меньше, — обнадежил Кемен. Он порылся в папке и достал очередной документ. — Однорукий призрачный всадник по имени Харгал.

— А он кто?

— Предатель. По его вине войско, где он воевал, разгромили почти наголову. Харгал был одним из приближенных к полководцу рыцарей и накануне сражения открыл противнику план будущей битвы. За измену ему щедро заплатили, но радоваться золоту довелось недолго: вскоре Харгала поймали, обвинили в измене, да и вздернули на дереве посреди поля — того самого, где когда-то погибла армия, которую он предал! Но перед этим туда привезли колдуна, который провел ритуал проклятия.

— Ну, тут профессионал работал, — уважительно протянул Ньялсага. — Значит, сделал все, как полагается.

Он взял предложенный Кеменом документ и прочитал вполголоса:

— «И тело предателя сожгли, но…».

Кемен потянулся было к чашке с холодным чаем, но вовремя спохватился.

— Да, сначала ему оттяпали руку. Сделали «Руку славы», слыхал о таком?

Ньялсага невесело усмехнулся.

— Даже видел…

— Гинзога помогла Харгалу воскреснуть, правда, в виде призрака. За возможность вернуться в мир живых, он заплатил душой, зато снова обрел способность убивать. Последующие несколько лет провел с большой пользой для себя: разыскивал тех, кто его казнил и расправлялся с ними. Это их головы он возит, привязанными к седлу.

— Месть, — кивнул Ньялсага, внимательно изучая записи

Хэрвелла.

— Теперь он что-то вроде телохранителя ведьмы. Кстати, призрак он только пока сидит в седле, — уточнил Кемен. — Но стоит ему ступить на землю, как Харгал превращается в человека.

Он подумал немного.

— Вот такая пестрая компания к нам пожаловала, чтоб они все сдохли… хотя, они вроде и так уже…

Ньялсага потер подбородок и рассеянно посмотрел в окно. Дэберхем, сидя на ящике с цветами, терпеливо ждал.

— А вот про рыжего Мунго ничего нет, — с сожалением проговорил Кемен, перебирал листы, густо испещренные строчками. — Скорее всего, оборотень появился в Своре совсем недавно.

— Лис-людоед, — задумчиво пробормотал Ньялсага. — Да еще и проклятый! Интересно, за что его…

Кемен собрал документы и аккуратно уложил в папку.

— Тебе доводилось встречаться с такими, как Гинзога?

Ньялсага пожал плечами.

— С такими, как она — нет.

— Значит, толку от тебя немного, — подытожил Кемен. — Так я и думал.

— Но я знаю вот что: ведьмы, подобные Гинзоге, вовсе не бессмертны, — сказал Ньялсага, пропустив очередную колкость мимо ушей. — Даже мертвую ведьму можно убить… каким-нибудь способом.

— Каким, например? — скептически поинтересовался Кемен.

— Во-первых, проклятие. Когда-нибудь оно ее уничтожит, вот только когда конкретно — неизвестно.

— Ясно, — хмыкнул потомок Хэрвелла. — Способ хороший, только нам не подходит: ждать некогда. Что во-вторых?

— Во-вторых, можно вырезать и сжечь ее сердце.

— Еще лучше, — Кемен стал просматривая записи Хэрвелла. — Как бы только убедить ее не дергаться, когда сердце вырезать будем?

Он отодвинул папку, откинулся на спинку стула и взглянул на Ньялсагу в упор.

— Твои байки про вырезанное сердце лучше сразу же забыть. Но у меня есть кое-что получше. Вот, глянь!

Кемен перебросил Ньялсаге потрепанный лист бумаги.

— Прочитай про арбалет. Там всего пара строчек — но это уже кое-что!

Ньялсага поспешно углубился в чтение. Пробежав глазами несколько коротких строчек, он поднял глаза.

— Это все?

— Все, — с досадой отозвался Кемен. — Видимо, было больше: последняя строка обрывается на полуслове, но тот документ, где рассказывается об арбалете, пропал. Скорее всего, сгорел.

— Негусто. Тут сказано всего лишь, что арбалет, что висит у нее на поясе — особенный, с его помощью можно убить того, кто уже мертв. И все.

— А что тебе еще надо? Это оружие против Гинзоги и ее Своры! Надо во что бы то ни стало заполучить его и…

Ньялсага тоже откинулся на спинку кресла. Девушка-провидец, заметив взгляд постоянного посетителя, улыбнулась и кивнула на кофейник, что стоял на стойке. Ньялсага отрицательно помотал головой — кофе за это утро он выпил уже столько, что на неделю хватит.

— А ты не подумал, — медленно начал он, выбирая слова. — Почему Гинзога открыто носит арбалет, по сути — свою смерть? Почему не прячет, ведь о нем наверняка знал не только твой предок?

— И почему? — по-прежнему скептически спросил Кемен.

— Потому арбалет надежно защищен. Я уверен, что на нем заклятье необыкновенной силы. Любой, прикоснувшийся к оружию, кроме самой ведьмы, разумеется, будет тут же уничтожен на месте… превратится в горстку пепла, например. Бывали такие случаи!

— А твоя магия для чего? — процедил Кемен. — Ты же заклинатель! Ты хоть что-то умеешь или только фокусы на ярмарках показываешь? Вот и сделай что-нибудь!

Он перегнулся через стол и в упор взглянул на Ньялсагу.

— Разберись с этим заклятьем. Арбалет — наша единственная надежда.

Ньялсага кивнул.

— Попытаюсь. Мне надо на него посмотреть.

— Ты что, не видел его вчера?

— По-другому посмотреть, — пояснил Ньялсага. — Определить, какими именно заклинаниями он защищен. Подумать, смогу ли я их взломать или снять хотя бы на минуту!

— А если не сможешь?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Ньялсага. — Возможно, Гинзогу можно убить как-то иначе… должно быть еще что-то!

Он рассеянно передвинул по столу чашку.

— Арбалет… надо бы узнать о нем побольше: кто его сделал, как он попал к ведьме. У подобных вещей обычно бывает своя история.

— Тут я тебе не помощник, — нехотя признался Кемен. —

Больше у меня никаких сведений нет.

— Попробую сам отыскать что-нибудь.

— Уж попробуй, — пробурчал Кемен. — А не сможешь — значит, твоя магия ничего не стоит. Или ты можешь только заблудившихся лепреконов да гоблинов отыскивать? Так это и без колдовства сделать можно!

Он махнул рукой официантке и белокурая девушка тотчас направилась к его столу с подносом в руках.

— В записях Хэрвелла объясняется для чего Гинзоге Свора проклятых? — спросил Ньялсага.

Говорить при посторонних Кемен не желал, а официантка, как нарочно, не торопилась: налила ему чая, убрала пустые чашки, смятые пакетики из-под сахара, завела ничего не значащий разговор с постоянным посетителем

Кемен нетерпеливо дожидался, когда девушка отойдет.

— Странно, что погода испортилась. Прогноз обещал солнце и жару, а посмотрите, какие тучи! Того гляди, дождь польет.

— Да, удивительно, — вежливо соглашался Ньялсага.

Наконец, Кемен, видя, что уборка затянулась, не выдержал.

— Вам не пора налить кофе кому-нибудь еще?

Когда девушка, обиженно поджав губы, отошла, Ньялсага покачал головой.

— Если она тебя проклянет, тебе конец.

Кемен недоверчиво хмыкнул.

— Что, можно вот так запросто?

Ньлсага усмехнулся

— Конечно, нет, но судьбу лучше не испытывать. Для того, чтобы проклясть кого-то, недостаточно просто пожелать ему зла. Человек может послать настоящее проклятие только в минуту сильнейшего душевного потрясения, когда его собственная жизнь рушится. Или это должен сделать специально обученный маг.

Кемен выслушал и указал за окно.

— Это Гинзога?

— Что?

— Чертова ведьма изменила погоду?

— Похоже на то. Ни Гинзога, ни вампир Трефалонус, ни Харгал, не могут находиться под прямыми солнечными лучами, — Ньялсага тоже взглянул на темные тучи, затянувшие небо. — А когда солнца нет, Свора даже днем может разгуливать по городу без опаски. Правда, как я уже понял, Гинзога очень осторожна. Она попала в изменившийся мир, поэтому, думаю, воздержится от прогулок, пока не изучит его получше.

Ньялсага вздохнул:

— Ладно… так для чего Гинзоге Свора?

— Для войны с папашей, — ответил Кемен. — Сведений в бумагах Хэрвелла немного. Отец Гинзоги — демон, настоящее исчадье ада, могущественен и силен, понятное дело, дочке он пока что не по зубам. Папашка тоже не подарок, но, по крайней мере, сидит там, где и положено разной нечисти и не шляется по другим мирам. А вот его дочурка…

Ньялсага прищурил глаза.

— Значит, нам нужно не только справиться с Гинзогой и, если не уничтожить, то вышвырнуть отсюда, но и закрыть ей дорогу сюда, раз и навсегда.

— Знаешь, как это сделать? — спросил Кемен.

— Пока нет.

Кемен подавил досадный вздох.

— Черт, я думал, от тебя будет больше пользы! Может, все же потолковать с оборотнем? Раз он так крут, возможно, знает что-нибудь полезное нам? Вот и пусть расскажет!

— Если твердо решил свести счеты с жизнью, валяй, наведайся к нему, — отозвался Ньялсага. — Но если хочешь пожить еще немного и, возможно, уничтожить Гинзогу, советую лишний раз даже не смотреть в его сторону. Предвестник смерти — бездушное существо, лишенное жалости и сострадания. Если захочет поделиться сведениями — скажет. Если же нет…

Кемен мгновение подумал, потом пожал плечами.

— Ладно, — неохотно проговорил он. — Плевать!

Он залпом допил чай и со стуком поставил чашку на стол.

— Не пора ли тебе взглянуть на арбалет? Заодно проведаем, как наших гостей.

Ньялсага потянулся за курткой.

— Они все еще там?

— Там, и уходить не собираются, — Кемен аккуратно уложил папки в сумку. — Когда Гинзога вчера сообщила, что с дороги всегда отдыхает на постоялом дворе у старой подруги-химеры, я удивился, — он застегнул сумку и повесил на плечо. — А потом вспомнил, что на окраине, прямо возле моря и впрямь имеется ночной клуб «Химера». Я там не бывал, но говорят, это настоящий гадюшник. Наверное, это и есть бывший постоялый двор?

— Ведьмы никогда не изменяют привычкам, — кивнул Ньялсага. Он поднялся и натянул куртку. — Поехали, новости узнаем. Там мои ребята.

Он посмотрел на окно: Дэберхем, видимо, считая разговор законченным, уже улетел, и можно было не сомневаться, что через пять минут Цолери будет в курсе последних новостей.

— Мои тоже, — сообщил Кемен. — Звонят, время от времени. Пока все спокойно… но Свору без присмотра оставлять

рискованно.

Он вздохнул.

— Говорят, никто не удивляется ни виду Гинзоги, ни…

Ньялсага хмыкнул:

— Самое простое заклятье маскировки. Всем остальным они кажутся обычными людьми, и даже мы видим их не такими, какие они на самом деле. Это уж Гинзога позаботилась… почему-то не хочет показываться в настоящем облике…до поры до времени.

— Они выглядят по-другому? — уточнил Кемен.

— Да. И точно знаю: мы еще увидим их в истинном обличье, — пообещал Ньялсага, направляясь к выходу.

Они вышли из кофейни, пересекли большую открытую веранду и возле входа им пришлось задержаться на минуту: в «Последний белый слон» направлялась целая толпа шумных туристов.

— Что-то они сюда зачастили, — недовольно пробормотал Ньялсага, очень опасавшийся того, что тихая старая кофейня станет популярным местом. На выручке это, конечно, скажется самым благотворным образом, но вот с тишиной и покоем придется распрощаться.

— Значит, Соранг уничтожает тех, кто просил его о чем-то? — спросил Кемен, не глядя на Ньялсагу.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Зачем же тогда вообще… почему люди мечтают его поймать?

Ньялсага порылся в карманах в поисках ключей.

— Хотят что-нибудь получить: денег, славы, богатства, бессмертия. Каждый знает, что за это придется платить, но о моменте расплаты старается не думать. Все на что-то надеются: вдруг удастся обмануть Соранг, подкупить, скрыться, придумать защитное заклинание, найти какой-то выход, как-то выкрутиться…

Он пропустил последнего туриста, замешкавшегося у входа, и направился к парковке.

— Это возможно?

— Нет, — коротко ответил Ньялсага. — Волшебный ветер невозможно подкупить, обмануть, договориться с ним или подчинить себе.

Кемен повесил сумку на плечо.

— Так это значит… тоже что-то вроде проклятья?

Ньялсага пожал плечами.

— Вроде того.

Резко затрезвонил мобильный телефон. Заклинатель посмотрел на крошечные дисплей: номер был незнакомый и

поднес к уху телефон,

Времени, отпущенного Гинзогой, оставалось всего ничего.

…Войдя в агентство, Алина окинула взглядом замусоренный стол и поморщилась.

— Ты бы тут прибирался хоть изредка. Коробки от пиццы выбросил, что ли… не агентство, а филиал помойки. Перед людьми стыдно!

— Перед какими людьми? — удивился Ява. — Люди сюда не заходят, а лепреконам и гномам на порядок наплевать.

— Нужные вещи не выбрасываю, — непреклонным тоном ответил Бахрам. Он, как всегда, был одет в камуфляжный костюм, а на плече у него висела сумка защитного цвета, похожая на походный рюкзак. — На войне все понадобиться может, ясно?

— На какой войне? Ява, скажи ему!

Но Ява, будучи человеком дальновидным и осторожным, в спор вмешиваться не стал. Он прошел в другую комнату, включил электрический чайник и принялся шарить в столе в поисках упаковки зеленого чая. Тут же к поискам присоединилась и Лукерья, засовывая морду во все ящики и попутно пытаясь лизнуть Яву в лицо. Он отпихивал ее, бормоча ругательства, но оттолкнуть собаку, размером с небольшого теленка было не так-то просто.

— Бахрам превращает агентство в филиал городской свалки и никому до этого дела нет!

— Погоди ты, Алина, — сказал Ньялсага, усаживаясь в любимое продавленное кресло и вытаскивая из кармана синий ежедневник. — Есть дела поважней. Лукерья, не лезь к нему!

— Святые ежики, точно! Знаете что? — Бахрам оживился. — По-моему, Кемен крупно попал. Вляпался, то есть!

Ньялсага открыл книгу заклинаний.

— По-моему, мы вляпались ничуть не меньше.

Он перевернул несколько страниц.

— Сейчас с Предвестником смерти поговорим, и тут же в «Химеру» поедем. Надо на арбалет взглянуть.

Ньялсага вынул из кармана карандаш и вздохнул:

— Что за жизнь! Вот как у нормальных людей утро начинается? С чашки кофе, с приятных новостей по телевизору. У некоторых счастливчиков — даже с утреннего секса, — он покосился на Яву, тот ухмыльнулся. — А у меня? Сначала встреча с Кеменом, потом — звонок оборотня. Я, между прочим, в «Химеру» ехать должен был. Уже собрался, подготовился морально, а вместо этого пришлось сюда мчаться…

— Как разговор-то с Кеменом прошел? — поинтересовался

Ява.

Ньялсага пожал плечами.

— Неплохо. Лучше, чем я ожидал. Временами, конечно, наблюдались у него приступы мании величия, и он начинал бормотать: «Я, потомок Хэрвелла, в Своре Проклятых? Что эта ведьма о себе возомнила?», но в перерывах между припадками вел себя вполне нормально для человека с такой наследственностью. Рассказал кое-что о нашей подружке…

Алина вскрыла упаковку с салфетками и, брезгливо морщась, протерла небольшой участок стола не заваленный «нужными вещами».

— Понятно. А насчет оборотня… все же странно, что он позвонил!

— Чему удивляться? Он здесь уже год живет, научился телефоном пользоваться. Правда, номер сотового я ему не давал, это он уж как-то сам…

Ньялсага сделал карандашом несколько пометок в синем ежедневнике.

— И что сказал? — продолжила допытываться Алина.

— Буквально пару слов. Вернее, предложений. Сначала: «Это Дэхарн», а потом — «Буду сегодня в десять». И повесил трубку, гоблин слабоумный! А я еще долго соображал, кто такой Дэхарн и где он собирается быть в десять.

Ньялсага хмыкнул.

— Сразу видно, объяснениями себя утруждать не привык.

Ява, с чайной чашкой в руке, уселся на диван.

— Как думаешь, он знает что-нибудь про Гинзогу? Есть у него какие-нибудь полезные сведения?

— Может, и есть, — подумав, ответил Ньяласга. — Но не факт, что он с нами поделится. Я попробую спросить, конечно, если он будет в настроении разговаривать.

Он привстал с кресла и взглянул в окно. Во дворе было пусто и тихо.

— Предлагаю применить жесткие меры, — вполголоса предложил Ява, дождавшись, когда Алина на минуту вышла в другую комнату.

— Свяжем проклятого оборотня и будем кормить Алининими пирожками, пока он не расколется!

Ньялсага покачал головой.

— Сначала по-хорошему попробуем. Но если заартачится и уходить в свой мир не захочет, то уж тогда, конечно, пирожки…

— Кажись, у нас началась черная полоса, — глубокомысленно заметил Бахрам, роясь в куче хлама на столе. — Надо бы вознести богам благодарственные молитвы, так, на всякий случай. Чтобы

они, наконец, обратили на нас внимание!

— Лучше не надо, — предупредил Ява, наливая себе еще чашечку свежезаваренного зеленого чая. — Если еще и боги на нас наедут, мы эту кашу вовек не расхлебаем.

— Вполне возможно, Предвестник смерти решит показать нам свой истинный облик, чтоб мы уяснили, с кем дело имеем, — продолжал Ньялсага. — Ведите себя осторожно, резких движений не делайте. Не провоцируйте его без необходимости. Ява, это к тебе относится!

Ява небрежно пожал плечами.

— Представляю, что за тварь тут появится, — с неудовольствием сказала Алина. — Наверное, что-то вроде того оборотня, что в прошлом году? Весь в чешуе, с рогами, хвостом, а воняло от него, как… после него все агентство пришлось с хлоркой мыть!

— Святые ежики, точно! — воскликнул Бахрам. Сосредоточенно наморщив лоб, он рассовывал по карманам какие-то железки и обрывки веревок. — Чую, что и этот примерно так выглядеть будет. Монстр! Кровожадное чудовище! Горящие глаза, капающая из пасти слюна! Жалко, нельзя его…

Он выразительно посмотрел в сторону шкафа, с заклеенными стеклами.

— Не вздумай, — серьезно сказал Ньялсага. — Высший оборотень из клана Предвестников смерти — это тебе не шуточки. Он за пару секунд из такого как ты оригами сложит. Лучше попытаемся по-хорошему уговорить его уйти. Подчеркиваю — по-хорошему! Наехать на него все равно не получится.

— Досадно, — проворчала Алина. — Не люблю я оборотней…

— Будем его уговаривать, уламывать, в конце концов, спляшем перед ним танец с бубном…

Алина замерла, держа в одной руке салфетку, а в другой — упаковку одноразовых тарелок, обнаруженную почему-то под столом.

— Танец с бубном?! Что за чушь? Предупреждаю сразу: я плясать не стану!

Она подозрительно уставилась на Ньялсагу.

— Или это была шутка?

Он тяжело вздохнул.

— Да, Алина, это была шутка.

Ява бросил в сторону Алины укоризненный взгляд.

— Слишком тонкий юмор, — извиняющимся тоном сказала она. — Слишком изысканный, прямо-таки эльфийский. Я и не поняла. Но это было очень смешно, очень!

— Святые ежики, а вдруг он нас сожрет? А? Что? Явится сюда, обернется чудовищем и сожрет! Это уж нас точно прикончит!

Алина согласно кивнула.

— И не подавится.

Ньялсага вынул из кармана маленькую пластиковую коробочку.

— Об этом я тоже думал. Всякое может случиться, так что примем кое-какие меры. Есть заклинание, которое способно сдержать магию высшего оборотня… на время.

Ньялсага открыл коробочку — внутри оказались серебряные монеты, размером с гривенник.

— Да мы не про магию, — пояснила Алина, рассматривая содержимое коробки. — Мы про физическое устранение. Сожрать нас он безо всякой магии сможет. Или он вегетарианец?

— Как же, — с иронией отозвался Ява, наливая себе еще чая. — Вегетарианец…

— Это я предусмотрел. Вот, держите, — он протянул одну монету Алине, другую — Яве. — Заклятье личной безопасности не дадут оборотню напасть на вас. Действие будет длиться около часа.

— А потом? — поинтересовался Бахрам, забирая монету.

— Потом заклинание придется обновить. Держать их нужно во рту: человеческая слюна активизирует магическую защиту.

Алина повертела монету в пальцах.

— А сполоснуть можно? Я не могу вот так… на ней же микробы!

— На ней охранное заклятье! — бодро ответил Бахрам, засовывая монету в рот.

— Не проглоти, — предупредил Ньялсага и повернулся к Алине. — Возьми в столе бутылку воды и сполосни, чего уж там…

Алина направилась к столу, но задержалась у зеркала, висевшего на стене.

— На кого я похожа? Выгляжу, точь-в-точь, как бледная немочь, что в позапрошлом году сюда попадала: такая же чахлая и квелая. Гинзога, Свора проклятых и пятиклассник Соловьев меня доконают…

Бахрам решил блеснуть познаниями:

— Доводилось мне как-то бывать в одном маленьком королевстве, Сангария называется. Так там в женщинах очень ценится бледность, хрупкость, изможденность, — он посмотрел на Алину и прибавил: — И круги под глазами. Считается, что такая женщина изящна и утонченна!

Алина, критически рассматривая отражение в мутном старом зеркале, кивнула:

— Значит, в Сангарии я имела бы сногсшибательный успех.

— А что делали с румяными здоровыми и крепкими женщинами? — поинтересовался Ява.

— А их зимой съедали! — весело ответил Бахрам и захохотал.

Ньялсага снова выглянул в окно и вздрогнул: через двор неторопливо шел невысокий человечек в мешковатом дешевом костюме, в роговых очках.

— Идет!

— Чудовище? — Алина поспешно сунула монету в рот. — Не забудь проверить у него ауру. Хоть бы все обошлось! Не хочу, чтоб он, прямо тут явил свою сущность и превратился в монстра!

— Святые ежики, а кому хочется? Давайте лучше придумаем, как будем отбиваться от него, когда действие заклятья закончится! Может, все-таки…

Договорить он не успел.

Негромко скрипнула стальная дверь, и на пороге появился гость.

Осмотревшись, он двинулся вперед — и Ньялсага, слегка отвыкший в этом мире от чужой магии, удивленно моргнул: к порогу подошел один человек, а перешагнул его — совсем другой.

Возле двери стоял высокий широкоплечий мужчина, отмеченный, как сразу ощутил заклинатель, необычной аурой — темной и грозной. Черная куртка, похожая на средневековый камзол обтягивала плечи, кожаные штаны были заправлены в короткие мягкие сапоги, а в ухе поблескивала старинная серебряная серьга с прозрачным камнем.

Спокойно и неторопливо Предвестник смерти рассмотрел каждого из людей.

— Отмеченные Сорангом? — проговорил он, наконец. В низком глуховатом голосе скользнуло легкое удивление. — Не думал, что доведется увидеть сразу четверых.

— Да, это мы, — не стал отрицать очевидный факт Ньялсага и, как бы машинально, протянул гостю руку:

— Спасибо, что зашел.

Усмехнувшись, Дэхарн пожал протянутую руку и Ньялсага на мгновение зажмурил глаза — так ярко полыхнула аура Предвестника. Она оказалась темно-синей, почти черной, цвета грозового неба, по которому то и дело пробегали отблески молний, а еле заметное серебристое мерцание указывало на то, что обладатель грозовой ауры не был человеком.

Судя по цвету, нрав у Предвестника смерти был довольно крутым, но угрозы по отношению к собравшимся в комнате

людям, Ньялсага не обнаружил. Он открыл глаза и сразу же натолкнулся на чужой взгляд: оборотень смотрел на него с легкой усмешкой: видно уловка с рукопожатием его не обманула.

— Ну что? — поинтересовался Дэхарн, глядя на человека черными непроницаемыми глазами. — Тебе стало спокойней?

Ньялсага слегка замешкался.

— Ты о чем?

— Узрел ли ты сияние? «Ауру», как говорят здесь? Вчера, когда назвал ты свое имя, я припомнил, что мне доводилось слышать когда-то и о тебе и о твоем даре.

Заклинатель неопределенно пожал плечами.

— Какая она?

Ньялсага понял, что лучше всего отвечать откровенно.

— Темно-синяя. Огненные сполохи говорят о том, что впереди у тебя будет много сражений и битв, но, кажется, жизни твоей в будущем ничего не угрожает.

Предвестник смерти выслушал эти слова очень внимательно.

— Благодарю. Когда-то доводилось мне встречать мага, способного различать сияние, но чародея, способного видеть ауру того, кто не имеет души, я встречаю впервые.

— Нет души? — пробормотала Алина, переглянувшись с Явой, тот пожал плечами.

Дэхарн посмотрел в ее сторону.

— Извиняюсь, — с досадой буркнула она. — Вечно забываю про слух оборотней!

Дэхарн снова повернулся к Ньялсаге:

— Меняется ли цвет в течение жизни?

Тот развел руками.

— Не знаю. Я вижу ауру только один раз, самый первый — и все.

Оборотень кивнул и прошелся по комнате, осматриваясь.

Первым делом, он взглянул на стальную входную дверь, способную остановить любого непрошеного гостя. Конечно, дело было не только не в ее прочности: призрак или демон могли пройти сквозь любую сталь, даже не заметив препятствия, однако гость тут же отыскал глазами нарисованную над дверью сгиллу — особый магический знак. Рассмотрев его, Дэхарн слегка кивнул, словно ничего другого увидеть и не ожидал. На первый взгляд сгилла была самой обычной, как те, что рисуют на входных дверях, чтобы отпугнуть разную нечисть. Но если приглядеться повнимательней, становилось ясно, что магическая печать была не так уж проста. Она была составлена из множества определенных символов и геометрических фигур, где каждый элемент что-нибудь да значил, а внутри сгиллы прятались

зашифрованные тайные имена духов и божеств. Прочесть их мог не каждый, однако Дэхарн без труда расшифровал заклинание и слегка усмехнулся, догадавшись, что служит оно не для того, чтоб никого не впускать, а наоборот: следит, чтоб ни одна живая душа из комнаты не выскользнула. Впрочем, сгилла могла задержать и даже остановить того, у кого души не имелось по определению: фею, вампира или призрака.

Правда, теперь, после знакомства с Предвестником смерти, Ньялсага уже не был в этом так уверен.

— Значит, вы отправляете обратно тех, кто попал сюда случайно? И все ли гости соглашаются? — поинтересовался Дэхарн.

— Святые ежики, конечно, не все, — с непринужденностью горного тролля вступил в беседу Бахрам. — Кое-кого и уговаривать приходится… разными способами убеждать, то есть. И по-хорошему и по-плохому! Но большинство-то случайно сюда попадает, так уж и не чает, как отсюда выбраться. Вот ты сам-то как попал?

В темных глазах оборотня мелькнул веселый огонек: похоже, не часто к нему обращались столь бесцеремонно

— Долгая история.

— Так говори, чего уж там, — радушно предложил Бахрам. — Только это… погоди!

Он выглянул в окно и обшарил двор быстрым взглядом.

— Скажи сначала, как добрался-то? «Хвост» за тобой не было? Слежки, то есть?

— Кажется, нет, — вежливо откликнулся Дэхарн.

— Это хорошо, — Бахрам кивнул. — Тогда выкладывай. Ежик всемогущий, — он языком передвинул монету во рту. — Долго же мы тебя найти не могли! А как узнали, думали, тут чудовище какое-нибудь появится, монстр, то есть! А ты…

Он наткнулся на выразительный взгляд Ньялсаги, смутился и умолк.

— Мы можем быть, кем или чем угодно, — пожал плечами Дэхарн. — Любым существом, а так же дождем, и снегом, и даже ветром. Оборотни нашего вида мало схожи со всеми остальными. И нас трудно обнаружить, коль мы сами этого не хотим, — оборотень подошел к окну.

Снаружи, на карнизе топтался ворон, безрезультатно пытаясь заглянуть в комнату. Частая решетка, укрепленная на окне, мешала ему разглядеть, что происходит, и вид у Дэберхема был раздосадованный.

— Большинство-то сюда случайно попадает, — сказал Ява, пересаживаясь с дивана на стул, чтобы Лукерья перестала,

наконец, жевать полу его плаща. — Но бывают, конечно, и исключения, — добавил он, вспомнив про Гинзогу и ее Свору.

— Я здесь оказался не случайно.

В первый момент Ньялсага решил, что ослышался: сразу двое, Гинзога и Дэхарн, прошли через границу миров по собственному желанию?! Это уж слишком!

— Не случайно? Но как…

Гость внимательно рассматривал обычную с виду оконную решетку, выкрашенную в черный цвет.

— Да, это немногим под силу, — признался оборотень. — Да и желание пускаться в странствие столь долгое и опасное имеют не все.

— А у тебя, я так понимаю, такое желание было? — спросил Бахрам.

— Я лишь желал избежать смерти.

Алина подняла брови.

— Разве такому, как ты может что-то грозить?!

Дэхарн слегка улыбнулся.

— Я принадлежу к клану высших оборотней, который зовется Предвестниками смерти. Уверен, что заклинатель уже поведал вам о том. Каждый из нас имеет способности к магии и с годами свой дар оттачивает, но настоящим могуществом владеют лишь несколько оборотней из клана. Они достигли бессмертия и правят нашим племенем давно, так давно, что уж никто не помнит, как именно они добились власти. Подобное могущество возможно получить лишь двумя путями: совершенствовать свою магию сотни лет и тогда, вполне возможно, ты приблизишься к владыкам клана…

Он умолк и кивнул на решетки.

— Что это?

Бахрам с готовностью пояснил:

— Особый сплав серебра. Оборотни гостят иной раз, твои соплеменники, то есть! Но на тебя, я смотрю, серебро не действует?

— Бахрам, — подчеркнуто вежливо проговорила Алина. — Может, ты, наконец, заткнешься? Я хочу узнать про второй путь.

— Он потрудней, — сказал Дэхарн, с улыбкой взглянув на нее. — Нужно убить одного из трех могущественных колдуна-оборотней, старейших в нашем роде, но не просто так, а провести своего рода ритуальное убийство. Если сделать все правильно, магия убитого переходит к убийце.

— А, вот как… — пробормотала Алина.

— Это весьма рискованно и опасно, зато позволяет сэкономить массу времени. Я, конечно, предпочел второй

способ, — сказал он как о само собой разумеющимся.

Ньялсага, как бы случайно, выдвинул ящик стола: захотелось вдруг проверить, все ли защитные амулеты лежат на своих местах.

— А я слышал, что на убийство себе подобных у вас наложено жесточайшее табу? — спросил он, припоминая кое-какие надежные заклинания. — Стало быть, ты нарушил запрет?

Предвестник смерти усмехнулся.

— Даже два, — с видимым удовольствием проговорил он. — Владыка, которого я убил, являлся моим близким родственником.

— Это считается в вашем клане самым страшным преступлением, — понимающе сказал Ньялсага, оставляя на всякий случай ящик стола приоткрытым. Хотя цвет ауры ничего опасного для людей не предвещал, находиться рядом с высшим оборотнем было неуютно.

— Хреново у вас там с родственными чувствами, — с присущей ему деликатностью заметил Бахрам. Алина покосилась на него и демонстративно вздохнула.

— Власть, могущество — разве не стоит ради этого нарушить любые запреты? — небрежно поинтересовался Дэхарн.

— И что потом? — спросил Ява, отпихивая Лукерью, вознамерившуюся попробовать остатки чая из его кружки.

— Потребовалось безопасное место и… время. Нужно было освоиться с чужой магией, которая мне досталась. Рано или поздно она перестанет бунтовать в моей крови, и я смогу вернуться обратно. К тому же…

Он сделал несколько шагов и остановился перед дверью, что вела в другую комнату. Носком сапога Дэхарн отогнул угол потертого пенькового коврика, что лежал у порога и обнаружил еще одну печать-сгиллу, нарисованную на полу.

— Мне нужно было скрыться. На розыски убийцы бросились самые опытные оборотни племени.

Алина незаметно махнула рукой возмущенному донельзя Дэберхему, постукивающему клювом в окно.

— А что бывает с теми, кого…

— Показательная казнь, — безмятежно ответил Дэхарн. — Сложная и малоприятная магическая процедура. Варварский обычай! — извиняющимся тоном прибавил он. Алина взглянула на оборотня с удивлением: в голосе Предвестника смерти ей послышались веселые нотки, чего быть, конечно же, не могло, ведь у существ, не имеющих души, с чувством юмора, обычно, бывали, большие проблемы.

— Разве ты не мог расправиться с ними? — с негодованием воскликнул Бахрам, сжав кулаки. — Святые ежики, ты же стал

крут, как… как… отчего ж не поразмяться, не навешать им люлей хорошенько?! Уж я бы…

— Всему свое время, — загадочно ответил Дэхарн.

— Значит, этот мир — единственное место, где тебя никто не найдет? — уточнил Ява, любивший во всем ясность и определенность. — Поэтому ты здесь?

Оборотень кивнул.

— О нем никто не знает.

— Ну, кое-кто знает, — пробормотал Ньялсага, размышляя, как бы поосторожней выведать у Дэхарна знаком ли он с Гинзогой, а если знаком, то в каких отношениях они находятся. Высший оборотень и мертвая ведьма запросто могли оказаться лучшими друзьями, что тогда прикажете делать?

— Кто же? — поинтересовался Дэхарн. Он снова остановился перед окном, Дэберхем, бесцельно топтавшийся по карнизу, пытаясь подслушать разговор, уставился на оборотня с нескрываемым раздражением.

Ньялсага уже решил рискнуть и назвать имя Гинзоги, но помешал Бахрам.

— Святые ежики, да ты не расстраивайся! Сделанного, как говорится, не воротишь. Так, значит, ты в этом мире задержаться решил? Правильно! Тут, между прочим, можно отлично скоротать время! Вот скажи, ты пейнтболом случайно не увлекаешься? Нет? Жаль!

— Бахрам, — процедила Алина.

— Ежик всемогущий! — не слушая ее, горячо воскликнул Бахрам, выгружая из рюкзака на стол свой арсенал: пистолеты, очень похожие на настоящие, ножи и кинжалы, мотки тонкой нейлоновой веревки и еще всякие вещи, назначение которых никому, кроме него, не было понятно. — Пейнтбол — самая классная вещь на свете! После настоящей войны, конечно!

Он вскочил и кинулся в другую комнату, где рядом со шкафом находился небольшой закуток, укрытый от взоров тяжелым дубовым шкафом и отгороженный от остального помещения протянувшейся от стены к стене массивной стальной решеткой. Обычно, здесь дожидались рассвета оборотни, которых полнолуние застигло в этом мире.

— Тебе понравится, — громогласно продолжал вещать он, отпирая шкаф. — Дело для настоящих мужчин! Конечно, чтобы быть классным игроком, таким, как я, нужно постоянно тренироваться. Это как в настоящем бою!

Ньялсага постарался направить разговор в нужное русло.

— Стало быть, возвращаться ты не намерен, — он повертел в руках пластмассовую коробочку из-под монет-амулетов. Слова

приходилось выбирать с большой аккуратностью: высший оборотень из клана Предвестников смерти — не Гигель-некромант, его отсюда так просто не вышвырнешь.

— Понятно. Гости тут обычно не задерживаются, мы их стараемся поскорей обратно отправить, потому что некоторые из них… э-э-э…

Дэхарн понял намек с полуслова.

— Опасны для людей? Не волнуйся, заклинатель. Здесь я пребываю в облике человека. Мне нет нужды убивать, чтобы прокормиться.

Ньясага кивнул и, поколебавшись, задвинул ящик стола.

— Хорошо. Но тут вот какое дело: о тебе еще кое-кто знает…

— Кто же? — очень спокойно поинтересовался Дэхарн. Глаза его блеснули, как у волка, почуявшего добычу.

— Отморозки, которые убивают всех, кто попадает в этот мир! — поведал Бахрам, роясь на полках. Вскоре он снова появился в комнате, держа в руках журнал «Пейнтбол для начинающих», который явно намеревался вручить гостю, а под мышкой — какой-то сверток. — Уничтожают всяких…

— Да, да, — перебил Ньялсага. — Погоди, Бахрам, я сам расскажу. Ребята они тертые, им известно, кто ты такой и, держу пари, они уже знают, что убить высшего оборотня можно лишь ножом из чистой меди.

— И, наверное, он у них уже имеется, — подсказала Алина.

Оборотень небрежно пожал плечами.

— Не о чем беспокоиться. Скажите, кто они и больше вы этих людей не увидите.

В его устах смертный приговор прозвучал буднично и в высшей степени убедительно.

Ньялсага и Ява переглянулись.

— Не стоит утруждаться, — заторопилась Алина. — Не надо их… они уже предупреждены, а я сегодня еще и лично поговорю. Они к тебе и близко не подойдут!

Оборотень слегка улыбнулся.

— Как пожелаешь. Пусть не попадаются на глаза — и останутся живы. Но если вам надо от кого-то избавиться, только скажите.

Ньялсага понял, что наступил самый удобный момент прояснить ситуацию со Сворой.

— Благодарю. У нас тут как раз появилась небольшая пробле…

Подходящий момент снова испортил Бахрам.

— Жаль, жаль, что ты в пейнтбол не играешь! — он грохнул на стол сверток. — Хотя, святые ежики, в ближайшее время всем

нам будет не до этого. А вот, гляди, что у меня есть!

Он развернул ткань и с гордостью продемонстрировал набор метательных ножей, с деревянными ручками, оплетенными кожаным шнуром.

— Тренируюсь в свободное время, поддерживаю форму, так сказать. И тебе советую.

Он выбрал один из ножей и прищурился, прицеливаясь.

— Во, гляди!

Клинок блеснул в воздухе и впился в красную деревянную мишень, висевшую на стене. Бахрам огорченно крякнул.

— Малость промахнулся. Что значит, пропустил пару тренировок!

Алина поднялась со своего места.

— Мазила! — пренебрежительно бросила она и взяла нож.

Мелькнула короткая серебряная вспышка, и лезвие вонзилось точно в середину мишени.

— Такой доброй и мирной женщины, как наша Алина еще поискать! — вполголоса доверительно сообщил Ява оборотню. — Любит заниматься домом, детьми, кухней…

— У нее есть дети?

— Один. Временно.

Бахрам дождался, когда Алина скрылась в другой комнате, и добавил:

— Еще она любит готовить и пытать своей стряпней, всех, кто под руку подвернется. Так что, будь начеку!

Дэхарн усмехнулся.

— Запомню.

Он заметил висевшую на шее Бахрама литую серебряную подвеску

— Знак Черного Легиона? Служил там?

Бахрам шумно вздохнул.

— Святые ежики, конечно! Славное было время. Жаль, потом наш Легион расформировали…

Рукой, унизанной серебряными перстнями Дэхарн взял метательный нож, взвесил его. Бросок был таким стремительным, что никто даже не заметил движения, миг — и лезвие ножа уже оказалось точно в центре мишени.

— Значит, тебе еще не известно, что Черный Легион снова возрожден?

Бахрам остолбенел.

— Чего?!

— Он существует уже лет десять.

— Святые ежики! — взревел Бахрам и сделал такое движение, словно хотел кинуться оборотню на шею. — Не врешь? Правда?

Легион снова существует?!

Он обернулся к остальным:

— Слыхали?! Легион снова существует! — Бахрам впился глазами в гостя. — А кто стоит во главе?

Тот пожал плечами

— Мне неизвестно.

Он снова взял в руки нож.

— Не знаешь? — разочарованно переспросил Бахрам и почесал в затылке. — Ну, как же так… это ж так важно!

Ньялсага решительно вмешался в разговор.

— Погоди ты с Легионом. У нас сейчас проблем — как блох у мантикоры, а ты…

Бахрам спохватился:

— Святые ежики, точно! У нас такие нынче гости прибыли, — заговорщицки сообщил он Дэхарну. — Врагу не пожелаешь!

— Кто?

— Гости, — пояснил Бахрам. — Незваные. Ну, те, кто попадает оттуда, — он многозначительно кивнул в сторону окна, за которым все еще топтался Дэберхем, в тщетной попытке услышать хоть что-нибудь. — Сюда. Эх, сюда бы кое-кого из Черного Легиона, мы бы этой Гинзоге показали, где ежики зимуют!

Дэхарн замер.

— Кому? Гинзоге? — он повернулся к Ньялсаге. — Здесь Свора проклятых?

— Бахрам… — с досадой процедил тот. — Ты бы хоть иногда… ты бы думал, прежде чем…

— Святые ежики, что думать-то?!

Дальше разговор пошел быстро.

Ява сдвинул в сторону груду барахла, и присел на освободившийся угол стола. Алина, не дозвонившись до пятиклассника Соловьева, бросила телефонную трубку и вернулась к остальным.

— Сталкивался с ней?

— Доводилось, — сдвинув брови, проговорил оборотень. — Поведай, заклинатель, что делает здесь старая змея?

Ньялсага кашлянул.

— Поведаю, конечно: явилась в очередной раз пополнить Свору. Приглашает нас, да так настойчиво, что не знаем, как и отказаться!

— Зачем вы ей?

— Ну, — промычал агент Бахрам. — Мы же, типа, бессмертные. Она нас Ордену чародеев продать хочет.

— Обменять, — поправил Ява. — Что-то ей от них надо.

— Разве вы не можете скрыться? — спросил Дэхарн, вопросительно взглянув на Алину.

Она покачала головой.

— Нет. Тогда Гинзога сделает Сворой обычных, ничего не подозревающих, людей.

— Какое вам до них дело? Вы-то будете в безопасности?

— И она заберет с собой этих… ну… — Алина замялась. — Есть еще три человека… ну, ты понимаешь… и один из них — потомок Хэрвелла, заклятого врага Гинзоги и теперь ведьма хочет его заполучить…

— Ах, эти, — протянул оборотень. — Разве они друзья вам?

— Нет, но…

Дэхарн пожал плечами.

— Она дала нам срок — три дня, — сообщил Ньялсага. — Теперь мы должны придумать, как ее уничтожить.

Предвестник смерти невесело усмехнулся.

— Не так-то легко уничтожить мертвую ведьму, заклинатель.

Он взвесил на ладони метательный нож.

— Я пытался.

Он с силой метнул нож в мишень так, будто целился в горло смертельного врага.

Ньялсага поднялся с кресла и подошел ближе.

— Ты?

— Однажды, много лет назад довелось мне столкнуться с ней. Обычных оборотней у нее было хоть отбавляй, но высших — ни одного. Старая змея устроила настоящую охоту за мной, я лишь чудом избежал Своры.

Еще один нож впился в мишень.

— Не хочешь свести с ней счеты? — с надеждой спросил Ньялсага. Иметь на своей стороне высшего оборотня — о таком союзнике можно только мечтать.

— Хочу, — ответил оборотень, сверкнув глазами. — Но не сейчас.

Ньялсага сунул руки в карманы куртки и уставился в окно, машинально насвистывая песенку «Три почтенные старушки».

— Лучше бы, конечно, такое дело в долгий ящик не откладывать, — сказал он, после паузы.

— Почему не сейчас? — разочарованно переспросила Алина.

— Гинзога сильна, — пояснил оборотень. — А мне пока что приходится свои силы сдерживать: чужая сила еще не стала частью меня. Если я вступлю с Гинзогой в схватку, магия вырвется наружу, уничтожит ведьму и… меня вместе с ней.

В комнате повисла тишина, стало слышно, как за окном галдят птицы.

— Святые ежики, а мы-то надеялись, ты нам поможешь! — огорченно пробасил Бахрам.

— Оборотни нашего клана никому не помогают. Нас не касаются чужие дела.

Он повернулся к Ньялсаге.

— Это мир больше не безопасен для меня, так что сегодня на рассвете я исчезну. Медлить нельзя: если Гинзога узнает, что я здесь…

Ньялсага подавил вздох:

— Понимаю. Что ж, беги, спасайся. А куда подашься-то?

— На свете много миров, где никто не станет искать отступника, — туманно ответил Дэхарн.

— Много, это точно, — Ньялсага снова просвистел несколько тактов песенки «Три почтенные старушки». — Что ж, значит, говорить больше не о чем. Обычно мы провожаем тех, кто уходит. Приезжаем на берег, отворяем дверь между мирами и…

Дэхарн усмехнулся.

— Благодарю, заклинатель, эту дверь я способен открыть сам. Лучше не приезжайте: чтобы перейти в другой мир, мне придется принять облик Предвестника смерти. Все, кто видит желтый туман, имеют обыкновение умирать.

Бахрам повел могучими плечами.

— Превратишься в туман? Валяй, не стесняйся: мы все тут бессмертные! На нас эти штучки не действуют. Но ты нас пойми, — он сурово сдвинул светлые брови. — Мы всегда провожаем тех, кто уходит. Это, типа, традиция!

— Тогда — как вам угодно, — откликнулся оборотень.

Бахрам подошел к мишени и принялся вытаскивать глубоко засевшие в дереве ножи.

— Думайте о себе, — настойчиво посоветовал Дэхарн. — Если не исчезнете, Своры вам не миновать. Людьми вы останетесь недолго: будете меняться постепенно, шаг за шагом, до тех пор пока не утратите все человеческое, не забудете сами себя и не станете такими же, как остальная Свора.

— Ну, спасибо, — с досадой пробурчал Бахрам. — Здорово утешил!

— Но когда-нибудь наши пути с Гинзогой пересекутся и тогда…

— Святые ежики, ты уж отомсти за нас!

Ньялсага немного подумал.

— Не хочешь помогать, не надо, дело твое. Но хоть скажи, как можно уничтожить Гинзогу?

Дэхарн ответил не сразу.

— Арбалет.

— О нем нам известно. Еще?

Оборотень перевел взгляд в окно.

— Это все.

Ньялсага испытующе взглянул на него: показалось, что Предвестник смерти чего-то недоговаривает.

— Обычно существуют и иные способы уничтожить мертвого, — проговорил Ява.

— Гинзога — не такая, как остальные, ритуальные костры, серебряные ножи, земля с кладбища и прочее ей не страшны.

— А что страшно? — быстро спросила Алина.

Глаза оборотня блеснули.

— Гинзога — мой враг, — он выделил слово «мой». — Оставьте ее мне. Не вам, людям, с ней тягаться!

— Вот, стало быть, как… — протянул заклинатель и снова принялся задумчиво насвистывать песенку. — Не хочешь говорить? Правильно, кто ж делится заклятыми врагами…

Дэхарн равнодушно пожал плечами.

— Тогда, может быть, расскажешь про арбалет? Кто его создал? Как он попал к Гинзоге?

Предвестник смерти обдумал вопрос.

— В устье реки Дитлд, во владениях короля Грефла, высился благородный город имя которому Брер, — начал он. — В граде том жил некий муж, богатый, но, как оказалось, нечистый на руку. И после смерти не нашел он упокоения в могиле, каждую ночь восставая из нее и, в сопровождении своры призрачных псов, тиранил округу, а на рассвете возвращался обратно на кладбище.

Оборотень прошелся по комнате, ступая неслышно, как зверь.

— Сие продолжалось долго и никто не смел выйти на улицу после наступления сумерек — люди боялись столкнуться с кровожадным чудищем. Но если простолюдины боялись лишь нападений мертвеца, то люди благородные видели угрозу и в ином: оживший труп породил болезни и мор. Надлежало сделать то, что всегда делают в подобных случаях. Прежде всего избрали десятерых отважных рыцарей, которые должны были уничтожить зловещего мертвеца. Но чудовище расправилось с ними и тогда горожанам пришлось просить помощи у короля. Грефл отправил в город двоих: своего оружейника и мага. Они-то и создали арбалет, из которого можно убить того, кто уже мертв. А потом нашелся человек, который не побоялся выйти с живым мертвецом один на один и убил его.

— Но как арбалет попал к Гинзоге? — спросила Алина.

— Тот человек стал ездить по королевству, выслеживая и уничтожая ожившую после смерти нечисть. Опасная это была работа, но судьба хранила его… до тех пор, пока он не встретился

с Гинзогой.

Дэхарн остановился напротив Ньялсаги.

— Не надейтесь заполучить арбалет. Старая змея охраняет его, как дракон сокровища.

Ньялсага задумчиво изучал носки собственных ботинок. Что ж, одна проблема была решена — оборотень покинет этот мир. А вот как быть с остальными….

Алина вздохнула.

— Значит, нас ждет Свора?

— Отмеченные Сорангом, вам этого не избежать. Не пытайтесь справиться с Гинзогой.

Алина не ответила. Она взглянула на часы и вышла в другую комнату: нужно было все-таки дозвониться до пятиклассника Соловьева.

Ява поднялся с дивана и, потеряв интерес к разговору, стал собраться в «Химеру»: вслед за Алиной прошел в соседнюю комнату, отпер сейф и принялся изучать разложенные на полках амулеты.

Бахрам шумно вздохнул, завернул ножи в сверток и понес в шкаф.

Ньялсага пожал плечами:

— Что ж, спасибо, что рассказал про арбалет. А вот насчет остального…

Он умолк.

Когда Бахрам скрылся за дверью, Дэхарн повернулся к Ньялсаге:

— Скажи, заклинатель, ведь те-кто в-сумерках ищут тебя не только потому, что ты бессмертен? У тебя есть кое-что, что им очень нужно?

Он впился взглядом в человека.

— Ты можешь заставить Соранг прилетать, когда пожелаешь? — тихо спросил оборотень.

Поколебавшись, Ньялсага кивнул.

— Мне удалось сотворить заклинание, — медленно начал он. — Но я должен быть испытать, сработает ли оно. Я не стал дожидаться той самой летней ночи, когда может прилететь волшебный ветер, я выбрал обычный день… верней, ночь, когда никто не ждет его. Произнес слова и стал ждать. И Соранг прилетел!

Он замолчал. Дэхарн терпеливо ждал.

— Ну, а потом… — Ньялсага пожал плечами. — Пара слов — и вот ты уже бессмертный. Но…

Дэхарн вопросительно взглянул на него.

— Случилось то, чего я не ожидал: в ту ночь еще три

человека заметили зеленый луч!

— И все трое пожелали себе бессмертия?

— Да, так уж получилось…

— Но как ты догадался?

Ньялсага вздохнул: он очень не любил вспоминать об этом.

— По счастью, пришло в голову, что такое вполне могло произойти. Пара недель работы с заклинаниями — и я понял, что не ошибся.

Он посмотрел в соседнюю комнату, где находились Алина, Бахрам и Ява.

— А потом узнал, что кое-кто еще очень интересуется Сорангом, верней, теми, кто обрел бессмертие…

— Сумеречный Орден? — еще тише спросил оборотень, словно опасался, что его могут услышать.

— Он самый. Пришлось уносить ноги — и как можно скорее. Но… я не мог оставить тех троих на растерзание чародеям. Десять дней мне пришлось играть с огнем, ускользая от стражи Ордена, разыскивая сначала наемника из Черного Легиона, потом прочесывать один городок в поисках девушки… а ищейки подобрались уже совсем близко! Потом был большой портовый город, где мы искали мальчишку-беспризорника…

Ньялсага покачал головой.

— Если бы я не вызвал Соранг, они остались бы обычными людьми! Прожили бы свои жизни, и не пришлось бы им бежать, скрываться и чародеи Сумеречного Ордена не охотились бы сейчас за ними!

Дэхарн коснулся его плеча.

— Не вини себя, заклинатель. Их судьба была предначертана задолго до встречи с тобой.

— Да, наверное, — пробормотал Ньялсага, не желая спорить.

В комнате появилась Алина, они умолкли.

— Столько хлопот с этими детьми, — озабоченным тоном проговорила она. — Бахрам, ты бы убрал со стола свое барахло!

— Где ты видишь барахло? — громко оскорбился Бахрам. — Это все нужные и ценные вещи!

— Коробка из-под пиццы — нужная вещь? Пустые пивные банки — нужная вещь?

— Святые ежики, Алина! Мы, может, скоро попадем в Свору, а тебя волнуют пустые пивные банки?!

Оборотень усмехнулся.

— А почему она захотела стать бессмертной? — поинтересовался он.

— Спроси, — посоветовал Ньялсага. — Может, расскажет. Хотя вряд ли.

— Я узнаю сам.

Меж тем, Алина, закончив выговор Бахраму, направилась к столу, намереваясь отыскать среди «нужных и ценных вещей» свою сумку и в тот момент, когда она походила мимо Предвестника смерти, он легонько коснулся рукой ее русых волос. Прикосновение было таким легким, что Алина даже не почувствовала его.

Ньялсага вопросительно посмотрел на Дэхарна.

— У нее красивое имя, — тихо заметил оборотень. — Так она потеряла мужа и ребенка?

— Во время эпидемии черной чумы, — кивнул заклинатель.

— Ее сын был совсем маленьким. И она тоже должна была умереть, — продолжал Дэхарн. — Болезнь уже наложила на нее свою лапу. Но, видно кто-то, в зачумленном городе пожалел ее и поведал о волшебном ветре.

— Да, — кивнул Ньялсага. — А через день в мертвый город прилетел Соранг, который я призвал.

— И она попросила вечной жизни?

— Она была тогда совсем юной и то, что произошло, сильно ее напугало. У нее на глазах вымер целый город! Естественно, она хотела жить.

— И Соранг оказался единственным шансом, — медленно проговорил Предвестник смерти.

Ньялсага подождал еще немного, но оборотень молчал.

Заклинатель взглянул на часы.

— Нам пора ехать, — сказал он. — Хочу все-таки взглянуть на арбалет.

— Пора и мне, — ответил оборотень.

Он слегка кивнул и направился к выходу. Хлопнула дверь.

Ньялсага подошел к окну.

На крыльце агентства стоял невысокий человек в роговых очках и мятом дешевом костюме. Человек бросил взгляд по сторонам — и вдруг исчез. Он не делал руками магических пассов, не бормотал заклинаний — просто растворился в воздухе, будто его и не было.

Заклинатель постоял, насвистывая песенку про почтенных старушек.

— Ну, этого следовало ожидать. С какой стати он станет нам помогать? — он похлопал себя по карманам и вынул маленькую коробочку. — Сдавайте амулеты, они нам еще пригодятся.

Ява протянул серебряную монетку.

— Ну, что ж, мои маленькие пушистые друзья, придется нам самим расхлебывать эту кашу! — сказал он.

Алина и Бахрам переглянулись.

— «Маленькие пушистые друзья»? — озадаченно переспросил Бахрам. — Это ты о ком?

Алина отдала Ньялсаге амулет.

— Яву не мешало бы проверить на наркотики, — посоветовала она. — В последнее время он какой-то странный!

Ньялсага вздохнул.

— Если бы только в последнее… ладно, едем в «Химеру»! Времени у нас мало, так что предлагаю оттянуться на всю катушку: бар, стриптиз, девушки в бикини, выпивка, непристойное поведение. Будем бить посуду, и мазать лица официантов горчицей!

— А кетчупом можно? — поинтересовался Ява.

— Тебе — можно, — подумав, ответил Ньялсага. — А все остальные пусть пользуются горчицей.

Алина замерла.

— Я думала, мы едем по делам? Или это шутка, насчет горчицы и непристойного поведения?

— Да, Алина, это была шутка, — с досадой сказал Ньялсага. — Неужели непохоже?

— Святые ежики, очень смешно! — громко заявил Бахрам. — Очень! Обхохочешься!

Ньялсага одобрительно кивнул.

— Хоть кто-то понимает мой юмор! Бахрам, где твой амулет?

Тот смущенно переступил с ноги на ногу.

— Ну, это самое, — выдавил Бахрам. — Тут такое дело…

— Что еще?

Бахрам сокрушенно вздохнул.

— Услыхал я про Легион и так обрадовался, что… святые ежики, проглотил я ее… нечаянно!

…Через минуту черный ворон, сидевший на карнизе проводил взглядом людей, пересекающих двор, и взлетел, хлопая крыльями.

Глава — 6

Всю дорогу, нетерпеливо понукая строптивого «Зеленого Дракона», Ньялсага ломал голову над тем, как в течение трех дней им избежать ловушки, которую уготовила им мертвая ведьма, как выкрутиться из этого положения?

При одной только мысли о чародеях Сумеречного Ордена по спине ползли ледяные мурашки. Вполне возможно, ведьма решит придержать отмеченных Сорангом у себя и лишь время от времени будет позволять чародеям пользоваться жизнью бессмертных… в обмен на какую-нибудь услугу, например. Ньялсга догадывался, какого рода будет эта услуга…

Он посмотрел в зеркало заднего вида. Ява по-прежнему держался позади, хотя запросто мог обогнать «Дракона».

Ньялсага бросил хмурый взгляд на улицы, на беспечных, ничего не подозревающих горожан. Светофор загорелся красным, «Зеленый Дракон», дребезжа и трясясь, остановился. Рядом притормозил пятнистый микроавтобус.

Гинзога, старая змея, хорошо знающая человеческую породу, все предусмотрела.

Что бы придумать, чтобы связать договором саму ведьму, заставить ее никогда больше не появляться в этом мире? Времени на раздумья было так мало! И скоро всем им придется произнести вслух кое-какие слова, а потом…

Красный свет сменился зеленым, машины тронулись.

Потом люди станут частью Своры проклятых, пройдет всего ничего и все человеческое постепенно покинет новообращенных, а затем, по старой памяти, их потянет именно сюда, в этот мир, в этот город — на охоту.

Ньялсага тряхнул головой, отгоняя страшные мысли, и усилием воли заставил думать себя о чем-нибудь другом.

Но долго размышлять ему не пришлось: впереди показалось неказистое одноэтажное здание, возле которого ярко горел красным неоном щит:

«Развлекательный клуб «Химера». Работает круглосуточно». Он был расположен как раз на том самом месте, где более двух сотен лет назад находился постоялый двор, которым заправляла старая знакомая Гинзоги — химера, кошмарное порождение ночи.

Как назло, возле ворот парковки сидела облезлая серая кошка и рассматривала окружающий мир с высокомерным отвращением. Кошка была бомжом, но это не мешало ей глубоко презирать всех на свете.

— Чтоб тебя! — выругался Ньялсага. «Зеленый дракон» со скрипом затормозил, неуклюже развернулся и объехал кошку по большой дуге.

— В гости к мертвой ведьме, — пробормотал Ньялсага вслух, поглядывая в зеркало заднего вида на серую кошку. — И к подружке ее — химере. Мило, очень мило….

…На парковке «Зеленый дракон», недовольный тем, что его заставили ездить по крутым улочкам больше положенного, устроился между раскрашенным в камуфляжные цвета микроавтобусом и новеньким серым автомобилем агента Явы и задремал.

Ньялсага заплатил неприветливому охраннику парковки, пожилому мужчине с военной выправкой, коротающему дежурство за просмотром футбольного матча, кивнул поджидавшим Алине, Бахраму и Яве, и они направились к клубу.

Район был окраинный и тихий, шумных заведений, кроме ночного клуба, тут отродясь не водилось. Светилась неоновой вывеской аптека, рядом притулился магазин «Ветерок», а на углу виднелся небольшой магазинчик бытовой химии.

— Не отставайте, — на ходу бросил Ньялсага: ему не терпелось взглянуть на заклятья арбалета.

От продуктового магазина мимо парковки, направляясь к автобусной остановке, медленно брели две ветхие старушки, волоча за собой туго набитые сумки на колесиках.

Бахрам остановился.

— Вам помочь, бабули? — добродушно спросил он. — Сумки до остановки донести, то есть? А то тяжело, наверное, вам, божьим одуванчикам…

Старушки переглянулись.

— Только попробуй, подойди! — зловеще предупредил «божий одуванчик» и перехватил поудобней черный старомодный зонтик с деревянной ручкой.

— А вот я сейчас милицию вызову! — пригрозил второй «одуванчик», в белой панаме и широкой юбке в горох. — Милиционеры с собакой приедут! Они, тебя живо арестуют!

Старушка ткнула сложенным зонтом в сторону опешившего Бахрама. Тот проворно отскочил.

— Они тебе покажут, как к женщинам приставать! «Сумки донести»! И время выбрал подходящее, кругом ни души! Небось, с утра тут околачиваешься, поджидаешь! Маньяк!

Они обошли Бахрама и направились прочь, поминутно оглядываясь и грозя ему зонтом.

Растерянный Бахрам развел руками.

— Чего это они?

— Ну, чего, — отозвался Ява. — Две одиноких беззащитных женщины на пустой улице… а ты им помощь предлагаешь. Кто ты после этого? Понятное дело, насильник!

Бахрам набычился.

— Насильник?! Ишь, ты, — недовольно пробурчал он и бросил взгляд в сторону удаляющихся старушек. — Еще надеются на что-то…

Он круто повернулся и зашагал вслед за Ньялсагой и Алиной.

— Сейчас отыщем Гинзогу, — деловито говорила Алина: ни она, ни Ньялсага не заметили маленького инцидента. — Ты посмотришь хорошенько на арбалет, потом поедешь домой, основную книгу заклинаний почитаешь. Найдешь подходящее заклятье — и готово! Устроим ведьме неприятный сюрприз!

Судьба, однако, распорядилась иначе, и сюрприз получила не Гинзога, а они сами: на перилах веранды клуба «Химера» их поджидал ни кто иной, как Дэберхем. Вид у ворона был злорадный.

Ява, шедший впереди, резко остановился.

— Смотрите-ка! — он ткнул пальцем в сторону птицы. — Это не к добру!

— Почему не к добру? — не согласилась Алина. Она вынула из сумки мобильный телефон и переложила в карман куртки. — Цолери хочет знать, что происходит, вот и прислал его. Только и всего!

— Только и всего? Да ты взгляни на него!

Бахрам, прищурившись, уставился на ворона:

— Святые ежики, точно! Он нам сейчас подложит свинью размером с дракона! Злится, из-за того, что разговор с Дэхарном подслушать не смог!

— Счеты сводит, мелочное мстительное создание, — подхватил Ява. «Мелочное мстительное создание» внимательно посмотрело на него, хорошенько запоминая сказанное.

— Дэберхем, — медленно проговорил Ньялсага, останавливаясь напротив ворона. — Ты же не хочешь сообщить, что сюда опять кого-то принесло? Это уж слишком, у нас и так — полный комплект!

Ворон отвернулся, всем своим видом выражая полное безразличие.

— Только не сейчас! Только не сейчас! — взмолился Ньялсага.

— Шею ему свернуть — и все дела! — кровожадно рявкнул Бахрам.

Дэберхем насмешливо каркнул что-то вроде «Руки коротки!»

и, хлопая крыльями, сорвался с перил веранды.

— Тролль тебя сожри, — с досадой проворчал Ньялсага, провожая ворона взглядом. — Снова незваные гости!

Он тяжело вздохнул.

— Чья очередь?

— Ну, моя… — раздосадовано пробурчал Бахрам.

— Ясно, — Ньялсага сунул руку в карман куртки и коснулся синего ежедневника. — Алина и Ява, вы в клуб идите, а мы с Бахрамом вернемся на парковку.

…На определение примерного местонахождения «гостей» ушло минут тридцать.

Бахрам, не находя себе места, бродил по асфальтовому пятачку парковки, то пиная колеса микроавтобуса, то вполголоса ругая Дэберхема, то проклиная судьбу, подсунувшую новых визитеров в такой важный, можно сказать, судьбоносный момент.

Время от времени, он подходил к «Зеленому дракону» и заглядывал в пыльный и душный салон, где с раскрытым ежедневником сидел Ньялсага.

— Ежик всемогущий, ты скоро?

— Скоро, скоро… когда я закончу, мы будем знать, на какой улице они находятся.

— «Они»?

— Какие-то небольшие существа, вроде овражных гномов.

— А сколько их?

— Кажется, четверо. Иди, не мешай…

Бахрам обошел парковку раз пятнадцать, прежде чем услышал, как хлопнула дверца машины, и заторопился к «Дракону».

— Наконец-то! Местоположение определил? Амулеты готовы?

Ньялсага убрал в карман синий ежедневник и оглянулся по сторонам.

— В этот раз без амулетов обойдешься — времени мало, ты нам в «Химере» нужен. Поэтому, отыщи их как можно скорее и…

Бахрам тоже оглянулся — на парковке было пусто — и придвинулся поближе к Ньялсаге.

— Под заклятьем буду работать? Святые ежики, вот здорово! Люблю я это дело!

Он потер руки.

— Эх, почаще бы!

— Нельзя почаще, привыкнешь. Это хуже, чем наркотиками баловаться: потом на что угодно пойдешь, лишь бы еще разок под заклятьем побывать…

— Не привыкну, — отмахнулся Бахрам, предквушая поиск. — Давай, начинай, пока никого поблизости нет!

Сосредоточенно сдвинув брови, глядя себе под ноги, он слушал, как Ньялсага начал читать заклинание.

Мудреных слов агент Бахрам не понимал, поэтому не слушал, а просто следил, как налетевший невесть откуда ветерок кружил по асфальту обрывки бумажек, фантики, мятые автобусные билеты. «Не иначе, к ночи дождь пригонит», хотел сказать Бахрам — и не смог.

Голос заклинателя неуловимо изменился: только что был обычным, знакомым — и вдруг зазвучал будто издалека, опутывая по рукам и ногам, лишая воли. Бахрам крепко зажмурил глаза, закрыл руками уши, но голос все равно звучал, подчиняя себе, проникая в сознание по капле, как змеиный яд.

Бахрам вдруг ясно понял, что еще миг — и все будет кончено, он умрет, сердце разорвется, лопнет в груди и никакое бессмертие не спасет, но тут чья-то рука крепко тряхнула его за плечо.

Бахрам открыл глаза.

— Живой? — спросил Ньялсага. — Давай, двигай за гномами!

— Ежик всемогущий… — пробормотал Бахрам, широко раскрытыми блестящими глазами глядя на него. — Ух ты, вот это состояние! Я все могу! Даже летать!

Ньялсага вздохнул.

— Не можешь ты летать. Не забывай об этом, а то получится, как в прошлый раз…

— Помню, помню, — отмахнулся Бахрам и обвел взглядом улицу.

Мир изменился, словно кто-то протер тряпкой пыльное оконное стекло. Все кругом стало ярким, отчетливым, резким. Звуки большого города не сливались в единый шум, а звучали каждый по отдельности: слышно было, как мягко ступает кошка, подбираясь к мусорному баку на парковке, как стучат коготки голубей, устроившихся на карнизе десятого этажа, а где-то на соседней улице стучат каблучки.

Тысячи запахов витали в воздухе: пахло морем, асфальтом, бензиновыми выхлопами, а со стороны дальнего парка, что был почти на другом конце города, потянуло вдруг чем-то странным, ни на что не похожим запахом.

Бахрам раздул ноздри.

— Вот они, кажись, — пробормотал он. — Чую я их!

Через весь город словно протянулась прочная невидимая для других нить, на одном конце которой находился Бахрам, а на другой — таинственные гости и нить эту он видел так ясно и

четко, как если бы она существовала на самом деле.

— Я пошел, — сообщил Бахрам и двинулся в путь.

…В клуб Ньялсага решил попасть не через главный вход, возле которого толпились веселые люди и клубами плавал табачный дым, а через боковой. Он вошел в небольшую пустую комнату, с табличкой «Резервный зал» и мельком осмотрелся. Комнату освещали только яркие лампы под колпаками, низко висевшие над зеленым бильярдным столом, отчего кругом царил рассеянный полумрак.

Ньялсага направился к двери, ведущей в общий зал, но вдруг остановился. Между бильярдным столом и большой пальмой в кадке стоял Мунго-лис. Оборотень посматривал на дверь и явно хотел улизнуть, но высокий крепкий парень в кожаной куртке загораживал ему дорогу.

— Брат мой! — говорил Мунго-лис, и вместе со словами изо рта у него вырывалось странное шипение, будто оборотню нелегко давался человеческий язык. — Проявляй милость и благосердечие к ближним! Ибо боги видят это и занесут твой добрый поступок в особый свиток, дабы при случае щедро отблагодарить за милость, которую ты проявил!

— Отблагодарят, конечно, — хмыкнул парень. — А когда я с тебя шкуру спущу, благодарность богов перейдет все границы!

Глаза оборотня сузились, руки непроизвольно сжались в кулаки.

— А если не удастся тебе обрести благочестие, верю, что ты постараешься исправиться в последующих жизнях, коих у человека, как известно, пять! — прошипел оборотень. Нялсага с тревогой отметил, что зубы у Мунго как будто стали больше. — Богам не угодно…

— Богам неугодно, что ты, придурок, шляешься по клубу и выслеживаешь людей. Боги всерьез опасаются, что если ты, тварь, сожрешь здесь кого-нибудь, то не обретешь должного благочестия. Здешние люди, знаешь ли, от благочестия далеки, так что смотри не отравись! Кстати, насчет пяти жизней… обманули тебя, рыжий! И у людей и у тебя жизнь одна-единственная, так что гляди, как бы тебе ее того… не подсократили!

— Брат мой, — зашипел Мунго, с трудом проталкивая слова сквозь длинные острые зубы. — Поразмысли хорошенько, что и человеческая жизнь коротка, но может стать еще короче, если…

Рука его зашарила по столу и наткнулась на забытую кем-то тяжелую пивную кружку из литого стекла. Глаза Мунго-лиса зловеще вспыхнули.

— Брат мой… — снова начал он и вдруг замер. Ньялсага увидел, что прямо в сердце оборотню упирается лезвие ножа.

— Какие-то все сегодня нервные, — парень пожал плечами. — Поставь-ка ее на место. И давай без резких движений!

Мунго поставил кружку.

— А теперь пошел вон!

Оборотень метнулся к двери и скрылся.

Ньялсага покачал головой.

— Ты с ним поосторожней, — сказал он, приблизившись. — Мунго — опасная тварь, помни об этом!

Парень убрал нож.

— Ничего, пусть боится!

— Лучше ты его бойся. В следующий раз старайся к оборотням так близко не подходить, дистанцию держи. И все время следи, чтоб и они не приближались. В этом деле опыт нужен, а у тебя его пока что нет. Ты ведь у Кемена недавно? Что-то я тебя раньше не видел.

Ньялсга вопросительно посмотрел на собеседника.

Тот окинул его взглядом, в котором сквозило любопытство.

— Я тоже вас раньше не видел. Кемен говорит, вы — волшебник? Правда?

Достаете кроликов из шляпы и все такое?

Ньялсага заморгал глазами.

— Каких еще кроликов? Почему из шляпы?

— Фокусники в цирке так делают, — пояснил парень. — Публику развлекают.

Ньялсага хмыкнул.

— Ах, в цирке… ну, нам-то туда ходить не надо. У нас своих развлечений полно, — он кивнул на дверь в «Химеру». — А ты все-таки не лезь к Мунго, понял? Ты не гляди, что он выглядит дурак-дураком, он — проклятый оборотень, с ним шутки плохи! Кстати, — спохватился Ньялсага. — Как тебя зовут-то?

— Марк, — парень протянул руку. — А как вас зовут, я знаю.

Аура Марка светилась ровным охристым цветом, но по краям заметно бледнела, будто выцветала.

— М-м-м, — растерянно промычал Ньялсага, глядя на чужую ауру. — Ты это… ты амулет защиты носишь?

Парень вынул из кармана золотой галеон.

— Ношу. А это действительно пластмассовая пуговица?

— Да. Не потеряй, важно, чтобы амулет всегда был при тебе.

Видение ауры медленно исчезло.

— И зачем Кемен посторонних в это дело втягивает? — с досадой проворчал Ньялсага. — С ним-то все ясно, у него привычка убивать — в крови, а вот другие …

— Посторонних? — парень передернул плечами. — Я в этом городе с рождения живу, а сейчас сюда заявилась Свора. И что прикажете делать? В стороне стоять? Кемен говорит, ведьма и раньше сюда наведывалась, жаль только, что никто не смог дать ей отпор. Но в этот раз все по-другому будет, — напористо продолжал он. — Сначала ведьму прикончим, а потом за всех остальных примемся! Я, например, лично Мунго-лисом займусь…

— Гляди, чтоб он тобой не занялся, — предостерег Ньялсага.

Марк умолк и недовольно посмотрел на него сверху вниз.

— Пусть попробует! Мунго всего лишь оборотень и мозгов у него — кот наплакал. С вампиром, конечно, потрудней будет, но, в конце концов, и с ним справимся! Кемен говорил, вы — крутой заклинатель, так в чем дело? Неужели боитесь этих тварей?

Ньялсага медленно покачал головой.

— Свора существует уже не одну сотню лет. Как думаешь, сколько раз ее пытались уничтожить?

— Значит, плохо пытались. Потому ведьма и уходила отсюда целой и невредимой!

— Плохо пытались? Даже Хэрвелл не смог с ней справиться!

Но парень его не слушал.

— Прав Кемен: все, кто сюда попадает, должны быть уничтожены! Иначе…

Ньялсага прищурился.

— Даже человек, который попал сюда случайно, не по своей воле?

Марк пожал плечами.

— Человек тоже может быть опасен. Кемен всегда говорит, что с теми, кто сюда попадает, надо так: сначала стрелять, потом — спрашивать.

— Даже в человека? — повторил Ньялсага.

Марк пожал плечами.

— Да вас всех лечить надо, — с досадой бросил Ньялсага, обошел парня, стоявшего посреди комнаты, и направился к двери.

… В соседнем зале было полутемно и многолюдно. Окон в помещении не было, а лампы освещали лишь барную стойку да бильярдные столы, возле которых толпились игроки и болельщики. Вокруг было полно самого диковинного народу, но Ньялсагу это не удивило: он уже знал, что в «Химере», помимо обычной публики, собираются начинающие художники, молодые дизайнеры и прочие творческие личности.

Не успел он сделать и пары шагов, как рядом, словно из-под земли, появился Ява.

— Они там, — сообщил он, перекрикивая шум, махнул рукой в сторону и кивком указал дорогу. В клубе было три больших

зала. В последнем из них, на мягком диване, обитом синей кожей, сидела Гинзога. Ньялсага заметил, что она поменяла наряд: сейчас она куталась в черную кружевную накидку. Прическа тоже была другой — пепельные волосы падали на плечи кудрями. На столе перед ней стоял высокий запотевший стакан с каким-то напитком. С некоторым облегчением, Нялсага отметил, что заклятье маскировки Гинзога, судя по всему, обновлять не забывала: на ее странный наряд никто не обращал внимания.

— Чем они тут занимаются? — спросил Ньялсага.

— Развлекаются, — сдержанно ответил Ява. — Смотрят, наблюдают, времени даром не теряют.

Ньялсага огляделся.

— Гинзогу вижу. А остальные где?

— Вампир под наблюдением Алины и Лютера… — начал было Ява.

— Что? Они… вместе?!

Ява хмыкнул.

— Сначала Алина чуть не перегрызла ему горло, но потом они, кажется, решили отложить свою вендетту на пару дней. Теперь ходят по пятам за Трефалонусом.

Ньялсага пошарил взглядом по толпе, пытаясь разглядеть Алину.

— Пусть они с вампиром поосторожней. А где некромант?

— В другом зале. Сидит в углу, возле фонтанчика. С химерой беседует.

Ньялсага отыскал глазами дядюшку Фю.

— Ясно.

— Харгала что-то не видно… я уж думал, он сюда верхом на лошади сюда завалится. А рыжий оборотень… — Ява в беспокойстве пошарил взглядом по сторонам. — Только что тут был! Куда он делся? Я же глаз с него не спускал. Да и из Кеменовской банды новый парень за ним ходил.

— Марк?

— Он самый.

Ньялсага заметил Кемена, пробирающегося сквозь толпу.

— Пойду я кое с кем поговорю. Осторожней с оборотнем, не нравится мне, что никто ничего о нем не знает. Чего от него ждать — непонятно…

… Ньялсага исчез. Ява обошел зал, надеясь разглядеть в полумраке рыжую шевелюру оборотня, но Мунго-лис как сквозь землю провалился. Ява направился дальше: поискать в следующем зале, посмотреть, а заодно проверить, как проводит время Фюзорис.

Потомственный некромант дядюшка Фю был занят сугубо мирным делом: сидя на стульчике возле небольшой гранитной чаши с фонтанчиком, вел душевную беседу с химерой — высеченным из грубого серого камня изваянием. Каменная химера будто присела на край чаши и, сложив крылья, прищуренными злыми глазами наблюдала за тем, что происходило вокруг.

— Собрался, наконец-то, навестить тебя, Моренушка, не держи зла, что нескоро. Занят был! Теперь вот, мимо проезжаючи, завернул проведать. Со старым-то другом как не повидаться?! Помнил о тебе, помнил, драгоценнейшая моя! Да все дела, дела! — журчал дядюшка Фю, сцепив пальцы на животе и рассматривая прижмуренными кошачьими глазками людей, снующих мимо.

Химера хранила молчание, но некроманта это совершенно не смущало.

— А помнишь ли ты, любезная моя, Фергапонта-людоеда из Гнилых пустошей? Жив-здоров, вспоминает о тебе, как узнал, что мы в ваши края направляемся, взволновался ужасно! Поклонец тебе просил передать, а в скором времени и сам наведаться обещал, вот так-то…

Он заметил проходившего мимо Яву и привстал со стульчика.

— Никак, снова ко мне завернул? Это ты правильно делаешь, медовый мой, что старика не забываешь! Нет-нет, да мимо пройдешь, я ведь все примечаю! — дяюшка Фю незлобливо посмеялся. — Проверяй, сахарный мой, проверяй, нам, душегубам, веры нет, правильно я говорю?

Ява пожал плечами.

Ничуть не обескураженный некромант продолжал:

— А я вот со старой знакомой разговоры веду, — добродушно поведал он, снова устраиваясь на стульчике поудобнее.

— Да на публику местную поглядываю. Инере-е-есно… — протянул дядюшка Фю, провожая кого-то взглядом.

— Разговоры со знакомой? — Ява покосился на изваяние. — Ничего, что она каменная? Неживая?

— Как сказать, голубь ты мой, как сказать, — охотно откликнулся старый некромант. — Ведь в жизни-то всякое бывает. Посмотришь, к примеру, на кого-нибудь, думаешь — живой! Ан, он вовсе и не живой!

Дядюшка Фю тихонько посмеялся.

— И наоборот тоже приключается. Глянешь эдак — неживой! А он вовсе…

— Что? — переспросил Ява, слегка запутавшись в хитроумных речах некроманта.

— Охо-хо, молодежь, — проговорил тот, поднимаясь со стула. — Дай-ка руку, сахарный мой… да не бойся, не откушу!

С этими словами он крепко ухватил Яву за руку и прижал его ладонь к груди каменной химеры.

— Слушай! — велел некромант. На мгновение совсем близко блеснули его глаза: жесткие, цепкие. — Чуешь?

Ява попытался вырвать руку, но неожиданно замер. На ощупь камень казался обычным куском гранита: прохладным, шероховатым и неровным, со следами сколов, но в глубине серого камня медленно и размеренно билось чье-то сердце.

Ява отдернул руку и взглянул на дядюшку Фю.

— Вот так-то, медовый мой, сахарный, — глазки некроманта по-доброму сощурились, а голос снова наполнился безмятежностью. — Я о том речь-то и веду. Посмотришь эдак, думаешь…

…Ньялсага разговаривал с Кеменом возле кадки с пальмой, и сам себе напоминал героя дешевого шпионского боевика, которые так любил смотреть Бахрам.

— Одна моя знакомая, большая любительница комнатных растений, купила по объявлению в газете такую вот пальму и с месяц ее поливала… пока не выяснила совершенно случайно, что пальма — искусственная.

Кемен покосился на дерево.

— Что за знакомая?

— Да так, — отозвался Ньялсага, твердо решивший не сдавать Алину ни при каких обстоятельствах. — Хороший человек, только с пальмами ей не везет.

Кемен отыскал взглядом Алину и хмыкнул.

— Оборотня видел? — отрывисто спросил он. — Как его… Дэхарн, что ли?

— По поводу оборотня, — Ньялсага заметил Трефалониуса: вампир, не торопясь, пересек зал и скрылся за дверью. — Две новости, одна хорошая, другая — плохая. Хорошая новость: сегодня на рассвете он уйдет.

— А плохая?

— Помогать нам он не будет, да и о Гинзоге не сообщил ничего такого, чего бы мы уже не знали.

Кемен пробормотал ругательство.

— Я не сильно надеялся на его помощь, но все-таки…

— У него с Гинзогой давние счеты, — пояснил Ньялсага. — Она хотела присоединить его к Своре.

Кемен прищурил глаза.

— А почему не смогла?

— Ему удалось скрыться. Но оборотни клана Предвестников смерти злопамятны и мстительны, Дэхарн не исключение. Ведьма заставила его, высшего оборотня, бежать, унизила его и рано или поздно он отмстит за это. Гинзога — его смертельный враг, а убийство врага — дорогой подарок для оборотня, смысл его жизни, можно сказать. Поэтому, если Дэхарн и знает, как убить ведьму, нам он этого не скажет: хочет сам с ней поквитаться. Но не теперь.

— Почему?

— У него сейчас не самые лучшие времена: он под завязку накачался чужой магией. Я слышал о подобном… в такой ситуации лучше всего залечь на дно и ждать, пока организм не привыкнет к новому уровню магии в крови. Если он сейчас вступит с Гинзогой в схватку, то может ее уничтожить, но и сам погибнет.

— Да и черт бы с ним… — процедил Кемен.

— Он хочет исчезнуть отсюда до того, как ведьма пронюхает о нем, так что смоется сегодня на рассвете. Мы, в отличие от него, сбежать не можем, так что…

Ньялсага умолк, наблюдая за толпой.

— Значит, помощи ждать не приходится, — подытожил потомок Хэрвелла. — А про арбалет он что-нибудь знает?

Заклинатель отрицательно мотнул головой.

— Думаю, когда дойдет до дела, Дэхарн не станет рисковать и взламывать охранные заклинания. Он разделается с Гинзогой другим способом.

— Нам-то будет уже все равно, — буркнул Кемен.

В кармане куртки Ньялсаги тихо зазвенел телефон.

— Бахрам… кстати, хотел сказать, — спохватился заклинатель. — Насчет новых гостей…

— Мы их искать не будем, — нехотя процедил Кемен. — Можете сами с ними возиться. Услуга за услугу: ты же нас предупредил об оборотне. А я в долгу быть не люблю.

Разговор с Бахрамом оказался коротким: Кемен всем своим видом показывал, что поговорить о такой мелочи, как гномы, можно и позже.

— Не пора взглянуть на арбалет? — спросил он, когда Ньялсага убрал телефон. — Нельзя терять время!

Вдруг он насторожился.

— Это что, к нам?

Дядюшка Фю, потомственный некромант, владелец постоялого двора, приблизился, приятно улыбнулся и отвесил поклон.

— Беседуете, любезные мои? Милое дело, с хорошим-то

человеком побеседовать! Я вот тоже со старой приятельницей только что приятный разговор имел… так, верите ли, душой отдохнул, родные мои! Ей-ей, не вру!

Кемен хмыкнул.

— Оговорился, сахарные, оговорился, медовые мои! — тут же поправился дядюшка Фю с добрым смешком. — Опять про душу! И ведь нету у меня ее давно, а нет-нет, да и…

Он махнул рукой.

— Да что ж это я?! — картинно спохватился некромант. — Я ведь по делу! По важному делу, голуби мои!

Дядюшка Фю кивнул в сторону следующего зала.

— Приглашение имею честь передать! Приглашение на приятную дружескую беседу о том, о сем.

— Гинзога приглашает? — уточнил Ньялсага.

— Она самая, хороший мой, она самая! Ну, а я вроде как курьер при такой важной особе, порученьица разные выполняю, приглашеньица передаю…

Он тихонько посмеялся.

— Такая моя служба!

Кемен пожал плечами и двинулся вперед, но дядюшка Фю ухватил его за локоть.

— Погоди, медовый мой, сахарный, — пальцы у старого некроманта оказались неожиданно крепкими, а хватка — железной. — С тобой беседа еще впереди будет, а сейчас его одного ждут, — он кивнул на Ньялсагу. — Вы уж на меня не серчайте, я-то ведь кто? Так, всего лишь курьеришко… мне сказали, я и передал!

Он отпустил руку Кемена, посмотрел на него и с сожалением покачал головой.

— И как я тогда не доглядел, голубчик, как оплошал? Подвели меня химеры! Нужно было Морене поручить, уж старая подруга никого бы в живых не оставила… ну, да ладно, беда-то поправимая, — он повернулся к Ньялсаге. — Вперед ступай, а я уж за тобой следом поплетусь, не торопясь, по-стариковски…

…Ява опустился на табурет возле стойки и махнул рукой бармену. Тот подскочил, узнал, чего желает клиент, и буквально через минуту, проявляя чудеса расторопности, поставил перед ним высокий стакан, наполненный прозрачным напитком, с кубиками льда и листочками мяты на дне.

— Старая знакомая, — пробормотал Ява, покачал головой и залпом выпил половину стакана. Многообещающе поблескивала батарея самых разнообразных бутылок в баре, возле которого колдовали два бармена, добавляя в бокалы то лед, то напитки,

будто готовили неведомые зелья, а на большом экране телевизора транслировали какую-то спортивную передачу.

Кто-то опустился на табурет рядом с ним. Ява отпил еще глоток и покосился в сторону: девушка, красивая.

Он вздохнул и потер ладонь, все еще помнившую ощущение шероховатого прохладного камня.

Девушка спросила о чем-то, но Ява, погруженный в мысли, не расслышал.

— Что? — переспросил он.

Девушка улыбнулась.

— Я спросила, как вам нравится «Химера»?

— Кто?! — насторожился Ява, вспоминая стук сердца каменного чудовища. Было в этом звуке что-то зловещее, страшное, словно какая-то темная сила, заключенная в высеченную из гранита фигуру, терпеливо ждала своего часа, уверенная, что дождется.

Девушка улыбнулась.

— Этот клуб. Нравится?

— Ах, клуб, — спохватился он и разом допил содержимое стакана, словно лекарство. — Да, конечно. Нравится. Особенно посетители! А украшение зала гранитная химера — вообще выше всяких похвал!

Он покосился в сторону зала с фонтаном. Сидевший на стульчике дядюшка Фю, заметил взгляд Явы и добродушно улыбнулся.

— Только немного шумновато, — проговорила девушка.

— М-м-м… да, есть такое.

— И душновато.

— Ага.

— Зато на улице прохладно. И погода хорошая.

Ява вздохнул. В любой другой чудесный вечер прекрасной незнакомке недолго пришлось бы страдать от одиночества, но сегодня…

Он отодвинул пустой стакан и снова посмотрел на дядюшку Фю.

— Знаешь, красавица, — Ява задумался на мгновенье, как бы выразиться помягче. — Ну, просто не хочется…

Громким военным маршем затрезвонил в кармане мобильный телефон.

Ява отошел от барной стойки и поднес мобильник к уху.

— Говорит Бахрам! Это защищенная линия?

— Защищенней некуда.

— А где Ньялсага? Его телефон не отвечает.

Ява с беспокойством огляделся.

— С Гинзогой говорит. А я тут как на иголках сижу, гадаю, зачем он ей потребовался.

— С ведьмой? Ладно, тогда слушай ты…

…Пробираясь сквозь развеселую толпу, Ньялсага с тревогой размышлял: что понадобилось от него Гинзоге? Он посмотрел кругом: что почувствовали бы люди, узнай, что среди толпы бродят вампир, некромант, оборотень, а в соседней комнате притаилась, словно змея перед броском, мертвая ведьма?

В соседнем зале было на удивление малолюдно, будто люди, чуя что-то, избегали заходить сюда. Не крутились у бильярдного стола игроки, не бродили подвыпившие посетители, одна лишь Гинзога сидела на бархатном диванчике возле стены и наблюдала за чужой жизнью с холодным интересом.

Стоило Ньялсага войти, как следом появился вампир Трефалониус, а минуту спустя пожаловал и дядюшка Фю, не забыв улыбнуться заклинателю самым приветливым образом.

— Что тебе?

Гинзога улыбнулась, но улыбка мертвой ведьмы не затрагивала ее глаз: они по-прежнему оставались холодными и безжизненными.

— Как ты неучтив, бессмертный заклинатель, — упрекнула она.

— Ты обманом собираешься заполучить в Свору ничего не подозревающих людей, продать меня и моих друзей Сумеречному Ордену — и ждешь от меня учтивости?

Гинзога усмехнулась, поправляя кружевную накидку. Маленький арбалет, висевший на поясе, почти терялся в складках платья.

— Присядь, — она похлопала ладонью по дивану рядом с собой.

— Хочу поговорить с тобой.

Ньялсага обошел диван и опустился в кресло, что стояло сбоку от Гинзоги.

— Значит, ты видишь магическое сияние у других, заклинатель?

— Ауры? Вижу.

Ньялсага бросил незаметный взгляд на арбалет.

— Что ты для этого делаешь? Читаешь заклинание, призываешь на помощь духов?

— Ничего. Достаточно коснуться руки другого человека… или не человека.

Гинзога протянула руку.

— Прикоснись и расскажи, что увидишь.

Ньялсага не шевельнулся.

— Ничего не увижу: ты — мертва, а у мертвых нет ауры.

Ведьма откинулась на спинку дивана и прикусила губу.

— Уже разузнал про меня? Чувствую, здесь не обошлось без потомка Хэрвелла?

Она посмотрела на Ньялсагу, но тот промолчал.

— Он слишком любопытен. Не люблю таких. Трефалониус! Напомни мне об этом случае позже, — небрежно бросила Гинзога. — Запиши куда-нибудь…

Вампир молча поклонился.

Ньялсага снова взглянул на арбалет — необходимо было разобраться, какими чарами он защищен. Ньялсага приготовил для этого подходящее заклинание, но произносить его следовало про себя и как можно медленней, чтобы Гинзога не почуяла чужую магию.

— Что еще тебе известно обо мне? — поинтересовалась ведьма, играя концами пояса.

Ньялсага взглянул в пустые глаза ведьмы.

— Например, то, зачем тебе понадобились чародеи Сумеречного Ордена. Они отказали в твоей просьбе, не так ли?

Гинзога выпрямилась.

— Откуда ты знаешь?!

— Догадаться нетрудно. Ты просила, чтобы они сняли с тебя смертельное проклятие, но те-кто-в-сумерках сделать это не пожелали.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Потом Гинзога медленно улыбнулась, будто оскалилась.

— Но теперь все изменилось, заклинатель. Теперь они будут счастливы оказать мне маленькую услугу: ведь у меня есть то, что им нужно. У меня есть вы! Чародеи разрушат проклятье.

Дядюшка Фю сделал маленький шажок по направлению к дивану, на котором сидела ведьма.

— Ты говоришь так, как будто уже все решено, — заметил Ньялсага.

Медленно, очень медленно, он договорил последнюю строку заклинания и затаил дыхание, глядя на маленький арбалет, висевший на поясе у ведьмы.

— Конечно, решено, медовый ты наш, — мягким голосом вступил в разговор дядюшка Фю. — Чародеи-то как обрадуются, вас увидев! Враз проклятье с хозяйки снимут! Ну, а там, хе-хе, может, и о нас она не забудет! Может, и за нас похлопочет перед магами-то! Нас ведь тоже прокляли!

Некромант бросил в сторону Гинзоги заискивающий взгляд.

— Верными-то слугами разбрасываться не след, — не

дождавшись ответа, снова забормотал дядюшка Фю. — Они нынче на вес золота, верные-то слуги, правильно я говорю, друг?

Трефалониус солидно кивнул.

Гинзога сделала ему знак, и некромант умолк, в волнении хрустнув пальцами.

— Смертельное проклятие разрушат, это всего лишь вопрос времени, — сказала она. — А пока поговорим о твоем будущем, заклинатель, — ведьма улыбнулась. — Хотя чародеи жаждут заполучить бессмертных, больше всего их интересуешь ты. Догадываешься, почему?

Ньялсага пожал плечами. Он напряженно ждал, когда магия заклятья позволит ему увидеть, каким образом защищен арбалет Гинзоги.

— Пожалуй, я не отдам тебя Ордену… во всяком случае — не сразу.

— Хочешь придержать товар, чтоб потом продать подороже?

Гинзога медленно наклонила голову.

— Конечно. Цена за тебя будет очень высокой…

Охранные заклинания, опутывавшие арбалет, внезапно вспыхнули ослепительно-белым светом, невидимым для других.

Ньялсага взглянул на заклятья, похожие на раскаленную добела проволоку, обвивающую оружие — и сердце его упало.

Дядюшка Фю, все это время неотрывно смотревший на заклинателя пристальным цепким взглядом, добродушно усмехнулся.

— Но могу позволить тебе остаться в этом мире… пока что.

Ньялсага с трудом оторвал глаза от арбалета и уставился на Гинзогу. Невидимые охранные заклятья сияли так ярко, что перед глазами у него все еще плавали огненные пятна.

— Остаться?

— Будешь жить, как и раньше. В полной безопасности, — подчеркнула она. — Я никому не скажу, где ты.

— Боишься, что если я буду в Своре, чародеи попробуют силой отбить у тебя дорогой товар?

В глазах Гинзоги мелькнула досада.

— И что я должен буду делать, пока Орден будет высасывать жизнь из моих друзей?

Она небрежно пожала плечами.

— Забудь про них, мы говорим о тебе. Живи здесь, наслаждайся вечностью. Разумеется, ты должен будешь платить мне за право жить. Например, искать новобранцев для Своры… немного, десять-пятнадцать человек каждый год. Кто-нибудь из моей свиты — Трефалониус или Фюзорис — будет забирать их.

— Капля в море, голубь мой, капля в море! — убедительно

заговорил дядюшка Фю, поглядывая на Гинзогу. — Народу-то кругом сколько! Не убудет!

Гинзога взглянула на Ньялсагу.

— Как тебе мои условия, заклинатель? Согласен?

Дядюшка Фю молитвенно сложил ладони.

— Конечно, согласен, медовые мои, сахарные! Я уж и по глазам его вижу, что согласен! Трефалониус, друг любезный, приготовь особый контракт!

— Будь проклят тот день, когда я в первый раз подумал о Соранге, — пробормотал Ньялсага, поднялся и вышел из комнаты.

…Закончив разговор с Бахрамом, Ява убрал в карман телефон и огляделся. Сквозь толпу пробиралась Алина, следом шел Лютер. У барной стойки Алину остановил импозантный хорошо одетый мужчина.

— Девушка, — укоризненно проговорил он, протягивая бокал. — Я весь вечер пытаюсь с вами познакомиться. Имейте в виду, я с серьезными намерениями! Я, видите ли, очень известный психотерапевт, — веско добавил он. — У вас есть личные проблемы? У хорошеньких женщин всегда столько проблем! Могу помочь, как профессионал. Давайте где-нибудь посидим, поговорим по душам. А лучше поедем куда-нибудь и поищем местечко поспокойней. Вы расскажете мне о…

— Вали отсюда, психотерапевт, — коротко ответила она, даже не взглянув на него.

— Как насчет прогулки на яхте?

Алина впилась в человека взглядом.

— У тебя своя яхта?

— Да, — мужчина самодовольно улыбнулся.

— Отлично! — сказала на это Алина-барракуда. — Тогда поднимай якоря — и вали!

Она отодвинула его в сторону и пошла дальше.

— Чем удивить захотел, — сердито ворчала Алина, прокладывая путь через толпу. — Яхта… я, между прочим, была единственной наследницей судоходной компании, пять торговых кораблей, это о чем-нибудь да говорит! А он — яхта… эка невидаль! На такой посудине только гномам плавать!

Незадачливый ухажер попытался двинуться следом за ней, но Лютер молча взял его двумя пальцами за шиворот и отодвинул в сторону. Спорить с «Бриммским василиском» «психотерапевт» не отважился.

Не успели они перекинуться парой слов, как появился и Ньялсага. Ява хотел было поинтересоваться, узнал ли он что-то

новое про арбалет, но только глянул на выражение лица приятеля — и промолчал.

— Завтра рано утром соберемся все в «Белом слоне», — сказал Ньялсага. — Мы и Кемен со своими.

— Почему завтра? — спросила Алина. — Почему не сейчас?

— Основную книгу заклинаний полистать надо.

— Ну, полистай, а мы подождем. За час-другой управишься? Времени-то мало осталось. Кстати, ты арбалет видел? И что?

— Алина, отстань, а? — с досадой бросил Ньялсага. — «Час-другой»… на арбалете такие заклятья, что Гильдии заклинателей на месяц работы хватит, а ты хочешь, чтоб я за час управился?

Это расслышал Кемен, подошедший вместе с Марком.

— Что с арбалетом? — отрывисто спросил потомок Хэрвелла.

— Ничего хорошего. На месте Гинзоги я бы за него не волновался.

— Заклятья снять получится?

Ньялсага тяжело вздохнул.

— Обещать не могу. Пороюсь в книгах, может, что и найду… встречаемся завтра в шесть, в «Белом слоне».

— Военный совет? — уточнил Ява, оглядываясь по сторонам: он так и не обнаружил Мунго-лиса.

— Ты рыжего видел? — спросил он Марка.

— Нет. Дядюшку Фю видел и Гинзогу. А вот где Трефалонус?

Дядюшка Фю, меж тем, закончив беседу с химерой, поднялся со стульчика. Никто и глазом моргнуть не успел, как некромант каким-то волшебным образом оказался рядом с ними.

— Беседуете? — сахарным голосом осведомился он. — Хорошо. Я же — ни-ни! — он выставил вперед ладошки. — В разговор ваш вмешиваться не стану! Я, голуби мои, в чужие дела не лезу, ибо скромен и нелюбопытен! Лучше предамся приятному отдохновению в редкие часы досуга!

Он приятно улыбнулся Лютеру.

— А вот Трефалонус, яхонтовые мои, все трудится, все хлопочет! — некромант сокрушенно покачал головой.

— Деятельнейшая натура, скажу я вам! Себя не щадит! Весь-то он в хлопотах, весь в заботах. А! Да вот и он сам к нам спешит!

Все, как по команде, оглянулись.

Вампир-стряпчий, не торопясь, приблизился и отвесил неглубокий поклон.

— А мы как раз о тебя говорили, — сообщил дядюшка Фю, лучась от радости. — А тут и ты сам!

Ньялсага, полный дурных предчувствий, кивнул на пачку листов в руке Трефалонуса.

— Что это?

— Предварительные контракты, — степенно сообщил тот. — Оные договоры настоящей силы пока что не имеют. Но льщу себя надеждой, что сии бумаги полезны будут… в самом ближайшем будущем! Так я говорю, юноша? — обратился он к Марку. — На тебя тоже бумажку нужную заготовить придется…

— Пошел бы ты со своей бумажкой, — угрожающе проговорил он. — И не лез к людям, не то я с тобой…

В разговор вступил дядюшка Фю.

— Ах, сахарный мой, медовый! Да разве ж это люди!? Это все ужасные личности, обитатели самого дна человеческого!

— Неужели? — взглянул на него Ява. — Как это ты определил?

— И очень просто, драгоценный мой! Не всякий человек душу в залог отдать согласится, даже в шутку, потому что шутка вещь такая… — некромант, приятно улыбаясь, пошевелил в воздуже пальцами. — Опасная вещь! Сейчас — она шутка безобидная, а потом — глядь! За нее ответ держать надо! Так я говорю, Трефалонус?

Вампир наклонил голову и дядюшка Фю продолжил:

— Неприятные личности, вертопрахи легкомысленные! Сами так в руки и идут!

Он вопросительно взглянул на Лютера.

— Не дождешься, — коротко ответил тот.

Дядюшка Фю не обиделся.

— А я не тороплюсь, золотой ты мой! Поспешность в этаком важном деле вовсе даже не на пользу, а только во вред идет! Верно, дружище?

Он повернулся к вампиру.

Трефалонус согласно кивнул, ловко свернул бумаги в трубочку и сунул в рукав.

Ньялсага только-только открыл было рот, чтобы ответить, как Алина неожиданно пихнула его в бок, да так, что заклинатель охнул.

— Гляди! Рыжий!

Возле чаши фонтанчика, на краю которого неподвижно восседала каменная химера, появился Мунго-лис. Его ярко-рыжая шевелюра сразу бросалась в глаза. Заметив дядюшку Фю и Трефалонуса, оборотень направился к ним. В зале было полно народу, сновали парочки и официанты, но рыжий верзила, неуклюжий увалень, проскользнул между людьми так ловко, что не коснулся ни одного из них.

— А вот и Мунго, — радостно объявил некромант и, когда оборотень подошел, похлопал его по плечу. — Разумный отрок, большие надежды подающий! Вы, молодежь, сразу с ним

подружитесь!

— А? — туповато переспросил Мунго-лис, с любопытством озираясь вокруг.

— Я говорю, отчего бы дружбу не завести с этими приятнейшими людьми? — терпеливо повторил дядюшка Фю.

Но до Мунго и во второй раз не дошло, что имел в виду потомственный некромант. На лице оборотня застыло недоуменное выражение. Он озадаченно поскреб пятерней в голове:

— Чего?

— М-да, — неопределенным тоном проговорил Марк. — Говоришь, большие надежды подает?

Мунго-оборотень вдруг громко икнул и зажал рот обеими руками, будто стараясь удержать слова, которые рвались наружу.

— Тебя что, тошнит?! — брезгливо осведомился Ява и на всякий случай отодвинулся подальше. — Успеешь добежать до дверей?

Мунго опустил руки и повернулся к Яве. Голубые глаза оборотня наполнились слезами.

— Я ощущаю в этом помещении большое скопление негативной энергии! — шмыгнув носом, сообщил он срывающимся голосом. — Ы-ы-ы… э-э-э-э… мы все должны бережней относиться друг к другу, к нашим чувствам!

Кемен и Лютер удивленно переглянулись. Ньялсага уставился на оборотня так, словно не верил своим глазам.

— Что он несет?! — удивился Марк.

Мунго-лис переступил с ноги на ногу.

— Стоит мне вспомнить прошлое, как эмоции захлестывают меня! — выдавил он и сжал зубы так, словно поклялся до конца своей жизни не произнести ни слова.

— Может, он лишнего хлебнул? — предположил Ява.

— Мы все — эмоциональные жертвы! — процедил Мунго, уставившись на него глазами, полными слез. — Мы отдалились друг от друга, от друзей и близких!

Он повернулся к Марку.

— Ты тоже эмоциональная жертва! Тебе необходимо крепкое объятие!

— Если полезешь ко мне со своим крепким объятием, получишь крепкую оплеуху! — предупредил тот.

— Да он обкурился, — хмыкнула Алина. — Не такой уж он дурак: успел забить косячок-другой!

Мунго-оборотень утер слезы.

— Как нас подавляет чужое мнение, как влияет на нашу самооценку! Но я всегда рядом и если тебе понадобится

дружеская поддержка…

— Нет, тут что-то не то… — пристально глядя на Мунго, протянул Ньялсага. — Тут, я думаю…

— Боже мой! — вскричала вдруг Алина, озаренная ужасной догадкой. — Он съел психотерапевта!

…Покидать клуб «Химера» и оставлять Свору без присмотра Ньялсаге очень не хотелось, но деваться было некуда.

— Вот что, Ява, — озабоченно сказал он, убирая в карман телефон. — Снова Бахрам звонил. Одного гостя он изловил, в агентство везет. Мы с Алиной поедем, а ты тут пока что оставайся. Кемен со своими тоже остается, так что ты не один.

Ява кивнул.

— А я домой за книгой съезжу, — продолжил Ньялсага. — Надо про заклятья на арбалете выяснить. Тролль бы их сожрал, этих гномов! — с досадой воскликнул он. — До чего они не вовремя тут оказались!

— Да все они тут не вовремя, — резонно сказала Алина. — Особенно, Гинзога.

— Про нее и говорить нечего, — пробормотал заклинатель. — Сдается мне, мы чем-то так крепко насолили богам, что они теперь не успокоятся, пока не покажут нам, где горгульи зимуют!

… Доставленного в агентство гостя Алина-барракуда рассматривала с рассеянным интересом. Обычный гном-овражник, таких она в прошлой жизни частенько встречала. Селились они на окраинах городов, разводили огороды, выращивали овощи, ими и питались. Особой сообразительностью гномы не отличались, но были добродушными и совершенно безобидными.

— Лет пятьдесят, не больше, — определил Ньялсага. — Маленький еще совсем. Ребенок, можно сказать. А где остальные шляются?

— Возле овощных магазинов или рынков, — уверенно сказала Алина. — А если их там пока нет, то придут, как проголодаются. У них чутье хорошее, по запаху и отыщут.

— Я их раньше найду, — хвастливо заявил Бахрам, сверху вниз глядя на коренастого, лохматого человечка, ростом с пятилетнего ребенка. Гном всем своим видом бурно выражал возмущение.

— Святые ежики, опять он рожи корчит! Чего ему надо?

— Просит, чтоб ему собственный облик оставили, — пояснил Ньялсага, снова мельком взглянув на гнома. — Пугает его то, что он в человека превращался.

Алина вздохнула.

— Да оставь, чего уж там. Пусть побудет сам собой. Только Дэберхема предупреди.

— Ежик всемогущий, а, может, он больной? Посмотри-ка на него!

— Гномы-овражники говорить не умеют, — объяснила Алина. — Они рожи друг другу строят, так и общаются, гримасами…

— Вона чего… — глубокомысленно протянул Бахрам.

— Ладно, — сказал Ньялсага, убирая в карман синий ежедневник. — Пора снова на тропу войны. Сделаем так: ты, Алина, оставайся пока что тут, следи за гномом. Как остальных привезут, звони мне, я приеду, наложу заклятье и будут они спать до утра. Поняла?

Она кивнула.

— Бахрам, отправляйся на поиски. Магии тебе должно хватить еще часа на четыре. А я домой поехал…

Алина сдвинув брови, взглянула на гнома.

— Как бы ему втолковать, чтоб он на пол плевать не вздумал? У овражников слюна такая едкая, что даже каменный пол прожигает!

Агент Бахрам насторожился.

— А если он на человека, к примеру, плюнет?

— Для человека безопасна, — успокоила Алина. — А вот для линолеума… откуда деньги на ремонт возьмем?

Ньялсага натянул куртку.

— Все, Алина, я уехал. Запирай дверь, да сгиллы замкнуть не забудь…

Он сбежал по ступенькам крыльца и направился к «Зеленому дракону». На капоте машины сидел нахохлившийся Дэберхем, явившийся за последними новостями.

На ходу рассовывая по карманам разные нужные вещи Бахрам тоже направился к двери.

— Зачем тебе в городе компас? — удивилась Алина. — Заблудиться, что ли, боишься? А складной нож, веревка? Таблетки сухого горючего?

— Пригодится, — туманно ответил Бахрам и вдруг замер на полпути, уставившись на большой керамический вазон с цветком.

— Ежик всемогущий, это еще что? — раздраженно рявкнул Бахрам. — Алина! Ты опять сюда всякую дрянь тащишь, разные цветочки-лютики, то есть?

Она передвинула вазон поближе к свету.

— Ну, что ты голосишь? Прекрасное растение, фикус называется, — она любовно взглянула на фикус. — Я на время

принесла, пока в школе, в кабинете географии, ремонт идет. Не могла же я оставить несчастное растение один на один с бригадой маляров?

Бахрам озадаченно поморгал глазами.

— Почему?

— О-о-о, — протянула Алина, постаравшись вложить в голос побольше двусмысленности. — Видел бы ты этих маляров! Они на что угодно способны.

Бахрам озадаченно почесал в затылке.

— Святые ежики, на что?

Алина промолчала.

— Ладно уж, — пробурчал агент Бахрам, не дождавшись ответа.

— Но после ремонта чтоб фикуса этого я тут не видел!

— Не увидишь, — заверила она. — Клянусь, унесу в тот же день!

Бахрам исчез.

Торжествуя маленькую победу, Алина полюбовалась фикусом и потянулась за сумкой, где лежал мобильник: пора было выяснить, приехал ли домой пятиклассник Соловьев, ездивший навестить бабушку. Если он уже вернулся, следовало приказать ему садиться обедать, предварительно разогрев в микроволновке приготовленные специально для него котлеты «Де-валяй». Не напомни об этом — и пятиклассник умнет котлеты холодными, что для растущего организма страшно неполезно.

— Эй, гном, — строго сказала Алина, набирая телефонный номер. — Марш в угол, и чтоб я тебя не видела и не слышала. Ясно? Или топай вот туда!

Она указала на другую комнату.

Гном отрицательно замотал головой. Привстав на цыпочки, он рассматривал раскиданные по столу журналы Бахрама: красочные картинки вызвали у детеныша неподдельное восхищение.

— Ты мне тут свои порядки не заводи! — еще строже сказала Алина голосом, который обычно приберегала для разговора с пятиклассником Соловьевым, тем более что и гном, по человеческим меркам был с ним примерно одного возраста.

Она поднесла телефон к уху, однако, привычных гудков не последовало.

— Это еще что такое? — проворчала Алина, взглянув на дисплей. — Тролль тебя задери, разрядился! Собиралась ведь ночью на подзарядку поставить, да из головы вылетело!

Она с досадой бросила мобильник в сумку, направилась в другую комнату. Гном заторопился следом.

— Ты куда это? Так и будешь за мной ходить?

Она разгребла на столе груду пустых коробок и бумаг, банок и рекламных листовок и под старыми мятыми газетами обнаружила то, что искала: стационарный телефон.

Подошел гном, взглянул на телефон и скорчил рожу.

— Сядь, не мельтеши перед глазами! Не видишь: я занята… позвонить надо срочно…

Алина сняла трубку — телефон молчал.

— Что за черт? — озадаченно спросила она сама у себя. Взгляд ее натолкнулся на конверт со штемпелем телефонной компании, выглядывавший из-под мотков веревки и пустых пивных банок. Алина брякнула трубку на рычаг, распечатала конверт: внутри обнаружился телефонный счет.

— Чтоб тебя! Ява за телефон не заплатил!

Она вздохнула. Ява, во всем, что касалось документации, был человеком пунктуальным и никогда ничего не забывал, но последние события и его выбили из колеи и вот результат: важные счета остались неоплаченными. Срок платежа истек лишь вчера, но городская телефонная компания с должниками не церемонилась и действовала решительно. Алина сунула конверт в карман, решив передать его Яве лично, и направилась в большую комнату, но, спохватившись, вернулась и прихватила из личных запасов Бахрама пластиковую бутылку с водой.

Возле вазона с фикусом, Алина остановилась. Конечно, никакого ремонта в кабинете географии не было: все это являлось частью хитрого плана, нацеленного на то, чтобы постепенно придать агентству более-менее приличный вид. Начать Алина собиралась с малого: сначала появятся цветы, потом — занавесочки какого-нибудь приятного цвета, миленький коврик на полу… Бахрам был ярым противником уюта, так что действовать приходилось осторожно, но в победе Алина не сомневалась. Она полила фикус и взглянула на гнома, который по-прежнему ходил по пятам.

— Как же тебя зовут, а?

Некоторое время «попаданец» смотрел на нее непонимающе, потом вдруг обрадовался и скорчил необыкновенно выразительную рожу.

— Это твое имя?

Алина покачала головой, и швырнула пустую бутылку в мусорную корзину.

— Гм… м-да. Ты вот что… не вздумай при Яве ляпнуть. У него сразу же непристойные ассоциации возникнут. Он ваш язык почти не знает, но уж такое слово непременно поймет…

Она прошлась по агентству, поглядывая на притихшего

гнома.

— Надо бы тебе другое имя дать. Временно! Но какое?

Алина подумала немного, и вдруг ее осенило.

— Фикус! — радостно воскликнула она. — Буду звать тебя Фикус. Понял?

Она указала на гнома пальцем.

— Ты — Фикус!

Гном подумал и кивнул.

— Вот и хорошо. А теперь иди, Фикус, сядь куда-нибудь и не мешай. Жди: вот привезут твоих родичей, и отправим мы вас обратно. И без вас дел невпроворот… что?

Она вгляделась в гримасы, которые корчил гном и пожала плечами.

— Не понимаю я тебя, чего надо-то? Если ты о других гномах, так заявятся они скоро, никуда не денутся… надеюсь.

Алина взглянула на часы: время неслось с необыкновенной скоростью, часовые стрелки крутились, как сумасшедшие, будто хотели, чтоб три дня, отпущенные им Сворой, истекли как можно скорее.

Она села за стол, рассеянно полистала книгу «Зловещие тайны великих поваров» и отложила в сторону. Потом подперла щеку рукой, перевела взгляд в окно и принялась гадать, чем может заниматься сейчас Свора и лично Гинзога. Вариантов оказалось так много, что настроение Алины резко поползло вниз. Она подумала о Ньялсаге и том, сможет ли он снять с арбалета охранные заклинания — настроение упало еще ниже, хотя ниже, как мрачно подумала Алина, было просто невозможно.

В агентстве установилась тишина, нарушаемая лишь сопением Фикуса, который рассматривал висевший на стене рекламный постер клуба «Легион».

…Громкий стук в дверь раздался так неожиданно, что Алина подскочила на стуле. Она взглянула на дверь и выругалась: сгилла, магическая печать над дверью, после ухода агентов так и осталась незамкнутой, значит, войти в агентство мог кто угодно — хоть сама Гинзога. Ньялсага давным-давно научил каждого из них замыкать охранную печать, и Алина проделывала это сотни раз. Но именно сегодня, впервые за все время, непреложное правило вылетело у нее из головы. Алина медленно поднялась из-за стола, изо всех сил пытаясь убедить себя, что там, за дверью, стоит кто-нибудь безобидный: например, курьер, перепутавший адрес или парочка старушек с очередным приглашением на молитвенные собрания. Но внутренний голос было не провести. Он, этот голос, уже вопил нечто невразумительное и бессвязное,

сея панику и призывая бежать, куда глаза глядят, пока еще не поздно.

Возможно, что кто-нибудь другой на месте Алины так и поступил бы. Но прозорливые, умудренные жизнью и тесным общением с учительницей географии девятиклассники не зря прозвали ее барракудой, тем самым как бы признавая за Алиной некие определенные черты характера: отступать с поля боя было не в ее привычках.

Алина бесшумно выдвинула ящик стола, вынула защитный амулет, специально приготовленный Ньялсагой для непредвиденных случаев, и зажала в кулаке.

Стук повторился. Фикус оторвался от созерцания журналов, наклонил голову набок, прислушался и проворно поковылял к двери.

— Стой, Фикус! — зашипела Алина, кидаясь наперерез. — Стой, я тебе говорю! Это не они, не твои родичи! Это вообще неизвестно кто!

Но было уже поздно.

Тяжелая стальная дверь поддалась не сразу, но Фикус навалился всем телом, поднажал — и она, заскрипев, широко распахнулась.

На пороге стоял пятиклассник Соловьев.

— Ух, ты! — восхищенно воскликнул пятиклассник, уставившись на Фикуса. — Гном!

Глава -7

Алина-барракуда была человеком решительным и отважным. Случаи, когда она терялась до такой степени, что просто не знала, как поступить дальше, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А если быть уж совсем точным, то случаев таких за всю ее жизнь приключилось всего два: первый раз, когда юная Алинеса обнаружила, что она — единственная, кто остался в живых в городе, погибшем от чумы, а второй — когда встретила мага-заклинателя по имени Ньялсага, который и поведал ей о ловушке волшебного ветра.

Теперь к этим двум случаям прибавился третий.

В полной растерянности и смятении, Алина шагала из комнаты в комнату, а пятиклассник Соловьев и гном Фикус таскались за ней следом.

— Алина Сергеевна, а я ключ от вашего дома потерял, — безо всякого раскаяния бубнил Соловьев, во все глаза таращась на Фикуса. Гном строил ему рожи, которые, вне всякого сомнения, должны были пятиклассника ободрить и поддержать, и означали что-то, вроде: «Ничего, бывает!».

— А я вам потом звонил, звонил, а у вас сотовый не отвечает. Что ж, мне в подъезде сидеть?! Я думал, уж лучше я к вам сюда приеду…

— А адрес, адрес как ты узнал?!

— А я слышал, вы как-то говорили со своими друзьями про агентство, что вы все вместе здесь экскурсоводами подрабатываете. Гости города и все такое… и позвонил в «Горсправку»! Запросто!

Он посмотрел на Фикуса, тот скорчил одобрительную гримасу.

— Алина Сергеевна, а откуда здесь гном?

Она отмахнулась, продолжая бегать из угла в угол.

— Он же самый настоящий! Ух, ты, рожки! А потрогать можно?

Гном Фикус с готовностью наклонил голову.

— Господи, что же делать, что же делать, — лихорадочно бормотала Алина, изо всех сил стараясь не думать о предстоящем неприятном разговоре с Ньялсагой.

— Алина Сергеевна…

— Чего тебе?! — рявкнула она.

— Алина Сергеевна, — Соловьев затаил дыхание. — А вы инопланетянка?

Алина остановилась, глядя на него сверху вниз:

— Да, Соловьев, я инопланетянка! — зверским голосом сообщила она. — Заброшена на планету Земля с секретной миссией! А теперь из-за тебя все провалится!

— Ух, ты, круто! — искренне восхитился пятиклассник. — А суперспособности у вас есть?

— Конечно, есть, — бросила Алина, снова начиная мерить комнату шагами. — Сам подумай, разве могла бы я преподавать в девятом «Б», если б у меня не было суперспособностей? Обычные-то преподаватели даже в класс к ним зайти боятся!

Соловьев гордо посмотрел на Фикуса.

— Видал?! Это моя учительница!

Гном скорчил гримасу, пятиклассник подумал и состроил ответную рожу. Фикус бурно обрадовался.

— Соловьев, если ты кому-нибудь скажешь о том, что видел гнома, я… я… я тебя в лягушку превращу! Понял?!

— Ух, ты! А вы, правда, можете?

— Могу, могу, — покривив душой, сказала Алина. — Превращу — и своими руками в кабинет зоологии отнесу. Будешь в террариуме жить!

Алина-барракуда внимательно посмотрела на пятиклассника: он был явно впечатлен услышанным. Она решила немедленно закрепить успех.

— Ты видел, сколько в террариуме лягушек сидит? Как думаешь, кто это?

— Кто? — шепотом спросил Соловьев.

— Девятиклассники, — зловещим голосом сообщила Алина. — Те, кто плохо вел себя на уроках географии, не делал домашнее задание и болтал лишнее!

Соловьев в ужасе переглянулся с гномом.

— Я, Алина Сергеевна, не маленький, чтоб болтать! — поспешно заверил пятиклассник и тут же перевел разговор на другую тему. — А как его зовут? И почему он мне рожи корчит? Дразнится?

— Фикус его зовут. А рожи строит потому, что гномы этого клана речью не владеют, вместо слов они друг другу вот такие гримасы корчат…

Соловьев замер от восторга.

Мигом позабыв про учительницу, он принялся корчить гному разнообразные рожи. Фикус охотно отвечал тем же. Между пятиклассником Соловьевым и гномом Фикусом завязался оживленный разговор.

Алина вздохнула: предстояло самое неприятное.

— Соловьев, у тебя телефон есть? — вмешалась она в беседу

пятиклассника и гнома. — Мне позвонить надо.

Он вытащил из кармана мобильник.

— Давай сюда, — Алина забрала телефон, вышла в другую комнату и, от волнения не попадая пальцами в нужные кнопки, набрала номер Ньялсаги.

…. Событие стряслось неординарное, поэтому Алина не удивилась, увидев, что вслед за «Зеленым драконом» к подъезду подъехали машины Явы и Бахрама.

— Соловьев! — проговорила она обреченно. — Идите с Фикусом вон в ту комнату и сидите там тише травы и ниже воды… тьфу ты, наоборот!

Первым на пороге появился Ньялсага.

Он отодвинул в сторону Алину, оказавшуюся у него на пути, и заглянул в соседнюю комнату.

— Отлично… — пробормотал заклинатель, сел за стол, подпер голову рукой, уставился в окно и надолго замолчал.

Зато остальные молчать не собирались.

— Святые ежики, Алина! — возмущенно воскликнул Бахрам. — Мало нам было Своры, «попаданцев», так ты еще и с пацаном кашу заварила?! Как он сюда вошел?!

— Ногами! — огрызнулась раздосадованная Алина. — Взял — и вошел! Он ключи от дома потерял, поэтому и явился!

— А дверь почему открыта была? — сердито допытывался Бахрам. — Если б ты сгиллу замкнула, никто бы сюда попасть не смог! Да за такие оплошности в нашем Легионе…

— Как ты могла забыть о сгилле? — спросил Ява. — Ты о чем вообще думала?

Алина ответила коротко и выразительно.

Увидев, что общение друзей переходит на качественно новый уровень, Ньялсага вздохнул: хочешь, не хочешь, а надо возвращаться к действительности, какой бы неприятно она не была.

— Ладно, заткнитесь все. Нашли время ругаться! — он поднялся из-за стола. — Притащите-ка из другой комнаты мое кресло. Не могу же я размышлять о спасении мира, когда стул подо мной вот-вот развалится!

Ньялсага отодвинул в сторону колченогий стул.

— Откуда он взялся? С помойки, что ли?

— А откуда же еще? — буркнула Алина.

Бахрам вразвалку направился в соседнюю комнату.

Пятиклассник Соловьев отвлекся от разговора с гномом Фикусом и уставился на Бахрама.

— Здрасьте! А вы тоже инопланетянин, как Алина Сергеевна?

Тот непонимающе поморгал глазами, потом оглянулся на дверь.

— Что? Кто? А… конечно! Только имей в виду, этого никто знать не должен. Язык за зубами держать умеешь?

Соловьев кивнул.

— Молоток! — одобрительно сказал Бахрам, ухватил продавленное плетеное кресло и понес к двери.

— А какие у вас суперспособности?

Бахрам обернулся:

— Я могу зараз два кило шоколада съесть!

— Ух, ты! — восхищенно пробормотал пятиклассник Соловьев.

Усевшись в любимое кресло, Ньялсага почувствовал себя немного спокойнее.

— Алина, мальчишка напугался сильно?

— Он вообще не напугался, — хмуро сообщила Алина-барракуда. — Это же пятиклассник Соловьев, он сам кого хочешь напугает!

— И настоящий гном его не удивил?

Она пожала плечами.

— Удивил, но не сильно. Он же ребенок, в сказки еще верит: увидел гнома и никаких вопросов, как так и надо!

— Святые ежики, хорошо, хоть это гном оказался, а не голодный вурдалак!

— Зачем тебе понадобилось брать мальчишку домой? — сердито спросил Ява. — Неужели нельзя было кому-то другому поручить? Или в детдом оформить?

— Нельзя!

— А теперь что? Теперь Ньялсага, вместо того, чтоб с заклятьями арбалета разбираться, сидит в агентстве и думает, что с твоим учеником делать! У нас что, проблем мало?

— Откуда я знала, что он ключи потеряет и в агентство явится? Я что, провидец, что ли?!

- Вот и думай теперь сама, что дальше делать!

Ньялсага вынул из кармана куртки синий ежедневник.

— Да заткнитесь же вы! — он стукнул книгой по столу. — Вопите, как пьяные гоблины, голова от вас кругом идет!

Алина положила руку ему на плечо.

— Ты, главное, не нервничай, ладно? А то ты как будто слегка не в себе. Почему?

Ньялсага открыл книгу и перевернул пару страниц.

— Три человека пытаются свести меня с ума, а потом удивляются, почему я слегка не в себе, — проворчал он. — Так,

ближе к делу… бывали уже у нас случаи, когда люди ненароком узнавали, то, чего им знать не следовало. Продавщица круглосуточного киоска в прошлом году с лепреконом столкнулась, а как-то по весне люди на остановке гоблинов увидели…

Алина сделала несколько шагов по комнате и остановилась напротив кресла, в котором сидел Ньялсага.

— Будешь корректировать ему память? — спросила она.

— А ты что предлагаешь? — поинтересовался Ява. — Пусть он всей школе расскажет, что гнома встретил?

Он уселся на диван и положил ноги на шаткий низенький столик.

— Ты, Алина, сама себя превзошла! Лучше бы пирожки постряпала, это все-таки не так разрушительно.

Алина-барракуда решила нападки Явы игнорировать и повернулась к Ньялсаге.

— Я, конечно, понимаю, что виновата, но… раньше память ты память изменял только у взрослых людей. Но Соловьев-то — ребенок!

Ньялсага захлопнул ежедневник.

— В том-то и загвоздка. Как заклинание подействует на взрослых, я знаю, а вот как оно повлияет на ребенка… трудно предугадать!

Алина насторожилась.

— То есть?

Ньялсага потер небритый подбородок.

— То есть, он может забыть не только сегодняшний день…

— А что еще?

Заклинатель пожал плечами.

— Что угодно. Родителей, свою прежнюю жизнь, и даже собственное имя!

— Э? Даже так?! Святые ежики, это как-то… — неуверенно начал Бахрам.

— Мне никогда еще не доводилось накладывать заклятья на детей, — признался Ньялсага. — Я понятия не имею, что может произойти. Вот если бы это был детеныш кого-нибудь с волшебной кровью, тогда все ясно… но твой Соловьев-то — обычный ребенок!

В комнате повисло молчание.

— Этот вариант не подходит! — твердо сказала Алина-барракуда.

— А то, что он разболтает, что видел настоящего гнома — подходит? — осведомился Ява.

Ньялсага поднялся и сделал несколько шагов по комнате.

— Если бы у меня было время, я создал бы заклинание специально для него. Он бы забыл только то, что видел здесь. Но, — заклинатель побарабанил ручкой по столу. — Не могу я сейчас тратить время на твоего пятиклассника! Первым делом — заклинания на арбалете и Гинзога. Все остальное — потом.

Он взглянул в сторону соседней комнаты.

— Делай с ним, что хочешь, но следи, чтобы он язык за зубами держал. В школе сейчас каникулы? Отлично. Посади под замок — и пусть посидит пару дней. И телефон отключить не забудь. А там видно будет…

Ява поднялся с дивана.

— Если мы через два дня будем в Своре, то пятиклассник Соловьев нас волновать не будет.

— Вот именно. Слушайте дальше. Ты, Ява, возвращайся в «Химеру». Твой защитный амулет я сейчас обновлю… Бахрам, ищи гномов и вези сюда. Запри их здесь хорошенько, да сгиллу замкнуть не забудь! Алина, тебя с Соловьевым я сейчас отвезу домой. Ты поговори с ним, чтоб он не болтал, проведи воспитательную работу. Или лучше я…

— Нет уж, я сама!

Она открыла дверь в другую комнату.

— Соловьев, собирайся, — скомандовала Алина-барракуда и прищурила глаза. — Чем это вы тут занимаетесь?!

Пятиклассник Соловьев и гном Фикус были поглощены изучением свойств едкой слюны гнома.

— Смотрите, Алина Сергеевна, что он умеет! — завопил Соловьев, завидев на пороге учительницу. — Вот это так суперспособности! Фикус, давай!

Польщенный гном приосанился, скорчил рожу, которая несомненно должна была означать: «Могу еще и не это!» и плюнул. Белый линолеум зашипел, задымился, и на полу возле шкафа образовалась черная безобразная дыра.

— Ух, ты! — выдохнул потрясенный Соловьев, рассматривая прожженный пол. — Круто!

— Это совершенно не круто! — отрезала Алина. — Фикус! Прекрати сейчас же!

Она повернулась к пятикласснику.

— Сию же минуту едем домой!

И многозначительно прибавила.

— Нас ждет серьезный разговор.

Однако пятиклассник Соловьев начал серьезный разговор немедленно.

— А Фикус?

— Что — Фикус? Он здесь останется.

Но случилось непредвиденное: Соловьев уперся и наотрез отказался уезжать без новоиспеченного друга.

Алина-барракуда использовала все известные ей педагогические методы, прекрасно срабатывавшие даже в буйных девятых классах, но потерпела неудачу и в отчаянии махнула рукой: спорить с пятиклассником времени не было.

— Тролль с вами, — устало сказала она, делая вид, что не замечает выражения лица Явы, молча наблюдающего за происходящим. — Пусть твой дружок с нами едет. Но только до завтра, ясно?

Обрадованный Соловьев закивал.

— И дома у меня — не плеваться! — как можно строже сказала Алина.

Пятиклассник Соловьев и гном Фикус отбыли вместе с Ньялсагой.

На «Зеленый дракон» персонально для Фикуса, пришлось наложить кое-какие заклинания, чтобы гном чувствовал себя спокойно, кроме того, по дороге Ньялсага намеревался провести с пятиклассником вдумчивую беседу, а по приезду домой к Алине — начертить на двери парочку сгилл, которые бы не позволили Фикусу самовольно покинуть квартиру.

Алина же села в машину к Яве и всю дорогу дулась, намекая на то, что неплохо бы ему извиниться за свое поведение, но Ява по части игнорирования женских намеков был большой мастер, так что ей волей-неволей пришлось начать разговор первой.

— Высади-ка меня у магазина. В доме хлеба — ни крошки. И овсянка кончилась. А ребенок должен получать полноценные калорийные завтраки, которые обеспечат его необходимыми…

Ява остановился у небольшого супермаркета.

— Можешь меня не ждать, — милостиво сказала она. — Сама дойду. До моего дома — десять минут проходными дворами.

— Не задерживайся, — предупредил Ява. — Ньялсага с твоим детским садом возиться не станет, на меня скинет. А я нянькой работать не собираюсь!

Она сердито хмыкнула.

…По продуктовым магазинам Алина любила ходить, не спеша, обдумывая рецепты, которых знала великое множество. Хорошо бы, конечно, погулять в супермаркете подольше, чтобы Ява вдоволь успел насладиться общением с пятиклассником Соловьевым. Отомстить за то, что когда совсем недавно, когда она угощала друзей изысканно приготовленными спагетти по-неаполитански, Ява ни с того, ни с сего вдруг процитировал: «Бог создал продукты, а дьявол — поваров». Правда, позже, он клялся, что не имел в виду ничего такого, но Алина была знакома с Явой

не первый год и отлично знала цену его клятвам и заверениям.

Она купила пакет овсянки, яблоки и изюм, необходимые для полезного и богатого витаминами завтрака ребенка-школьника. Какое бы ужасное будущее не ожидало ее, как бы ни трещал мир, грозя развалиться, еще два дня ребенок должен получать сбалансированное полезное питание. По истечении же этого срока с учительницей географии пятикласснику Соловьеву лучше было бы не встречаться.

С такими невеселыми мыслями, она покинула магазин и поспешила домой. На улице уже темнело, зажглись фонари, вспыхнули неоновые вывески магазинов и кафе. Возле киоска Алина привычно свернула в подворотню: дворами можно было добраться до дома гораздо быстрей, а хулиганов она не боялась.

Обычно по дороге домой Алина предавалась приятным мыслям: обдумывала проведение внеочередной контрольной работы в девятых классах или перебирала в уме разнообразные способы запугивания пятиклассника Соловьева.

Но сегодня ей вспоминался то вампир Трефалониус, собирающий контракты у ничего не подозревающих людей, то мертвая ведьма Гинзога, то закрадывались в голову сомнения, удастся ли Ньялсаге снять заклинания с арбалета.

Алина так погрузилась в собственные мысли, что заметила внезапно появившегося прямо перед ней высокого человека в кожаной куртке, похожей на средневековый камзол, только тогда, когда почти наткнулась на него.

— Поздно же ты возвращаешься домой, прекрасная Алинеса, — негромко произнес человек.

Алина остановилась, как вкопанная.

— Дэхарн? — удивленно спросила она. — Откуда ты знаешь мое имя? Меня уж много лет так никто не называет.

Оборотень усмехнулся.

Алина покосилась на прошмыгнувшую мимо парочку.

— Они тебя, конечно же, не видят?

— Никто меня не видит, кроме тебя, — пояснил Предвестник смерти.

— Понятно. Так… э… как ты здесь оказался? И зачем?

Дэхарн блеснул в полутьме зубами.

— Может быть, мне захотелось напоследок побродить по городу, где я провел целый год? Попрощаться?

Алина оглянулась по сторонам. Левая створка ворот подворотни висела на одной петле, в углу громоздилась груда мусора и пустых бутылок, а на стенах чернело грубо намалеванное граффити — ни дать ни взять творчество девятого «Б». Девятиклассники тоже пытались как-то раз нарисовать нечто

подобное на стенах родной школы, за что и были жестоко наказаны Алиной-барракудой, не питавшей особой любви к абстрактному искусству.

— Лишенные души не способны привязываться к кому-то или чему-то, — сказала она и тронулась с места.

Оборотень снова усмехнулся.

— Ты проницательна, Алинеса. Скажи, как у вас дела с Гинзогой?

Алина вздохнула.

— Никак. Она наблюдает за людьми, развлекается. У нее штаб-квартира в клубе «Химера». Там она проводит время в компании своих подручных: некромант, который себя дядюшкой Фю называет, Трефалониус, вампир…

Предвестник смерти кивнул. Он шел рядом с Алиной и серебряные застежки похожей на камзол куртки поблескивали в темноте.

— Знаю их, — проговорил Дэхарн. — Много лет назад, когда Гинзога пыталась заполучить меня в Свору, они уже находились при ведьме.

— Трефалониус собирает предварительны контракты. Люди думают, это шутка такая или рекламная акция, а на самом деле могут в любой момент оказаться в Своре. Мы-то, впрочем, попадаем туда при любом раскладе, — Алина помрачнела. — Ньялсага ищет заклинания, чтобы снять заклинания с арбалета, но…

— Зря теряет время, — коротко обронил Дэхарн. — Это ему не под силу.

Алина остановилась.

— Он, по крайней мере, пытается. Или мы должны сидеть, сложа руки, и ждать, пока пройдут три дня?!

Оборотень тоже остановился.

— Об этом-то я и хотел поговорить с тобой, прекрасная Алинеса.

— О чем?

— О том, как избежать того, что тебя ждет.

Она опустила на землю сумку, набитую продуктами, которыми предстояло стать полезным обедом для пятиклассника.

— Разве это возможно? Тогда скажи, как — и я у тебя в долгу!

Дэхарн улыбнулся.

— Не бросайся вслух такими обещаниями, Алинеса, — предупредил он. — Кто-нибудь поймает тебя на слове, и ты вечно будешь его должником.

Алина насторожилась.

— Собираешься связать меня клятвой? И чем же ты тогда

лучше Гинзоги?

Предвестник смерти покачал головой.

— Я сделаю вид, что не слышал, но впредь будь осторожна.

Он посмотрел на верхушки темных деревьев, на крыши домов и перевел взгляд на стоявшую перед ним Алину.

— Что скажешь, Алинеса, если сегодня на рассвете я предложу тебе покинуть этот мир?

— Покинуть? Но… как?

— Проклятие волшебного ветра снять мне не под силу, — голос Предвестника смерти доносился до ее ушей словно издалека.

— Ты останешься бессмертной, прекрасная Алинеса, но текто-в-сумерках никогда не доберутся до тебя.

Алина закусила губу, лихорадочно обдумывая его слова.

— Покинуть… с тобой? А где мы окажемся? Ты говорил, что существует множество миров… думаешь, мы будем там в безопасности? Но… — она замялась. — Ньялсага ни за что не согласится бежать. И Ява с Бахрамом — тоже. Даже ценой собственной жизни, они не станут… уж я-то их знаю!

— Я говорю не о них, Алинеса, — перебил Дэхарн. — Я говорю о тебе.

Эти слова подействовали на Алину, как холодный душ.

— Ах, вот как…

Она задумалась, теребя ремень сумки и глядя то на темное ночное небо, на город, что лежал внизу, утопая в огнях. В это самое мгновение Ньялсага, наверное, листал книгу заклинаний, пытаясь выяснить, как спасти от Своры людей, Бахрам рыскал в поисках гномов, а Ява собирался ехать в клуб «Химера».

Что же касается пятиклассника Соловьева и гнома Фикуса, то они сидели в ее, Алинином, доме и, конечно, уже осуществляли какую-нибудь грандиозную пакость, вроде поедания лапши в коробках, вместо полноценного горячего обеда.

Алина подавила вздох.

— Нет, — она изо всех сил старалась, чтобы голос звучал ровно — Не могу. Это все равно что бежать с поля битвы, бросив своих друзей.

— Ты не воин, Алинеса. И битва ваша проиграна, — спокойно произнес Дэхарн.

— Может и так. Только…

Она тряхнула головой и ответила уже тверже.

— Я все равно не могу. Спасибо за… за предложение. Я остаюсь.

Миновало несколько долгих минут, пока Алина снова услышала голос:.

— Иного ответа я и не ждал от тебя. Прощай, Алинеса!

Она почувствовала мимолетное прикосновение чужой ладони к своей руке, холод серебряных колец — и Дэхарн исчез, будто растворился в воздухе.

Алина постояла секунду, собираясь с мыслями, подняла сумку и пошла дальше.

В кармане истошно затрезвонил мобильный телефон.

— Где тебя носит? — нервным голосом поинтересовался Ява.

— Все еще в магазине торчишь, что ли?

— Я уже во дворе. А что Соловьев с Фикусом поделывают?

— Приходи, увидишь. Да поживей! Сколько мне можно с твоими подопечными няньчиться?

В трубке послышались длинные гудки.

Не успела Алина убрать телефон, как мобильник снова зазвонил.

— Ну, чего тебе еще? — буркнула она. — Иду я, иду! Я уже возле…

— А что это у тебя голос какой-то странный? — подозрительно спросил Ява. — Плачешь, что ли?

— Плачу, — мрачно ответила Алина-барракуда и шмыгнула носом. — От смеха.

Ява кашлянул.

— М-м-м… а знаешь, ты не торопись очень-то. Я только что открыл в себе огромный педагогический талант, так что с двумя хулиганами справлюсь. Только они есть все время хотят. Это нормально? А чем их кормят?

— Я буду через пять минут. Не вздумай давать Соловьеву бутерброды! Ребенок должен питаться…

Кто-то коснулся ее плеча. Алина подскочила от неожиданности и выронила телефон.

— Ах, чтоб тебя… Дэхарн?!

Предвестник смерти приложил палец к губам, и Алина умолкла.

— Гинзогу можно уничтожить, — тихо сказал он, наклонившись к ее уху. — Клинком, смоченным в крови увидевшего вечную ночь.

— Увидевшего вечную ночь? — непонимающе переспросила она. — Что это… что это такое?

Дэхарн улыбнулся.

— Ваш заклинатель поймет.

Алина недоверчиво посмотрела на оборотня.

— Ты отдаешь нам своего врага? Почему?

Он не ответил. Алина пристально вгляделась в глаза, слабо мерцающие в темноте.

— У тебя точно нет души? — уточнила она на всякий случай.

Дэхарн медленно покачал головой.

— Тогда зачем ты…

Она не договорила: рядом с ней никого не было.

— Это мой подарок тебе, Алинеса, — донесся негромкий голос откуда-то издалека.

…Ньялсага стоял на балконе Алины и, листая ежедневник, наблюдал через стеклянную дверь за тем, что творилось в гостиной.

Посреди комнаты, на полу лежали пятиклассник Соловьев и гном Фикус и собирали огромный пазл, купленный Алиной в целях развития ребенка. Время от времени Фикус и Соловьев начинали горячо спорить о чем-то, корча друг другу рожи. Кругом валялись книги, обертки от конфет, детали конструктора, а от образцового порядка, царившего в квартире Алины, и следа не осталось.

— Зачем ты притащила домой гнома? — въедливо допытывался Ява.

— Затем, что Соловьев без него ехать не хотел! — отрезала Алина. Она злилась на весь белый свет и раскладывала по тарелкам привезенную Явой еду, громко звякая ложками и вилками. — Где ты это купил? В какой забегаловке?

— В ресторане «Застолье», за углом. Слышала про такой?

— Слышала, — неприязненным тоном ответила Алина. — Цены там, говорят, такие, что экскурсии водить можно. Но зачем было это покупать?

— Твоему Соловьеву на ужин.

— По-твоему, еда из ресторана лучше, чем полезная домашняя пища?

Ньялсага, по звонку Алины вынужденный вернуться с полдороги в «Химеру», вздохнул.

— Ты, Алина, лучше расскажи еще раз, что тебе Дэхарн сообщил. Странно все-таки, что он вдруг ни с того, ни с сего разоткровенничался… и почему именно с тобой?

— Молодец, сразу уловил суть, — одобрительно заметил Ява. — Меня это тоже интересует.

Алина шмякнула на столик пакет с хлебом.

— Ничего не разоткровенничался. Сказал всего пару фраз — и исчез!

— Втихушку бегаешь на свидания с оборотнем из клана Предвестников смерти? — осведомился Ява.

— На какие еще свидания?! Говорю же, иду я из магазина и вдруг встречаю…

— И он сразу говорит: «Алина, я здесь, чтобы открыть тебе зловещую тайну» Так?

— Так!

Алина окинула придирчивым взглядом накрытый стол.

— Соль принесу, — бросила она и вышла с балкона.

Ява покачал головой.

— Не верю. Что-то она темнит, скрывает!

— Конечно, скрывает, но что-то несущественное, — успокоил Ньялсага. — Если у человека в ауре есть желтый цвет, врать такой человек не умеет совершенно. Это я уже сколько раз замечал.

Вернулась Алина, брякнула на стол керамическую солонку.

— Что такой «увидевший вечную ночь»? — спросил Ява, пододвигая тарелку. — У кого какие соображения?

— Есть у меня одно предположение, — признался Ньялсага. — Но надо бы уточнить… в книгах посмотреть, к Цолери заехать.

— А почему не спросить у оборотня? — Ява покосился на Алину. — Вот на рассвете приедем его отправлять — и спросим. А?

Ньялсага отрицательно мотнул головой.

— Если бы он хотел, он бы Алине это сказал. Раз не сообщил — значит, не счел нужным. Не вздумайте лезть к нему с расспросами!

— Он к ней неравнодушен, — проницательно заявил Ява, размахивая вилкой.

— Глупости! Как он может быть к кому-то неравнодушен? Хотя, он, конечно, симпатичный, — нехотя призналась Алина.

— Алина, это оборотень! Неизвестно, как он на самом деле выглядит!

Она поджала губы.

— Внешность — не главное. Главное — сердце, душа…

Ява хмыкнул, рассматривая еду в тарелке. Овощной салат в исполнении Алины особых подозрений не вызывал.

— Душа, гм… тонко подмечено. Ты, Алина, сегодня в ударе!

Вдруг он замер, не донеся вилку до рта.

— А вдруг он нам соврал? Гинзога — его заклятый враг, чего ради Дэхарн рассказывает нам, как ее убить? С какой стати ему это делать?

Он посмотрел на Алину, та пожала плечами.

Ява отложил вилку и повернулся к Ньялсаге.

— Предлагаю встретиться с девушкой из кофейни. Говоришь, она прорицатель? Почему бы не использовать ее способности, не узнать, что нас ждет?

— Нет, — твердо ответил Ньялсага. — Нельзя. Во-первых, сам

знаешь: мы людей в наши дела не вмешиваем. Во-вторых, чтоб ее способности раскрылись, большая работа нужна и время. Но главное, если Гинзога пронюхает, что здесь есть провидец…

Он отодвинул тарелку с нетронутой едой.

— Девчонка и опомниться не успеет, как окажется в Своре!

Ява пожал плечами и встал из-за стола.

— Ладно, как знаешь. Пора мне в «Химеру» ехать, — он перебросил через руку плащ. — Алина, что передать от тебя Лютеру? Теплые слова, сердечные пожелания? Скажу, пожалуй, у него объявился соперник, пусть страдает!

Она сердито фыркнула.

Ньялсага тоже поднялся.

— Где-то слышал я это выражение «увидевший вечную ночь», — снова пробормотал он. — Может, Цолери подскажет? Не забудьте, встречаемся на рассвете: проводим Дэхарна, убедимся, что он точно ушел.

Ньялсага натянул потертую кожаную куртку и сунул в карман ежедневник.

— А ты, Алина, сегодня на берег не приезжай: отправим гостя и без тебя. Оставайся дома, поговори с Соловьевым. Завтра в шесть утра в «Белом слоне» встретимся.

— Хорошо, — нехотя согласилась она.

— Значит, Лютеру ничего передавать не нужно? Ладно. А Дэхарну?

— До завтра, — подчеркнуто игнорируя слова Явы, проговорила Алина. — Звоните, если что.

До рассвета оставалось всего ничего.

…«Зеленый дракон» негодующе выл, карабкаясь по очередной крутой улочке.

— Давай, давай, — подбадривал его Ньялсага. — Понимаю, не очень-то хочется ползти на рассвете на морской берег! А мне, ты думаешь, хочется? Торопись, а то Бахрам с Явой снова приедут первыми и будут над тобой насмехаться!

«Зеленый дракон» возмущенно забренчал, задребезжал и прибавил ходу.

Мобильный телефон взорвался звуками бравурного военного марша.

— Это Бахрам, — зевая, пробормотал Ньялсага. — Наверное, уже на месте. Рановато что-то…

Он поднес трубку к уху.

— Докладываю! — во все горло гаркнул Бахрам. — «Попаданец» за номером два обнаружен и доставлен в агентство! «Попаданец» за номером три шляется неизвестно где! Допрос,

произведенный на скорую руку с «попаданцем» за номером два о «попаданце» номер три никакого результата не дал!

— Почему? — спросил Ньялсага, слегка подзапутавшись в нумерации «попаданцев».

— Святые ежики, не понимаю я по-ихнему! Его по-человечески спрашиваешь, а он только рожи корчит, да глаза таращит. Насмехается, не иначе! Ехидность в глазах такая, что руки так и чешутся по рогам съездить!

— Ладно, приезжай на берег.

— Непредвиденные обстоятельства! — продолжил рапортовать Бахрам. — Какой-то гад, чтоб ему тролль печенку вырвал, мне на стоянке шину проткнул!

— Ого, — озадаченно сказал Ньялсага. — Кому это ты так насолил?

Бахрам многозначительно засопел в трубку.

— Подозреваю, что спецслужбам, — приглушенно пробормотал он. — Наверное, пытались установить слежку, сесть на хвост, то есть! А когда не удалось, они и…

— А-а-а, — протянул Ньялсага. — Спецслужбы, точно. Как я сразу не догадался.

— У нас в Черном Легионе подобных уродов живьем мантикорам скармливали. Чтоб неповадно было!

— Одобряю, — сказал Ньялсага, благодаря Бахраму знавший обычаи Легиона до мельчайших подробностей.

— Ежик всемогущий, так я задержусь немного, — слова Бахрама заглушались позвякиванием: видно он уже менял колесо. — Как только управлюсь — приеду!

В трубке запищали длинные гудки.

Ньялсага свернул к морю, оставил машину на пустой парковке и, прихватив с собой кое-что из багажника, спустился к воде.

Кругом было пусто, тихо, до рассвета оставалось всего ничего. Наступало самое важное время суток, время, когда может произойти все, что угодно.

Послышалось хлопанье крыльев. Черный ворон опустился на ствол выброшенного приливом дерева и взглянул на Ньялсагу.

— Привет, Дэберхем.

Снова зазвонил телефон.

— Ты уже на месте? — зазвучал в трубке голос Явы.

— Тут.

— А Бахрам?

— Колесо меняет. Ему на стоянке кто-то шины пропорол. Говорит, спецслужбы постарались!

— Какие спецслужбы? Парковаться пусть научится. Небось,

опять чужое место занял, — хмыкнул Ява. — Выезжаю из «Химеры». Буду минут через пятнадцать. Алинин дружок уже там?

— Пока не видно…

Закончив разговор, Ньялсага вытащил из кармана моток медной проволоки и выложил на песке круг — побольше, чтоб хватило места и на Яву с Бахрамом. Времени это заняло немного, но когда заклинатель, отряхивая руки, отошел в сторону, чтоб полюбоваться, то обнаружил, что кроме него и ворона на пустынном берегу появился еще кое-кто.

— Рановато ты, — заметил Ньялсага, отряхивая руки от песка.

Дэхарн посмотрел на серую водную гладь, простиравшуюся до самого горизонта.

— Скоро рассвет. Время, когда можно все начать заново. Стать кем-то другим… или самим собой. Подходящий момент, чтобы покинуть этот спокойный мир.

Ньялсага покачал головой.

— Он был спокойным до тех пор, пока мы сюда не попали.

И, видя вопросительный взгляд Дэхарна, пояснил:

— Мир изменился. Что-то мы нарушили, когда прорывались сюда, сломали какие-то невидимые границы. Потому и стали попадать сюда различные существа, попадать не по своей воле, но по нашей вине. И некоторые из них находят здесь свою смерть. Уже который год я бьюсь над заклинанием, которое закроет границу раз и навсегда, но пока…

Он умолк.

Наверху, на скоростном шоссе завыли сирены, промчались куда-то красные пожарные машины, но у моря было тихо, и на асфальтовом пятачке парковки по-прежнему дремал один лишь «Зеленый дракон»: Ява безнадежно опаздывал.

Ньялсага перевел глаза на Дэхарна — и невольно вздрогнул. Внешность оборотня неуловимо менялась, словно под человеческой личиной скрывался еще кто-то и этот «кто-то» яростно рвался на свободу. Темные волосы Дэхарна стали длинней, глаза пожелтели, зрачки сузились, на плечи оказалась наброшена серая волчья шкура.

Ньялсага сделал шаг назад и очутился в кругу из тонкой медной проволоки.

— Предусмотрительно, — усмехнулся Предвестник смерти.

Он подошел так близко, что у Ньялсаги пробежали по спине мурашки: показалось на миг, что оборотень может запросто перешагнуть медь, однако, в последний момент Дэхарн остановился.

— Будь осторожен, заклинатель: мертвая ведьма хитра.

Оглянуться не успеете, как она возьмет вас в оборот! Ты ведь знаешь, для чего вы нужны ей?

— Знаю, — ответил Ньялсага. — Кстати, о Гинзоге… спасибо за помощь.

Дэрхарн еле заметно кивнул, повернулся и направился к воде.

Первый луч солнца показался из-за горизонта, ярко блеснул, заставив зажмуриться. А когда Ньялсага открыл глаза, то не было больше на песке человека с темной грозовой аурой: вместо него на берегу появилось громадное чудовище, похожее гигантского волка.

Дорога, узкая горная тропа, начиналась прямо возле его лап и исчезала среди высоких заснеженных гор.

— Свободной дороги!

Одним прыжком оборотень оказался на тропе и исчез, растаяв в воздухе. Исчезла и сама тропа, лишь над водой висел желтый туман, который рвал в клочья налетевший ветер.

Ньялсага, свернул медную проволоку и сунул в карман.

— Удачи тебе, Дэхарн из клана Предвестников смерти, — проговорил он.

Пора было возвращаться, но Ньялсага медлил, слушая плеск волны и крики чаек.

Внезапно вспомнился недавний разговор с Гинзогой, на душе стало сумрачно.

— Если злу суждено прийти в этот мир, — негромко сказал Ньялсага, глядя на город в утренней дымке. — То не через меня.

…Утром в «Последний белый слон» первым приехал Ньялсага, заняв, как обычно, любимый стол у окна, а буквально через минуту на пороге появился Бахрам. Замерев в дверях, он прочесал подозрительным взглядом почти пустую по случаю раннего утра кофейню, и только после этого подошел к Ньялсге.

— Все спокойно? Никого подозрительного не замечал?

— Вроде нет.

Бахрам уселся за стол, но тут же вскочил и выглянул в окно.

— Значит, все чисто? — еще раз уточнил он.

— Думаешь, за нами кто-то следит? — Ньялсага отхлебнул кофе. — Люди в черном? Силы зла? Инопланетяне?

— Все может быть, — суровым тоном сказал Бахрам. — Мы на передовой, расслабляться не следует!

— Это точно…

Ньялсага поставил чашку и огляделся.

— Давай-ка на веранду переберемся. Там удобней будет.

— Безопасней, — со знанием дела поправил Бахрам. — Здесь

много лишних ушей, а у нас, все-таки, военный совет!

В кофейню вошла молодая женщина со спящим малышом на руках.

Бахрам подозрительно взглянул на них и понизил голос.

— Святые ежики, ты в агентство-то сегодня заглянешь? Все гномы доставлены, сидят под замком.

— Загляну, — пообещал Ньялсага, поднимаясь.

…Участники «военного совета» были в сборе. Последним явился Дэберхем: плавно опустился на перила и окинул людей скептическим взором.

— Можно начинать, — объявил Ява.

Кемен неприязненно покосился на ворона.

— Ладно, — проговорил потомок Хэрвелла. — Как дела с заклинаниями на арбалете?

— Неважно, — признался Ньялсага. — Над ними работал не один маг, заклинания наложены одно на другое, быстро распутать не получится…

— Так я и думал, — буркнул Кемен. — А что насчет того, что сообщил оборотень? Можно ему верить?

Ньялсага пожал плечами.

— Зачем ему лгать?

«Бриммский василиск» смерил заклинателя холодным взглядом.

— Ты вроде говорил, что оборотни никому не помогают? — он вытащил из кармана пачку сигарет. — Что Гинзога — его заклятый враг, и он сам хочет уничтожить ее?

— Так и есть. Даже поговорка такая существует: хочешь досадить оборотню, убей его заклятого врага. Правда, после этого ты сам становишься лютым врагом оборотня, и он открывает охоту уже на тебя, но это детали…

Он побарабанил пальцами по ежедневнику.

— Так вот, Дэхарн сказал…

— Тогда с чего бы он стал откровенничать? Почему за здорово живешь, сдал своего заклятого врага? И кому он это сказал? Тебе?

— Нет, не мне, но…

— Мне, — раздраженным голосом ответила Алина. — Ты чем недоволен? У нас появился шанс, а тебе это, вижу, не нравится? Ну, так вспомни про дядюшку Фю, у него на тебя большие планы!

— Просто хочется знать, с какой стати оборотень так расщедрился? — Лютер щелкнул зажигалкой. — Вроде, он не добрая фея, чтоб подарки раздавать?

— Просто хотел помочь.

— Вот я и интересуюсь, по какой причине он вдруг захотел?

— Иногда помогают безо всякой причины. Трудно в такое поверить?

— Почему мы должны ему верить? Может, это Гинзога сама его и надоумила?

— Что ты мелешь?!

Ява потянулся за молочником.

— Я думал, у вас перемирие?

Алина умолкла.

— Перемирие, да, — проворчала она. — Мы закопали топор войны, но не очень глубоко… чтоб он всегда был под рукой!

«Бриммский василиск» усмехнулся.

Кемен отодвинул в сторону чашку с нетронутым чаем.

— Вчера после твоего звонка я перечитал еще раз бумаги Хэрвелла. Никакого упоминания об «увидевших вечную ночь». Ни слова!

Ньялсага положил на стол тяжелую книгу в черной парусиновой обложке.

— Я кое-что отыскал. Верней, не я, а… — он бросил взгляд на Дэберхема. — Одному моему знакомому удалось раздобыть вот эту редкость.

Он похлопал ладонью по обложке.

— Книге примерно тысяча лет.

— И где это твой знакомый ею разжился? — подозрительно осведомился «Бриммский василиск», рассматривая черную обложку с тиснеными буквами.

Ньялсага сделал вид, что не расслышал.

— Существует очень много разных документов и сведений о ведьмах, — начал он. — Архивы, рукописи, легенды — всего и не перечислишь. Нашлись, однако, люди, которые взялись систематизировать всю информацию — ведь ни бумаги, ни пергаменты вечно не хранятся. Случись что: пожар или наводнение и вот уже бесценные знания утрачены навеки!

Ньялсага отхлебнул кофе.

— Но сами ведьмы были не в восторге от того, что люди собирают на них, выражаясь здешним языком, досье. Поэтому, старались, как могли: уничтожали документы, похищали архивы, в общем, делали все, чтобы о ведьминской подноготной было известно как можно меньше.

— Заметали следы, — глубокомысленно проговорил Бахрам. — Чем меньше знают о них люди, тем безопасней для ведьм!

Ньялсага кивнул.

— Да. Но кое-что все же сохранилось. Монахи одного ордена

добывали сведения по крупицам и все, что узнавали, заносили в книги. Всего таких книг существует пять.

Кемен, внимательно слушавший заклинателя, кивнул.

— В которой из них рассказывается, как уничтожать ведьм?

Ньялсага постучал согнутым пальцем по черной обложке с серебряным тиснением.

— В этой.

Он осторожно открыл книгу и перевернул несколько страниц.

— Если прочитать все пять книг, то можно узнать о ведьмах многое. Но время…

— Как их уничтожить? — перебил «Бриммский василиск».

Ньялсага потер подбородок.

— Обычную ведьму убить можно, хотя и не так просто. С Гинзогой же дело обстоит иначе.

— Она играет в высшей лиге, — солидно пояснил Бахрам, развалившись на стуле. — Вот у нас в Легионе… кстати! — оживился он. — Забыл сказать: Черный Легион-то снова возродили! Слыхали об этом?

— Давай про Легион в другой раз, — Ньялсага пошуршал страницами. — Мы сейчас про Гинзогу говорим и вот что я вам скажу: ее так просто не возьмешь. Тут рассказывается о разных наиболее известных и опасных ведьмах, их было сорок восемь. Сейчас осталось около двадцати, все они перечислены по именам. Гинзоги среди них нет. То ли ей удалось уничтожить все сведения о себе, то ли она орудовала под другим именем. Я просмотрел всю книгу, под описание Гинзоги попадает пять ведьм. Все они тоже были сожжены при жизни, но потом им удалось вернуться.

— Переходи к делу! — велел Кемен, слушавший заклинателя с нетерпеливо блестевшими глазами.

Ньялсага вздохнул.

— Имейте в виду, никакой конкретной информации нет, все сведения в виде легенд и преданий. Слушайте внимательно, я буду читать и переводить. Эта история записана кем-то из монашеского братства.

Он провел пальцем по строчкам.

— Первый сюрприз — обычным способом мертвую ведьму не убить.

Ньялсага на мгновение задумался.

— Интересно, касается ли это проклятых из ее Своры: Трефалониуса, и некроманта, Харгала? Их можно было убить до того, как они присоединились к Своре… но сейчас?

— Дальше читай, — поторопила Алина, отмахиваясь от сигаретного дыма и бросая в сторону Лютера косой взгляд.

— Ага… в общем, имеется одна лазейка. Покрытая, так

сказать, пылью веков легенда о том….

Ньялсага прочитал вполголоса несколько слов на незнакомом языке.

— Если опустить архаические подробности, то для того, чтобы убить мертвую ведьму, нужен бронзовый клинок. Но… тролль меня съешь, — проворчал он. — Дальше-то самое интересное и начинается… слушайте внимательно: клинок должен быть смочен, как тут сказано, «в крови увидевшего вечную ночь».

Кемен и «Бриммский василиск» переглянулись.

— И что это за хрень? — спросил Лютер, затушив окурок в кофейном блюдце. — Оборотень говорил это же самое: «увидевший вечную ночь»? Мог бы и пояснить, что он имел в виду…

Ньялсага побарабанил пальцами по столу.

— Гм… гм… тут такое дело. «Увидевший вечную ночь» — это жертва вампира. Укушенный им человек, — пояснил он.

Наступила тишина.

Стало слышно, как в кофейне тихо играет музыка, гудит кофе-машина, позвякивают чашки и жужжит кофейная мельничка.

Дэберхем раскрыл черные глянцевые крылья и перелетел с перил на край стола, боясь пропустить хоть слово из разговора.

— Но, — медленно проговорила Алина. — Почему именно…

Ньялсага, не отрывая глаз от книги, пожал плечами.

— Здесь говорится, что кровь новообращенного человека — это что-то вроде сильнодействующего яда для мертвых ведьм.

В открытых дверях кофейни появилась высокая белокурая девушка. Она подошла к столу, молча собрала пустые чашки, смятые пакетики из-под сахара, и протерла стол бумажной салфеткой.

— Еще кофе? — спросила прорицательница, сочувственно поглядывая то на Ньялсагу, то на Кемена. Кемен отрицательно мотнул головой.

Девушка ушла, Ява проводил ее задумчивым взглядом и покрутил в руках кофейную чашку.

— Вампир-то у нас имеется, — проговорил он после паузы. — А вот что касается остального…

— Трефалониус, кажется, пока ни на кого не нападал? — уточнила Алина.

Кемен пожал плечами.

— Возможно, он сыт. Вампир может питаться раз или два в месяц.

Лютер вытащил из пачки еще одну сигарету.

— Допустим, он проголодается и на кого-то нападет. И что?

— Как что? Святые ежики, да он убьет ни в чем не повинного человека!

«Бриммский василиск» не спеша закурил.

— Меня другое интересует, — невозмутимо сказал он. — Как в этот момент оказаться рядом?

— Хороший вопрос, — заметил Ява. — Предлагаю подружиться с вампиром, стать с ним не-разлей вода и везде ходить вместе.

— Не переживай, скоро подружишься, — процедил Лютер. — Уж он об этом позаботится.

Ньялсага разгладил пожелтевшую страницу.

— Гм…да, все не просто. Охотники на вампиров… — он взглянул на Кемена. — Не дилетанты, которым посчастливилось прикончить вампира и остаться в живых, а профессионалы… они различают укус, когда вампир просто убивает жертву, высасывая из нее кровь и укус-инициацию, когда жертва обращается и тоже впоследствии становится вампиром.

— С вампирами мы сталкивались нечасто, — признался Лютер. — Но и на них есть управа, разве нет? Серебро, чеснок… распятие, наконец!

Ньялсага вздохнул и отодвинул в сторону чашку.

— Есть много правды в старых сказках, но не все следует принимать на веру, — сказал он. — Ведь сказки были созданы смертными!

— Это ты к чему? — осведомился «Бриммский василиск».

— К тому, что не все страшилки о вампирах — правда. Во многих легендах, например, говорится, что каждый, кто умирает от укуса вампира, сам становится вампиром.

Ява усмехнулся.

— Как бы не так! — сказал он. — Если бы это было правдой, мир был бы уже переполнен вампирами! Но большинство людей, на которых нападали вампиры, просто погибают.

— А солнечный свет? — быстро спросил Кемен. — Кровососы сгорают на солнце, Хэрвелл об этом упоминал!

— Мне доводилось такое видеть, — не стал спорить Ньялсага. — Но в нашем случае надеяться на это не стоит. Конечно, эти твари — ночные создания и днем чувствуют себя неуютно, но некоторые из них, старые и опытные, могут выносить солнечный свет, хоть и недолго. Боюсь, что Трефалониус как раз из таких…

Он бросил взгляд на хмурое пасмурное небо.

— Да и где его взять, солнечный-то свет? Гинзога позаботилась о том, чтобы солнце ее не беспокоило.

Нахохлившийся Дэберхем, внимательно прислушивающийся к негромкому разговору, тоже посмотрел на небо.

— Как насчет чеснока и текущей водой? А распятие?

— Чеснок, текущая вода — выдумки и ничего больше, — отмахнулся заклинатель. — Крест? Не знаю… есть такая вещь, как магия веры. Очень сильная штука! Если человек верит, верит искренне и без сомнения, то святая вода или крест в его руках — сильное оружие против нечисти. А если нет…

— Понятно, — пробурчал Кемен. — Хэрвелл расправлялся с вампирами самым верным и испытанным способом — деревянный кол в сердце!

— Святые ежики, хороший способ! Только кол обязательно надо вогнать одним ударом, потому что на втором ударе вампир оживет!

— Потом, — продолжил Кемен. — Надо отрубить ему голову, тело сжечь и пепел развеять по ветру.

— Знаю, знаю, — кивнул Ньялсага, пробегая глазами строчки, выведенные аккуратным мелким почерком. — Видел в кино. Это действительно хороший надежный способ, только нам не подходит: мы же не убить Трефалониуса хотим, а раздобыть кровь его жертвы.

— Значит, нужен человек, который остался жив, после того, как вампир слегка им закусит? — уточнил Лютер, стряхивая пепел.

Ньялсага в раздумье потер подбородок.

— В идеале нам нужен человек, которому вампир только-только запустил клыки в шею. Тот, кто находится под воздействием вампирских чар, и в кровь которого только что попала слюна вампира. Это сочетание и становится причиной того, что кровь жертвы приобретает удивительные качества. Но сохраняется это очень недолго, не больше пары минут. Поэтому, если мы и отыщем бедолагу, оставшегося в живых после нападения вампира, это нам не поможет, ведь человек уже не будет находиться под воздействием вампирской магии!

Бахрам с досадой грохнул чашкой о блюдце.

— Да это невозможно! Такой момент подгадать, то есть, не получится! Это ж надо видеть, когда Трефалониус набросится на кого-то и…

Он покрутил головой.

— Может, лучше с арбалетом попробуем?

Кемен нахмурился:

— Да, ненадежный способ. Слишком много вероятностей и мало что будет зависеть от нас. Сначала нужно, чтобы вампир проголодался и напал, потом — каким-то чудом оказаться рядом

и раздобыть кровь жертвы!

Алина вздохнула.

— Надо что-нибудь придумать. Раздобудем кровь — и у нас будет шанс уничтожить Гинзогу!

Лютер хмыкнул.

— Отличный шанс, что и говорить.

— Гинзога — это тебе не рядовая ведьма, которая порчу на корову соседа наводит или приворотное зелье продает, — отрезала Алина. — Если не получится убить ее с первой попытки, можем все дружно прощаться с жизнями!

— Вам-то прощаться не придется, — буркнул Лютер. — Вы же бессмертные.

Ява пододвинул Деберхему кусочек печенья.

— Ты не поверишь, но если бессмертному отрезать голову, он скорее всего умрет. Любого можно убить, если взяться за дело грамотно.

Во взгляде «Бриммского василиска» появилась нехорошая задумчивость.

Алина вздохнула.

— Зря ты ему сказал.

— Это теоретически, — уточнил тот. — Не знаю, как практике, не проверял.

— Будет и практика, — туманно пообещал Лютер.

— Да что ты прицепился к нам с этим бессмертием?! — не выдержала Алина. — Погоди, вот через пару дней некромант возьмется за тебя всерьез, тогда на своей шкуре узнаешь, каково это — быть бессмертным!

— Хватит, — пресек начавшуюся ссору Ньялсага. — Сколько можно? Убейте уже друг друга, наконец!

Он обменялся с Кеменом парой негромких фраз и объявил:

— Доставайте амулеты, пора обновить охранное заклинание.

— Ежик всемогущий, сдается мне, невозможно раздобыть такую кровь! — Бахрам стукнул по столу золотой монетой. — Подходящую, то есть! Способа такого нет!

Дэберхем прошелся по перилам туда-сюда, выжидательно посматривая на людей.

Ньялсага захлопнул книгу и окинул взглядом выложенные на стол блестящие галеоны.

— Не знаю, не знаю. Может быть, и отыщем такой способ, — задумчиво проговорил он. — Подумать надо…

… «Военный совет» закончился, веранда кофейни «Последний белый слон» опустела. Улетел Дэберхем, торопясь передать Цолери последние новости, по направлению к клубу «Химера»

уехали белый пикап и синий внедорожник.

«Зеленый дракон» дождался, пока с парковки уедет Ява, обещавший завести ненадолго домой Алину — она собиралась проверить, пообедали ли пятиклассник Соловьев и гном Фикус — и, кряхтя и лязгая, пополз к агентству. Сопровождал его выкрашенный в камуфляжные цвета микроавтобус.

В агентстве Ньялсага долго задерживаться не стал. Говорить с гостями не хотелось: беседа с гномами, не отличавшимися сообразиельностью, грозила затянуться.

Он молча заглянул в угол комнаты, отгороженный стальной решеткой от остального помещения, увидел гномов и кивнул.

— Выйди на крыльцо, — скомандовал заклинатель Бахраму, следовавшему по пятам. — А то, чего доброго, заснешь вместе с ними. Буди тебя потом…

Бахрам вышел и прикрыл за собой стальную дверь

Ньялсага помедлил, успокаиваясь и стараясь подавить досаду (любое заклятье берет немало сил, тратить же их на гномов сейчас, когда в городе находилась мертвая ведьма со своей Сворой, очень не хотелось) и начал произносить слова.

Магия тут же начала действовать: комнату паутиной опутал тяжелый беспробудный сон.

Через минуту, убедившись, что гномы крепко спят, заклинатель вышел на крыльцо, запер дверь и проследил, чтобы охранная сгилла замкнулась.

— Порядок? — спросил Бахрам, нетерпеливо поджидающий его. — Святые ежики, знаю, что надо спешить, но давай на пару минут заскочим к Алине: моя очередь мелкому еду покупать. Боюсь, знаешь, чтобы Алина его своей стряпней не отравила! А потом уже в «Химеру»…

— Заедем, заедем, — рассеянно ответил Ньялсага, напряженно думая о чем-то другом.

Он нашарил в кармане ключи и направился к «Зеленому дракону».

…Алина встретила Ньялсагу и Бахрама в дверях, держа в одной руке кулинарную книгу, а в другой — столовую ложку.

— Алиночка, что это ты затеяла? — опасливо поинтересовался Ньялсага, взглянув на книгу «Еда как самовыражение». — Готовить, что ли, собираешься? Так некогда…

Алина сунула книгу появившемуся в прихожей Яве.

— Нет, это я просто так читаю, для успокоения нервов.

— Уж кому тут надо успокоиться, так это мне, — буркнул тот. — Святые небеса, да она мне все уши прожжужала о ребенке! Ты мне скажи: зачем было сюда заезжать? Разве нельзя просто

позвонить?

— Алина, возьми коробки, — еле успел вставить Ньялсага. — Мы тут с Бахрамом в кафе заехали…случайно! Купили кое-чего.

— Во-первых, мне хотелось побыстрей исчезнуть из кофейни, — начала Алина, забирая коробки. — Напротив сидел Лютер и так на меня смотрел, что мне стало мерещиться, будто я на допросе в Ордене Дознавателей и кто-то из братьев-пыточников уже тащит раскаленное железо!

— Смотрел? Это неспроста, — ехидно заметил Ява. — Он к тебе неравнодушен, уж можешь мне поверить, у меня на такие дела глаз наметан!

— Глупости. Во-вторых, по телефону мне не видно, съел ли ребенок горячий обед или питался всухомятку бутербродами. Ребенок должен получать полноценное…

Ява бросил кулинарную книгу на журнальный столик.

— Нет, это невозможно! Опять она про детей и полноценное питание! Когда это кончится? Пойду, приму успокоительное…

Он прошел на кухню и открыл холодильник:

— Где-то тут я пиво видел. Если, конечно, твой пятиклассник раньше меня его не нашел…

— Не наговаривай на ребенка! — строго заметила Алина. — А вы, — она посмотрела на Ньялсагу и Бахрама. — На балкон идите, будет чай с бутербродами. Да, да, знаю, что некогда, но пять минут ничего не решат. Почему на балкон? Потому что комнаты оккупированы Соловьевым и Фикусом.

Ньялсага вздохнул: кроме Своры существовала и еще одна, нерешенная пока что проблема.

— Когда ты его к бабушке отвезешь?

— Сегодня вечером, — неохотно ответила Алина. — Или завтра утром. Заклинание готово? Бахрам, эту вашу еду отнеси на кухню, чтоб я ее не видела!

— Заклинание? Нет пока, не того было, — признался Ньялсага. Он прошел на балкон, опустился на стул и тяжело задумался.

Алина с тревогой посмотрела на приятеля.

— Ежик всемогущий, может, за Трефалонусом организовать наблюдение? — предложил Бахрам, появляясь из кухни и что-то жуя. — Слежку, то есть?

— Непременно организуем. Будем следить за ним с вертолета, он и не заметит. А пока позови детей обедать, — распорядилась Алина.

Бахрам заглянул в комнату к пятикласснику и гному:

— Эй, мелкий! Топай на кухню, обед ждет! Имей в виду, ты, как будущий спецагент, должен съесть все и попросить добавки. А

тебе, — он посмотрел на Фикуса. — Яблок и капусты два кило привезли. Трескай!

Соловьев и Фикус переглянулись. Гном состроил гримасу, пятиклассник ответил тем же.

— Приказ ясен? — сурово сдвинул брови Бахрам. — Выполняйте!

Выпроводив Соловьева и Фикуса на кухню, он закрыл за ними дверь и снова появился на балконе.

— Как ты ее организуешь, слежку-то? — говорил Ява. — Вампира выследить не так-то просто. Тем более, Трефалонус — старый кровосос, опытный, сразу нас раскусит.

Бахрам пожал плечами.

— Мы тоже не лыком шиты!

— Конечно, — скептически проворчала Алина. — Мы — спецагенты на задании, нам равных нет… а ты что молчишь? — она посмотрела на задумавшегося Ньялсагу. — Может, при помощи заклинания проследить?

Он не ответил.

— Я с тобой говорю, слышишь?

— Угум… слышу, — промычал Ньялсага.

Алина прищурилась.

— Слышишь? Это мы сейчас проверим. Что ты думаешь насчет свадьбы? Не пора нам, наконец, пожениться, раз уж ты ко мне, как к себе домой ходишь. А? Создать крепкую дружную семью, полноценную ячейку общества?

Она сделала паузу.

— Ты не против?

— Угум… нет, Алиночка, я только за!

— Отлично. Тогда я пошла за фатой, а ты жди меня здесь.

— Хорошо, подожду…

Алина тряхнула Ньялсагу за плечо.

— Да что с тобой?!

Он очнулся от размышлений.

— Кто? Что? Да я так… немного задумался.

— Пивка? — сочувственно спросил Ява, протягивая бутылку. — Холодное!

— Нет, пивка ему не надо, лучше что-нибудь другое…

Алина наклонилась к Ньялсаге.

— Налить тебе водки?

Тот растерянно захлопал глазами.

— Что? Водки? А супу нельзя? — неосторожно спросил он. — Нормального горячего супу?

Обрадованная Алина феей упорхнула на кухню, а Бахрам и Ява обменялись озадаченными взглядами.

— Слышал? — вполголоса спросил Ява. — Говорю тебе: с ним что-то не то. Он только что попросил у Алины суп! Что это, если не попытка самоубийства?!

Через минуту перед Ньялсагой стояла дымящаяся тарелка.

— Вот, — со сдержанной гордостью промолвила Алина, отходя в сторону и складывая руки на груди. — Овощной суп-коктейль. В рецепте написано: «Изысканный тонкий вкус и незабываемый аромат». Так и получилось! И вкус, и аромат.

Ньялсага попробовал суп и положил ложку на стол.

— Какой удачный тебе попался рецепт, Алиночка! И приготовлено отлично. Ты только принеси горчички побольше, я в коктейль подмешаю.

Бахрам шумно потянул носом.

— Немного пригорел супешник? Пахнет как-то…

— Это и есть «незабываемый аромат»! — отчеканила Алина. — Между прочим, Фикус ел с яблочным повидлом и даже хвалил!

Ньялсага встревожился.

— Ты кормила гнома супом? Зачем? И как ты догадалась, что он хвалил?

Алина на мгновение замешкалась.

— Ну, он такую рожу состроил, — проговорила она, ни на кого не глядя. — Даже смотреть страшно было… сразу стало понятно, что ему очень понравилось!

Из кухни в комнату прошмыгнул легкий на помине Фикус, за ним поспешил пятиклассник Соловьев, что-то дожевывая на ходу.

— Алина Сергеевна! А набор «Юный химик» можно взять?

— Бери, Соловьев, бери, — вздохнула Алина-барракуда. — Изучай. Для того я его тебе и купила. Да инструкцию хорошенько почитай… и приберитесь в комнате, а то бардак такой, что зайти страшно!

— Ничего, — ободряюще заметил Бахрам. — Вот отправим гнома обратно — будет порядок!

Соловьев замер.

— Когда отправите?

Алина добавила в голос металла.

— Скоро, Соловьев, скоро. Пора вам с Фикусом по домам: тебе — к бабушке, а ему…

Она покосилась на Ньялсагу, столовой ложкой накладывавшего в суп-коктейль горчицу.

— В общем, ему тоже пора.

Пятиклассник переглянулся с гномом и оба они одновременно скорчили друг другу рожи.

— Марш в комнату и занимайтесь химией!

Ньялсага снова попробовал суп, подумал, решительно отодвинул тарелку и поднялся.

— Лучше я потом поем, а сейчас что-то аппетит пропал. Ладно, поехали в «Химеру». С Кеменом поговорить надо, да и за Сворой приглядеть. А вечером ты, Бахрам, доставишь гнома в агентство, на рассвете всех их отправим. А ты, Алина, сегодня же вечером вези Соловьева домой. Неизвестно, что завтра произойдет.

Она кивнула.

— Подходящее заклинание создавать пока некогда, но есть у меня на примете одно…

— Как подействует? — тревожно спросила Алина.

— Не совсем так, как хотелось бы: помнить он будет все, но рассказать ничего не сможет. В качестве временной меры на денек-другой сгодится. А там посмотрим…

Бахрам встал и одернул пятнистую куртку.

— Святые ежики, чует мое сердце: скоро мы все геройски умрем! Хорошая смерть, солдатская!

Он прищурился и посмотрел вдаль: на крыши домов и море вдали.

Голос Явы прозвучал скептически.

— А толку-то? Дядюшка Фю нас тут же геройски оживит. Думаешь, зря его Гинзога с собой возит?

Он взглянул на Алину.

— Как у тебя, Алина, с героизмом? Имеется в достаточном количестве? В горящую избу сможешь войти? А коня на скаку остановить?

Она пожала плечами.

— Только пони… да и то вряд ли. Какой из меня герой?

Ньялсага надел куртку и проверил на месте ли синий ежедневник.

— Мы все тут не герои. Но будем делать то, что нужно. А там, глядишь, и кони заскачут, и басурманские избы возгорятся…

И тут, в который уже раз, слова его оказались пророческими. Изба, действительно, возгорелась, только не басурманская, а Алины-барракуды.

В комнате, где пятиклассник Соловьев и гном Фикус изучали набор «Юный химик» что-то звякнуло, грохнуло, и из двери повалил густой черный дым.

Толкая друг друга, Ньялсага, Алина и Бахрам бросились к дверям детской, и только Ява, никуда не торопясь, допил пиво, поставил на столик пустую бутылку, и заметил с присущей ему наблюдательностью

— Кажется, Алина, ты погорела!

…Вскоре небольшой пожар не без помощи Ньялсаги был потушен. Обгоревшую коробку из-под набора «Юный химик» Алина выбросила в мусоропровод, а Ява открыл все окна, чтобы вытянуло запах гари.

— Святые ежики, Алина! Весь дом сгореть мог! Зачем ты мелкому такую опасную игрушку купила? Как она называлась?

— Набор «Юный поджигатель», — охотно ответил за Алину Ява. — И краткая инструкция прилагается: «Тысяча и один способ сжечь вашу квартиру дотла»!

Алина сверкнула глазами, но ничего не ответила. Грознее тучи появилась она в комнате: пятиклассник Соловьев и гном Фикус, корча друг другу рожи, без особого усердия занимались уборкой.

— Алина Сергеевна! — начал злостный пиротехник Соловьев, переглянувшись с гномом. — А что за слова ваш друг сказал?

Он указал на Ньялсагу, который, стоя посреди гостиной, разговаривал с Явой и Бахрамом.

— Слова? — удивленно переспросила Алина и тут же спохватилась. — Ах, слова… самые обычные! На одном малоизвестном языке это означает: «Проклятые дети подожгли твой дом». Вот и все. А ты что думал?

— А-а-а… — разочарованно протянул Соловьев, возя тряпкой по линолеуму. — А Фикус говорит, это заклинания!

— Какие еще заклинания? С чего он взял?!

Соловьев скорчил рожу гному, тот подумал и ответил тем же, высунув для большей убедительности язык и скосив глаза к носу.

— Он говорит, что этот человек сказал заклинания, огонь и погас!

Алина сердито уставилась на гнома.

— Фикус, — произнесла она как можно внушительней. — Не болтай лишнего! Никакие это не заклинания. Понял?

Фикус почесал правый рог, подумал и кивнул.

— Хорошо, — Алина окинула взглядом комнату. — Ну, и бедлам! Логово троллей, а не квартира. Приберитесь хорошенько, а я пока ненадолго отлучусь. Съезжу…э-э-э-э… в школу, с директором поговорю.

— Каникулы же, — удивился пятиклассник.

— Это у вас каникулы, — строго сказала Алина. — А директор школы всегда на посту! А когда приеду — отвезу тебя к бабушке. Ясно? А вы пока полы помойте и мультфильмы посмотрите.

Она проверила, отключен ли телефон, заперла дверь на два замка и, на ходу бормоча последние строчки заклинания, которое

должно было замкнуть охранную сгиллу, побежала по лестнице.

Компания была уже на первом этаже, когда в кармане куртки Ньялсаги зазвонил телефон. Заклинатель глянул на номер.

— Кемен…

…Ява и Алина добрались до «Химеры» за считанные минуты и этим обстоятельством Алина-барракуда оказалась очень недовольна.

— При всем моем уважении к бессмертию, — проворчала она, выбираясь из салона. — Так машину водить не стоит! Что за гонки по улицам? С Бахрама пример берешь, что ли? Выезжайте за город — и гоняйте себе на здоровье!

Но Ява только усмехнулся и вынул из кармана плаща трезвонивший мобильный телефон.

— Ты, Алина, иди, я задержусь на минутку. Это мне коллеги с работы звонят. Важный разговор!

— С работы? — она прислушиваясь: из трубки доносился кокетливый женский голос. — Знаю я твоих коллег, видела недавно…

— Иди, иди! — нетерпеливо махнул рукой Ява. — Вон смотри — твой дружок Лютер запарковался. Пощебечи с ним!

Алина демонстративно хлопнула дверцей и направилась к клубу, посматривая на плотно заставленную машинами парковку: бывший постоялый двор, которым когда-то заправляла старая приятельница ведьмы Гинзоги, пользовался у жителей окраины большой популярностью.

Алина направилась к боковому входу, постепенно прибавляя ходу, чтобы шедший позади Лютер, чего доброго, не нагнал.

Вдруг она остановилась.

Возле дверей виднелся никто иной, как вампир Трефалониус. Стряпчий беседовал с одним из посетителей клуба: лысоватый невысоким мужчиной не первой молодости, не без щегольства одетого в цветастую новенькую рубаху навыпуск, белые штаны и блестящие остроносые ботинки, очень похожего на стареющую, давным-давно забытую всеми рок-звезду.

— Идиот! — процедила Алина.

Тут она заметила, что возле входа крутится Мунго-лис, и насторожилась еще больше.

Нагнавший Алину «Бриммский василиск», явно отнес сказанное на свой счет.

— Не ты, — буркнула Алина. — А вон тот мужик, что с Трефалониусом разговоры ведет. Трефалониус, вижу, времени даром не теряет. И рыжий с ним!

— Может, вампир уже проголодался? — предположил

Лютер. — Ищет, кем бы закусить?

— Все может быть…

Человек, явно видевший вместо вампира кого-то другого, погасил сигарету и рассмеялся.

Алина припустила бегом.

— Прибыли мы издалека, — доверительно сообщил Трефалониус, похлопывая свернутыми в трубку пергаментами по ладони. — Хотя, бывали в этих краях и раньше. Всегда рад свести приятное знакомство…

— Взаимно, — кивнул человек. — Ну, что, может, выпьем за знакомство?

— С удовольствием, — вкрадчивым голосом промолвил вампир-стряпчий. — Коль ты не против, то и я…

Лютер решительно встал между человеком и вампиром.

— Не рановато для охоты, Трефалониус? — поинтересовался «Бриммский василиск», глядя на вампира-стряпчего ледяными глазами.

— Позвольте… — удивленно проговорил человек, уставившись то на Лютера удивленными глазами. — А вы… я что-то не…

— Проваливай отсюда! — скомандовала Алина.

— Ты его не тронешь, — сказал Лютер вампиру. — Убирайся отсюда, да, кстати, и рыжего с собой прихвати. Нечего ему тут околачиваться!

Вампир блеснул черными непроницаемыми глазами, но спорить не стал: сунул пергаменты в рукав и степенно направился к двери. Алине показалось, что, проходя мимо Мунго-лиса, Трефалониус как будто шепнул ему что-то.

Хлопнула дверь.

Вампир исчез, зато рыжий оборотень, похоже, уходить не собирался: присел возле двери на корточки и с интересом стал наблюдать за происходящим.

Алина повернулась к человеку, который стоял с открытым ртом.

— Поезжай домой, запрись на все замки и два дня носу на улицу не показывай, понял? В следующий раз тебе так не повезет.

Тот одернул рубашку, поправил пестрый платок на шее.

— А в чем, собственно, дело?! Какое вы имеете право? Я разговаривал с интересным человеком…

— Интересным, это точно, — согласилась Алина.

— Он, кажется, имел какое-то отношение к туристическому бизнесу. Путешествия, говорит, поездки… встречи!

Человек вдруг умолк и прищурил глаза.

— А, понимаю! — ехидно протянул он. — Вы, наверное,

конкуренты? Конечно, как я сразу не догадался! Борьба за клиентов, да?

— Чего?! — переспросила Алина. — А, да! Боремся за клиентов. Еще как!

— Туроператоры мы, — подтвердил Лютер, глядя на человека сверху вниз. — Организуем индивидуальные туры и экскурсии по желанию клиентов.

— А куда, позвольте узнать? — язвительно поинтересовался тот, пошарил по карманам и вынул смятую сигаретную пачку.

— На кладбище, — невозмутимо сообщил «Бриммский василиск».

Мужчина задохнулся от негодования.

— Ну, знаете ли! Эти ваши шуточки… это просто возмутительно! Если выбудете работать такими методами, то клиентов вам не дождаться!

— Хорошо бы, — отозвался Лютер.

— Пожаловаться бы на вас! Как ваша фирма называется? Жалобу напишу в газету! Или еще куда-нибудь!

Он скептически посмотрел на Алину и Лютера.

— Работать сначала научитесь, а уж потом…

Он оглянулся на дверь.

— Хотел расспросить этого человека поподробней, а вы помешали. Как теперь мне его искать прикажете?!

Терпение Алины лопнуло.

— Это не человек, это вампир! — отчеканила она.

«Бриммский василиск» потерял дар речи.

Он повернулся к Алине и уставился на нее так, как, без сомнения, смотрел настоящий василиск на несчастных жителей города Бримма.

— Кто? — недоверчиво переспросил мужчина. — Какой еще вампир?!

— Самый настоящий, как в кино, только страшней. Так что проваливай домой и радуйся, что жив остался!

Лютер, наконец, опомнился.

— Ты… ты… ты давай уж, руби с плеча, чего там! Рассказывай и про остальное!

Человек переводил растерянный взгляд с Алины на Лютера.

— Но как же… а! — воскликнул вдруг мужчина с облегчением. — Все понятно: вы сумасшедшие!

— Верно! — подхватила Алина. Она развернула мужчину и подтолкнула в сторону парковки. — Мы — сумасшедшие, поэтому клуб на два дня закрыт: местная психбольница арендовала его для частной вечеринки. Ну, знаете: встреча врачей и пациентов в теплой неформальной обстановке…

— А с вампиром — это же вы пошутили?

— Конечно, пошутила! Идите, идите… а то сейчас остальные гости нагрянут… буйное отделение обещало подъехать! С минуты на минуту ждем!

Человек покорно побрел к парковке, оглядываясь и растерянно пожимая плечами.

— Надо всегда говорить правду, — назидательно сказала Алина и поправила ремень сумки на плече. — Ясно? Все, идем в «Химеру».

— Чертова баба, — с досадой буркнул «Бриммский василиск», предусмотрительно понизив голос.

…Мунго-лис зевнул, показав крепкие острые зубы, и быстрым гибким движением поднялся на ноги.

— Мне отчего-то кажется, что люди меня игнорируют, — обиженно шмыгнув носом, сообщил он.

— Чему удивляться? — хмыкнула Алина. — Ты же их ешь!

— Мы так редко проявляем… ы-ы… истинные чувства друг к другу, — продолжал Мунго и уставился на «Бриммского василиска». В голубых глазах оборотня заплясали радостные огоньки. — Лишаем себя радости общения, радости дружбы, не доверяем другим. Но всегда найдется рядом тот, кто протянет руку помощи в трудный момент!

— Проявляй свои истинные чувства проявляй к кому-нибудь другому, — посоветовал Лютер.

Мунго шумно потянул носом, принюхиваясь, как зверь, почуявший добычу.

— Важно обратить наши мысли к добру. Избавиться…ы-ы-ы… от груза негативных чувств по поводу себя и своего места в жизни!

- У тебя негативные мысли по поводу места в жизни? — удивилась Алина, покосившись на своего спутника. «Бриммский василиск» пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

Мунго-лис скользнул в сторону.

— Ты стал эмоциональной жертвой, — вкрадчивым голосом продолжал втолковывать оборотень. — Ты слишком замкнут и холоден, отдалился от друзей и близких! Тебе нужна… у-у-у… дружеская помощь. Помни: нельзя держать все в себе! Принятие самого себя и одобрение своих поступков — вот ключ к продолжительным переменам в жизни! Жизнь хочет, чтобы ты открылся навстречу ей и чувствовал себя достойным счастья!

Он описал круг и замер напротив человека.

— Все, что от тебя требуется — это поверить в то, что Вселенная любит тебя и прийти к ней в объятия, —

издевательским тоном проговорил Мунго.

— Бедный психотерапевт! — вздохнула Алина. — А ты, рыжий, пошел отсюда! Вот два дня истекут — тогда и придем в ваши объятия. Не раньше!

Мунго бесшумной тенью проскользнул рядом, Алина отпрянула и споткнулась о кучу строительного мусора, которую владельцы «Химеры» так и не удосужились вывезти после ремонта.

— Разве за оборотнем не ваш парень приглядывать должен? — потирая ушибленное колено, сердито спросила она у Лютера. — Где он?

Тот пожал плечами.

— Не стоит бояться открыть свое сердце другим людям, опасаясь того, что они не поймут тебя! — не сводя с него глаз, поведал Мунго-лис и вдруг быстро облизнулся. — Вселенная добра к нам! Широко открой ей свои объятия и заяви с любовью, что ты заслуживаешь и принимаешь все лучшее в мире!

— Пристрелить бы тебя, тварь, — процедил «Бриммский василиск».

— Агрессия — не лучший способ заявить о себе миру, — с укоризной проговорил оборотень и снова оскалился в улыбке. Глаза его блестели все ярче. — Ты должен научиться позитивно мыслить! И…. ы-ы-ы… у-у-у… стать более открытым, готовым к переменам, к новым прекрасным взаимоотношениям, основанным на любви! Доверие и любовь — вот чего не хватает в твоей жизни!

С этим словами Мунго-лис бросился на Лютера.

Руки Мунго на глазах сделались длиннее и тоньше, покрытая клочьями рыжей шерсти голова глубоко ушла в плечи, лицо обратилось вытянутой лисьей мордой с оскаленными зубами. Одежда затрещала по швам по мере того, как тело меняло свои пропорции. Пальцы вытянулись, ногти превратились в длинные загнутые когти. В воздухе отчетливо запахло зверем и кровью.

…Острые когти метнулись к горлу человека. Лютер отпрянул, когти оборотня проехались по его боку, оставляя на коже глубокие следы и превращая одежду в лохмотья. Разъяренный оборотень был способен в считанные секунды вырвать сердце из груди жертвы, но Лютер, опомнившийся от неожиданного нападения, уже действовал. Молниеносным движением он перехватил запястье Мунго, рванул на себя, лишая оборотня равновесия и, когда, тот пошатнулся, ударил его кулаком. Удар отшвырнул бы человека на землю, но оборотень, отлетев, лишь гибко изогнулся, не коснувшись асфальта, и снова бросился вперед, вцепившись в Лютера костлявыми, когтистыми лапами.

Алина в панике оглянулась по сторонам, но помощи ждать было неоткуда. В отчаянии, она выхватила из кучи мусора железный арматурный прут и, что было силы, врезала Мунго по спине.

Оборотень впустую клацнул зубами, отскочил и замер. Затем очень медленно повернулся к ней. Зрачки Мунго-лиса полыхали багровым, из разинутого рта вырвалось шипение.

— Пошел отсюда! — скомандовала Алина. Оборотень сузил глаза, шерсть на загривке стала дыбом. По-прежнему сжимая в руках прут, Алина сделала шаг назад, потом — еще один. Защитное заклинание активизировалось, послышалось чуть слышное гудение. Она понимала, что заклятье не позволит Мунго напасть, но ничего не могла поделать с ужасом, который охватил ее.

Не сводя с нее глаз, Мунго-лис медленно двинулся вперед.

— Не подходи! — предупредила Алина, слыша свой испуганный голос как бы со стороны. — Убирайся!

Оборотень злорадно оскалился, движения его стали вкрадчивыми и осторожными.

Неожиданно позади раздался щелчок, будто кто-то взвел курок пистолета.

— Тебе сказали убираться, — негромко проговорил «Бримский василиск», в упор глядя на Мунго-лиса.

Оборотень заколебался. Потом медленно, шаг за шагом, отступил назад, к стене. Очертания его тела расплылись, по воздуху словно пробежала быстрая рябь — и в следующую секунду вместо зверя уже стоял Мунго-человек. Он шмыгнул носом, поддернул штаны, метнулся к двери и исчез.

Алина бросила на землю железный прут и вытерла о куртку вспотевшие ладони.

— Ну… э… спасибо за помощь, — проговорил Лютер, убирая пистолет.

Алина помолчала немного, дожидаясь, пока сердце в груди перестанет колотиться так, будто собирается вот-вот выпрыгнуть прямо под ноги.

— Ты всегда ходишь с оружием?

«Бриммский василиск» кивнул.

— Удивляюсь, как тебя до сих пор не арестовали. Имей в виду, от обычных пуль вреда оборотню не будет!

— Обычными пулями никто стрелять не собирался, — буркнул Лютер, прикоснулся к боку и поморщился. Черная футболка пропиталась кровью и прилипла к телу.

Алина сдвинула брови, размышляя.

— Как оборотень мог на тебя напасть? Ньялсага только

сегодня утром обновлял охранительные заклинания!

— Значит, не действуют ваши охренительные заклинания, — сообщил Лютер. — То есть, охранительные…

— Не действуют? Этого не может быть!

Она подумала еще немного.

— Странно, очень странно. Где твой защитный амулет? Хочу взглянуть…

Лютер с досадой что-то пробормотал. Выворачивать карманы в поисках амулета ему, судя по всему, не хотелось, но отделаться от Алины было не так-то просто, так что «Бриммский василиск» неохотно подчинился.

Она внимательно наблюдала, как карманов появились ключи, смятые бумажки, мобильный телефон, пачка сигарет и вырванные из записной книжки странички.

— Интересно, — с нажимом проговорила Алина, когда поиски закончились. — А где галеон?

Лютер пожал плечами.

— Наверное, в куртке оставил. Не привык я ваши цацки с собой таскать…

— А куртка где?

— В машине.

— В машине?! — пораженно переспросила Алина. — Ты в своем уме? Ты собирался войти в клуб, прямо в лапы к дядюшке Фю, который спит и видит, как бы тебя заполучить, без охранного амулета?! Да ты… ты… тебе жить надоело?!

Она задохнулась от негодования.

— Ты понимаешь, что если бы оборотень взялся за тебя всерьез, тебя пришлось бы отскребать от асфальта? Ты догадываешься, что произойдет, если ты сейчас встретишь Трефалониуса?

— Что?

— А то, что ты весь в крови, а он — вампир, вот что!

Лютер, вернувший свое всегдашнее хладнокровие, снисходительно хмыкнул.

— Это еще вопрос, кто кого… да ладно, о чем речь-то? Сейчас вернусь к машине и…

— Заруби себе на носу, — не хуже Мунго-лиса зашипела разъяренная Алина. — Без охранного амулета в одиночку ходить нельзя! Звони Кемену или Марку, проси, чтоб они тебя проводили! Или лучше вот что, — она быстро огляделась по сторонам. — Я сама с тобой схожу. Давай, давай, шевелись! — прибавила она, видя, что Лютер колеблется.

Он усмехнулся.

— Ну, пойдем…

Возле парковки им повстречался Ява.

— Алина, ты куда?

Она лишь махнула рукой.

— Да что с тобой? Ты странная какая-то…

Он окинул удивленным взглядом Лютера:

— Ба, что я вижу! Ваши отношения, наконец-то, перешли на новый уровень? Это же ты в порыве страсти разодрала на нем одежду?!

— Хуже: я только что спасла ему жизнь, — буркнула она. — Его пытался сожрать Мунго-лис.

— Что сделала?!

— Этот слабоумный гоблин поперся в клуб без амулета. А Мунго это почуял и…

— Что сделала? — переспросил Ява. — Спасла? Ну, Алина, от тебя я этого никак не ожидал!

И он направился дальше, на ходу пожимая плечами.

..Оказавшись в «Химере» Алина прошлась по залу, разыскивая Ньялсагу. Очень хотелось поделиться с ним возмущением по поводу того, что произошло только что, но заклинателя нигде не было видно. Обнаружился только Ява, который сразу же завалил ее неприличными двусмысленными предположениями относительно Лютера, чем быстро довел Алину до белого каления.

Кипя от злости, она направилась в другой зал. Там увидела Бахрама: он стоял возле биллиардного стола, откуда прекрасно просматривался угол с декоративным фонтанчиком и каменной химерой, возле которой на стульчике мирно сидел дядюшка Фю. Бдительно поглядывая на потомственного некроманта, Бахрам вел беседу с Марком.

— Кстати, — говорил Бахрам, наблюдая, как дядюшка Фю, лучась улыбкой, рассказывает что-то химере. — Слышал новость: наш Черный Легион возродили!

— Какой еще черный легион?

— Святые ежики, ну, как же! — огорчился Бахрам. — Как можно не знать?! Разве что самые тупые гоблины про наш Легион не слышали!

Тут он сообразил, что брякнул что-то не то и попытался неуклюже выкрутиться.

— Ты это… не думай плохого, среди них и умные попадаются! У нас в Легионе был даже казначей из гоблинов! Вообще-то гоблинов частенько казначеями назначают.

— А почему именно их?

— Считать хорошо умеют, да и денег воруют немного.

Пробовали как-то лепреконов назначать — ну, невозможно! Ежик всемогущий, лепреконы-то ведь кто? Хранители всех кладов, что в земле зарыты. При виде денег прямо голову теряют! Хватают казну Легиона и норовят ее закопать в укромном месте как можно глубже! А уж если лепрекон закопал денежки в землю — все! Прощай, казна, прощай, жалованье! Лепрекон нипочем не вернет золото!

— Интересно…

— Святые ежики! Я б рассказал тебе, как интересно жить без денег! Волей-неволей приходится грабить окрестные деревни, не помирать же с голоду? А крестьяне недовольны, ропщут, владельцы деревень день и ночь жалобы строчат! Мол, мы их разоряем! Глупости, — насупив брови, пробурчал Бахрам. — Мы, конечно, грабили, да. Но умеренно! А они — жалобы… вот из-за таких крючкотворов и пошла о Черном Легионе дурная слава: грабители, мол! Разбойники с большой дороги! А что нам делать-то оставалось? Жрать-то охота…

Алина кивнула Бахраму, двинулась дальше и, к своему огромному неудовольствию, неожиданно обнаружила рядом «Бриммского василиска» в куртке, наброшенной поверх разодранной оборотнем футболки. Алина уже приготовилась сказать Лютеру что-нибудь душевное, но тут сидевший возле фонтанчика с каменной химерой потомственный некромант дядюшка Фю, встрепенулся.

— А вот и ты, голубь мой, пожаловал! — ласково сказал, глядя на Лютера. — А мы тут с Моренушкой о тебе беседу ведем, да гадаем: отчего это друга нашего любезного давно не видно? Заждались мы тебя. Что скажешь, сахарный мой?

«Бриммский василиск» посмотрел на некроманта сумрачным взглядом:

— Скажу, что если ваш кровосос будет охотиться за людьми, то недолго проживет! Ясно?

— Что ж неясного? — мирно ответил дядюшка Фю, как бы не замечая грубого тона. — Да только ведь неизвестно еще, пряничный мой, кто сколько проживет. Совершенно неизвестно!

Он пожевал губами и, прищурившись, взглянул на Лютера.

— Ты глазами-то не сверкай, клубничный мой… пугливых здесь нет.

Так я говорю? — обратился он к химере. Похлопав ее по гранитному крылу, старый некромант легко поднялся на ноги.

— Пора, медовый ты мой, мне с тобой потолковать, разъяснить, что к чему. Глядишь, строптивости-то вмиг поубавится. Вот и Моренушка то же самое говорит, — дядюшка Фю кивнул на химеру. — А она, подруга верная, плохого не

посоветует! Да и то сказать, мы ведь с ней и не таких, как ты видали…

Он добродушно взглянул на Лютера.

— Что молчишь? Страшно стало?

— С чего бы мне тебя бояться?

— Не боишься, стало быть? — посмеиваясь, проговорил некромант. — Ишь ты… ну, поглядим. За мной ступай, голубь мой, коль не трусишь… есть тут у меня на примете тихое местечко, там и поговорим.

Дядюшка Фю неожиданно проворно скользнул к выходу и исчез.

— Что это он плел? — спросила Алина, посматривая на скалившую каменные зубы химеру. — Что сказать хотел? Непонятно…

Она оглянулась.

— И куда он делся? Будто в воздухе растворился…

— Что непонятного-то? — буркнул Лютер. Он повернулся и направился к выходу.

— Наверное, вышел куда-то? — предположила Алина.

— Знаю я, куда он вышел…

— Куда? Может, он в соседнем зале?

— Нет его в «Химере».

— Откуда знаешь? — Алина оглянулась по сторонам и заметила затаившегося в тени Мунго-лиса. Тот заметил ее взгляд и злорадно оскалился. На мгновение глаза его угрожающе блеснули, но оборотень тут же прикрыл их короткими белесыми ресницами.

— А что имел в виду дядюшка Фю, когда сказал, что хочет с тобой поговорить?

— Что он хочет со мной поговорить.

Алина с трудом подавила раздражение и еще раз огляделась по сторонам. Мунго ухмыльнулся и нырнул в сторону. Алина проводила его взглядом: рыжий увалень скользил, как лесная тень. Он ухитрился в мгновение ока пересечь зал, набитый людьми, не коснувшись ни одного человека.

— Но где же все-таки Фюзорис?

— На кладбище, — бросил через плечо Лютер.

От неожиданности Алина остановилась.

— Где?!

Спохватившись, она догнала Лютера.

— А ты куда?

— Найду его.

— Зачем?!

Теперь остановился уже «Бриммский василиск».

— Он же потолковать хотел? Вот и потолкуем.

— С некромантом? На кладбище?!

Лютер пожал плечами.

— Это чистой воды самоубийство, — твердо заявила Алина. — Если тебе так не терпится покончить с собой, неужели нельзя что-нибудь попроще придумать?!

Лютер посмотрел поверх ее головы на кишащий веселыми людьми клуб.

— Не в этом дело. Он же неспроста этот разговор завел, и на кладбище намекнул тоже не просто так. Хочет, чтоб я его боялся, да только не на того напал!

— Он же специально тебя выманивает! Разобраться с тобой хочет, видно, достал ты его не на шутку!

— Это я с ним сейчас разберусь, — буркнул Лютер. — Давно пора!

Алина предприняла еще одну попытку отговорить его от опасной затеи:

— Но как ты узнаешь, где дядюшка Фю? На котором из кладбищ искать станешь?

Лютер на секунду задумался, потом уверенно ответил:

— На ближайшем.

— А которое здесь — ближайшее? То, что возле парка? И почему же ты думаешь, что он там?

— Потому что некромант хочет, чтоб я его нашел как можно быстрей, — Лютер двинулся к двери.

Алина оглянулась по сторонам: ни Кемена, ни Ньялсаги!

— Подожди! Кто его знает, что он задумал! И потом, на кладбище защитного амулета мало, дополнительные заклинания нужны. И ты же ранен: на тебя только что напал оборотень!

— Царапина, — с досадой отмахнулся Лютер. — Было бы о чем говорить!

— Но…

— Иди к своим, — не слушая, сказал он и исчез за дверью.

Алина остановилась и лихорадочной скороговоркой забормотала рецепт итальянского супа с луком-пореем и пармезаном. Это всегда действовало безотказно и успокаивало нервы, но именно сегодня шедевр итальянской кухни дал осечку: не только не успокоил, но и взвинтил нервы еще больше.

— Готовый суп посыпать тертым сыром и подогреть в духовке! — в отчаянии выкрикнула Алина-барракуда и выскочила за дверь.

— Стой! Я с тобой!

— Еще чего, — недовольно сказал Лютер, но Алина снова принялась бормотать рецепт и «Бриммскому василиску» ничего

не оставалось, кроме как смириться с ее присутствием.

Глава-8

От картонной елочки, болтающейся на зеркале заднего вида, в кабине белого пикапа было пахло хвоей, но не тем ароматом нагретого солнцем хвойного леса, а приторным синтетическим запахом какой-то бытовой химии. Ньялсага привычно проверил, на месте ли синий ежедневник, хотя во время разговора он вряд ли понадобился бы.

— Что с гномами? — спросил Кемен. — Нашли?

Ньялсага кивнул.

— Нашли, отправим на рассвете.

— И то хорошо, — Кемен пододвинул к себе спортивную сумку, стоявшую на полу. — Давай к делу.

Послышалось хлопанье крыльев. Ворон опустился на капот машины, прошелся туда-сюда и нахально уставился через стекло на сидевших в машине людей.

— Чтоб тебя, — проворчал Кемен, однако опустил боковое стекло, чтобы Дэберхем мог слышать разговор. — Хэрвелл упоминал лишь о паре случаев нападения вампиров на человека…

Из сумки появилась папка с бумагами.

— Но коротко, буквально в двух-трех предложениях. Конечно, в его архивах, наверное, было сведений побольше…

— А, может, и не было, — не согласился Ньялсага. — Возможно, в те времена нападение вампиров на людей было делом вполне обычным, в архив же заносились какие-то исключительные случаи.

— Скорее всего…

— Трефалониуса так просто не убьешь, — Ньялсага посмотрел на Дэберхема: ворон замер, склонив голову набок, внимательно слушая беседу. — Если он что-то заподозрит, то и близко к себе не подпустит.

— Значит, нужно сделать так, что не заподозрил.

Ньялсага кивнул.

— Да. Жаль, что я не смогу использовать заклинания: Трефалониус почует магию и насторожится.

— А он точно почует?

Ньялсага подумал.

— Не знаю. Но дядюшка Фю, например, прекрасно чувствует.

Кемен прикусил губу.

— Тогда придется действовать без магии.

Он положил руку на старую потрепанную папку, лежавшую

на коленях.

— Времени будет совсем немного. Главное — успеть вмешаться, когда Трефалониус запустит клыки в шею жертвы!

Ньялсага кивнул.

— Всего несколько секунд. Второго шанса Трефалониус не даст.

Кемен открыл папку и стал перебирать бумаги.

— Хэрвелл упоминает о случае обращения. В каждом из них после укуса человек получал несколько капель крови вампира. Этого было достаточно, чтоб началось…

Он запнулся, подбирая слово.

— Он называл это перерождением. Говорил, что инициировать можно даже мертвого человека, если он умер совсем недавно и тело еще теплое. Так?

— Да, начинается что-то вроде магической трансформации, — неохотно пояснил Ньялсага, поглядывая на ворона: вид у Дэберхема был такой, словно он слушал давно известные ему вещи. — И когда она закончится, среди вампиров появляется новобранец. Он мертв: его сердце не бьется, он не дышит, его кожа холодна на ощупь, и он не стареет. Но, в отличие от зомби, он думает, ходит, планирует, говорит. И что самое поганое: он охотится и убивает!

Он вспомнил вампира-стряпчего: осторожного, вкрадчивого, незаметного.

— Не думаю, что Трефалониус будет инициировать. Во-первых, побоится делать это без разрешения Гинзоги. Во-вторых, то, что вампиры без разбору обращают людей в себе в себе подобных — всего лишь легенда. Новый член клана — это всегда соперник в борьбе за пищу и власть, поэтому вампиры обращают далеко не каждого и лишь тогда, когда в этом есть необходимость. Но точно знаю, что при виде и запахе крови ни один вампир не сможет себя контролировать. Это им просто не под силу.

— Я смотрю, тебе многое известно, — заметил Кемен.

Ньялсага поколебался, прежде чем ответить.

— Знакомый один был когда-то… давно. Охотился на вампиров, вроде Хэрвелла.

Кемен бросил на заклинателя быстрый взгляд.

— И что? Его убили?

— Хуже, — Ньялсага опустил стекло: захотелось глотнуть свежего воздуха. — Отомстили. Поймали, обратили в вампира и отпустили.

— Зачем?

— Всех обращенных первое время сильно тянет домой. Они

стремятся найти свою семью: мужья — жен, жены — мужей. Молодые женщины разыскивают бывших женихов, женихи — невест, дети — родителей и так далее. И нет в это время для людей места опасней, чем родной дом! Ну и…

Он помолчал немного, глядя перед собой невидящими глазами, потом тряхнул головой.

— Ладно, вернемся к Трефалониусу. Задачка нам выпала из непростых, — он принялся загибать пальцы. — Сначала — обмануть старого хитрого вампира и спровоцировать его на нападение. Будем считать, что это удалось. После того, как Трефалониус вцепится в шею, неплохо было бы каким-то чудом от него вырваться, а? Молодые, только что созданные вампиры ненамного сильнее человека, но их сила со временем возрастает. Трефалониус же явно не вчера стал кровососом, значит, он очень силен.

— Да, — в раздумье проговорил Кемен. — Как бы унести от него ноги… и клинок, смоченный в крови жертвы вампира.

— Ну, а дальше уже сущая ерунда, — продолжал Ньялсага. — Заколоть Гинзогу кинжалом и справиться со Сворой. Всего-то!

Он снова взглянул через стекло на Дэберхема.

— Когда ведьма узнает, что у нас есть то, что способно ее убить, не сбежит ли она? — спросил Кемен. — Нельзя ее отпускать, рано или поздно она вернется да еще всю Свору с собой приведет!

Ньялсага отрицательно покачал головой.

— Уверен, что не сбежит. Она придет в ярость и мы на своей шкуре узнаем, что такое ее гнев.

Они надолго замолчали. Первым тишину нарушил Кемен:

— Будем действовать, как условились?

— Будем, — эхом отозвался Ньялсага.

Дэберхем посмотрел сначала на одного человека, потом на другого. В глазах ворона явно читалось сомнение.

— А что стало с тем вамп… с твоим знакомым? — нарушил молчание Кемен.

— Он… его убили, — не глядя на собеседника, ответил заклинатель. — Но перед этим он все-таки успел побывать дома.

— А кто его… — начал было Кемен, но взглянул на Ньялсагу и умолк.

Потом вынул из папки еще один листок бумаги и протянул заклинателю.

— А если что-то вдруг пойдет не так? — осторожно поинтересовался потомок Хэрвелла. — Тогда что делать?

Ньялсагу взял листок.

— «Некоторое время после обращения человек думает и

действует почти так же, как при жизни. Однако вскоре он познает непобедимую жажду крови и понимает, что его жизнь зависит от питания своими сородичами. Сознание его изменяется: он перестает быть человеком и жизнь других людей в его глазах становится все менее и менее ценной. Годы превращаются в десятилетия, затем — в века и вампир становится опасным кровожадным монстром. Так было всегда, иного пути нет», — вслух прочитал Ньялсага, скомкал листок и некоторое время сидел молча. Потом посмотрел в зеркало и встретился взглядом с Кеменом.

— Если что-то пойдет не так, — проговорил Ньялсага, глядя ему в глаза. — Тогда отрежь мне голову. А потом хватай кинжал и уноси ноги.

…Алина осмотрелась вокруг — все спокойно, насколько спокойно может быть на кладбище — и продолжила попытки уговорить своего спутника вернуться. Но разговор получался односторонним: «Бриммский василиск» отмалчивался и в диалог не вступал, так что мало помалу Алине стало казаться, что она говорит сама с собой.

— Зачем связываться с некромантом? Зачем тащиться на кладбище? Что ты доказать пытаешься? Что его не боишься? Ты пойми, кладбище — это его территория. Пока он здесь находится, ничего ты с ним не сделаешь! А вот он с тобой…

Алина сделала паузу.

Городские власти давным-давно закрыли старое кладбище, со временем оказавшееся в черте города. Ходили слухи, что погост вот-вот перенесут в пригород, а землю отдадут под застройку. Слухи, судя по всему, имели под собой почву: предприимчивые дельцы, уже начали возводить на краю кладбища огромный ангар для крытого рынка.

— Возвращайся в машину, — коротко ответил Лютер. — Закройся и сиди там.

— С какой стати? Меня-то дядюшка Фю не тронет. А вот для тебя он сейчас ночь живых мертвецов устроит!

Она умолкла и подняла голову. Окрестное воронье будто с ума сошло: с пронзительными криками птицы метались в сером небе.

Что-то происходило в мире, что-то невидимое, неизвестное до поры до времени и оттого — особенно жуткое. У Алины упало сердце.

— Вот оно, началось, — пробормотала она, вытаскивая из кармана мобильный телефон. — Почуяли нас!

— Кто? Тут же только некромант, — обронил Лютер и

огляделся. — Да и того еще отыскать надо.

Алина с досадой тряхнула головой: на дисплее высветилась строчка «Абонент недоступен».

— Только некромант?! Слушай, если ты такой умный, ответь: как думаешь, почему кладбища заборами огораживают?

— Почему?

— Чтоб удерживать тех, кто находится внутри, самонадеянный идиот! Дядюшка Фю здесь не один, а в компании. И если тебе приспичило сказать ему пару ласковых, то нужно было сделать это за кладбищенской оградой, ясно?! Там он силы такой не имеет.

Она умоляюще проговорила:

— Давай вернемся, а?

Но Лютер на ходу отрицательно мотнул головой, и Алина вздохнула переупрямить «Бриммского василиска» оказалось делом трудным.

Она еще раз попробовала дозвониться до Ньялсаги. Голос в трубке равнодушно сообщил, что абонент недоступен.

— И почему именно ты дядюшке Фю понадобился? — раздраженно проворчала Алина

Лютер пожал плечами.

— А вы зачем Гинзоге понадобились?

— Мы — другое дело. Она нас Сумеречному Ордену продаст, а в обмен за это те-кто-в-сумерках с нее проклятие снимут.

Лютер искоса взглянул на нее.

— Это те чародеи, которые на идее бессмертия свихнулись?

— Они самые. Они собственные жизни за счет чужих продляют, а с бессмертными-то это гораздо проще делать!

— Значит, вы будете донорами жизни для чародеев? — уточнил Лютер.

— Что-то вроде этого… потому мы в свое время оттуда и сбежали.

Алина оглянулась назад, на ворота. С городских улиц долетал шум движения, гудки, далекая музыка, но здесь, на кладбище, протекала своя жизнь. Уже наползал вечерний туман, окутывая деревья, отрезая территорию мертвых от земли, принадлежащей живым.

— А Гинзога… — начал Лютер, но Алина прижала палец к губам и указала взглядом на могилы.

— Не говори лишнего, нас слышат, — тихо проговорила она. — Те, кто под землей. И каждое наше слово передадут ему…

Лютер прищурил глаза, оглядывая ряды могил.

— Правда? — недоверчиво спросил он.

Алина рассердилась:

— Конечно, правда! Ничего о некромантах не знаешь, а собрался с дядюшкой Фю воевать!

— А ты знаешь?

— Знаю!

— Откуда?

Алина сердито фыркнула, но «Бриммский василиск» упрямо ждал ответа.

— Жила когда-то рядом с кварталом Некромантов, — с досадой сказала она. — Очень давно…

— Некромантов?

— Ничего особенного, обычные маги средней руки, просто ремесло у них такое, с миром мертвых связано. Но дядюшка Фю — он совсем другой. С ним связываться я бы никому не советовала!

Она выразительно посмотрела на Лютера, тот пожал плечами.

— И зачем я это говорю? — вздохнула Алина. — Ладно, пойдем. Пора продемонстрировать дядюшке Фю твою непревзойденную крутость!

…Поиски оказались короткими: дядюшка Фю обнаружился за первым же поворотом. Некромант неторопливо прохаживался между могил, будто поджидал кого-то и, заметив Лютера, довольно улыбнулся.

— А я-то думаю, сахарный мой, я-то беспокоюсь: что-то долго тебя нет! Не иначе, забыл, бросил старика, и поговорить со мной не желаешь! Или испугался — с кем не бывает? Ан, нет, вот и ты, да еще и не один! — он покивал головой, с приятной улыбкой поглядывая то на Алину, то на Лютера. — Благодарю сердечно, что заглянули. Рад, рад!

Дядюшка Фю сложил руки на животе и переплел пальцы:

— А я вот тут, вас ожидая, проведал кое-кого, — он посмотрел себе под ноги. — Да и то сказать, хороших-то людей отчего не навестить, так я говорю?

Лютер пожал плечами.

— А ты, пряничный мой, плечами-то не пожимай, — назидательно проговорил старый некромант. — Ты на заметку бери, обвыкайся! Еще денек-другой — и будешь ты, медовый мой, в полной моей власти, в полном распоряжении!

Дядюшка Фю снова ласково улыбнулся, но глаза его смотрели внимательно и жестко.

— Это мы еще посмотрим, — хмуро буркнул Лютер.

— И смотреть тут нечего, драгоценный мой! Я ведь, как тебя увидел, так и понял: вот кто мне нужен! Вот кто мне пригодится!

А что строптив да непокорен — так это, голубь ты мой, вопрос времени, только и всего. Помни об этом!

— Ты тоже помни, — отозвался Лютер. — Что и на некромантов управу найти можно. На этой земле они, говорят, раньше часто встречались, а теперь они где?

Дядюшка Фю, поглядел на Лютера и задумчиво пожевал губами.

— Убить меня, голубь ты мой, у тебя не получится, и не мечтай даже! В скором времени совсем даже наоборот выйдет. Вот, погоди — умрешь, да снова оживешь, так совсем другим станешь, ей-ей! Помогать мне будешь, во вкус войдешь!

— Не дождешься.

— Дождусь, любезный мой, еще как дождусь-то! — с добродушным смешком ответил дядюшка Фю. Он прошелся по узкой дорожке между холмиками и похлопал ладонью по чьей-то могильной плите. — Да и ждать недолго: сам посуди, что такое денек-другой? Слугой моим станешь, повиноваться будешь беспрекословно. И вся строптивость твоя — фьють! Только ее и видели! Все мы горячи до поры до времени, все непокорны… показать хотим, что не никого не боимся…

Он остановился напротив Лютера.

— Что ж, потолкуем сейчас, ты да я! Да и другие с тобой познакомиться хотят! Я уж им про тебя словечко замолвил!

Алина насторожилась. Лютер огляделся по сторонам.

— Кому?

Некромант склонил голову набок, прислушиваясь к чему-то, и кивнул.

— А вот сейчас и узнаешь!

Он оглядел ряды могил.

— Здесь, голуби мои, отличное местечко! — объявил дядюшка Фю. — Кладбище-то ведь не простое было, ох, не простое! А уж и не помнит этого никто, охо-хо! Человеческая память-то короткая, а жизнь — и того короче!

При этих словах некромант посмотрел на Лютера.

— Так я говорю?

— Непростое? — беспокойно переспросила Алина. — Так я и думала!

Старый некромант охотно пустился в объяснения:

— Тут, клубничная ты моя, самоубийц хоронили. Их, да еще людей, что насильственной смертью умерли! Душегубов-то во все времена хватало, так я говорю? — он тихонько посмеялся, глядя на людей. — Тех, кто людей невинных жизни лишал!

Дядюшка Фю заложил руки за спину и двинулся по дорожке.

Шествовал он не спеша, точно прогуливаясь, время от

времени останавливаясь, как бы прислушиваясь к неслышным голосам.

— Тролль тебя забери, — пробормотала Алина. — Вот это мы вляпались!

И, заметив вопросительный взгляд Лютера, кивнула на могилы.

— Они все умерли насильственной смертью, все до одного!

— И что?

— А то, что они злые, как бешеные псы!

Лютер пристально взглянул на могилы.

— Но их убийцы давным-давно мертвы. На кого же они злятся?

— На живых! Все это время они только и мечтали добраться до людей и разорвать их в клочья. Вот только возможности у них такой не имелось… до сегодняшнего дня. Не было некроманта, который бы им помог.

— Что они могут сделать?

Алина ощутила внутри себя ледяную пустоту.

— С тобой? Меня-то они, как ты понимаешь, не тронут, я Гинзоге нужна, а вот с тобой… да все, что угодно. Могут свести с ума, могут вырвать сердце, а могут ограничиться глазами. Это уж, как дядюшка Фю пожелает!

Некромант обернулся.

— Приятно слышать разумные речи, медовая ты моя! — ласково произнес он. — Все истинно так, как ты говоришь. А ты, голубь мой, — он перевел цепкий взгляд на Лютера. — Поймешь сейчас, кто твой хозяин. Пора, сахарный мой, проучить тебя да строптивости-то поубавить. И будешь ты шелковый, помяни мое слово!

Алина, стуча зубами, повторила вполголоса рецепт грейпфрутового конфи, но любимый рецепт не принес успокоения.

— Стой! — она сделала шаг по направлению к дядюшке Фю. Старый некромант стоял, сложив руки на груди, посмеиваясь, точно наперед знал, что скажет Алина. — Забыл про клятву? У нас еще два дня и пока они не кончились, вы и пальцем никого тронуть не можете! Гинзога произнесла клятву вслух, а ты сам знаешь, что бывает с теми, кто нарушает…

— Это у вас два дня, бессмертные, про остальных уговору не было. Но и то сказать, пряничная моя, на что ты свои последние денечки тратишь? Нашла, кого защищать, за кого заступаться! — отечески пожурил ее дядюшка Фю.

— Клятва касалась всех! Тронешь его — и я скажу Гинзоге, что ты нарушил слово! — пригрозила Алина.

Старый некромант негромко рассмеялся.

— Ох, напугала, клубничная моя! Да Гинзога мне его в полную мою власть отдала, что захочу, то с ним и сделаю!

Алина взглянула на Лютера. Ей показалось, однако, что он не слишком встревожен ситуацией: смотрит на дядюшку Фю, прищурив глаза, будто прикидывает что-то. Сразу видно, что с некромантами и их подручными дела он не имел, а потому грядущую опасность представлял плохо. А, может, надеется на защитные амулеты?

— На кладбищенской земле некромант сильней, чем обычно, — снова напомнила она. — Какое-то время амулет будет защищать, но рано или поздно ему удастся их…

Дядюшка Фю взглянул на нее с одобрением.

Алина отвела глаза.

Некромант сделал небрежный жест, проговорил что-то, потом снова сложил руки на груди и ласково взглянул на людей.

— Сердятся они, очень уж сильно сердятся, — безмятежным тоном поведал дядюшка Фю. — Вы уж, медовые мои, не держите на меня зла, это ведь я по доброте душевной уму-разуму вас учу…

Дожидаться окончания речи Алина не стала: она схватила Лютера за руку и потащила прочь.

— Бежим, бежим! — приговаривала она. — Все уже поняли, что ты храбр, как… как… как идиот, а теперь надо улепетывать! Выбраться за ограду: они не смогут ее преодолеть!

Бежать «Бриммский василиск» не собирался.

— Еще чего, — проворчал он. — Я еще с некромантом не потолковал!

— Это он сейчас с тобой потолкует! Бежим, пока не…

Но было уже поздно. Земля вдруг вскипела белым туманом, который в одно мгновение окутал все кладбище погребальным саваном.

Как ни пыталась Алина угадать, с какой стороны подберется опасность — все было тщетно: ничего невозможно было разглядеть в молочной пелене. Неожиданный порыв ветра растрепал клочья тумана, растащил по кустам, и Алина вздрогнула: совсем рядом стояли призраки. Они были так близко, что можно было коснуться рукой, вот только Алина знала точно, что ни за что на свете не дотронется до них.

Она старалась не смотреть на лица, пустые и мертвые, но все равно видела их. Ближе всех стоял пожилой мужчина, крепкий и коренастый, с пышными седыми бакенбардами и бритым подбородком. Из-за уродливого шрама, казалось, что его лицо кривится в постоянной ухмылке. Благодаря старомодному костюму он был очень похож на захудалого актера, играющего

роль дворецкого.

Алина украдкой быстро глянула-таки на призраков и тут же отвела взгляд. Судя по одежде, смерть настигла этих людей довольно давно, когда в моде были сюртуки и длинные юбки.

— Почему их только пятеро? — деловито поинтересовался Лютер.

— А тебе мало? — сердито огрызнулась Алина. — Дядюшка Фю вызвал не кого попало, а Стражей кладбища!

— Что за Стражи?

Из тумана показалась фигура дядюшки Фю.

— Тот, кто похоронен последним, тот и становится Стражем кладбища. Но пятеро сразу? — она взглянула на приближающегося некроманта. — Возможно, тела держали в городском морге, чтобы похоронить в общей могиле? А, может, они вместе погибли. При пожаре, например.

— Скорей уж, утонули, — предположил Лютер, покосившись на высокую худую женщину, чье изможденное лицо облепили мокрые черные волосы. Заметив взгляд человека, она оскалила желтые зубы.

— Со Стражами шутки плохи, они гораздо опасней обычных призраков!

Утопленницы придвинулась ближе, и опять, второй раз за день Алина услышала тихое знакомое гудение — охранное заклинание не позволяло обитателя кладбища напасть на людей. Однако спокойнее Алине не стало.

Стражи медленно двинулись вперед.

Дядюшка Фю шел следом, помахивая рукой и насмешливо посматривая на Лютера.

— Что ж, клубничный ты мой, знакомься с нашим ремеслом поближе! Я тоже с малого начинал когда-то.

— Знаю я, как ты начинал, — не теряя обычного хладнокровия, проговорил «Бриммский василиск». Он распахнул куртку, Алина увидела заткнутый за ремень джинсов пистолет. — Убивал людей, которые на твой постоялый двор забредали!

Дядюшка Фю остановился и покачал головой.

— А ведь не ошибся я в тебе! Нет, не ошибся! Человек ты дотошный, в самую суть так и зришь! — одобрительно промолвил он. — Вот и про постоялый двор узнал… молодец! А насчет того, что убивали — было бы о чем печалиться! Придет времечко, и сам попробуешь. Понравится тебе, я уж чую, еще как понравится-то!

— С чего бы это?

— Да как «с чего»? — благодушно ответил некромант, нисколько не обидевшись. — Я ведь не случайно тебя из всех людей выбрал, не случайно, медовый ты мой! Большие

способности у тебя к нашему делу имеются…

Один из Стражей, мужчина среднего роста, с длинными, редеющими волосами, с темными пятнами на бледной коже, одетый в черный поношенный сюртук, бросился вперед, протянув руки к лицу Алины. Она отскочила, с тревогой отметив, что гудение амулета сделалось тише.

— Кладбищенская земля, — в отчаянии пробормотала Алина. — Поглощает чужую магию!

Дядюшка Фю согласно кивнул.

— И минуты не пройдет, сахарная моя, как она улетучится, только ее и видели!

Алина выхватила из кармана телефон и попыталась набрать номер Ньялсаги, но другой кладбищенский Страж — вертлявый мальчишка-беспризорник, одетый в лохмотья, стремительно метнулся вперед и его скрюченные пальцы едва не вцепились в ее куртку.

Алина отшатнулась и выронила мобильник.

Стражи снова двинулись вперед, люди отступили еще на пару шагов.

Лица призраков исказились от ярости: невозможность напасть приводила их в бешенство.

Дядюшка Фю небрежно отбросил телефон носком башмака.

— Охо-хо, молодежь, — укоризненно проговорил старый некромант. — К чему все это? Чему быть, тому, как говорится, не миновать!

Он покачал головой.

— Потолкуйте с ним, — велел некромант Стражам. — А я уж присяду, погляжу…

Он отошел в сторону и присел на могильную плиту.

В отчаянии Алина снова забормотала привычные строчки.

— Что это? — недоуменно покосился на нее «Бриммский василиск». — Молитва?

— Рецепт лукового супа.

Женщина-утопленница снова оскалилась в зловещей улыбке.

— Помогает? — без тени иронии спросил Лютер.

Алина посмотрела на замерших в зловещем ожидании Стражей.

— Нет.

Лютер тоже бросил взгляд на призраков.

— Некромант говорил, через минуту защита исчезнет?

— Это правда.

— Отлично, — ни с того, ни с сего, сказал Лютер.

Алина удивилась: в голосе «Бриммского василиска» слышалась веселая злость.

— Ты сошел с ума? — догадалась она. — Не представляешь, что сейчас будет?

Договорить она не успела.

Внезапно по шеренге Стражей прокатилось оживление. Раздался нарастающий вой.

По спине Алины продрало морозом — она догадалась, в чем дело и сунула руку в карман.

— Все… — дрогнувшим голосом проговорила она.

Вместо золотого галеона на ладони лежала обыкновенная пластмассовая пуговица.

… Тусклый серый день медленно клонился к вечеру.

Ява посмотрел на залив: над морем громоздились тучи, за дальними горами было уже совсем темно.

Ява вздохнул: без чар Гинзоги тут не обошлось. Не любит мертвая ведьма солнце, да и ее свита в ясный день чувствует себя неуютно…

Он направился по улице вдоль набережной. Порывистый ветер с моря рвал тенты уличных кафе и грозил опрокинуть пестрые зонты над столиками.

Ява свернул в переулок, прошел его до конца и оказался в самой своей любимой части города: Прибрежном квартале. В другое время он выбрал бы минутку-другую побродить по узким улочкам: разноголосица и веселая толчея напоминала ему родной город, далекий и любимый, но сегодня времени на это не было. Ньялсага, недавно повидавший Дэберхема передал просьбу Цолери зайти в книжную лавку, поэтому Ява спешил.

Он миновал пестрые ряды с овощами и фруктами, свернул в проулок и остановился. Прибрежная магия снова сыграла с ним обычную шутку: переулок упирался в глухую кирпичную стену — старинную, капитальную, похожую на средневековую крепость.

Ява чертыхнулся: пару дней назад он шел к книжной лавке именно этим переулком, и никакой стены не было и в помине! А был здесь… он прищурил глаза, припоминая… ну, конечно! Вот тут, на этом самом месте находился крошечный магазинчик, торгующий певчими птицами, весь заставленный легкими ажурными клетками. И прошло всего-то ничего, а вот уже исчез магазин вместе с птицами и разговорчивым продавцом, растворился в воздухе, а вместо него появилась высокая глухая стена, преграждающая путь.

Ява с досадой оглянулся: вокруг ни души. У кого бы спросить, как выбраться из лабиринта узких улочек, живущих своей загадочной жизнью?

Словно в ответ на его мысли, тишину нарушило хлопанье

крыльев. Черный ворон плавно опустился на вымощенную крупным булыжником мостовую и вопросительно взглянул на Яву.

— Дэберхем, — тяжело вздохнул он. — Ты вовремя. Что тут происходит? Откуда взялась стена? И как мне пройти?

Ворон каркнул, взъерошил блестящие, будто лакированные, перья и вдруг съежился, растаял в вечернем воздухе. Мгновение — и вместо птицы на мостовой появился маленький хорек с белой полосой на мордочке. Он привстал на задние лапки, огляделся по сторонам и проворно шмыгнул к стене.

— Ладно, пойдем, — согласился Ява. — Только учти: я за тобой в нору не полезу!

Однако зверек привел его не к норе, а незаметной двери в стене. Стоило Яве открыть ее, как Дэберхем тут же шмыгнул внутрь и побежал дальше, время от времени оглядываясь на своего спутника. Дверь вела в крытую галерею: длинный проход под навесом, где с двух сторон тянулись нескончаемые ряды лавок и магазинчиков. Теперь Ява узнал это место: отсюда рукой было подать до книжной лавки. Хорек стремительной тенью несся впереди, держась возле стен, ныряя под столики закусочных, лавируя под ногами ничего не замечающих зевак, и вскоре привел Яву к дверям «Бродяги».

— Благодарю, — сказал он, но хорька уже и след простыл.

В книжной лавке, как обычно, царила тишина. В креслах, изучая старинные фолианты, сидели молчаливые покупатели, один из них, взобравшись на лесенку, прислоненной к стеллажам, копался на самых верхних полках, выискивая сокровища.

Ява прошел мимо книжных полок, покосившись на потемневшие от времени картины на стенах: злобные чудовища неотрывно следили за людьми и снова, уже в который раз у Явы появилась мысль: а ведь неизвестный живописец, похоже, рисовал монстров с натуры, придумать такое просто невозможно!

И в очередной раз Ява подумал, что ни за какие коврижки не остался бы в «Бродяге» на ночь: кто его знает, что тут творится? Возможно, жуткие твари покидают свои места на картинах, и бродят среди стеллажей и полок, подстерегая добычу?

Ведь был случай: как-то Бахрам, впечатленный стоимостью некоторых книг, настоятельно посоветовал Цолери установить в лавке охранную сигнализацию, а тот лишь усмехнулся и обронил: «Она мне без надобности».

Ява невольно ускорил шаг, добрался до «логова»: небольшой полутемной комнаты и предусмотрительно остановился на пороге, хотя дверь была открыта.

— Привет, Цолери. А я тут…

Тяжелое старинное пресс-папье просвистело мимо виска и ударилось в косяк.

— Вон отсюда! — свирепо рявкнул сидевший за столом Цолери. — Проклятая тварь! Когда ж ты сдохнешь?!

— … решил к тебе заглянуть, — растерянно закончил Ява. — Ньялсага сказал, ты просил зайти?

Цолери, откинулся на спинку стула.

— Прости, Ява, — виновато пробормотал хозяин «Бродяги». — Чуть тебя не убил!

— Ну, это не так-то просто, — улыбнулся тот. — В бессмертии есть свои преимущества.

Цолери сердито засопел.

— Хамское животное, — проворчал он. — Всю жизнь отравляет! Видеть его не могу!

«Хамское животное», надежно укрывшись за книжным шкафом, насмешливо поблескивало глазами.

— Входи, не стой на пороге, — буркнул Цолери, закрывая какую-то толстую книгу. — Да пресс-папье отыщи, оно там где-то валяется.

Ява поднял тяжелое пресс-папье в виде серебряной лягушки.

— Ого! Антикварная вещица, больших денег стоит, а ты ею швыряешься!

Цолери промолчал.

Ява поставил лягушку на стол и уселся в старое кресло напротив Цолери.

— Как дела у вас? — спросил тот.

— Дела у нас прекрасны, — отозвался Ява. — Вот, думаю, не пора ли дружбу с Трефалониусом да дядюшкой Фю заводить. Как-никак в одной Своре будем!

— Ну, ты погоди паниковать-то, — проворчал Цолери, зажигая еще одну свечу. В «логове», как всегда, было полутемно, на столе лежали раскрытые толстые книги. Ява подумал, что в любое время, как ни зайди, у Цолери на столе всегда лежат книги, как будто хозяин «Бродяги» тоже ищет ответ на какой-то вопрос.

— А Ньялсага где?

— С Кеменом детали обговаривает. Вроде, все мы продумали, но полной уверенности нет. И если все пойдет не так… сам понимаешь.

Он умолк.

— Будем надеяться, — негромко промолвил Цолери. Он зажег еще несколько свечей на столе и в «логове» стало светлее.

— Будем. Что еще остается? Но Трефалониус меня беспокоит, — признался Ява. — Боюсь, раскусит нашу хитрость.

Он, похоже, их тех, древних вампиров!

Цолери поставил локти на стол и соединил пальцы: руки у него были крепкие и сильные, а мускулы, угадывавшиеся под просторной темной рубахой, явно появились не от перекладывания с места на место антикварных книг.

— Из древних, говоришь? Вряд ли… древних почти не осталось.

— А кто их уничтожил? Люди?

— Нет, сами вампиры. Обычным упырям для поддержания жизни требуется человеческая кровь, но древние не могут ее пить. Чтобы прокормиться, им нужна кровь других вампиров. Поэтому как-то раз обычные кровососы, которых стало довольно много, объявили войну древним, истребили почти всех. Ну, а те, что остались, вряд ли будут шляться по другим мирам! Трефалониус, судя по вашим рассказам, существует уже долго, чтобы стать опытным и опасным, но он не из древних!

Цолери подумал о чем-то и усмехнулся.

— Ты же знаешь, что самым первым вампиром был человек, которого прокляли?

Ява кивнул и Цолери продолжил:

— Потом он на свою беду встретил сильную и могущественную ведьму, она-то и научила его использовать кровь для магических обрядов и создавать других, подобных себе. Темные то были времена! — Цолери покачал головой, неотрывно глядя на пламя горевшей свечи, точно припоминая что-то. — Вампиры распространялись по всему свету, сея хаос и ужас. Они создавали могущественные кланы, открыто правили смертными и держали в крепкой ночной хватке и бедных крестьян и влиятельных лордов!

Из-за шкафа шмыгнула быстрая тень хорька, растеклась на полу черным пятном, а в следующую секунду ворон Дэберхем плавно взлетел на шкаф и, замер там, нахохлившись, слушая речь хозяина и глядя перед собой так, словно видел не полутемную, освещенную свечами комнату, а что-то совсем другое, далекое.

— Казалось, так будет продолжаться вечно, но…

Цолери прищурил глаза.

— Перед смертельной опасностью объединились Ордена большинства храмов, и появилось что-то вроде средневековой Инквизиции, что существовала когда-то в этом мире. Храмовые рыцари, а было их немало, противостояли вампирам. Это была работа на долгие годы, на десятки лет!

Цолери взглянул на ворона.

— Мстительные смертные огнем и мечом прошлись по землям, зараженным нечистью. Вампир за вампиром были

извлечены из гнезд и ввергнуты в огонь или солнечный свет. Истребить всех не удалось, но их стало меньше, гораздо меньше. С той-то поры они и стали опасаться людей и скрываться от них!

— Что-то такое я слышал, — пробормотал Ява, копаясь в памяти. — Встречал упоминание в одной из книг, что ты доставал.

— А о том, что в том походе против вампиров рыцарям Ордена помогали оборотни, слышал? Вампиры — их заклятые враги, между ними давняя война не на жизнь, а на смерть.

Ява поднял брови.

— Оборотни? Так это правда?

— Правда, — усмехнулся Цолери. — Среди храмовых рыцарей их было немало. Они, как ты понимаешь, свою вторую сущность не афишировали, так что люди порой и не догадывались, кто сражается с ними бок о бок. Хотя, те, кому надо было — те знали. Ну, и вампирам, конечно, было известно. Но это долгая история, — добавил он, заметив, что Ява собирается спросить о чем-то. — Расскажу как-нибудь при случае.

Ява кивнул.

— Но, — начал он, помедлив. — В Своре, я гляжу, они уживаются? Трефалониус — вампир, а Мунго-лис — оборотень.

— Проклятый оборотень, — поправил Цолери. — Думаю, что оборотни изгнали его: никто не станет терпеть в стае проклятого. Он оказался в Своре и быстро смекнул, что враждовать с Трефалониусом — себе дороже.

— Вот оно как… — задумчиво протянул Ява.

Они помолчали.

— А я ведь тебя не просто так попросил заглянуть, — хозяин «Бродяги» перевел разговор на другую тему. — Я тут пару книг раздобыл, — он поднялся из-за стола и направился к шкафу, что стоял в углу «логова». — Передай Ньялсге, да и сам прочти. Книги толстые, изучать времени нет, так что начинайте сразу с разделов про амулеты.

Как всегда, беседуя о книгах, Цолери преображался: пропадал, хоть и ненадолго, его суровый вид, исчезал хмурый взгляд, а иной раз на губах даже мелькала сдержанная улыбка.

Он отворил скрипучую дверцу шкафа и вынул два толстых фолианта, обтянутых потертой коричневой кожей.

— Человеческая? — не удержался Ява, кивнув на книги.

— Кожа? — хозяин «Бродяги» усмехнулся. — Нет, самая обыкновенная, — он пригляделся к обложке. — Похоже, выделывали ее горные гоблины, знакомые с магией. Они же и застежки делали.

Он снова уселся за стол.

— Видишь? — Цолери указал на серебряные книжные застежки, похожие на львиные лапы.

— Не всякий такую книгу не откроет, тут особые заклинания нужны или еще кое-чего…

— Тогда как же… — заикнулся было Ява.

Цолери, словно не слыша его, спокойно осмотрел застежки, кивнул сам себе и разомкнул львиные лапы.

— Мне эти книги только-только доставили. Вы уж поаккуратней с ними! Хозяин библиотеки, откуда эту редкость умыкнули, существо крайне недружелюбное, если книгу попортите, может и обидеться! Расхлебывай потом…

Ява нетерпеливо посмотрел на книги.

— Что здесь?

— Сдается мне, существует способ захлопнуть дверь между мирами, — многозначительно ответил Цолери. — Раз и навсегда! Вот, почитай.

Он пододвинул книгу, открытую на нужной странице.

Ява углубился в чтение.

Цолери терпеливо ждал, откинувшись на спинку стула, посматривая время от времени через открытую дверь на безмолвных посетителей книжной лавки, бродивших между стеллажами.

Наконец, Ява поднял голову.

— Фарфоровый медальон Гинзоги! Это он дает ей возможность скользить между мирами!

Хозяин «Бродяги» кивнул.

— Завладей им — и дорога ведьме будет закрыта, — проговорил он. — И не только ей. Конечно, по доброй воле она с ним не расстанется, но…

Ява выхватил из кармана телефон и торопливо набрал номер.

— Не отвечает… наверное, Ньялсага все еще с Кеменом разговаривает.

Он вскочил на ноги.

— Спасибо. Поеду я, а по пути попробую еще раз дозвониться до Ньялсаги. Надо подумать, как заполучить медальон Гинзоги!

— Легко сказать, — вздохнул Цолери.

Ява прищурил глаза.

— А мы ее хорошо попросим!

Он направился к выходу и Цолери, против обыкновения, проводил его до самой двери.

— Будьте очень осторожны, — сказал он напоследок. — Скорее всего, медальон защищен заклятьем, не хуже, чем арбалет, что висит у ведьмы на поясе. Удачи!

Ява кивнул и исчез.

Цолери вышел в лавку, где, прижимая к груди счастливо найденный томик какого-то редкого издания, поджидал его постоянный покупатель: старичок-букинист.

Расплатившись за покупку, букинист ушел, а хозяин «Бродяги» запер дверь, прошелся между книжных стеллажей, внимательно посматривая на картины с нарисованными чудовищами, и вернулся в «логово». Усевшись на свое обычное место, Цолери звякнул ключами и выдвинул ящик стола. Дубовые шкафы, что стояли у стен, были битком набиты редкими вещами и драгоценными книгами — и ни один из них не запирался. Под замком находился один-единственный ящик стола и здесь Цолери хранил то, что к торговле старинными книгами не имело никакого отношения.

Вначале в его руках оказалась что-то вроде серебряной подвески, висевшей на потертом кожаном шнуре. Случайному человеку эта вещь не сообщила бы почти ничего, но человек бывалый сразу признал бы воинский амулет, без которого ни один воин не выходил на битву. Цолери повернул амулет. Тускло блеснуло старинное серебро, мелькнул какой-то знак, оттиснутый на серебре, но разглядеть его в полутьме смогли бы разве что зоркие глаза Дэберхема.

Цолери бережно положил амулет на прежнее место и вынул другой предмет. Когда-то неизвестные мастера срезали ивовый прут, согнули в кольцо, оплели кожаной полосой, на витых шелковых шнурах прикрепили к кольцу связку пестрых птичьих перышек, добавили несколько крохотных, с человеческий ноготь, бронзовых колокольчиков — и появился талисман, приносящий удачу, отгоняющий беды и несчастья. Долгий путь проделал он, прежде чем попасть в руки хозяина «Бродяги» и много лет лежал в книжной лавке, запертый в столе стола, словно никому на свете не нужны были больше ни счастье, ни удача.

Цолери приподнял амулет повыше, рассматривая яркие перышки.

Мало кому доводилось встречать птиц со столь необычным оперением, но хозяин «Бродяги» хорошо знал, где они водятся.

Он встал из-за стола, подошел к окну и поднял бамбуковую штору.

Морщась от вечернего неяркого света, Цолери посмотрел на серое небо, нависшее над заливом, на клубившиеся вдали темные тучи и щелкнул тугим шпингалетом.

В лицо пахнуло морским ветром, свежестью, близким дождем.

Цолери повесил на оконную створку амулет и пробормотал несколько слов на древнем языке, когда-то живом, а ныне —

мертвом, давно и прочно всеми забытом. Теперь пестрая птица, на чьих крыльях прилетают счастье и везение, непременно заметит знак и принесет удачу тем, кто в ней сейчас отчаянно нуждался.

Потом хозяин «Бродяги» опустил штору и отошел от окна.

Ветерок колыхнул амулет. Перышки затрепетали на ветру, бронзовые колокольчики звякнули. Черный ворон, сидевший на спинке стула, прикрыл глаза и погрузился в раздумья.

…Алина частенько размышляла, что если бы не нарушили они в свое время границы между мирами, если бы не приходилось тратить кучу времени и сил на «попаданцев», она посвятила бы свою жизнь исключительно приятным занятиям: запугиванию пятиклассника Соловьева и кулинарии.

Это была бы поистине прекрасная жизнь!

Но, к сожалению, действительность не имеет ничего общего с мечтами. Помимо мирного увлечения кулинарией, Алине частенько приходилось сталкиваться с самыми разными существами, и опыт научил ее чрезвычайно эффективному способу общения с ними: в случае опасности бежать со всех ног.

Трудно устоять на месте, когда навстречу тебе несутся разъяренные Стражи кладбища, а ты твердо знаешь, что на охранные заклятья рассчитывать уже не приходится. В этот раз поступить так Алина, к сожалению, не могла: ее спутник бежать не собирался, а бросить Лютера она не могла.

Он сунул руку в карман и вынул какой-то небольшой предмет.

— Закрой глаза! — скомандовал Лютер. Голос его звучал непривычно весело.

— Что? — непонимающе переспросила Алина.

— Закрой глаза. И не открывай, пока не скажу!

Алина крепко зажмурилась. Сквозь сомкнутые веки полыхнула белая вспышка, потом еще одна.

— Что это?

— Можешь открыть, — услышала она.

Алина открыла глаза. Стражи кладбища пропали, словно их и не было. Резко пахло плесенью и затхлой водой.

— А… где они? — она огляделась. — Исчезли?! Но как… что ты сделал?

— Яркий свет, — довольным тоном пояснил Лютер. — Призраки его боятся. Вспышка отправила их обратно, туда, откуда они появились.

Алина покосилась на странный предмет в его руке, похожий на маленький цилиндрик.

— Что это?

— Очень хорошая штука. Нажимаешь кнопку, бросаешь под ноги преследователю — и ему гарантирована полная потеря зрения на несколько минут. Главное, самому не забыть зажмуриться.

Он убрал предмет в карман куртки.

— Я примерно догадывался, что может устроить некромант, и тоже подготовился.

Дядюшка Фю поднялся с могильной плиты и неодобрительно покачал головой.

— Ну-ну, голубь ты мой, да неужто ты думаешь, что этим все и кончится? Рано радуешься!

Алина заторопилась.

— Послушай, Фюзорис, мы хотим просто уйти и…

— Помолчи-ка ты, клубничная моя, — оборвал ее некромант. — С тобой разговор еще впереди будет, и не мы с тобой говорить станем, а чародеи Ордена. Уж они с тобой, сахарная моя, поговорят! Уж они побеседуют!

«Бриммский василиск», вскинул руку и, не целясь, выстрелил в грудь некроманта.

Дядюшка Фю остановился. Алина вздохнула.

— Ты бы еще из рогатки в него выстрелил, умник.

Некромант улыбнулся и вытянул вперед руку, сжатую в кулак.

— Напрасно все это, сахарные вы мои. Ох, напрасно!

Он разжал кулак. На песок упала пустая гильза.

— Ему это как с гуся вода, он же не человек!

— Ничего, лишним не будет, — голос Лютера по-прежнему оставался спокойным. — Может, дойдет до него, наконец, что моя жизнь — не в его руках!

— Ах, голубь ты мой, — сказал дядюшка Фю так ласково, что у Алины побежали мурашки по спине. — Что жизнь? В руках моих — твоя смерть, а это, сахарный ты мой, посерьезней… жизнь-то, она короткая, а смерть — она ведь куда дольше тянется! И ничего ты мне сделать не сможешь, ни убить, ни…

«Бриммский василиск» прищурил глаза.

— Посмотрим, как тебе вот это понравится! — процедил он сквозь зубы.

Грохнул выстрел, пуля попала некроманту точно в грудь.

И тут Алина увидела невероятное.

Дядюшка Фю вдруг резко остановился, точно налетел на невидимую стену. Он пошатнулся, прижал руку к груди и поднял глаза на Лютера. Взгляд старого некроманта выражал безграничное изумление и даже замешательство, которое в

следующую минуту сменилось злобой и яростью.

Алина и до этого догадывалась, что когда Лютер попадет в лапы дядюшки Фю, придется ему несладко, но сейчас, при виде бешенства, появившегося в глазах некроманта, ей сделалось по-настоящему жутко.

— Что ты сделал? Что это было?

— Вторая и третья пули — серебряные.

— Но серебро не действует на некромантов!

— Смотря какое, — хмыкнул «Бриммский василиск». — Фамильное серебро, передающееся из поколение в поколение обладает удивительными свойствами. Это я у Кемена в записях вычитал, да все не было случая, чтобы проверить, правда это или нет!

Он в упор взглянул на некроманта.

— Ну, и как тебе? Все еще хочется поговорить?

— Откуда у тебя фамильное серебро?! — поразилась Алина.

— Завалялась парочка чайных ложек, — небрежно сообщил Лютер.

Дядюшка Фю медленно выпрямился и отнял руку от груди.

Увидев выражение его лица, Алина попятилась.

— Вот оно как? — очень тихо проговорил некромант. Показная ласковость исчезла из речи некроманта, теперь в голосе его не было ничего, кроме безграничной ненависти. — Ладно, голубь мой, как знаешь…

Дядюшка Фю оперся на покосившийся гранитный памятник, точно старому некроманту трудно было держаться на ногах.

— Не будет тебе теперь ни легкой смерти, ни легкой жизни после смерти… запомни это!

Лютер не стал тратить время на разговоры.

Пуля фамильного серебра ударила в обелиск, выбив искры и гранитную крошку, но на том месте, где мгновением раньше находился некромант, уж никого не было. Дядюшка Фю исчез.

Долгое мгновение тянулась мертвая тишина, а потом будто кто-то повернул выключатель и включил звук. Алина услышала шум города, автомобильные гудки, чьи-то далекие голоса и обрывки музыки.

— Ну, — процедил «Бриммский василиск», обводя взглядом тихое кладбище. — И кто кого проучил?

Алине очень хотелось высказать ему все, что накипело, но она сдержалась, махнула рукой и направилась к выходу. И пока шла, ей не встретились ни Стражи, ни другие обитатели заброшенного погоста.

…Лютер остановил машину возле подъезда.

— Тебя подождать? — лениво поинтересовался он. — Могу довезти до вашего агентства или куда там тебе еще требуется.

Алина отрицательно мотнула головой: общением с «Бриммским василиском» она была сыта по горло.

— Как знаешь, — сказала он, и протянул Алине ее собственный мобильный телефон. — Держи.

— Когда ты его найти успел?

Лютер пожал плечами.

— Спасибо, — бросила Алина и грохнула дверцей машины изо всех сил.

Терять время, заезжая домой, не хотелось, но деваться было некуда: во-первых, надо было проверить, что поделывают неразлучные друзья — пятиклассник Соловьев и гном Фикус, а во-вторых, выяснить, почему пятиклассник не отвечает на телефонные звонки. Нелишне было и переодеться: разгуливать по городу в перепачканных землей джинсах было не в привычках аккуратной Алины-барракуды.

Она отперла дверь ключом и прислушалась. Обычно, гном Фикус первым выбегал в прихожую, приветствовать Алину, но сейчас в квартире царила тишина, лишь негромко лопотал что-то о погоде маленький приемник-транзистор, стоявший в кухне на окне.

Алина замерла на пороге. Показалось ей, что такая вот тишина — дурной знак. Одно дело, когда в квартире тихо, потому что в соседней комнате Соловьев и Фикус собирают очередной пазл или строят из Лего сказочный замок. И совсем другое — безмолвие пустого дома.

Алина насторожилась.

— Эй, гном, — негромко позвала она из прихожей. — Фикус!

Никто не отозвался.

Алина осторожно двинулась в гостиную, на всякий случай прихватив с со столика в прихожей большое медное блюдо с чеканкой. Блюдо она приобрела совсем недавно на школьной ярмарке ремесел, прельстившись затейливым рисунком, изображавшим гору всякой снеди: булочек, пирожков и плюшек. Делали чеканку мастера-умельцы из девятого класса «Б», поэтому булочки получились кривоваты, пирожки напоминали разношенные тапки, а плюшки и вовсе поражали воображение невиданными пропорциями. Но Алина, памятуя о своих планах превратить агентство «Аргентина» из филиала городской свалки в современный, изысканно оформленный офис, представила, как украсит стены небольшая декоративная деталь — и тарелку купила.

Держа медное блюдо, как рыцарский щит, Алина-барракуда

вошла в гостиную и замерла, осматриваясь, не увидит ли чего подозрительного.

Потом со всеми предосторожностями открыла дверь в комнату: Фикуса не было.

— Гном пропал! — испугалась Алин-барракуда. — И что за день сегодня! Свора, ожившие покойники, гном — хуже не бывает!

Она заглянула в другую комнату и поняла, что бывает и хуже: вместе с гномом исчез и пятиклассник Соловьев.

… Увидев пустые комнаты, Алина окаменела. Душа ее рухнула куда-то вниз: сначала, как и полагается, в пятки, потом, пробивши все три этажа — глубоко в землю. Медное блюдо, изукрашенное двоечниками из девятого «Б» брякнулось на пол, задребезжало, заныло и откатилось в сторону. Алина выскочила из квартиры и в панике принялась колотить кулаком по кнопке лифта.

Старый лифт, лязгая и кряхтя, как разбуженный дракон, неспешно пополз вверх. Дожидаться Алина не стала: бросилась вниз по лестнице, едва не затоптав соседку-пенсионерку, как на грех оказавшуюся на пути, и выскочила во двор.

Во дворе Алина-барракуда метнулась сначала в одну сторону, потом — в другую, сгоряча пробежала до трамвайной остановки, потом взяла себя в руки и попыталась успокоиться. Это оказалось делом нелегким: пришлось четыре раза прочитать рецепт германских рождественских пряников и один раз — вслух и с выражением — рецепт блюда для истинных гурманов «Петух в красном вине по-бургундски».

Произнеся завершающие строки: «На гарнир рекомендуется отварить молодую спаржу и подать ее теплой», Алина повернулась и побежала домой. В квартире, все еще бормоча о хитростях приготовления молодой спаржи, она сняла трубку телефона и набрала номер, выпалила пару слов, а потом брякнула ее так, что медное блюдо на полу подпрыгнуло и зазвенело: видно, чтение рецептов снова дало осечку и не принесло желаемого успокоения мятущейся душе Алины.

…Минут через пятнадцать в квартире появился Ява.

Расстроенная Алина окинула его хмурым взглядом и фыркнула.

— Что? — поинтересовался он. — Нет закона, запрещающего хорошо выглядеть при спасении мира. Ньялсаге не звонила?

Алина помотала головой.

— Правильно. У него сейчас и без твоего детского сада

проблем хватает, сама знаешь. Ох, Алина, не было у нас хлопот, так ты вздумала…

— Как ты можешь так говорить?! — взвилась она. — А вдруг дети прямо сейчас, в этот самый момент, находятся в страшной опасности! В городе: мертвая ведьма, вампир, некромант! А если Соловьева Гинзога похитила? Или кто-нибудь из ее подручных?!

— Зачем? — хладнокровно осведомился Ява.

— Как зачем?! Ты ее прошлое вспомни! Ее ведь и прокляли из-за детей!

Он направился в комнату, которую Алина временно отвела под детскую.

— Если Гинзога похитит пятиклассника Соловьева, то я ей не завидую…

Ява остановился на пороге и окинул комнату задумчивым взглядом: коробки с пазлами, разбросанный по полу конструктор, книжки, парочку пустых коробок из-под пиццы, заклеенных яркими рекламными листовками.

— Ну, как говорят в таком случае сыщики из детективов: «Следов борьбы не обнаружено», — сообщил он.

— И что это значит? — недовольно спросила Алина.

— А значит это то, что твои подопечные скорее всего сами из дома свинтили.

— Не может быть! Сгилла на дверью…

Вдруг Алина ойкнула и умолкла, не договорив.

— Снова забыла замкнуть? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, осведомился Ява. — Алина, я тебя в последнее время просто не узнаю. Что с тобой творится? Ты же никогда ничего не забывала!

— Я замкнула, замкнула, — виновато отозвалась она. — Но торопилась, и второе заклинание до конца не дочитала… видимо. Но дверь-то была на замке, а ключ — вот он!

Алина вынула из сумки ключ и покрутила перед носом Явы.

— Надо звонить Ньялсаге, пусть приедет, посмотрит. И если обнаружит следы магии…

Она в ужасе умолкла.

— Я чувствую, это похищение! Гинзога! А если не она, то какой-нибудь маньяк. Вел наблюдение за домом, выслеживал… маньяки — они такие целеустремленные!

— Маловероятно, — сдержанно отозвался Ява.

Он прошелся по комнате, осторожно переступая через разбросанные на ковре вещи.

— Когда ты собиралась отвезти Соловьева домой?

— Сегодня вечером. Мы же на рассвете гномов отправляем, забыл?

— Помню, — Ява внимательно осматривал комнату. — И Фикус и Соловьев об этом знали, так?

Алина подняла с полу книгу «Занимательная география» и поставила на полку.

— О чем?

— О том, что сегодня их дружбе конец.

Она пожала плечами.

— Наверное. Я Соловьеву еще утром сказала, что его бабушку после обеда выписывают, стало быть, пора ему домой.

Алина опустилась на диван, но тут же вскочила, будто подброшенная пружиной.

— Может, в милицию заявить?

— Давай, давай, заявляй, — с готовностью согласился Ява. — Скажи, пусть овражного гнома ищут, особые приметы дай: рога. Вот в милиции порадуются!

— Но куда же они делись?!

— Ну, мало ли куда…

— А дверь, дверь как открыли? Ты на замок посмотри! Я его в дорогом магазине покупала, половину зарплаты отдала. Слышал бы ты, как продавец его расхваливал! Немецкий замок отличного качества и повышенной надежности!

Ява кашлянул.

— Это продавец так сказал? И стоит, говоришь, дорого? Гм… ты, Алина, не обижайся, замок отличный, но… Бахрам его недавно вилкой отпирал.

На мгновение она потеряла дар речи.

— Что? Зачем?

— Показывал, как у них в Легионе один лепрекон гномской работы сейф с казной вскрывал.

Кипя от возмущения, Алина взглянула на телефон — не иначе, хотела высказать кое-кому кое-что, но подумала — и отложила разговор на потом.

— И что? — сухо осведомилась она. — Открыл?

— Лепрекон? Конечно, открыл. Обворовал казначея на сумму…

— При чем тут лепрекон?! Бахрам!

— А, Бахрам… да, за пять минут справился. Очень просил тебе об этом не говорить.

Алина молча прошла в прихожую и уставилась на самодовольно поблескивающий металлом немецкий замок «повышенной надежности».

— Нет, не верю, — категорическим тоном проговорила она.

— Соловьеву такое не по зубам.

— Соловьеву-то, может, и не по зубам, а вот гному…

смышленый, зараза, оказался! Да и с магией, видно, знаком: видишь, в охраннной сгилле пару элементов стер? Поэтому она их и выпустила. Конечно, если бы ты ее по всем правилам замкнула, он бы ее и не увидел, — не удержавшись, добавил Ява, но взглянул на убитую горем Алину и вздохнул.

— Ладно, не переживай, разберемся. А, кстати, куда это вы с Лютером ездили? Так таинственно исчезли… он тебя, часом, не в ресторан возил? Нет? А куда?

— На кладбище, — процедила она.

Ява поднял бровь.

— Ого! Да он оригинал, знает, чем девушку заинтриговать! Я бы до такого не додумался.

— Где уж тебе, — буркнула Алина и коротко поведала о недавних событиях. — Видел бы ты Стражей! У меня до сих пор мурашки по коже. Ловко он нас заманил, проклятый некромант!

— Он вас на «слабо» взял, а вы и повелись, как маленькие, — неодобрительно заметил Ява. — А что имел в виду дядюшка Фю, когда говорил, что у Лютера большие способности к делу? К какому делу? К некромантии, что ли?

Алина подняла с пола медное блюдо и положила на стол.

— Вряд ли. Скорее всего, к убийствам, — неприязненным тоном ответила она. — Ну, что делать будем? Ньялсаге звонить?

Ява присел на корточки и принялся изучать рекламную листовку, приклеенную на коробку из-под пиццы. Яркий и красочный листок рекламировал пиццерию, открывшуюся недавно в павильоне детских развлечений на набережной. Фотографии детского центра сверкали глянцем и сулили невиданные развлечения: были там и карусели, и игровые автоматы, и надувные батуды, имелся даже «Лабиринт страха и ужасов».

Алина сняла телефонную трубку.

— Все, я звоню! Надо немедленно начинать поиски. Проклятый пятиклассник! Что я его бабушке скажу? Что ее внук шляется по городу и может натолкнуться на мертвую ведьму или оборотня?!

Ява аккуратно оторвал от коробки рекламную листовку.

— Не надо, — он сложил листок вдвое и сунул в карман. — Кажется, я знаю, где их искать.

…На парковке возле набережной агент Ява остановил машину. Погода портилась: нависло над морем низкое небо, ветер трепал пеструю гирлянду флажков над бортом огромного грузового парома, подходившего к пирсу, покачивались на волне катера, и чайки, сражаясь с порывами ветра, обсуждали погоду

пронзительными резкими голосами. От набережной рукой было подать от Прибрежного квартала, самого загадочного и странного места в городе. Там, надежно укрытая в лабиринтах улочек, пряталась книжная лавка «Бродяга», где в компании Дэберхема и чудовищ на старых картинах, коротал время Цолери. Ява вылез из машины и огляделся, но ворона не увидел. Оно и понятно: у Дэберхема имелись дела поважней, чем поиски пятиклассника Соловьева.

Ява вытащил из кармана рекламную листовку и развернул.

— Девятый пирс, ага. Ну, что ж…

Он пошел по набережной, поглядывая по сторонам. Непогода, конечно, омрачала горожанам летние деньки, но по-прежнему прохаживались у моря уличные фотографы, прихлебывая горячий кофе из картонных стаканов, в нарядных ресторанчиках сидели веселые туристы, в кофейнях устроились студенты, надежно отгородившись от окружающего мира штабелями учебников, а возле крошечных кинотеатров толпились зрители. На открытых жаровнях готовили каштаны, летел по ветру вкусный сизый дым. Горячую скорлупу разбивали специальным молоточком, и стоял такой треск, что казалось, что продавцы и покупатели устроили перестрелку.

Ява дошел до девятого пирса и снова сверился с листком.

Если реклама не обманывала, то здесь, за зеркальными дверьми находился игровой павильон с невиданным аттракционом «Сказочное царство». У дверей, охраняя вход в «царство» стояла фигура надувного вампира, преувеличенно страшного, с выпученными глазами и окровавленными клыками, торчащими изо рта.

Ява щелкнул упыря по носу и вошел.

Рекламная листовка не соврала: внутри громадного павильона раскинулось настоящее царство. Населено оно было таким количеством маленьких детей, что Ява на мгновение струхнул. Карапузы прыгали на батудах, катались с горок, ели мороженое, играли с клоунами и галдели так, что ему показалось, будто попал внутрь сломавшейся музыкальной шкатулки. Все механизмы шкатулки ни с сего, ни с того вдруг взбунтовались, колесики завертелись в разные стороны, молоточки застучали невпопад, и такой пошел треск да звон, что хоть уши затыкай!

От наплыва таких буйных граждан любое сказочное царство должно было затрещать и рухнуть, но Ява, подумав, решил, что граждане были пока что малы и настоящего, качественного урона причинить не могли. Для настоящей разрухи требовались люди посолидней, поопытней, возраста, примерно, пятиклассника Соловьева.

Ява поспешно прошел через зал и нырнул в следующий. Здесь находился уютный кинозал, украшенный гирляндами воздушных шаров. На экране нескончаемой чередой шли мультфильмы, сладко пахло попкорном, тихо гудел и мигал огоньками автомат с напитками и шоколадом.

Здесь агент Ява тоже не задержался: прочесал внимательным взглядом зрительские ряды и двинулся дальше.

Едва он очутился на пороге следующего павильона, едва глянул на красочный плакат возле входа, обещавшие незабываемые впечатления смельчакам, решившимся посетить «Лабиринт страха и ужаса», как понял, что пришел именно туда, куда и требовалось.

Тут веселилась публика постарше и «Лабиринтом ужаса» напугать ее было не так-то просто. Впрочем, и кроме лабиринта имелись развлечения на любой вкус: огромный яркий батуд, ряды игровых автоматов, искусственные пальмы, опутанные лианами, по которым можно было залезть хоть до потолка и, конечно же, стеклянные киоски с мороженым и прилавки со сладостями. А, главное — посреди просторного павильона возвышалась огромная золотая карусель с лошадками. Карусель вращалась медленно, точно во сне и лошадки с золотыми гривами плавно скакали вверх-вниз.

Ява постоял возле дверей, понаблюдал за происходящим, отыскал кого-то взглядом и кивнул сам себе с таким видом, будто ничего иного увидеть и не ожидал.

Потом он направился к ярко освещенной будочке, получил из рук девушки в костюме феи с воздушными прозрачными крылышками картонный стаканчик с кофе и отыскал место, где бы можно было ненадолго присесть.

За столиком, возле джунглей из искусственных пальм агент Ява пил невкусный теплый кофе, поглядывая то на часы, то на золотую карусель, все продолжавшую свое медленное кружение. Про Гинзогу, Свору и клуб «Химера» думать не хотелось. Тихо зазвенел в кармане телефон.

— Все в порядке, — сообщил Ява, не дожидаясь вопроса. — Я их нашел.

Из трубки донесся облегченный вздох. Было ясно, что с плеч Алины-барракуды свалилась не просто гора, а целый горный хребет.

— Слава небесам! А то я уже тут… так что? Везешь их домой?

Ява помедлил с ответом.

— Нет пока что…

Алина снова всполошилась.

— Нет?! Почему нет?! Где они? Что делают?

— Катаются на карусели.

— Что?!

— Катаются на карусели, — раздельно повторил Ява.

— На какой кару…

— Скоро привезу, — на полуслове оборвал он Алину и выключил телефон. Затем Ява посмотрел на стакан с кофе, поморщился, отодвинул его в сторону и, откинувшись на спинку шаткого пластикового креслица, стал смотреть на проплывающих мимо нарядных лошадок, украшенных бантами и бубенцами.

Пятиклассник Соловьев и гном Фикус, для конспирации облаченный в школьную форму пятиклассника и соломенную шляпу Алины-барракуды, прокатились на карусели десять раз подряд, попрыгали на батуте и умяли три банана на двоих.

Судя по гримасам, которые они строили друг другу, настроение у беглецов было отличное и угрызения совести их не мучили. Они покрутились возле игровых автоматов, поглазели на «Лабиринт страха и ужаса» и долго сосредоточенно пересчитывали скудную наличность, обнаруженную в карманах пятиклассника. Потом, разжившись пакетиком с горячим попкорном, Соловьев и Фикус двинулись, наконец, к выходу.

Ява поднялся и пошел им навстречу.

… В агентстве было тихо. На всякий случай, Ньялсага заглянул в другую комнату: взглянуть на гномов. Гости спали, растянувшись прямо на полу — заклинание крепко держало в волшебном плену. Разбудить их Ньялсага собирался только под утро, не раньше: беседа с несообразительными гномами требовала неимоверных умственных усилий и колоссального терпения, и тратить силы на разговор не хотелось.

Притворив за собой дверь, он вернулся в большую комнату и только сейчас заметил на стуле черный плащ и плеер: значит, Ява совсем недавно был здесь и умчался куда-то по важному делу.

— Сейчас приедет, — сказал Ньялсага Лукерье, внимательно обнюхивающей плащ. — Может, пожевать поехал купить или еще что.

Он уселся в любимое кресло, старое и продавленное, и положил на стол тяжелый фолиант. Какое-то время Ньялсага просто сидел, обдумывая события завтрашнего дня, изо всех сил пытался подавить тревогу, потом вздохнул и открыл книгу, которую передал ему Цолери. Сам хозяин «Бродяги» по-прежнему не покидал книжной лавки, сидел, затаившись в своем логове, точно зверь, подстерегающий добычу.

— Такой уж он человек: не любит суеты, — пояснил Ньялсага собаке. — А что до новостей, так на то Дэберхем имеется.

На мгновение он задумался, уместно ли слово «человек» применительно к Цолери, но тут же выбросил это из головы: не до того.

Он принялся осторожно переворачивать страницы толстого фолианта, украшенные кое-где рисунками, изображением магических печатей и пентаграмм. Ньялсага догадывался, что труд переписчиков невероятно утомителен и скучен, хоть и считалось, что переписывание рукописей — самая благородная работа на свете, самый возвышенный труд.

Однако, и буквы и рисунки были выполнены с невероятной тщательностью и прилежанием: переписчикам прекрасно было известно, что любая их ошибка, даже самая незначительная, грозит ужасной смертью тому, кто воспользуется сгиллой с пропущенным элементом или текстом заклинания с неправильно поставленной запятой. Кроме того, переписчики знали о существовании демона по прозвищу «Придирчивый»: с мешком, полным пропущенных букв, он поджидает после смерти каждого нерадивого писца и жестоко наказывает за ошибки!

Ньялсага мысленно вознес переписчикам короткую благодарственную молитву и приступил к чтению, выбрав главу, в которой рассказывалось не только о мертвых ведьмах, но и о тех беднягах, которые имели несчастье столкнуться с ними на своем пути. Особо было отмечено, что больше всего не повезло тем, кто по какой-то причине мог оказаться полезным ведьмам.

Заклинатель перевернул несколько страниц.

— Вот и о нашей красавице кое-что есть, — вполголоса сообщил он Лукерье. — Как же, известная личность! Знали ее под именем «Сожженная ведьма»… ну, почитаем: «Ее появление может вызывать странные события — штормы, ураганы, грозы, смерть скота. О приближении проклятой ведьмы можно догадаться также по поведению единорогов. Они…». Единорогов-то откуда взять? — с досадой спросил сам себя заклинатель. — А вот еще: «Практически неуязвима. Единственное оружие, способное убить — маленький арбалет, который она всегда носит с собой. Арбалет изготовлен»… ну, это мы уже знаем… почитаем лучше, чем Гинзога занимается…

Он пробежал глазами строчки.

— Трудится, хлопочет, не покладая рук: заключает сделки, вербуя в свою Свору… страсть к заключению сделок? Это у нее от папаши-демона, не иначе! Всех к себе гребет: смертным — обещает бессмертие, проклятым — отмщения, алчным — несметных богатств. Ну, что требует взамен, говорить не будем, и так ясно… а, вот и про амулет…

Ньялсага снова принялся читать, по давней привычке,

негромко проговаривая слова вслух. Лукерья терпеливо ждала.

— С медальоном ясно. Хорошая вещь и очень бы нам пригодилась. Как бы уговорить Гинзогу не жадничать, а нам его подарить? Разве что обменять? Но на что? — он задумчиво покусал губы. — А вот чудненькая история, жизнеописания, так сказать, трудовых будней нашей милой подружки. Слушай, Лукерья…

Он снова уткнулся в книгу.

— Гинзога хотела заполучить в Свору четырех магов-сновидцев из Аркаба. Ничего себе, у нее аппетиты… представляю, что могли бы устроить аркабские колдуны, согласись они стать Сворой проклятых! И что же дальше? А вот что: ведьма, что называется, приперла бедолаг к стене, и выхода у них не оставалось, кроме как присоединиться к Своре. Но тут Гинзога крупно просчиталась: не учла, что аркабцев так просто не возьмешь. Она дала им на раздумья ночь, и эту ночь сновидцы потратили не впустую… а как?

Ньлясага поперхнулся.

— Святые небеса, Лукерья! Они совершили ритуальное убийство!

Никогда о таком не слышал. Один из колдунов заговоренным мечом отсек головы другим сновидцам, расчленил их тела и сжег на морском берегу. После этого он собирался покончить с собой, причем, не просто так, а с соблюдением особых обрядов… особых обрядов? — переспросил он. — А, это, наверное, для того, чтоб некроманты не смогли вернуть его к жизни. Гм… гм… познавательно….

Ньялсага перевернул страницу.

— Но провести все обряды несчастный сновидец не успел: нагрянула Свора. Гинзога вернула к жизни самоубийцу, но магическая сила уже покинула аркабца. М-да… — протянул заклинатель и посмотрел на Лукерью. — Что-то мне подсказывает, что карьеры в Своре он не сделал…

Он полистал книгу, становясь все мрачнее и мрачнее.

— А это что? — он перевернул книгу вниз головой, рассматривая рисунок. — Похоже, та самая сгилла, что при ритуальных убийствах использовалась. А вот и описание обряда…

Он дочитал страницу и глубоко задумался.

…Заскрежетал в замке ключ, тревожным зеленоватым светом вспыхнула сгилла, нарисованная под притолокой — и на пороге появился Ява, волоча за шиворот гнома Фикуса, облаченного почему-то в одежду пятиклассника Соловьева. Фикус, судя по разнообразным гримасам, ругался на чем свет стоит, но Ява не

обращал на это ни малейшего внимания.

— Гнома привез? Молодец, — рассеянно проговорил Ньялсага, не подозревая о недавних приключениях Фикуса и пятиклассника Соловьева.

— Привез, — отозвался Ява, без лишних церемоний водворяя гнома к его сородичам и тщательно запирая решетку. — Сиди тут, понял?

Он посмотрел на Фикуса, хмыкнул в ответ на рожу, которую тот ему состроил и вернулся к Ньялсаге.

— Уже прочитал про медальон?

— Прочитал. С его помощью Гинзога пересекает границы между мирами.

Он открыл книгу на нужной странице и ткнул пальцем в картинку.

— Вот он, фарфоровый медальон, амулет перемещения.

Ява наклонился над книгой, внимательно рассматривая рисунок:

— Если его заполучить, путь сюда для Гинзоги и ее Своры будет закрыт навсегда?

— Не только им. Уверен, я нашел бы способ не только Гинзоге, но и всем остальным дорогу сюда закрыть раз и навсегда!

Ява уселся на диван и положил ноги на низкий столик. В присутствии Алины он бы на такое, конечно, не осмелился, но сейчас она находилась далеко: отвозила Соловьева к бабушке и в агентстве собиралась появиться попозже.

— Вряд ли Гинзога нам его подарит, — заметил Ява. — Медальон у нее с незапамятных времен. Читал его историю? Когда-то давно она охотилась за одним вампиром… уж не знаю, зачем он ей так понадобился, но только ведьма взялась за него всерьез!

Ньялсага кивнул:

— Да. Он откупился от Гинзоги амулетом: предложил сделку, перед которой ведьма не устояла.

Ява пожал плечами.

— Нам-то предложить ей нечего.

Ньялсага бросил в его сторону короткий взгляд, словно собирался что-то сказать, но в последний момент передумал.

Ява поднялся и направился в соседнюю комнату.

Гном Фикус, увидев его, тут же скорчил омерзительную рожу, Ява сделал вид, что не заметил: выдвинул ящик стола, взял коробку с чаем и вышел.

— Нечего, нечего… — задумчиво повторял Ньялсага, вытаскивая из кармана куртки походную книгу заклинаний. —

Когда же позвонит Алина?

— Отсроченное заклинание применять будешь? — поинтересовался Ява.

— Оно самое. Ничего лучшего для ее пятиклассника я придумать не успел.

Среди груды хлама, который Бахрам упорно именовал «разные нужные вещи», Ява откопал белый пластмассовый чайник и уже потянулся за бутылкой с водой, но вдруг взглянул на листок бумаги, торчавший из-под книги и замер.

— Что это?

— Где?

— Ты дураком-то не прикидывайся. Что за сгиллу нарисовал? И зачем?

— В художники податься решил, — буркнул Ньялсага. — Может, прославлюсь, деньги большие зарабатывать стану.

Ява вытащил из-под книги листок, разгладил и внимательно вгляделся в рисунок.

— Ты добавил в сгиллу лишние элементы.

— Не придирайся. Я — художник начинающий, мог и ошибиться.

— Они прибавили ей силы. Разрушающей силы, — уточнил Ява.

Ньялсага недовольно проворчал что-то себе под нос, однако, отделаться от Явы было не так-то просто.

Он пододвинул к себе книгу и принялся осторожно переворачивать ветхие страницы.

— Аркабская сгилла, так я и предполагал, — сказал Ява, обнаружив страницу с рисунком. — Обряд колдунов-сновидцев… заговоренный меч?

Он быстро пробежал глазами строчки и перевел взгляд на Ньялсагу.

Тот отвел глаза.

— Идея-то хорошая, но сколько хлопот с этим ритуальным убийством! — вздохнул Ява. — Сначала надо убить, потом обезглавить, расчленить, вывезти на морской берег, сжечь!

Он распечатал коробку с чаем.

— А главное, в разгар обряда примчатся пожарные с сиренами и брандспойтами и все испортят! Объясняй им потом, что к чему…

Ява снова посмотрел на рисунок.

— Но сама по себе идея недурна. Я согласен. Думаю, Алина с Бахрамом тоже не откажутся. Надо бы в гараже пошарить, — деловито продолжил он. — Где-то была там канистра с бензином.

Ньялсага громко захлопнул книгу.

— Давно хотел сказать: шутки у тебя дурацкие! Обойдемся без обряда. Я сейчас запасной вариант обдумываю.

— Без расчлененки? — уточнил Ява.

— Без расчлененки!

— Жаль, а я уже настроился. Всегда мечтал, чтобы после смерти мое тело предали огню, а вокруг погребального костра рыдали бы толпы безутешных красавиц, раздирая на себе траурные одежды!

— Размечтался…

— Уж и помечтать нельзя? А что за запасной вариант?

Но тут затрезвонил телефон, да так истошно и нетерпеливо, что сразу было понятно, что звонит Алина.

Ньялсага торопливо пододвинул к себе синий ежедневник, и глазами указал Яве на дверь: в завершающую фазу отсроченного заклинания рядом с заклинателем посторонних быть не должно.

Ява кивнул и вышел.

…После всех душевных потрясений, которые испытала Алина-барракуда после исчезновения пятиклассника Соловьева, сил на воспитательную работу у нее уже не осталось.

Пятиклассник оказался жив и здоров, возвращен в целости и сохранности, и на том спасибо.

Про себя Алина отметила, конечно, не виданную ранее деликатность Явы. Он не стал шпынять ее из-за оплошности со сгиллой, не напомнил ядовито, что если б не взяла она, Алина, пятиклассника домой, а отправила, как полагается, в приют, то ничего бы не произошло. Нет, он молча вручил беглеца Алине, а сам повез гнома Фикуса в агентство.

Алина преисполнилась к Яве благодарности и мысленно пообещала сама себе, что как только выпадет свободная минутка, испечет пирожные «Мадлен» по эксклюзивному рецепту французских кондитеров. Ява — человек с тонким вкусом, и кондитерский шедевр, конечно же, оценит по достоинству.

Она закрыла за приятелем дверь, посмотрела на понурившегося пятиклассника, махнула рукой и скомандовала:

— Собирай вещи! Я закажу такси и отвезу тебя к бабушке. Она уже звонила.

— Я просто хотел показать Фикусу город… — покаянно пробубнил он.

— Умолкни, Соловьев! — самым страшным голосом приказала Алина-барракуда.

Соловьев умолк.

До дома, где проживал пятиклассник, добрались быстро и без приключений. Желтое такси подкатило прямо к подъезду, Алина

и Соловьев выбрались из машины, и подошли к закрытой двери подъезда. Алина кивнул на домофон:

— Звони бабушке. Попроси ее во двор спуститься, потому что заходить к вам домой, уж извини, что-то не хочется.

Пятиклассник принялся послушно тыкать в кнопки.

Наносить визит бабушке Соловьевой и пускаться в обстоятельную беседу о внуке, Алине и вправду не хотелось. Во-первых, она предчувствовала, что разговор затянется, а, во-вторых, бабуля Соловьева, величественная седовласая дама, пожалуй, сильно удивится, увидев Алину в грязных ботинках и перепачканных глиной джинсах. Объяснять же, что учительница ее внука совсем недавно сражалась с ожившими покойниками, Алине не хотелось.

— Может, я на даче была, — пробормотала она, пытаясь отчистить пятно с куртки. — Ну что? Скоро бабушка придет?

Пятиклассник кивнул. Алина-барракуда посмотрела на него и тяжело вздохнула. Ньялсага клятвенно пообещал сотворить подходящее заклинание как можно скорее, но пока что придется воспользоваться отсроченным заклятьем, которое произнесет в нужный момент. Алина достала из кармана телефон и набрала номер Ньялсаги.

— Алина Сергеевна, — вдруг произнес Соловьев, глядя себе под ноги. — А я, когда вырасту, смогу попасть туда?

Алина-барракуда насторожилась.

— Куда?! Нету никакого «туда», не выдумывай!

— Туда, где Фикус живет. Как вы думаете, мы с ним еще увидимся?

Он поднял голову и с надеждой уставился на учительницу круглыми голубыми глазами.

Алина сдвинула брови.

— Значит, так, Соловьев, — твердо сказала она. — Слушай меня внимательно. О том, что было забудь раз и навсегда. Никаких Фикусов, никаких «туда»… чтобы я больше ничего этого не слышала, понял? Мы с тобой об этом уже говорили, но повторяю еще раз…

Но Соловьев продолжал смотреть на нее серьезным взглядом, и Алина вздохнула.

— Никуда ты попасть не сможешь и с Фикусом вы больше не увидитесь. Вы и встречаться-то не должны были, это уж получилось так…

Пятиклассник кивнул и снова уставился себе под ноги.

— А смогу я таким, как Фикус, помогать возвращаться обратно? Когда вырасту, конечно?

— Соловьев! Сколько можно тебе говорить, что… — строгим

голосом начала Алина и вдруг умолкла, вспомнив слова Ньялсага о цвете ауры пятиклассника.

— «Произойдет событие, которое изменит всю его жизнь»? — пробормотала Алина и похолодела. — Нет, нет! Пусть произойдет что-нибудь другое! Что-то такое, что не имеет никакого отношения к…

В отчаянии Алина затеребила пуговицу на куртке. Нитка не выдержала, пуговица оторвалась, упала на асфальт и откатилась в сторону.

— Вот что, — осторожно выбирая слова, проговорила Алина-барракуда. — Думать об этом пока рановато. Тебе еще вырасти надо, школу закончить… да, кстати, и тройки по математике исправить. И географию подтянуть не мешает…

Мобильный телефон откликнулся голосом Ньялсаги.

— Начинай, — сказала в трубку Алина. — Мы уже на месте.

Хлопнула дверь подъезда, показалась бабуля Соловьева, осанистая и монументальная, как императрица.

Алина спрятала за спину руку с телефоном.

— И не пытайся об этом кому-нибудь рассказать, понял? — быстро предупредила она Соловьева. — У тебя все равно не получится.

— Не беспокойтесь, Алина Сергеевна, — серьезно, без улыбки ответил он. — Я умею хранить тайны.

Тяжелая стальная дверь подъезда с грохотом захлопнулась за пятиклассником.

…Серый пасмурный день перешел в такой же тусклые сумерки, стемнело, вспыхнул в окнах домов свет. Алина-барракуда поднялась со скамейки, где просидела битый час, погруженная в мрачные раздумья. Она думала то о пятикласснике Соловьеве, то о Ньялсаге и завтрашнем дне. Мысли у нее были до того черные и нерадостные, что даже вспомнившийся ненароком рецепт печенья «Мадлен», не успокоил и не обрадовал. Завтрашний день может стать для нее последним днем на земле, до рецепта ли тут?!

Алина посокрушалась еще немного, потом выпрямилась и расправила плечи.

Кто-то другой в такой ситуации опустил бы руки, упал бы духом, а то и заплакал, но только не Алина-барракуда. В трудных жизненных ситуациях она не плакала, а начинала злиться, и сейчас градус ее раздражения достиг наивысшей отметки.

— Морду бы кому-нибудь начистить! — недобро прищурившись, сообщила она толстому рыжему коту, сидевшему на другом конце скамейки. Кот тут же спрыгнул с лавочки и

шмыгнул в кусты.

Алина пожала плечами и направилась к троллейбусной остановке.

Ночь быстро захватывала город: потемнело небо над морем, погрузились во тьму дома и улицы, так что, когда Алина вышла из троллейбуса возле своего дома, ей показалось вдруг, что весь мир пропал, канул в темную страшную бездну.

Пустыми проходными дворами и закоулками спешила домой Алина-барракуда. Времени оставалось в обрез: переодеться да доехать до агентства.

— Проклятые гномы, — сердито бормотала Алина, привычно сворачивая в переулок.

Мирные граждане по вечерам сюда заходить избегали: тут горел один-единственный фонарь, а сам переулок выглядел так негостеприимно, что поневоле наводил на мысли о сводках преступности, ограблениях и прочих неприятностях. — Принесло вас на нашу голову…

Она нырнула в плохо освещенную подворотню, шаги зазвучали гулким эхом. Вот тут, на этом самом месте, появился когда-то Дэхарн. Где ты скитаешься сейчас, оборотень из клана Предвестников смерти, в каком из миров бродишь? Будь ты сейчас здесь, наверное, подсказал бы как быть, помог…

Алина с надеждой оглянулась.

Но вместо Дэхарна в тусклом свете фонаря возникли три подозрительные личности, которые, без сомнения, околачивались в подворотне с одной-единственной целью: поджидали, пока судьба занесет сюда потерявшего бдительность прохожего. Завидев одиноко идущую молодую женщину, личности многозначительно переглянулись и неторопливо двинулись навстречу.

Алина обрадовалась им как родным.

— Парни! — воскликнула она, чувствуя, как плохое настроение улетучивается. — Вас-то мне и не хватало!

Личности озадаченно переглянулись. В привычном им сценарии появилось что-то новое, неожиданное и это настораживало.

— Вы ж меня ограбить хотите? — подсказала Алина. — Ну? И чего стоим? Чего ждем?

Хулиганы остановились. Алина- барракуда вздохнула.

— Начинайте, — нетерпеливо скомандовала она. — Не могу же я бить вас первой?

Она выждала пару минут, потом пожала плечами.

— Хотя… кто сказал, что не могу?

В этот момент круглая желтая луна скрылась за набежавшим

облаком и дальнейшая картина для постороннего наблюдателя осталась неизвестной. Когда же луна показалась вновь, то можно было разглядеть, что никаких грабителей нет и в помине, а возле тусклого фонаря стоит повеселевшая Алина-барракуда и поправляет растрепавшиеся волосы. Приведя себя в порядок, она улыбнулась:

— Даже на душе как-то легче стало!

Она разыскала отлетевшую в сторону сумку, отряхнула и повесила на плечо:

— Конечно, рукоприкладство педагога не красит, но… всегда можно сказать, это была воспитательная работа.

Алина немного подумала:

— Да, именно. Воспитательная работа!

Вдруг она замолчала и прислушалась.

В подворотне слышались шаги, как будто кто-то, пока еще невидимый, мчался со всех ног, перепрыгивая на ходу через перевернутые мусорные баки и коробки.

— А, вот еще один кандидат на перевоспитание торопится, — зловещим голосом проговорила Алина, закатывая рукава. — Иди, иди сюда, голубчик!

Не дожидаясь появления «кандидата», она шагнула к подворотне… и нос к носу столкнулась с Лютером.

— А ты здесь откуда? — изумилась Алина.

«Бриммский василиск» остановился и быстрым взглядом прочесал проулок.

— Оттуда. А ты? Зачем тебя понесло в темный переулок, где хулиганья полно? Не могла по светлой улице пройти?

— Как ты оказался возле моего дома? — подозрительно глядя на него, допытывалась Алина.

— Случайно, — буркнул Лютер, помялся и нехотя добавил: — Бахрам ваш из «Химеры» тебе звонил… говорил, ты трубку не берешь. А я мимо проезжал, вот и завернул проверить, что к чему.

— Случайно? — Алина удивленно оглянулась по сторонам. — Как это можно случайно сюда попасть?!

Лютер не ответил.

— На тебя хулиганы напали?

— Кто на кого напал — это еще вопрос, — ответилаАлина и поправила ремень сумки. — Ладно, некогда мне с тобой болтать. Нам еще гномов на рассвете отправлять, да и кроме этого дел полно. Пойду я.

И она ушла.

Дальнейший ее путь прошел спокойно, и до дома Алине-барракуде не встретилась ни одна живая душа. Лишь иногда чудились ей чьи-то осторожные шаги позади, но когда она

оборачивалась, на улице никого не было.

…Гномы благополучно отправились в свой мир, пора было возвращаться в агентство, но Ньялсага все еще был на берегу.

Уехали Ява и Алина, отправился в агентство Бахрам, а заклинатель по-прежнему стоял возле «Зеленого дракона», бездумно глядя на море. Утро выдалось пасмурным, бесцветным, и не было никакой надежды, что свежий морской ветерок растащит облака и очистит небо.

Ньялсага прислонился к машине. Внутри «Зеленого Дракона» что-то тихонько потрескивало, пощелкивало, будто он и впрямь был живым драконом, старым, как мир.

Ньялсага любил в одиночестве постоять на берегу, закрыв глаза, послушать звуки, доносившиеся со всех сторон: плеск воды, крик чаек, дальние гудки паромов, обрывки чужих разговоров. Иной раз, размышляя о собственном будущем, он старался понять, какими звуками будет оно наполнено.

Вот и сейчас, крепко зажмурив глаза, он попытался прислушаться к тому, что еще не свершилось, не произошло.

Через несколько минут Ньялсага открыл глаза и посмотрел на серую гладь залива.

Будущее представлялось мертвецки тихим.

Тихим и пустым, как могила.

Глава — 9

В коридоре послышались шаги.

Они замерли перед стальной дверью с табличкой «Агентство «Аргентина», а через мгновение раздался осторожный деликатный стук.

Ява вздохнул и убрал ноги со стола.

— Кто-нибудь хочет открыть?

— Кого там пьяные гоблины с утра пораньше принесли? — проворчал невыспавшийся и оттого недовольный Бахрам, покосился на окно, за которым брезжил серый рассвет и отломил от буханки хлеба горбушку: в минуты волнения у него просыпался прямо-таки зверский аппетит.

Стук повторился.

— Надо бы открыть, — лениво повторил Ява, не двигаясь с места.

— Пусть сквозь дверь проходят, если уж так не терпится, — проворчала Алина.

— А вот я сейчас разберусь, — пообещал Бахрам, пошарил взглядом, заметил стоявшую в углу алебарду и, прихватив ее, направился к двери.

— Погоди, я сам, — остановил его Ньялсага. Бахрам недовольно пожал плечами.

Ньялсага приблизился к двери и коротким заклинанием разомкнул сгиллу. Следующим заклятьем он укрепил охранную границу, пролегшую возле порога, и только после этого открыл дверь.

За порогом, перебирая стопку ярких новеньких брошюрок, топталась румяная старушка в длинном темном платье и вязаном жилете.

Увидев Ньялсагу, она приветливо заулыбалась.

— Утро доброе! Можно с вами поговорить?

Ньялсага молча кивнул.

— Как вы думаете, — заученно начала старушка. — Почему на свете так много зла?

Она сделала многозначительную паузу и уставилась заклинателя.

— Не знаю, — честно ответил он. — А вы как считаете?

— Потому что мало думаем о душе!

— Ничего подобного, — вмешался Бахрам, появляясь за плечом Ньялсаги. — Вот в нашем Легионе как-то один раз…

— Со злом нужно бороться, — продолжала старушка,

опасливо косясь на алебарду.

— Мы как раз собираемся, — заверил Ньялсага. — Только кофе выпьем.

— Святые ежики, конечно! Лично я не прочь кое-кому голову оттяпать! Вот этой самой штукой. Берешь вот эдак — и хрясь!

Он пристукнул алебардой.

— Головы как не бывало! У нас в Легионе был один тролль, так он…

Когда испуганная старушка не по годам резво скрылась за поворотом, Ньялсага хмыкнул и закрыл дверь.

— Бахрам, тебе не надоело бабушек пугать? — сердито поинтересовалась Алина.

Ньялсага вернулся за стол, уселся и посмотрел на часы.

— Скоро пора в «Химеру» ехать. А пока…

Он выдвинул ящик, пошарил и вытащил пластиковую коробку.

— Давайте-ка свои амулеты, пора охранные заклятья обновить. Только имейте в виду, — Ньялсага многозначительно взглянул на Алину. — Если кое-кто снова попрется на кладбище, я за результат не ручаюсь!

— Не попрется, — твердо сказала она. — То есть я ни за что не попрусь. А остальные — как хотят!

— Святые ежики, чувствую, сегодня мы прикончим ведьму! — уверенно заявил Бахрам, выкладывая на стол свой амулет — серебряную подвеску Черного Легиона. — Прикончим, заберем медальон, а потом и со Сворой разберемся!

— Не прикасайтесь к медальону и арбалету, пока не удостоверимся точно, что ведьма мертва, — предупредил Ньялсага.

— Она уже давно мертва, — заметила Алина, протягивая Ньялсаге крохотное золотое сердечко на цепочке.

— Для покойницы она слишком шустрая, — проворчал он, взял протянутый Явой старинный галеон, и присоединил к остальным амулетам.

— А если Гинзога скроется? — спросила Алина. — Узнает, что у нас кинжал, которым можно ее уничтожить и исчезнет? Улизнет в свой мир?

Ньялсага покачал головой.

— Нет. Проклятье висит над мертвой ведьмой и в любой момент может обратить ее в прах. Мы — ее единственный шанс. Конечно, она может удрать и сообщить чародеям, где мы находимся, но… это не та услуга, за которую можно требовать высокое вознаграждение. А вот если она передаст нас им прямо в руки — это совсем другое дело!

Бахрам запихал в рот остатки хлеба.

— Святые ежики, верно, — пробубнил он, наблюдая, как Ньялсага проводит рукой над разложенными на столе амулетами. — Я вот думаю, что она, Гинзога, то есть, прятаться не будет, а сразу нападет!

— Женщины редко вступают в открытую борьбу, — заметил Ява

Алина покосилась в его сторону.

— Тебе видней.

Ява скромно улыбнулся.

— Забирайте, — сказал Ньялсага через минуту и откинулся на спинку стула. — Хватит часов на пять.

— На пять? — переспросил Бахрам.

— Не больше. Сегодня потребуется много сил, а магические резервы — они, знаешь, не безграничны… надо экономить.

Ява опустил галеон в карман плаща.

— А твой амулет?

Ньялсага отрицательно мотнул головой.

— Не понадобится. Если Трефалониус учует заклятье, то непременно насторожится.

Бахрам шумно вздохнул.

— Ежик всемогущий, ты будешь без защиты! Но ты уж не забывай — мы неподалеку. Придем на помощь, если что!

Ньялсага усмехнулся.

— Что смешного? — рассердилась Алина. — Через час на тебя набросится обезумевший вампир, а ты сидишь и по-дурацки ухмыляешься!

— А что мне делать? Скорбеть о жизни? Думать о смерти?

— Святые ежики, что о ней думать? — уничтожив хлеб, Бахрам отыскал среди вороха бумаг на столе кусок окаменевшей от времени пиццы и принялся его грызть. — Лично я никогда ни о чем не думаю!

— Смерть — неприятная штука, — сокрушенно вздохнул Ява. — Вот умру я — и не смогу покупать хорошую обувь, — он уселся, снова положил ноги на столик и полюбовался ботинками. — Да и с девушками не заладится…

— Убери ноги со стола! — приказала Алина.

Ньялсага проверил, на месте ли синий ежедневник и сказал:

— Смерть — это отсутствие звуков. Абсолютная тишина — вот что такое смерть.

— Хватит, — сердито остановила Алина. — Завели шарманку! Давайте еще заплачем все вместе!

Ява вытащил из коробки бумажную салфетку и протер и без того чистые ботинки.

— Да мы-то что? А вот ты, Алина, зря осталась, — он скомкал салфетку и отправил в корзину. — Была у тебя возможность всего этого избежать, а ты отказалась.

— Я? С чего ты взял?!

Ява откинулся на спинку дивана.

— Догадаться нетрудно. Разве твой дружок-оборотень не предлагал тебе свалить отсюда?

— Что? Конечно, нет! — с негодованием воскликнула она и подозрительно посмотрела на Бахрама, затем — на Ньялсагу. Бахрам вытаращил глаза, изо всех сил показывая, что и он удивлен не меньше Алины, а заклинатель принялся сосредоточенно рыться в куче хлама на столе.

— Тут у меня бумажки важные валялись… и куда они делись?

Алина покосилась на Яву.

— Как ты узнал? — ледяным тоном спросила она.

— Мне известны все твои тайны, — зловеще объявил тот. — И теперь я собираюсь заняться шантажом: угрожая разоблачением, буду вымогать у тебя кулинарные книги!

— Книги ты не получишь. Вымогай деньги, как все порядочные шантажисты. И в последний раз говорю: убери ноги со стола! У нас тут солидный офис, а не бордель в Морском квартале!

Услышав про Морской квартал, Бахрам мечтательно вздохнул.

— Отличное место было! И недорого. Вот, помню, мы как-то раз всем Легионом…

Ньялсага поднялся. До условленного часа еще оставалось время и тянулось это время невыносимо долго.

— Алина, надо было тебе согласиться, — серьезно сказал он. — Даже если чародеи и пронюхали бы о тебе, с Дэхарном они связываться побоялись бы.

Алина вспыхнула.

— Да уж, конечно, надо было! Надо было бросить вас и удрать! Жила бы теперь спокойной жизнью, домик бы свой имела, садик с яблонями, а про вас я и думать забыла бы!

— Яблони-то тут при чем? — озадаченно спросил Бахрам.

Алина раздраженно швырнула в сумку телефон и ключи.

— Давайте собираться. Гинзога уже заждалась, наверное.

Ява поставил чашку.

— Рановато еще… — он вдруг прислушался. — Вы слышали? Кажется, кто-то стучит в стекло. Это же не…

Все, как по команде, повернулись к окну.

На карнизе сидел Дэберхем и легонько постукивал клювом в стекло. Вид у ворона был сконфуженный.

— Дэберхем?!

— Ах ты, тролль сожри твои потроха! Да он над нами издевается! — свирепо рявкнул Бахрам, кидаясь к окну. — Только скажи, что ты опять с новостью о гостях прилетел, я тебе шею сверну! Никаких гостей сегодня, ясно? Никаких!

Ньялсага подошел к окну, щелкнул шпингалетом.

— Говори, зачем явился?

Через минуту ворон улетел, быстро превратившись в черную точку на сером небе, а Ньялсага сел за стол и, обхватив голову руками, уставился на карту, лежавшую перед ним.

— Только этого не хватало, — бормотала Алина, меряя комнату шагами. — Бахрам, что ты потерял в сейфе?

— Может, пожрать чего найду…

— Там кроме договоров на аренду ничего съедобного нет!

Расстроенный Бахрам грохнул стальной дверцей.

— Ежик всемогущий, я с голоду подыхаю!

Он тряхнул головой и вернулся к столу, за которым сидел Ньялсага.

— Ну, как? Когда обнаружишь?

— Скоро, скоро, — отозвался он, не поднимая глаз от карты. — Через минуту будем знать, на какой улице находятся.

Бахрам нетерпеливо вздохнул.

— Пожрать бы по дороге купить…

Но мысли о еде тут же вылетели у него из головы, потому что Ньялсага вдруг чертыхнулся:

— Что за… это же рядом с «Химерой»!

— А кто это? — быстро спросил Ява. — Цолери не сказал?

Ньясага по-прежнему не отрывал взгляда от карты.

— В том-то и дело… — бормотал он. — В том-то и дело…

… Через минуту агентство опустело.

Как ни торопился Ньялсага, понукая упрямого «Зеленого дракона», все равно опоздал.

Место, на которое указало заклятье, действительно находилось недалеко от «Химеры» — сразу за парковкой, где тянулась полоса чахлого кустарника, огораживая запущенный выгоревший газон.

Там Ньялсага заметил Кемена, разговаривающего с Лютером, чуть поодаль стояли Ява с Алиной и Бахрам.

— Святые ежики, вот ведь не повезло, — огорченно сказал Бахрам Ньялсаге, с треском разгрызая обнаруженный в кармане сухарь. — Они первыми успели!

Ньялсага с силой захлопнул дверцу. «Дракон» возмущено задребезжал.

— Они раньше нас успели, потому что в «Химере» околачивались. Не желаю с ними разговаривать! — проворчала Алина.

— А придется, — ехидно бросил Ява. — Гляди, какие пылкие взгляды бросает на тебя твой поклонник? Иди, угости его пирожком, пусть умрет в мучениях!

— Ты… — кипя от возмущения, начала Алина. — При чем тут пирожки? Отличный рецепт был, это ты просто придираешься!

Подошел Кемен.

— Вы — первые, спору нет, — не тратя время на объяснения, начал Ньялсага. — И мы бы не вмешивались, но Цолери сообщил, что это…

— Он точно не уверен, — буркнул Кемен, сдвинув брови.

Ньялсага взглянул на него в упор.

— Не уверен, что это человек?

— Цолери сказал, что возможно это человек, — поправил Кемен. — Возможно, — снова подчеркнул он. — И, кстати, человек, попавший сюда, может быть так же опасен, как и все другие, что сюда наведывались.

— Значит, вы собираетесь поступить с ним так же, как с остальными? Уничтожить?

Кемен неопределенно пожал плечами. Ньялсага посмотрел на него, потом — на Лютера.

— Если вы это сделаете, клянусь, у вас будет война на два фронта: не только со Сворой, но и с нами, — очень спокойным голосом предупредил заклинатель. — Где он?

— Не знаю, — сдержанно отозвался Кемен. — Мы не успели найти.

В глазах Ньялсага появилось сомнение.

— Это правда, — подтвердил Лютер. — Времени-то в обрез, так что особо искать было некогда.

— Некогда? А может, вы его уже выследили и прикончили? — предположила Алина. — А нам лапшу по-милански с овощной подливкой на уши вешаете?

Бахрам шумно проглотил слюнки.

Лютер искоса взглянул на Алину.

— Как догадалась? Конечно, мы его поймали, приготовили по французскому рецепту и съели!

— От тебя всего ожидать можно. Не зря дядюшка Фю говорил, что ты ему подходишь. Для тебя убить — раз плюнуть!

— Ты полегче, — процедил «Бриммский василиск», явно задетый ее нападками. — Шуток не понимаешь, что ли? Не нашли мы его, ясно? Говорю же, времени не было.

Ньялсага сделал Алине знак замолчать.

— Как бы то ни было, нельзя бросать человека на произвол судьбы!

Кемен заложил за ремень большие пальцы и покачался с носков на пятки.

— У нас другие дела есть, — напомнил он. — Поважнее поисков.

Он на мгновение задумался, потом махнул рукой:

— Ладно, черт с вами! Ищите, коль делать больше нечего!

Он посмотрел на Ньялсагу.

— Надеюсь, не сам этим заняться собираешься? А то надо бы обговорить кое-что…

— Надо, — согласился Ньялсага и повернулся к Бахраму.

— Прочеши окрестности.

— Святые ежики, почему я?!

— Потому что гостей ты выслеживаешь лучше всех. У тебя полчаса, попытайся найти. Не отыщешь — делать нечего, возвращайся в «Химеру». Найдешь — отвези в агентство. Если мы вернемся живыми и невредимыми, отправим его обратно. Если нет…

Он отыскал глазами ворона, сидевшего на парапете, отделявшем парковку от чахлого газона.

— Дэберхем приведет его к Цолери.

Ворон каркнул и, расправив крылья, взлетел.

Бахрам расстроено махнул рукой, проверил на месте ли амулеты и скорым шагом направился к маленькому скверику на окраине пустыря.

Ньялсага повернулся к Алине.

— Обшарь на всякий случай кусты вокруг парковки. Вдруг наткнешься на нашего гостя?

— Может, лучше я? — предложил Ява.

— Ты в «Химере» нужен, с дядюшкой Фю разговоры вести.

Алина согласилась неохотно:

— Обшарю, но больше пяти минут на поиски тратить не буду!

— В одиночку по кустам-то шарить собралась? — скептически поинтересовался Лютер, обменявшись взглядами с Кеменом. — Так и быть… потрачу на бесполезное дело пять минут своей жизни, — и добавил, покосившись на Алину:

— Расплатишься пирожками!

Она оживилась, но «Бриммский василиск», чуя неладное, заторопился:

— Да пошутил я, пошутил насчет пирожков! Не вздумай стряпать!

Наслышан, видно, был об Алининых талантах.

…Никаких результатов поиск не принес.

— Никого здесь нет, — в очередной раз объявил Лютер. — Пусть ваш Бахрам сам ищет, а с меня хватит. Пора возвращаться в «Химеру»!

— Возвращайся, — отрезала Алина. — А я возле забора заросли проверю. Надо все делать добросовестно, как полагается, в том числе и по кустам шарить, — назидательно добавила она. — А ты не так, как ты. Небось, в школе двоечником, был…

Алина направилась к кустам, Лютер и двинулся следом.

— Ладно, уж, идем вместе, — вздохнул он. — А то мало ли что…

— Что «мало ли что»?

— Вампир, некромант, оборотень, мертвая ведьма и ее телохранитель Харгал. Любой из них может оказаться здесь. Да и гость этот… кто его знает, кого сюда занесло!

Алина отвернула манжет рукава и показала красную шерстяную нитку, обвязанную вокруг запястья.

— Видишь? Защитный амулет. Никто на меня напасть не сможет.

— Не больно-то он помог вчера, — буркнул Лютер.

— Потому что кое-кого понесло на кладбище! На своей территории некромант любое охранное заклинание расплести может.

Вспомнив вчерашний день, Алина передернула плечами.

— И зачем на рожон было лезть? Зачем героя из себя строить?

Лютер раздвинул кусты, проверяя, не обнаружится ли кто в густых зарослях.

— Зачем, чтобы некромант не думал, что я его боюсь.

— Что?

Алина прекратила поиски и пристально посмотрела на «Бриммского василиска», внезапно озаренная ужасной догадкой.

— Ты ведь просто-напросто не представляешь, что с тобой дядюшка Фю сделать может? — проговорила она. — Ты же никогда не видел, как людей сначала убивают, а затем — оживляют и что с ними потом происходит? Ты ведь ничего этого не знаешь, поэтому и не боишься?

Лютер посмотрел на нее сверху вниз.

— А ты, значит, знаешь?

— Я-то… — начала Алина, но вовремя прикусила язык. — Я знаю вот что: некромантов вроде дядюшки Фю надо бояться. Очень сильно бояться, понимаешь? Потому что такие, как он… да что тебе объяснять! — она с досадой махнула рукой. — Ты все равно не поймешь. Иди-ка лучше в… в клуб, — Алина

сдержалась, хотя намеревалась сказать нечто иное. — А я проверю вон там, — она кивнула тихий уголок возле заборчика, где среди кустов виднелась лавочка, вокруг которой валялись пустые бутылки: видно, посетители «Химеры» давно облюбовали это укромное местечко, заросшее кустами. — И тоже в «Химеру» отправлюсь. Иди, иди! — прибавила она. — Иначе я за себя не ручаюсь: тебя же больше десяти минут выносить невозможно!

Она направилась к лавочке, Лютер шел следом.

— Я ведь просила… — начала Алина и вдруг умолкла.

Хлопнула дверь клуба, выпустив на улицу большую компанию молодых людей. Громко переговариваясь, они направились к скамейке, на ходу открывая банки с пивом и закуривая сигареты.

— Прямо сюда идут! — в панике воскликнула Алина. — А если в кустах кто-то есть? Они прямо на него наткнулся!

Лютер прочесал заросли подозрительным взглядом.

— Нету там никого…

— А если есть? Надо их отвлечь. Пусть другое место поищут!

«Бриммский василиск» пожал плечами.

— Отвлечь? Ладно, как скажешь…

Алина насторожилась.

— Погоди-ка, ты что делать собрался?! Перестреляешь всех, а потом скажешь, что это был отвлекающий маневр?

Шумная компания приближалась.

— Нужно придумать что-нибудь!

— Сейчас придумаем, — голос «Бриммского василиска» прозвучал напряженно. В его глазах вспыхнул веселый, недобрый огонек, Алина поняла, что надо торопиться.

Не медля ни минуты, она шагнула к Лютеру, обняла его, развернула спиной к веселой компании, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала.

Она услышала, как совсем рядом бьется чужое сердце: тяжелые быстрые удары, чуть быстрее, чем обычно. Ощутила незнакомый запах: сигарет, одеколона и еще чего-то, похожего на горький запах полыни. Потом почувствовала, как чьи-то руки осторожно коснулись ее лица.

План сработал блестяще: компания остановилась, переговариваясь и смеясь, глазея на целующуюся парочку, кто-то щелкнул фотокамерой мобильного телефона, а после вся ватага двинулась дальше.

Алина отодвинулась от Лютера и посмотрела вслед компании.

— Ушли? Отлично. Как думаешь, они поверили?

Компания свернула за угол клуба и исчезла.

— Я же поверил, — немного помедлив, отозвался «Бриммский василиск».

Голос его звучал немного странно, но Алина не обратила на это никакого внимания.

— Ладно, — она поправила куртку и кивнула на кусты. — Проверяем заросли, если там никого нет, идем в «Химеру». Ньялсага велел торопиться.

Лютер осмотрел пятачок, укрытый кустами.

— Никого.

— Значит, дальше пусть Бахрам его ищет. Он из-под земли достанет!

И они направились к «Химере»: впереди шла Алина, а за ней, сосредоточенно глядя себе под ноги, будто обдумывая что-то, шагал «Бриммский василиск».

…Остановившись на пороге, Ньялсага осмотрел клуб. На первый взгляд, все было, как обычно: в двух залах народу ни больше и ни меньше, чем вчера, а вот о существовании третьего зала посетители «Химеры» словно забыли. Уж, конечно, без чар Гинзоги здесь не обошлось!

Неожиданно Ньялсага заметил мелькнувшего в толпе Трефалониуса.

Возможно, это было всего лишь игрой воображения и расшалившихся нервов, но Ньялсаге почудилось, как в лицо дохнуло ледяным холодом смертельной опасности. Он, не отрываясь, смотрел на вампира, черной тенью скользившего по залу, обдумывал то, что должно было вот-вот произойти, и чувствовал, как к горлу подкатывает волна тошнотворного страха.

Завтрак его состоял из пирожков с сыром и ветчиной. На еде настояла Алина, и сейчас заклинатель очень жалел, что послушался ее: завтрак настоятельно просился наружу.

Ньялсага прижал руку к губам.

— Ты чего? — покосился на него Ява.

— Пытаюсь удержать все в себе. Тролль побери Алину с ее пирожками!

— Ты еще и Алининых пирожков наелся?! Твердо решил покончить с собой, что ли?

Ява немного подумал.

— Да, как-то двусмысленно прозвучало, — признался он, хлопнул Ньялсагу по плечу и направился к барной стойке.

Кемен понизил голос.

— Так… вампир здесь, Гинзога торчит в третьем зале, некроманта и оборотня я что-то не вижу. Ну, что? Действуем, как договаривались? Кстати… насчет твоего колдовства. Поможет

оно, если что?

— Этим пользоваться не могу, — напомнил Ньялсага. — Понятия не имею, как магия заклинаний действует на кровь заклинателя. Может статься, в момент произнесения заклятья, ее состав как-то меняется… а нам требуется чистая кровь, безо всяких следов магии!

— Ясно, — проворчал Кемен. — Что ж, Хэрвелл прекрасно обходился без нее. Мы прихватили серебряный нож, хороший осиновый кол, даже святую воду.

— Не хочу расстраивать, — отозвался Ньялсага. — Но на святую воду сильно не рассчитывайте. Магия веры, я же говорил, — пояснил он. — Если человек верит искренне и без сомнений, то тогда, конечно… если же нет, для вампира святая вода будет не страшней обычной водички из-под крана…

Он покосился на сумку, висевшую на плече у Кемена.

— О чем договаривались, помнишь?

Серые глаза потомка Хэрвелла блеснули.

Он расстегнул молнию спортивной сумки: на дне тускло блеснуло широкое лезвие.

— Сам взгляни. С одного удара перерубает шейные позвонки.

Ньялсага сдержанно кивнул:

— Ты уж постарайся обойтись одним.

— Постараюсь. А старая змея не сможет тебя оживить? Верней, ее некроманты?

Заклинатель пожал плечами.

— Если я буду без головы? Вряд ли. Где нож?

— Здесь, — Кемен хлопнул по карману.

— Отлично. Действуем по плану. Твоя задача — вовремя отогнать вампира. Имей в виду, когда я буду в отключке, защита твоего амулета может здорово ослабеть.

— Почему?

— Для того, чтобы день и ночь держать защиту шести человек, заклинатель должен находиться в хорошей форме. Ваши охранные амулеты питаются моей магией, моей силой. Если вампир, к примеру, сломает мне шею, защита рухнет в тот же миг.

Кемен кивнул.

— Добываем кровь — достаточно нескольких капель, — продолжил Ньялсага. — Ты сразу же уносишь ноги… и нож. Положи его в шкатулку и не выпускай из рук: нож — наша единственная надежда. А я ненадолго задержу Трефалониуса заклинанием.

— Ясно, — коротко ответил потомок Хэрвелла.

— Потом исчезаем из «Химеру, на все про все у нас несколько

минут. Главное, чтобы никто из Своры до поры до времени ничего не заподозрил!

Ньялсага умолк: пирожки, приготовленные заботливыми руками Алины, снова взбунтовались.

— А пока надо сделать так, чтобы нам никто не помешал. Ява заболтает дядюшку Фю…

— Лютер и Марк возьмут на себя оборотня, — добавил Кемен.

— Как только Гинзога узнает о том, что произошло, она бросится за нами. Наша задача — увести ее как можно дальше от людей.

Кемен поправил ремень сумки.

— На морской берег.

— На морской берег, — повторил Ньялсага. — А уж там… все ясно?

— Да, — Кемен отошел в сторону и растворился в толпе.

Заклинатель тряхнул головой, отошел к стене, вытащил из кармана маленький перочинный ножик.

— Старый верный способ — охота на живца!

С этими словами он легонько чиркнул лезвием себя по запястью.

Тонкая струйка крови побежала по руке, закапала с пальцев.

— Ну, Трефалониус, теперь дело за тобой!

…Но даже самые продуманные планы иногда дают осечку.

Стоя у стены, Ньялсага следил за Трефалониусом.

Вампир-стряпчий стоял в тени декоративной пальмы, умело сливаясь с полутьмой и оставаясь невидимым до поры до времени. Трефалониус похлопывал себя по ладони свернутыми в трубку пергаментами и наблюдал за людьми. Просеменил мимо дядюшка Фю: потомственный некромант спешил к старой знакомой. Ньялсага видел, как он устроился на стульчике возле маленького фонтана с гранитной химерой, сцепил пальцы на животе и добродушно улыбнулся.

Ньялсага пригляделся внимательней: что-то в поведении старого некроманта его насторожило. Дядюшка Фю, как обычно, лучился улыбкой, но иногда в глазах его мелькало что-то, похожее на едва сдерживаемую ярость. Впрочем, он тут же спохватывался, вновь расцветал улыбкой, повернувшись к каменному изваянию, но Ньялсаге показалось, что сегодня некромант вел с химерой не приятную легкую беседу, а серьезный разговор.

Яве пришлось пройти мимо фонтанчика пару раз, прежде чем дядюшка Фю заметил и окликнул его. Ньялсага вздохнул с

облегчением: в искусстве вести разговоры ни о чем Яве не было равных, так что можно смело надеяться, что на какое-то время некромант был надежно нейтрализован.

Прошмыгнул в толпе Мунго-лис, острожный и незаметный, как зверь в лесу. Тут же откуда-то появился и «Бриммский василиск» и двинулся следом.

Потом Ньялсага отыскал взглядом вампира-стряпчего — и ледяные мурашки поползли по спине.

Трефалониус стоял, выпрямившись, глядя перед собой невидящими глазами, словно прислушиваясь к чьему-то зову. Потом, плавным движением сунув в рукав свернутые в трубку бумаги, он медленно двинулся туда, куда манил его запах. Походка у Трефалониуса сделалась осторожной и вкрадчивой, точно у хищника, вышедшего на охоту.

— Молодец, — одобрительно пробормотал Ньялсага и стряхнул на каменный пол несколько капель крови. Ноздри Трефалониуса затрепетали. — А теперь — за мной!

Он двинулся через весь зал к двери с табличкой «Служебный выход», но прежде чем исчезнуть за дверью, оглянулся.

Трефалониус стоял возле колонны, где минуту назад был заклинатель. Вампир замер, склонив голову набок, затем наклонился и коснулся пальцем влажного пятна на полу.

По лицу Трефалониуса пробежала тень

Он лизнул палец, прикрыл глаза и медленно растянул губы в улыбке.

Потом двинулся вслед, безошибочно угадав направление, как акула, учуявшая разлитую в воде кровь.

Оказавшись в подсобном помещении, Ньялсага быстро пошел по длинному полутемному коридору. Накануне Бахрам дотошно обследовал внутренние помещения «Химеры», а потом, помахивая удостоверением пожарного инспектора, издалека очень похожим на настоящее, потребовал у владельца «Химеры» план клуба. Изучив его, Ньялсага неплохо ориентировался в лабиринте коридоров и дверей. Для проведения операции была выбрана старая умывальная комната, которой, как выяснил тот же Бахрам, давным-давно никто не пользовался.

Кровь, срываясь с кончиков пальцев, оставляла дорожку — след для Трефалониуса. Ньялсага шел, не оглядываясь. В коридор из клуба не доносилось никаких звуков: ни музыки, ни голосов, но каким-то образом чувствовалось, что опасность уже близко.

Заклинатель свернул за угол и на мгновение остановился, прислушиваясь. Тишина.

Он двинулся дальше. Сквозь пыльные, давно не мытые окна под потолком, струился темно-бородовый мигающий свет,

окрашивая стены и пол в цвет запекшейся крови. Ньялсага догадывался, что это всего-навсего электрический свет от рекламного щита, установленного напротив ночного клуба, но багровые сполохи изрядно действовало на нервы.

Внутри, словно предупреждая об опасности, звякнул колокольчик. Ньялсага не выдержал и снова обернулся — никого. Темный, заставленный ящиками и коробками коридор был совершенно пуст. Но заклинатель знал, как неожиданно и стремительно умеют появляться вампиры, возникать из темноты, за секунду до того кажущуюся безопасной.

Он вошел в умывальную комнату, оставив дверь открытой, щелкнул выключателем и огляделся. Неяркий свет лампочки под потолком осветил грязный кафельный пол, ряды заляпанных засохшим цементом умывальников, тусклые зеркала над фаянсовыми раковинами. В одном углу стояли бумажные мешки с цементом и деревянные ящики с плиткой, в другом — громоздилась куча пустых коробок: очевидно, владельцы клуба использовали помещение, как склад.

Ньялсага подошел к умывальнику, открутил кран. Тонкой струйкой потекла мутная желтая вода. Он принялся смывать засохшую кровь на ладони, время от времени машинально поглядывая в мутное зеркало на стене, хотя прекрасно знал об особенности вампиров не отражаться в зеркалах. От этого ощущение жути усиливалось: казалось, только обернись сейчас — и увидишь стоящего прямо за спиной старого вампира.

В памяти вдруг скользнуло воспоминание о мачете, что до поры до времени лежало в сумке у Кемена. В том, что потомок Хэрвелла сдержит свое слово, Ньялсага не сомневался. Именно поэтому он, а не кого-то другой был выбран на эту роль. И в нужный момент… впрочем, заклинатель надеялся, что до «нужного момента» дело не дойдет. Надежда, конечно, была слабой, но…

Он закрутил кран, вытер руки полой куртки, снова взглянул в зеркало и вдруг замер, уставившись в грязное заляпанное краской стекло. В зеркале по-прежнему виднелся угол пустой комнаты, приоткрытая дверь, но теперь Ньялсага знал точно: спиной кто-то стоит. Он с усилием оторвал взгляд от зеркала и резко обернулся.

…Трефалониус стоял так близко, что Ньялсага явственно почуял сладковатый запах тления и сырой земли.

— Заклинатель? — вкрадчиво спросил вампир-стряпчий и улыбнулся.

— Трефалониус? — в тон ему произнес Ньялсага: ничего оригинальнее не придумалось. — Зачем пожаловал? Разве ты не

возле Гинзоги должен быть? Вдруг ты ей понадобишься?

— А мы — каждый сам по себе, — отозвался стряпчий, сверля человека взглядом черных глаза. — Каждый своим делом занят и выполняет его по мере возможности усердно.

— А я… мы вот тоже, — Ньялсага попытался отодвинуться, но уперся спиной в фаянсовую раковину умывальника. — Примерно этим же занимаемся.

Он заметил краешек свернутого в трубку пергамента, торчавшего у Трефалониуса из рукава.

— Опять контракты?

— Оные бумаги настоящей силы покамест не имеют, — успокоил его вампир-стряпчий. — Но вскоре, надеюсь, пригодятся!

Он ловко затолкал пергамент поглубже в рукав.

— Контракт о продаже души, договор о продаже счастья, купчая на покупку воспоминаний! У каждого найдется, что продать, — Трефалониус медленно растянул губы в улыбке, словно оскалился. — Жизнь, год жизни, месяц, день и даже час! Сам посуди, что такое один день твоей жизни? Сию мелочь ты даже и не заметишь! А мне пригодится…

— Да мне и самому пригодится.

— Один день — сущий пустяк, для того, кто вскоре потеряет большее, — доброжелательно заметил вампир.

— Потеряю или нет, тебя это до поры до времени не касается, — оборвал его Ньялсага. — Торопиться не советую, для стряпчего, поспешность — не самое похвальное качество!

Вампир провел языком по губам.

— Разумные речи ведешь, — одобрительно сказал Трефалониус, не спуская глаз с Ньялсаги. — Впрочем, не обо мне сейчас разговор…

— Это почему же? — спросил Ньялсага. Больше всего на свете ему хотелось сейчас оказаться как можно дальше от Трефалониуса. Сила, исходящая от вампира, пугала его. — Я не прочь о тебе поговорить. Расскажи, как ты попал в Свору, за какие заслуги? Мошенничал, обманывал людей, разорял купцов, подделывал завещания?

— Наговоры и клевета, — отверг обвинения Трефалониус. — Роковое стечение обстоятельств увлекло всех этих людей в пучину бедности и страданий… туда им и дорога! — он потянул носом воздух и сглотнул слюну.

— А то, что ты убил свою жену и детей — тоже наговоры?

— А существуют ли документы, сие подтверждающие? — промурлыкал вампир, придвигаясь ближе. Липкий, тошнотворный холод исходил от него. — Нет таких бумаг…

Ньялсага бросил быстрый взгляд на дверь.

— Да, уж об этом ты позаботился, старый кровосос! Подчистил все документы, уничтожил бумаги, вот только с проклятьем… — Ньялсага снова попытался отодвинуться. — С проклятьем ты ничего не смог поделать!

Трефалониус вздрогнул.

— Боишься? Рано или поздно придется ответить за свои делишки. Ничто не спасет тебя!

Вампир злобно оскалил зубы.

— Ошибаешься! Теперь-то нам бояться нечего! Когда мы передадим тебя чародеям Ордена, они все наши проклятья уничтожат. Им это под силу…

— Зря надеешься. Думаешь, Гинзога о тебе вспомнит? Веришь обещаниям ведьмы? Брось, ты же стряпчий, должен знать цену обещаниям. Это всего лишь пустые слова!

— Я — правая рука Гинзоги! — прошипел Трефалониус в бешенстве. — Я ей нужен!

— Это я ей нужен, а не ты. Найти вампира для Своры — проще простого, а вот попробуй найти мага, который владеет редким заклинанием!

Ньялсага посмотрел в перекошенное от ярости лицо Трефалониуса.

— Да она о тебе она и не вспомнит! Проклятие обратит тебя в прах, а через недельку-другую в Своре появится новый вампир-стряпчий, вот и все!

Изо рта Трефалониуса вырвалось шипение.

Ньялсага мысленно поздравил себя: наконец-то, вампира удалось вывести из себя.

— По глазам вижу, не терпится меня прикончить. Зубы… то есть, руки коротки, Трефалониус: случись со мной что-нибудь, Гинзога расправится с собой не хуже смертельного проклятья!

— Тут ты прав, — сквозь зубы процедил Трефалониус. — Ты нам нужен живым!

— Вот именно. Так что — пошел отсюда!

Он махнул, указывая на дверь. Капля крови сорвалась с пальца и попала на руку стряпчего.

В следующее мгновение Ньялсага убедился, что совершенно позабыл о том, как стремительно могут двигаться вампиры. Трефалониус просто исчез из поля зрения, а в следующую секунду то-то темное и неописуемо сильное ударило его с мощью разъяренного тролля, сбило с ног и отбросило к стене. Трефалониус навалился всем телом и стиснул пальцы на горле, уставившись в лицо черными пустыми глазами.

Ньялсага попробовал оттолкнуть вампира: это было все

равно, что попытаться сдвинуть с места бетонную плиту. Тогда он уперся рукой в подбородок Трефалониуса, изо всех сил стараясь удержать вампира: отчаяние придает человеку силы, которых он сам от себя не ожидал.

Рыча, Трефалониус вцепился ему в волосы человека и рывком запрокинул голову. В последнее мгновение Ньялсага из последних сил подставил руку и тут же почувствовал острую боль: клыки вампира разорвали запястье.

— Кемен! — заорал Ньялсга. — Давай!

Ему показалось, что прошел целый час, прежде чем

дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался Кемен.

Потомок Хэрвелла действовал быстро и решительно. Сброшенная с плеча сумка полетела в сторону, Кемен выхватил нож и бросился к Ньялсаге.

Но тут тщательно продуманный план дал осечку.

Невесть откуда взявшийся Мунго-лис тенью проскользнул в комнату, плотно закрыл за собой дверь и щелкнул замком.

— В мире так много жестокости и насилия, — доверительно сообщил оборотень Кемену, бесшумно появляясь перед ним, хотя за секунду до этого стоял у порога. — По-моему, все мы нуждаемся в помощи. Нам следует заботиться друг о друге, открыто проявлять свои чувства. Мы можем начать прямо сейчас!

Потомок Хэрвелла не стал тратить время на разговоры. В лицо Мунго устремился кулак, но оборотень ловко увернулся снова оказался у Кемена на пути.

— Мы разучились слушать друг друга, вот в чем проблема, — мягко проговорил он и оскалился. Блеснули зубы: острые и мелкие, как у зверя. Мунго бросился вперед, но тут же отпрянул, словно наткнулся на невидимую стену: это сработал защитный амулет.

— Кемен! — снова заорал заклинатель, из последних сил удерживая Трефалониуса. Свободной рукой Ньялсага размахнулся и изо всех сил двинул вампира в зубы. Удар не столько причинил тому боль, только разозлил еще больше. Ньялсага собрался ударить снова, но

вампирская слюна уже начинала действовать: жертва впадала в оцепенение и уже не могла, да и не хотела сопротивляться. Голова закружилась, пол мягко качнулся раз, другой, норовя поменяться местами с потолком. Тревога сменилась равнодушием, боль — безразличием. Темная волна подхватила Ньялсагу и мягко потащила за собой, увлекая все глубже и глубже.

Глаза Мунго-лиса вспыхнули. Он бросился вперед и схватил Кемена, безо всякого труда удерживая человека.

— Мы слишком многое взваливаем на свои плечи: ответственность за других людей, за их жизни. Нелегко жить с таким грузом, — вкрадчиво продолжал Мунго. — Важно помнить, что рядом — друзья, а не враги! Недоверчивость — вот что мешает тебе двигаться дальше! Пора научиться доверять другим!

С этими словами оборотень с силой отшвырнул его в сторону.

Кемен отлетел на другой конец комнаты, с размаху ударившись о стену.

Нож отлетел на другой конец комнаты и со звоном прокатился по кафельному полу.

Трефалониус бросил взгляд на лезвие: черные глаза вампира расширились, лицо исказилось от ярости.

— Бронзовый клинок! — прорычал он, сквозь стиснутые зубы и кровь.

— Так вот что вы задумали!

— Нужно разделять ответственность с другими, — промурлыкал Мунго-лис, крадучись двигаясь к Кемену. В глазах оборотня горел желтый голодный огонь. — Непонимание — основа всех конфликтов!

Трефалониус снова схватил Ньялсагу за волосы и приятнул к себе.

— Вам нужна была кровь укушенного вампиром! — прорычал он в бешенстве.

Ньялсага смотрел в глаза вампира. Он знал, что сейчас произойдет, но ничего не мог поделать. Паника бушевала внутри: но, парализованный вампирской слюной, он не мог даже пошевелиться, лишь наблюдал, как человеческая личина Трефалониуса сползает и появляется другая: жуткая оскаленная морда существа на переходе от человека к зверю.

Острыми клыками Трефалониус полоснул себя по запястью, затем холодными сильными пальцами схватил Ньялсагу за лицо, не давая отвернуться.

— Хотели обмануть нас? — повторил он. Голос Трефалониуса тоже изменился и звучал жутко и шипяще. — Не получится!

Ньялсага сделал попытку дернуться или хотя бы стряхнуть руки Трефалониуса — безрезультатно. Холодный рассудок говорил, что долго так не продержаться и через секунду-другую Трефалониус все равно заставит его узнать, какова вампирская кровь на вкус. Значит, что у Кемена появится все-таки шанс пустить в вход мачете — если, конечно, потомок Хэрвелла сам останется в живых.

Откуда-то издалека донесся грохот. Трефалониус обернулся.

Выбитая дверь рухнула на пол, едва не задев отскочившего оборотня, и в комнату ворвался Лютер. Одного взгляда ему

хватило, чтобы понять, что происходит. Он бросился к Трефалонису, в руке его появилась фляжку. Лютер сорвал пробку и плеснул в лицо вампира водой.

Трефалониус взревел. Вода зашипела, и словно вскипела на его коже, окутав вампира облаком пара.

Стремительным движением «Бриммский василиск» подхватив с полу бронзовый нож, и всадил его Ньялсаге в плечо. Вампирская слюна притупила чувствительность, и боли почти не было.

В дверном проеме появился Марк, один за другим грохнули два выстрела. Ньялсага с трудом сообразил, что парень отогнал оборотня от Кемена. Раздался короткий яростный вой Мунго-лиса, задетого выстрелом. Грохнул еще один выстрел, но оборотень уже опомнился и метнулся в сторону.

Ньялсага собрал все силы, пытаясь стряхнуть оцепенение и подняться на ноги. Голова кружилась, ощущения были странные: как будто он пытался бежать во сне, но ноги были как ватные.

Ему почти удалось встать, когда грязный кафельный пол вдруг резко качнулся и поменялся местами с потолком..

С огромным трудом Ньялсага снова поднялся. Огнем горела рука, саднила спина, которой он приложился об умывальник, но боль казалась какой-то отвлеченной, какой-то чужой, а значит, вампирская слюна все еще действовала.

Он оперся на стену, зажимая раненое плечо.

В комнате кипела потасовка, время от времени гремели выстрелы: Марк пытался не подпускать Мунго-лиса к Кемену и Лютеру, которые сражались с Трефалониусом.

Одна пуля звонко щелкнула по кафелю за спиной Ньялсаги. Марк сопроводила промах неистовой руганью.

— Гоблин слабоумный, — пробормотал Ньялсага, еле ворочая языком. — Своих перестреляет!

Ему, во что бы то ни стало, надо было срочно вмешаться в происходящее: без помощи магии против старого вампира и оборотня долго не продержаться. Ньялсага знал один очень хороший способ быстро стряхнуть вампирское оцепенение, правда, к магии он не имел никакого отношения.

Держась за стенку, он подобрался поближе к дерущимся, улучил момент и ухватил Лютера за плечо.

Ослепительно полыхнула чужая аура ярко-синего цвета.

В другое время он, конечно, поразмышлял бы над этой загадкой: похоже, чувство вины за какой-то еще не совершенный поступок здорово испортит жизнь «Бриммскому василиску», причем, в самом ближайшем будущем, но сейчас думать об этом было некогда.

— Дай мне по морде! — заплетающимся языком приказал

Ньялсага. — Быстро!

— Чего?!

— От вампирской слюны люди впадают в оцепенение, а мне надо скорее прийти в себя. Если ты мне врежешь, я очухаюсь. Можешь меня ударить?

— Конечно, — отозвался «Бриммский василиск», сообразивший, в чем дело. — С большим удовольствием!

В следующую секунду Ньялсага отлетел к стене, приложился спиной и сполз на пол: рука у Лютера оказалась тяжелой.

Заклинатель потряс головой, пытаясь разогнать мельтешащих перед глазами огненных мушек, потом осторожно ощупал челюсть — вроде цела.

— Еще разок? — с неслыханной доброжелательностью поинтересовался «Бриммский василиск», наклоняясь над ним.

Ньялсага провел языком по зубам, проверяя, все ли на месте и невнятно промычал.

— Хватит…

Цепляясь за край умывальника, он поднялся на ноги. В голове немного прояснилось, правда, непонятно — надолго ли?

— Держите вампира! — скомандовал он. — Кемен, уноси нож!

Тот подхватил футляр с драгоценным грузом, но Мунго-лис вцепился в человека мертвой хваткой. Кемен попытался оторвать от себя оборотня, но мешала шкатулка в руках. Тогда он бросил ее Марку и крикнул:

— Держи!

Парень ловко поймал деревянный ящичек и бросился к дверям.

Ньялсага выругался: шкатулка с драгоценным ножом оказалась не в тех руках, и это обстоятельство пугало его гораздо сильней, чем разъяренный вампир и злобный оборотень вместе взятые.

— Кемен! Догони его и забери нож! Быстро!

Потомок Хэрвелла с размаху заехал оборотню в лицо локтем. Вряд ли это могло причинить боль Мунго-лису, зато подарило Кемену драгоценную секунду. В его ладонь скользнуло из рукава длинное узкое лезвие старинного стилета, блеснувшее серебром. Оборотень отскочил и оскалил зубы.

Тут к огромному облегчению, по еле заметной вибрации воздуха Ньялсага догадался, что охранные амулеты снова активировались.

Догадался об этом и Мунго: из его пасти вырвалось громкое разъяренное шипение.

— В сторону! — крикнул Ньялсага Кемену и Лютеру.

Наскоро сплетенное заклятье — и перед вампиром и оборотнем вспыхнул огненный барьер.

— На сколько это их задержит? — быстро спросил Кемен, подхватывая с пола спортивную сумку.

— Ненадолго, — признался Ньялсга, не сводя глаз с оборотня и вампира. — Догони Марка и забери шкатулку!

Кемен мгновенно исчез.

— Ты — тоже! — скомандовал заклинатель Лютеру. — Уходи!

Когда стих в коридоре звук торопливых шагов, Ньялсага осторожно, не поворачиваясь спиной к Трефалониусу и Мунго-лису, отступил к порогу.

— Если мы по-прежнему нужны Гинзоге, — проговорил Ньялсана. — Пусть она придет за нами!

…Марк выскользнул из служебного коридора в общий зал и быстро огляделся. Гинзоги не было видно, значит, старая змея еще ничего не заподозрила. Стало быть, не так уж она и умна, если не догадывается, что рядом с ней — ее смерть!

Марк сунул деревянный футляр под куртку. По-хорошему, надо бы дождаться Кемена и передать шкатулку ему. Кажется, именно так приказывал заклинатель минуту назад.

Кемен, наверное, и убьет ведьму, ведь чародей-то скорее всего пустит в ход свою магию! Говорят, он крутой заклинатель, умеет многое. Ну, крутой-то крутой, а с вампиром в одиночку справиться не смог. Да и оборотень… кто его чуть не пристрелил? Будет теперь рыжий Мунго знать, что он, Марк, не лыком шит и может безо всякого волшебства оборотня прикончить.

А если понадобится — то и саму ведьму!

Он оглянулся: Кемена все еще не было. Марк немного поколебался: нести футляр с ножом должен был именно Кемен, вчера вечером они подробно обговорили каждый шаг. Немного, конечно, раздражало, что и Кемен и Лютер все еще считают его неопытным новичком и ничего серьезного не доверяют. Твердят, что когда имеешь дело с нечистью, главное — осторожность. Перестраховываются, боятся чего-то…

Он снова осмотрелся.

В конце концов, донести шкатулку до машины — дело пяти минут, да и опасности никакой нет.

Сохраняя спокойный вид, держа под курткой узкий футляр-шкатулку с клинком, он пересек первый зал.

Немного даже жаль, что все так просто получается. Ведьма по-прежнему не подозревает, что совсем скоро ей конец. Да если бы и подозревала — нож-то вот он где!

Марк сжал шкатулку крепче. Сунется ведьма — найдет свою смерть!

Он испытал даже что-то вроде легкого разочарования от того, что она так и не появилась.

В следующем зале он заметил высокого стройного парня в черном плаще, который самым непринужденным образом вел беседу с некромантом, дядюшкой Фю. Увидев Марка, Ява слегка изменился в лице. Марк слегка кивнул и быстро пошел к выходу, краем глаза заметив, что Ява сердечно прощается с дядюшкой Фю, а тот добродушно машет ему рукой. Кемен говорил, некромант — опасная тварь. Опасная или нет, жить некроманту осталось всего ничего! Сначала они разделаются с мертвой ведьмой, а потом и за Свору примутся. Докажут, что и без магии и колдовства с нечистью справиться можно!

Марк прибавил ход и через мгновение оказался за дверями «Химеры».

Оказавшись на улице, он припустил бегом, так что ветер в ушах засвистел. В два прыжка перелетел чахлый газон, проломился сквозь живую изгородь из невысоких кустов, свернул на парковку, и помчался вдоль рядов машин.

Вчера долго спорили, выбирали, куда выманить Гинзогу. В результате, все согласились, что лучшее место — берег, тот самый, где когда-то и появилась мертвая ведьма со своей Сворой. И как только Гинзога обо всем догадается, она сообразит, где ее поджидают! И, конечно, не заставит себя ждать…

Позади неожиданно громко хлопнула дверь клуба.

Марк быстро оглянулся: никого.

Налетевший порыв ветра швырнул ему в лицо пыль, обрывки бумажек и сухие листья. Вдруг возникла неожиданная мысль: может, надо было сделать так, как велел заклинатель? Передать шкатулку Кемену? Не зря ведь заклинатель так настаивал на этом?

На ходу, придерживая одной рукой шкатулку, Марк нашарил ключи. Что гадать, надо или не надо? Он доставил шкатулку, сделал все, как полагается. Сейчас спрячет ее в машине, а потом…

Внезапно он остановился, как вкопанный.

Перед ним стояла девушка.

Марк удивленно захлопал глазами: откуда она взялась? Еще минуту назад кругом никого не было.

Девушка была невысокой, стройной, красивой какой-то несовременной, нездешней красотой. Длинные черные косы были уложены короной и скреплены высоким золотым гребнем, яркие синие глаза смотрели без тени страха, с легким любопытством.

Одета красавица была так, словно собиралась на маскарад: в длинное синее платье, на плечи был наброшен плащ, скрепленный на плече пряжкой с камнями.

В следующую секунду Марк догадался, кто это. Конечно, тот самый человек, гость, которого отправился искать один из друзей заклинателя, бывший легионер. И хоть Кемен говорил, что у этого парня какие-то особые приемчики, помогающие искать незваных гостей, не так-то он, значит, и крут, если не обнаружил гостя!

А вот ему, Марку, «попаданец» сам в руки пришел!

Это хорошо, конечно… но что теперь делать?

В памяти сами собой всплыли слова Кемена. Тот говорил, кажется, что любой, попавший сюда, может быть опасен и что не стоит доверять человеку только потому, что это — человек?

В кармане куртки Марк нащупал рукоять пистолет.

Кемен бы на его месте не колебался. Но…

Марк переступил с ноги на ноги.

А вот заклинатель говорил совсем другое: нельзя убивать человека, попавшего сюда не по своей воле. А что, если прав он, а не Кемен? И чем может быть опасна такая красивая девушка?

— Вот что, — растерянно начал он. — Ты…

Неожиданно девушка улыбнулась.

Марк почувствовал, как по его спине поползли ледяные мурашки.

Она улыбалась не ему, а тому, кто стоял за его спиной.

Медленно, очень медленно Марк обернулся.

Позади стоял Мунго-лис.

Глава-10

Ветер швырнул в лицо Алине пригоршню песка, вперемешку с мусором. Она вполголоса выругалась.

— И как это он тебя не зарезал! — Алина затянула узел повязки на руке Ньялсаги. Бинтом послужила полоска ткани, которую пришлось оторвать от полы собственной блузки. — А по лицу тебя ударил тоже Лютер?

— Святые ежики, — здорово он приложил! — сочувственно пробасил Бахрам, сжимая в руке любимую алебарду. Он появился на берегу минуту назад, но уже успел расспросить Яву обо всем, что произошло в «Химере».

— Нужно было стряхнуть вампирскую магию, — пояснил Ньялсана. — А вот и они! — в голосе его прозвучало облечение. — Шкатулка у Кемена.

Послышался шум мотора и две машины вылетели на берег.

— Бахрам, «попаданца» так и не отыскал? — мельком спросил Ньялсага.

— Ну… — тот озадаченно поскреб в голове и покосился на ворона Дэберхема, сидевшего на ветке дерева неподалеку. — Старался я, но никак…

Дверцы машин распахнулись почти одновременно. Из джипа выскочил Лютер и бросился к пикапу Кемена. Кемен перебросился с ним парой слов, захлопнул дверцу и заторопился к Ньялсаге.

— Марк не с вами? — тревожно спросил Кемен.

— Что? — переспросил Ньялсага, чувствуя, как в сердце закрадывается холодок. — Он же… ты не забрал у него шкатулку?!

Кемен покачал головой.

— Я же сказал забрать!

— Когда я вышел в зал, его там уже не было!

— И где он?! — сверкая глазами, поинтересовалась Алина. — Куда делся?

— Я думал, может, он с вами?

Кемен бросил взгляд по сторонам.

Ньялсага сделал глубокий вдох и очень медленно выдохнул, чтобы успокоиться.

— Ты не забрал у него нож? — повторил он очень медленно, почти по слогам, хотя и так было уже все ясно.

— Я видел этого парня, — вмешался Ява. — Он шел к выходу. Я хотел его догнать, да пока от дядюшки Фю отвязался, он уже

исчез.

Ньялсага приложил ладонь ко лбу. Рука оказались холодной, как лед.

— Ясно. Значит, он сам решил донести до машины нож, — упавшим голосом проговорил заклинатель. — Проклятье!

— И куда он делся?! — свирепо рявкнул Бахрам. — По дороге заблудился, что ли? Где он? — Бахрам сердито уставился на Кемена. — Где?

За Кемена ответил Ньялсага.

— Его больше нет. Кто-то из Своры добрался до него.

…Как не готовились они к появлению Гинзоги и ее подручных, как ни озирались по сторонам, силясь угадать, с какой стороны нагрянет опасность, Свора появилась неожиданно.

Мертвая ведьма проделала тот же трюк, что и при первом появлении: шагнула на песок из сгустившегося тумана. Она поменяла наряд: сейчас вместо голубого бального платья, Гинзога была укутана в длинный темный плащ, застегнутый у ворота брошью с черным прозрачным камнем.

Вслед за ней из тумана появилась свита: дядюшка Фю, чьи глаза лучились добродушной усмешкой, словно все происходящее доставляло ему огромное удовольствие, вампир Трефалониус, выглядевший бледнее, чем обычно, и Мунго-лис. На губах оборотня играла улыбка. Последним из тумана показался призрачный рыцарь. Он остановил коня чуть поодаль и повернул голову, рассматривая людей. В прорезях шлема плясало багровое пламя.

Не проронив ни слова, Гинзога направилась к людям. Губы ее были сжаты, глаза метали молнии.

— Только хороший вкус не позволяет мне произнести самую банальную на свете фразу: «Постараемся продать наши жизни подороже»! — брякнул Ява.

— Шутки у тебя, — буркнула Алина. — Идиотские какие-то…

— Это был черный юмор, Алина, — пояснил Ява.

Гинзога остановилась, испепеляя людей взглядом.

— Потеряли кого-то? — прошипела она. — А может быть, что-то? Не это, случайно?

В руках у нее появился небольшой ларец, тот самый, в котором покоился бронзовый кинжал, смоченный в крови «увидевшего вечную ночь».

Ньялсага взглянул на ларец, на сытого оборотня — и все понял.

Дядюшка Фю усмехнулся.

Гинзога размахнулась и швырнула ларец в море.

— Хотите узнать, что бывает с теми, кто осмеливается бросить мне вызов! Ни одному из вас не суждено умереть так легко, как вашему мальчишка!

Мунго-лис громко икнул.

Сверкнул серебряный нож — Лютер бросился на ведьму.

Гинзога даже не повернула головы. Лишь выставила перед собой ладонь — и «Бриммский василиск» словно наткнулся на невидимую прочную стену.

— Я могла бы стереть тебя в порошок и развеять по ветру, — прошипела она и только при этих словах взглянула на него. — Но уже обещала тебя кое-кому. А я всегда держу слово!

Ведьма повернулась к некроманту и кивнула.

— Как и договаривались, Фюзорис.

— Благодарю, от всего сердца благодарю!

Дядюшка Фю взглянул на «Бриммского василиска», пожевал губами и довольно улыбнулся.

— А что это ты, медовый мой, побледнел как будто? Скоро мы с тобой, поговорим, по душам потолкуем… очень я этого жду, клубничный мой, очень жду… нам ведь поговорить-то есть о чем, хе-хе…

Гинзога сделала несколько шагов и остановилась напротив Ньялсаги.

— Что ж, бессмертные, — негромко проговорила она. — Чародеи Сумеречного Ордена заждались вас!

Она взглянула на Кемена.

— А с тобой будет особый разговор. Долго я ждала возможности поквитаться с Хэрвеллом! И пусть сам он ускользнул от меня, но ты, потомок моего врага, теперь в моих руках и в моей власти!

Ведьма обвела всех взглядом.

— Ну, что ж, — она сделала паузу. — Время!

Издалека донесся бой часов.

В сыром морском воздухе звук курантов прозвучал глухо и зловеще.

— Добро пожаловать в Свору. Клятва, произнесенная вслух, не может быть нарушена! Никому не под силу расторгнуть ее.

Ньялсага и Кемен переглянулись.

Потомок Хэрвелла еле заметно кивнул.

Черный ворон Деберхем, сидевший на суку высохшего дерева, замер.

Ньялсага собрался с духом: пора было переходить к запасному плану и молиться всем богам сразу, чтобы не было осечки.

— Не торопись, Гинзога, — проговорил он.

В ту же секунду, он услышал, как сзади коротко вжикнула молния сумки Кемена и почувствовал, как шеи его коснулась холодная сталь.

И как волшебству, исчезли волнение и беспокойство, на смену им пришла холодная твердая решимость.

Глаза ведьмы расширились от удивления: Кемен держал у горла заклинателя сверкающее, отточенное, как бритва, лезвие. Рука его была крепкой, глаза смотрели твердо.

Трефалониус сделал маленький, почти незаметный шажок вперед.

— Назад! — тут же скомандовал Кемен.

Вампир, поколебавшись, отступил.

— Видишь ли, Гинзога, — самым спокойным голосом начал заклинатель, чувствуя, как холодит кожу сталь. — Времени, отпущенного тобой, у нас было немного, но мы его потратили с пользой. Думали, размышляли, чем бы тебя удивить?

— И что придумали? — сквозь зубы прошипела Гинзога. Ее рука поползла к арбалету и мертвой хваткой сжала рукоять.

Ньялсага в упор взглянул в голубые глаза ведьмы. Выглядела Гинзога молодо… наверное, такой она и была при жизни, до того дня, когда матери убитых ею детей отправили ведьму на костер, вот только глаза… глаза мертвой ведьмы были пустыми и безжизненными.

— Хотим предложить сделку. Ты ведь любишь заключать сделки, Гинзога?

— Время сделок прошло! — ведьма в ярости выплюнула эти слова. — Ты слышал бой часов? Еще минута — и вы все будете принадлежать мне, а ты, — она пригвоздила Ньялсагу взглядом. — Очень окажешься во власти чародеев Ордена, и твою жизнь будут вытягивать по капле! И это будет длиться целую вечность!

Ньялсга вздохнул с деланным сожалением.

— А ты станешь свободной от проклятия, так? Нет, ведьма, не радуйся раньше времени. Не будет у тебя заклинателя. Не получишь ты того, кто способен вызвать Соранг, а значит, не будет и главного козыря в торге с Орденом! Придется тебе выслушать меня и… — Ньялсага мельком взглянул на потрясенные лица друзей. — Согласиться на сделку. Иначе…

— Я не соглашусь! — прошипела Гинзога.

— Согласишься, куда ты денешься. А если нет, потомок Хэрвелла снесет мне голову раньше, чем ты успеешь открыть рот. Гинзога! — предостерегающе воскликнул он, заметив, что пальцы ведьмы осторожно складываются в магический знак. — Я бы на твоем месте не шевелился: у него отличная реакция. Ты ведь не

хочешь увидеть меня без головы? Помни: мертвым я не представляю для тебя никакого интереса: мои магические способности исчезнут!

— Ты все это задумал, — голосом, дрожащим от негодования, начала Алина. — А нам ничего не сказал? Почему?!

— Вы бы не одобрили, — честно признался Ньялсага, не сводя глаз с ведьмы.

— Святые ежики, да уж конечно! — возмущенно воскликнул Бахрам.

Глаза Гинзоги метали молнии.

— Говори, что за сделка? — приказала она.

Ньялсага перевел дух, хотя расслабляться было еще рано. Он мельком взглянул на Кемена: тот зорко следил за каждым движением ведьмы.

— Взаимовыгодная. Если коротко: предлагаю мою жизнь в обмен на жизни других и фарфоровый медальон впридачу.

— Что?! — одновременно воскликнули Ява и Алина.

Гинзога коснулась украшения.

— Медальон? Как ты узнал о нем? Как догадался, что это такое?

— Узнал. И еще одно условие: ты уберешься отсюда, никому не причинив вреда. Это вкратце, детали обговорим позже. Согласна?

Гинзога стиснута в кулаке медальон.

— Нет, проклятый заклинатель! Хочешь обмануть меня, как когда-то Хэрвелл?! Сделка невыгодна!

— Как сказать, — философски проговорил Ньялсага, стараясь не двигаться: Кемен прижал лезвие слишком сильно и заклинатель всерьез опасался, что еще немного — и тот зарежет его, не дожидаясь развития событий.

— Ты получишь того, за кем много лет охотится Сумеречный Орден! Когда ты преподнесешь им такой подарок, разве они не захотят отблагодарить тебя? Разве откажутся снять проклятие? Для них это сущая безделица, а для тебя — вопрос жизни и смерти. Жизни и смерти, Гинзога, — он постарался вложить в свой голос побольше издевки. — Не правда ли, забавно звучит, если речь идет о том, кто давно уже мертв?

Он с удовольствием посмотрел на исказившееся от ярости лицо ведьмы и продолжил:

— Ладно, не хочешь, как хочешь. Тогда можешь полюбоваться, как потомок Хэрвелла прикончит меня на твоих глазах. Будет что вспомнить, когда смертельное проклятие настигнет тебя!

Гинзога топнула ногой.

— Лжешь, заклинатель! Твой друг не сделает этого!

— Он мне не друг, — ответил Ньялсага, снова мельком взглянув на Кемена: тот был бледен, но спокоен. — Потому-то и держит сейчас нож у моего горла. Друзья вряд ли смогут убить меня, но потомок Хэрвелла сможет!

— И чего ты добьешься? — выкрикнула Гинзога. — У меня останутся бессмертные!

Она сделала шаг вперед, Ньялсага тут же почувствовал, как что-то теплое поползло по шее. Кровь. Слова у Кемена не расходились с делом.

— Назад, ведьма! — приказал Кемен.

Трефалониус громко проглотил слюну. Глаза его внезапно сделались пустыми и угольно-черными, как недавно, в «Химере».

— Если ты его убьешь… — ведьма сжала кулаки. — Я сделаю так, что ты пожалеешь о том, что на свет родился!

— Ты и так это сделаешь, — ответил Кемен.

Струйка крови поползла за воротник, Ньялсага поморщился.

— Лучше не зли его, Гинзога. Я заставил его поклясться, что он убьет меня, если ты не согласишься на сделку. Не сомневайся: он это сделает. Ты хорошо знала самого Хэрвелла, чтобы понять, что его потомок точно такой же — упертый категоричный фанатик. У него аура цвета огня, если тебе это о чем-то говорит.

Гинзога поспешно шагнула назад.

— Аура? — переспросил Кемен.

— Я их вижу, — пояснил Ньялсага. — Цвет ауры многое может сказать о характере человеке, о его будущем. Ну, и еще кое-что по мелочам.

— Сказки все это, — пробурчал «Бриммский василиск».

— Твоя аура синяя, если тебе интересно, — сообщил заклинатель.

— И что это значит?

— Поиск.

— И чего я ищу? — скептически поинтересовался Лютер.

— Не чего, а кого, — пояснил Ньялсага. — Себя.

В ответ Лютер пробормотал что-то неразборчивое.

— Не хочешь, не верь, дело твое, — Ньялсага снова перевел взгляд на ведьму.

— Продолжим светскую беседу, Гинзога. Гм… значит, говоришь, у тебя останутся бессмертные?

Он мельком глянул на друзей.

— Останутся… но Ордену гораздо важней я. Им нужен Соранг, а кроме меня никто не знает, как его вызвать! И, Гинзога, — в голосе Ньялсаги появилась вкрадчивость. — Что будет, если те-кто-в-сумерках узнают, что заклинатель, тот

самый, который умел призывать волшебный ветер, погиб по твоей вине? Думаешь, они простят тебе мою смерть? Нет! Они отомстят тебе и отомстят жестоко. Например, добавят кое-что к твоему проклятью. Они могут, ты знаешь!

Гинзога с досадой прикусила губу.

Целую вечность мертвая ведьма хранила зловещее молчание, потом устремила ледяной взгляд на Кемена.

— Опусти меч, потомок Хэрвелла, — прорычала она.

Кемен не шелохнулся.

— Опусти меч! — рявкнула ведьма. — Я согласна!

Ньялсага, помедлив, кивнул и Кемен опустил оружие. Заклинатель вытер ладонью кровь с шеи.

— А теперь, Гинзога, поговорим о деталях.

… Вечер уступил место ночи. С моря медленно ползла сизая клубящаяся мгла, захватывая сначала берег, затем — набережную и город, а потом — и весь белый свет.

Гинзога пристально смотрела на людей, поглаживая арбалет. Дядюшка Фю и Трефалониус поглядывали то на нее, то на скрывшийся за белой пеленой город. Мунго-лис ковырял песок носком башмака, а призрачный рыцарь Харгал сидел на коне, неподвижный, точно изваяние.

Неожиданно ведьма улыбнулась, точно вспомнила что-то приятное.

— Хорошо, заклинатель, — медленно проговорила она, не сводя с него прищуренных глаз. — Стало быть, ты хочешь заключить сделку: себя в обмен на жизни других? Если я соглашусь, ты по своей воле присоединишься к моей Своре, отдашь себя в мою полную власть?

Слова Гинзоги прозвучали в ушах Ньялсаги похоронным маршем.

— Да, — ответил он и будто наяву услышал стук, с которым опускается на плаху топор палача.

Мертвая ведьма довольно усмехнулась.

— Будь, как пожелаешь, — сладко промолвила она. — Я согласна на сделку. Заключим же наше соглашение!

Ньялсага насторожился: уж больно ласково зазвучал вдруг ее голос.

— Будь начеку, — шепнул он Кемену. — Она что-то задумала!

— Правила тебе известны, — продолжала Гинзога, глянув на Трефалониуса. Вампир-стряпчий солидно кивнул. — Произнеси клятву вслух!

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится у человека

перед глазами. Так ли это, никто сказать не может: умершие держат в тайне свои секреты. Но перед мысленным взором Ньялсаги и впрямь пронеслась вся жизнь, только не прошлая, а будущая. Лицо главного чародея Сумеречного Ордена появилось перед его глазами: во взоре мага сияло торжество и злорадство. Ньялсага тряхнул головой, отогняя страшное видение и произнес все, что полагается.

Откуда-то издалека донесся голос Алины.

— Взгляни, — тихо сказала она.

Ньялсага опустил взгляд: на тыльной стороне ладони медленно проступала серебристая печать Своры. Точно такая же имелась у Трефалониуса, дядюшки Фю и Мунго-лиса.

Гинзога подхватила юбки и прошлась по песку. Мертвая ведьма снова была решительна, уверена в себе и смертельно опасна.

— Теперь, — негромко проговорила она. — Когда ты, заклинатель, в моих руках, я хочу сообщить кое-что.

Она покачала головой.

— Самонадеянные глупцы! Кому-кому, а мне известно о сделках гораздо больше, чем вам!

— К чему ты клонишь? — насторожился Ньялсага.

Гинзога щелкнула пальцами.

— Трефалониус!

Вампир-стряпчий приблизился и с поклоном подал ведьме деревянный лакированный футляр для свитков.

Затем стряпчий скромно отступил в сторону, бросил взгляд на шею Ньялсаги со следами засохшей крови и быстро облизнулся.

— Что это? — Кемен кивнул на футляр.

Гинзога, не торопясь, вынула свернутый в трубку старый пожелтевший пергамент.

— Весьма интересный документ, — любезно отозвалась ведьма. — И касается он тебя, потомок Хэрвелла!

— Меня? Какой документ?

— Сейчас узнаешь. Прежде позволь поведать вам одну историю…

Гинзога вернула пустой футляр Трефалониусу и осторожно развернула ветхий пергаментный лист.

— Много лет назад, когда люди почему-то решили, что мир должен принадлежать только им, они объявили войну другим существам: вампирам, призракам, химерам и ламиям…

— Все они охотились на людей, — перебил Кемен. — Вся эта нечисть…

Гинзога бросила на него холодный взгляд.

— Нечисть, как ты изволишь выражаться, жила на этой земле подольше, чем вы, так что имела полное право на существование. Мы еще потолкуем с тобой об этом, потомок моего врага… — многозначительно пообещала она. — Но не сейчас. Сейчас я продолжу рассказ. Долгие годы шла беспощадная война, охотники истребляли… гм… ты сказал «нечисть»? Хорошо, пусть будет так. Люди убивали нечисть, нечисть убивала людей. Борьба шла с переменным успехом, но… иногда и тем и другим требовалась передышка. Тогда-то и появился обычай заключать договор о поединках…

— Ложь! Никогда не слышал о таком, — снова встрял Кемен. — Люди никогда бы не стали заключать никаких договоров!

Гинзога повернулась к Ньялсаге.

— А ты, мой заклинатель, — голосом, сладким, как отравленное вино, осведомилась она. — Неужели и ты ничего не слышал об этом?

Он постарался не обращать внимания на издевательский тон.

— Слышал что-то такое… выбирался один человек и кто-нибудь от… э… противника и устраивался поединок. Если побеждал человек, нечисть семь лет не имела права показываться в их краях…

Гинзога кивнула

— А если побеждали мы, то на семь лет становились хозяевами земель. Люди покидали свои дома, и сроку у них было — до наступления темноты. Если же, с заходом ночи, мы настигала их на нашей территории, то…

Гинзога сделала выразительную паузу.

— А что было с теми, кто не мог уйти? Они на семь лет оставалось без защиты? — хмуро спросил Ява.

Дядюшка Фю развел руками.

— Оставались, медовый мой, оставались! Но ведь что тут сделаешь? Уговор есть уговор! Всяк, как говорится…

— А при чем здесь Хэрвелл? — грубо перебил рассуждения некроманта Кемен.

— Как же «при чем» сахарный мой? — всплеснул руками нисколько не обидевшийся дядюшка Фю. — При том, что ведь и он когда-то такой договорец заключил!

— Вранье! — отрезал Кемен. — Не существует такого договора!

Дядюшка Фю добродушно улыбнулся.

— Еще как существует, любезный ты мой, еще как! А впрочем, что это я? — деланно спохватился он. — Все слова да слова… а ведь словам веры нет! Ну, да ведь всегда можно на

документик взглянуть! Убедиться, так сказать, удостовериться!

Гинзога подняла руку, и он тотчас умолк.

— Договор был заключен, — негромко проговорила ведьма. — Но поединок не состоялся. По какой-то причине он был отложен.

Кемен взглянул на пергамент.

— Как он попал к тебе?

— Я узнала, что под договором стоит подпись Хэрвелла и перекупила документ… на всякий случай. Много лет хранился он у меня, а вот теперь и пригодился!

— Пригодился? — переспросил Ява. — Для чего?

Ньялсага прикусил губу: он разгадал ловушку, в которую загоняла их Гинзога.

— Обязательство по договору переходят к тебе, потомок моего врага, — поясила ведьма.

Трефалониус согласно кивнул.

— Оный документ не имеет срока давности, — сообщил вампир-стряпчий.

— Так что все справедливо. И благоволите обратить внимание на любопытнейшие условия договора…

Черные глаза вампира блеснули.

— Чем же они любопытны? — процедил Лютер.

— Тем, что участников поединка выбирает тот, кто обладает этим документом, — Гинзога улыбнулась. — Разве я не говорила вам, что еще никому не удавалось обмануть меня?

— Святые ежики, а бумажка-то настоящая? — громогласно осведомился Бахрам, не потерявший присутствия духа.

Не отрывая глаз от Кемена, Гинзога небрежно протянула пергамент Ньялсаге.

— Проверь, заклинатель. Я играю по-честному!

— Пора бы старушке уже угомониться, а не в игры играть, — пробормотал Ява.

Гинзога метнула в его сторону острый взгляд.

С тяжелым сердцем Ньялсага взял свиток и пропустил пергамент между пальцев.

— Документ подлинный, — нехотя признал он.

— Здесь много подписей, — заметила Алина, глядя через плечо Ньялсаги.

— Договор подписали не только соратники Хэрвелла, но и несколько храмовых рыцарей, тех, кто охотился в то время на вампиров и химер, — пояснила Гинзога. — И кстати… если кто-нибудь из них появился бы сейчас здесь, то, по условиям договора, мог бы заменить в поединке любого из вас.

— Да, клубничные мои, это бы хорошо! — тут же

откликнулся дядюшка Фю. — Да только кто явится-то? И охотники, и рыцари — все они обычными смертными людьми были, так что давным-давно обретают, так сказать, по другую сторону реки! Коротка жизнь у смертных, — некромант сложил руки на животе и сокрушенно покачал головой. — Уж так коротка!

— Теперь проверь, по праву ли договор принадлежит мне? — приказала Гинзога Ньялсаге.

Он поколебался, вздохнул и положил ладонь на пергамент, испещренный острыми буквами с росчерками и завитушками. Печать Своры на руке проступала все отчетливей.

Через мгновение Ньялсага свернул пергамент и протянул Кемену.

— Она действительно перекупила документ. Все по-честному. Все обязательства со стороны нелюдей перешли к ней…

— А все обязательства со стороны людей — ко мне? — уточнил потомок Хэрвелла.

— Да. И теперь она имеет право выбрать участника поединка. Его можно заменить, но… вместо него должен выйти тот, чья подпись стоит под договором.

Кемен закусил губу.

Гинзога кивнула.

— Схватка без обмана, — издевательски сказала она и обвела людей взглядом. — Люди против… нечисти. Кого же выбрать?

Она сделала вид, что задумалась.

— Наверное, это должен быть ты? — Гинзога посмотрела на Кемена. — В свое время я не закончила разговор с Хэрвеллом. Теперь пришла пора расставить все по своим местам!

Гинзога подошла ближе.

— Готов ли ты сразиться? Выиграешь — мы исчезаем. Проиграешь — и все вы — мои, все, до одного!

На губах дядюшки Фю появилась усмешка, словно старый некромант вспомнил что-то черезвычайно забавное.

— Отказаться вы не можете, — продолжала Гинзога. — Победить вам не суждено. Так к чему тянуть время? Вас ждет смерть… нет, не смерть, — тут же поправилась она. — Кое-что поинтересней!

Ява хмыкнул.

— Да что интересного-то? Лично меня это «кое-что» не интересует: я не увлекаюсь женщинами в возрасте. Некрофилия — не мой конек!

Глаза Гинзоги вспыхнули, а ее рука метнулась к Яве быстрее атакующей змеи и стиснула его горло холодными пальцами. В мгновение ока человеческая личина упала с Гинзоги и в лицо Яве

глянула мертвая ведьма: с красной обожженной кожей, с клочьями обгоревших волос.

— Думаешь, можешь дерзить мне безнаказанно? Посмотрим, что ты сейчас запоешь! — яростно прошипела она. — Потому что именно ты, а не потомок Хэрвелла, выйдешь на поединок! Вас, бессмертных, четверо, так что одним я могу и пожертвовать!

Она оттолкнула Яву, повернулась к остальной Своре и махнула рукой.

Напуганный резким движением, черный ворон сорвался с ветки и взмыл в небо. Внезапно ударил налетевший с моря порыв ветра и тотчас, будто по команде, преобразилась и остальная Свора. Рядом с Гинзогой стоял, скаля зубы, коренастый оборотень, покрытый клочками рыжей шерсти, старый некромант с трупными пятнами на лице, улыбался, и вампир, в покрытой бурыми пятнами одежде.

— Харгал! — выкрикнула мертвая ведьма, перекрикивая шум ветра и плеск волн. Ее длинный, в прорехах, плащ реял по ветру, как черный флаг.

Призрачный рыцарь тронул коня и подъехал ближе. В прорезях опущенного забрала его шлема бушевал огонь.

— Твой противник, — сообщила ведьма Яве. — Готов ли ты к бою?

Она уперла руку в бок и оскалила в усмешке зубы.

— Попробуй убить проклятого!

— Гинзога, это нечестно, — встрял Ньялсага.

— Молчать, заклинатель! Каждый получит то, что заслужил!

Она повернулась к некроманту.

— Фюзорис!

Дядюшка Фю, неслышно ступая по песку, приблизился к Яве. В руках некроманта сам собой появился длинный сверкающий меч.

Фюзорис с поклоном вручил его Яве.

— Держи, медовый мой, сахарный! Оно, конечно, ни к чему тебе все это, время только терять! Ты уж прости, запамятовали тебя предупредить: ведь Харгала-то обычному человеку не уничтожить, а ты, голубь мой, самый обычный человечек, хоть и бессмертный…

Дядюшка Фю развел руками:

— Но договор, есть договор. Так что, ты сражайся, а мы поглядим, потешимся!

Он отступил на шаг и склонил голову к плечу. Ветер трепал его длинные седые волосы.

— Да ты, никак, и меч-то впервые в руки взял? — сочувственно спросил некромант. — Трудненько тебе придется…

ну, да что делать? Все мы когда-нибудь в первый раз…

Свора сгрудилась на песке, отступила, очищая место для поединка.

Призрачный конь остановился, кося багровым глазом на людей.

Харгал медленно перекинул поводья и спрыгнул на песок.

Стоило призраку коснуться земли, как воин-предатель обрел плоть. Звякнула кольчуга, скрипнули сапоги, прошуршал песок под его ногами. Однорукий телохранитель Гинзоги с лязгом вытащил меч из ножен.

— Ну, что? — тихо и зловеще спросила ведьма, глядя на Яву. — Куда подевалась твоя дерзость? Что же ты молчишь? Не хочешь ли сказать что-нибудь?

Она подняла голову и обвела взглядом людей.

— Все вы, все до одного будете в Своре!

Дядюшка Фю выступил вперед.

— И как расчудесно-то будет, золотые мои! Как замечательно! И в самом деле, чего время-то тянуть? Чему быть, того, как говорится, не миновать!

Он посмотрел на Лютера.

— И пусть, голуби мои, как написано в договоре, поединок будет честным, хе-хе!

И никто не слышал, как Гинзога тихо пробормотала себе под нос:

— Но я не люблю честные поединки…

Внезапно Ява почувствовал то, что не чувствовал давным-давно — страх.

Над заливом неслись темные грозовые тучи, где-то далеко громыхнули раскаты грома.

Порыв ветра въерошил шерсть оборотня, швырнул песок ему в морду. Мунго-лис отряхнулся, фыркнул и вдруг встрепенулся: в воздухе, наэлектризованном близкой грозой, почуялось что-то странное, необычное. Оборотень насторожился.

Мунго уставился на Яву и озадаченно прищурил глаза.

Бессмертные не знали страха, ведь им не приходилось бояться за свою жизнь, но страх этого человека был самым настоящим, непритворным.

Но что заставило бессмертного испугаться?

Мунго наклонил голову набок, будто прислушиваясь к чему-то.

Внезапно глаза оборотня вспыхнули голодным желтым огнем, и Мунго-лис оскалил зубы:

— Он больше не бессмертный!

…Гинзога повернулась к Харгалу и махнула рукой.

— Начинайте!

И тут случилось то, чего никто не ожидал.

Большой ворон, громко хлопая крыльями, опустился на гранитный валун.

— Дэберхем? — Ньялсага взглянул на птицу. — Зачем ты прилетел?

Ворон сложил крылья и замер.

— А это еще кто? — насторожилась Гинзога, вглядываясь в тьму.

Ньялсага обернулся.

Хозяина «Бродяги» покинул свое «логово».

К Своре, ступая по песку неслышно, как зверь, приближался Цолери.

Он был одет, как обычно: в просторную темную рубаху и кожаный жилет, но почему-то казался сейчас выше и шире в плечах, чем обычно. На шее его висел серебряный амулет, с оттиском лапы, похожей на волчью.

Цолери подошел, остановился и взглянул на Свору.

Ньялсага увидел, как забегали глаза Трефалониуса и вампир поспешно отступил назад, скрывшись за спиной Гинзоги, как юркнул в темноту Мунго-лис, а дядюшка Фю украдкой сделал охранительный знак.

Не проронив ни слова, Цолери взял оружие из рук Явы и отодвинул его в сторону. Затем шагнул вперед, встал напротив Харгала и кивком головы предложил начать поединок.

Харгал поднял меч.

Уставившись на призрачного воина, Дэберхем громко каркнул. В голосе ворона слышалось неприкрытое злорадство.

Ява тронул Ньялсагу за рукав:

— Что он говорит? Что Дэберхем сказал Харгалу?

Ньялсага с усилием разжал запекшиеся губы.

— «Тебе конец».

Глава-11

Свора сгинула, вернулась туда, откуда и пришла, но погода все еще оставалась пасмурной. Однако, между тучами кое-где уже проглядывало голубое небо, вселяя надежду на солнечный день.

Город только-только просыпался, на улицах еще не было ни суеты, ни оживления, и даже кофейня «Последний белый слон», наверное, еще не распахнула двери для любителей утреннего кофе.

Ньялсага устало думал, что возвращается прежняя жизнь: можно будет сколько угодно сидеть в кофейне за столом у окна, листать книгу заклинаний, и, никуда не торопясь и ни о чем не беспокоясь, разбирать замысловатые древние заклинания.

Правда, сначала неплохо бы хорошенько отдохнуть.

Старый, обмотанный изолентой, телефон затрезвонил. Звонила Алина.

— Все еще торчу в магазине, — недовольным голосом доложилась она. — И все из-за Явы. Ищет какой-то коньяк, о котором тут никто не слыхивал! Всех замучил! Любого другого продавщицы бы уже давно послали куда подальше, но Ява улыбается, поэтому бедняжки из кожи вон лезут!

— Главное, поесть привезите, — напомнил Ньялсага и прибавил, спохватившись: — И про нашу гостью не забудьте: она, наверное, тоже проголодалась.

— Не забудем, — проворчала Алина. — Что за гостья-то? Говоришь, девушка? Симпатичная?

— Очень. Стройная, черные косы, глаза синие, как васильки, — сообщил Ньялсага и не удержался от улыбки.

— Что, понравилась? Ты не радуйся очень-то, — хмыкнула Алина. — Сейчас приедет Ява и охмурит ее в два счета! В первый раз, что ли?

— Я по другому поводу радуюсь, — ответил Ньялсага, сдвигая в сторону хлам, которым был завален стол. — Это ведь наш последний гость. Вот отправим ее сегодня — и все! Начнется у нас спокойная жизнь.

Он уселся за стол, положил перед собой синий ежедневник.

— Это у вас она начнется, — вздохнула Алина. — А у меня новая учебная четверть на носу. Бахрам в агентстве?

— Здесь. С девушкой разговаривает, — Ньялсага раскрыл ежедневник. — Он ее только что привез, прямо с берега отправился на поиски. Быстро отыскал! Она, бедная, боится всего. Забилась в угол и из комнаты не выходит. Пытался я с ней поговорить, да куда там! Только и удалось выяснить, что она из

Горного королевства. К счастью, Бахрам бывал там когда-то: ездил за новобранцами в Легион, немного изъясняется на тамошнем наречии, так что ему и карты в руки: пусть растолкует, что к чему.

Ньялсага перегнулся через стол, пытаясь заглянуть в соседнюю комнату.

— Он возле клуба ее обнаружил? — продолжала Алина. — Просто чудо, что никто из Своры не наткнулся на нее раньше!

— Повезло ей, — согласился Ньялсага, принимаясь шарить в ящике стола в поисках карандаша. Карандашей не было, зато обнаружились мотки веревок, гвозди, походная газовая плитка, закопченный чайник и упаковка сухого горючего.

Он с грохотом задвинул ящик.

— Купи-ка, Алина, по дороге штук десять карандашей, а то заклинания написать нечем!

— Бахрам все выбросил, — наябедничала она. — Сказал, что он не писарь и карандаши ему ни к чему.

— Не писарь, это точно, — хмыкнул Ньялсага, припомнивший, сколько труда пришлось положить на то, чтобы обучить Бахрама грамоте. — Вы там побыстрей, а? Успеть бы перекусить, пока Кемен не заявился. Он медальон привезет.

— Вот уж кого мы коньяком угощать не будем, — сурово заявила Алина. — Этот маньяк собирался отрезать тебе голову!

— Я же сам его об этом попросил.

— Его попросил, а нам ничего не сказал!

Ньялсага усмехнулся.

— Зато какой эффект неожиданности! Видели бы вы свои лица, когда Кемен держал нож у моего горла!

— Ты бы еще Лютера об этом попросил, — буркнула Алина. — Вот кто с огромным удовольствием оттяпал бы тебе башку! Хладнокровная скотина…

— Гинзога сразу поняла, что Кемен шутить не намерен и свое обещание сдержит, — продолжал Ньялсага.

Из трубки донесся вздох.

— Ну, может, ты и прав… он действительно разыграл все, как по нотам. Возможно, я его за это отблагодарю. Угощу чем-нибудь… приготовлю итальянский сандвич с песто и базиликом, например. Это очень изысканно!

— Конечно, приготовь, а то он мало страдал в жизни! — не удержался Ньялсага, повесил трубку при первом же возмущенном восклицании Алины и засмеялся.

Он снова взглянул в открытую дверь, ведущую в соседнюю комнату: Бахрам втолковывал что-то сидевшей на диване девушке, кутавшейся в длинный серый плащ.

— Молодец, — одобрительно пробормотал Ньялсага, снова роясь в столе. — Определенно, имеются у него к розыску большие способности! Правда, отыскивать больше никого не придется. Это хорошо…

Крошечный огрызок карандаша обнаружился в коробке из-под сахара. Ньялсага полистал страницы ежедневника, рассеянно постукивая карандашом по столу. Больше всего хотелось сейчас посидеть в уютной тишине кофейни «Последний белый слон», тишине, наполненной, тем не менее, привычными приятными звуками: шорохом мелкого дождя за окном, жужжания кофеварки, позвякиванием чашек и шелеста свежих газет. Осознать, что все плохое закончилось, выпить кофе, который прогнал бы усталость, подумать о новой жизни, что начнется с этого утра.

Но сначала нужно было покончить с делами и Ньялсага, тяжело вздохнув, приступил к составлению заклинания для пятиклассника Соловьева.

…Бахрам посмотрел на девушку, сидевшую на самом краешке дивана и поскреб пятерней в затылке. Ох, и тяжкое это дело: утешать рыдающих девиц!

— Ты это… не бойся, — выдавил он, наконец. — Никто тебя здесь не обидит. И это… скоро обратно вернешься. Домой, то есть!

Девушка недоверчиво посмотрела на Бахрама.

— Правда? Клянешься?

— Ну… — он покопался в памяти, безуспешно стараясь вспомнить имя девушки, потом с досадой махнул рукой. — Клянусь, ага.

— Но как?

Бахрам прошелся по комнате, попинал туго набитый рюкзак, валяющийся возле стены, остановился напротив сейфа, украшенного красочным плакатом пейнтбольного клуба «Легион». Забыв о девушке, Бахрам уставился на плакат так пристально, будто хотел разглядеть сквозь него содержимое сейфа.

— Как?

— Святые ежики, говорил уже!

— Ваш заклинатель? А ему это под силу? Или у вас здесь имеются и другие маги?

— Не имеются, — пробурчал Бахрам. Он оторвал взгляд от плаката и подошел к столу, заваленному всякой всячиной. — Он такой один.

Голос девушки звучал недоверчиво.

— На все королевство один-единственный заклинатель? — уточнила она.

— Он могущественен? Влиятелен, силен?

— А? Что? Кто?

Говорила она так тихо, что Бахрам с трудом расслышал слова.

— А… Ньялсага… могущественен, конечно. Передохнет только чуток, силы магические восстановит. Ежик всемогущий, нелегкое времечко у нас было…

Он умолк, перекладывая с места на место потрепанные журналы и папки с документами клуба. Какие-то нелегкие думы терзали Бахрама. Он то хмурил лоб, то сдвигал светлые брови, то — неслыханное дело! — принимался наводить порядок на столе, машинально раскладывая рекламные листовки клуба по пустым коробкам из-под пиццы. Он погрузился в пучины раздумий так глубоко, что не заметил, как гостья поднялась с дивана и приблизилась к столу.

Почувствовав легкое прикосновение, Бахрам вздрогнул и обернулся.

— Я спрашивала: ваш заклинатель властвует над остальными людьми?

— Святые ежики! Ты это… ты так не подкрадывайся! Был у в Легионе один гоблин, так от как-то раз от неожиданности…

Он уже приготовился поведать кое-что интересное, но вовремя спохватился и умолк.

— Ну, девушкам это неинтересно будет, — Бахрам кашлянул в кулак.

— Властвует? Нет, не хочет он властвовать. Люди и не догадываются, что он — заклинатель.

Внезапно он оживился.

— Слушай… как тебя? Я что спросить хочу: в ваших краях про Черный Легион ничего не слышно? А? Может, снова за новобранцами приезжали? И если приезжал, то кто? Эх, узнать бы, кто из старых служак остался! А то, может, война, где идет?! Где война, там и наш Легион…

Девушка отрицательно качнула головой. Высокий гребень в черных волосах блеснул тусклым золотом.

— Давно уж ничего не слышно о Черном легионе.

Бахрам разочарованно крякнул.

— Вон оно как! Не слышно, значит? Досадно!

Девушка вернулась к дивану. Присев на краешек и сложив руки на коленях, она робко осматривалась. Взгляд скользил по окну, забранному решеткой, по сгиллам, нарисованным над дверьми, по стальной решетчатой двери, отделяющей половину комнаты.

Бахрам же, потеряв к гостье всякий интерес, умолк и

принялся медленно бродить по комнате. Он то хлопал ладонью по шкафу, набитому оружием, то поглядывал на плакат клуба «Легион», то принимался рассматривать висевшие на стенах карты грядущих пейнтбольных сражений так пристально, словно видел их в последний раз.

Не сразу он расслышал тихий голос девушки.

— Чего? — спохватился Бахрам, вспомнив, что Ньялсага наказал ему объяснить гостье все то, что обычно они объясняли попаданцам.

— Я говорю: он — заклинатель, а вы?

Бахрам взял коробку с пейнтбольными шариками, заполненными красной краской, покрутил в руках, вздохнул и положил на место.

— А мы — обычные люди.

— Ты говорил: вы бессмертны?

— Святые ежики, так! Мы обычные бессмертные люди. А чары, заклинания и прочая петрушка — это все по части Ньялсаги. Он и ауры видит, такой уж у него дар!

В синих глазах девушки мелькнул интерес.

— «Ауры»? Что это такое?

— Это… ну… как бы тебе объяснить? Вокруг каждого человека магическое сияние имеется. Обычным людям его видеть не дано, а Ньялсага — видит!

— Как же он это видит?

— Прикоснется к человеку — и готово! Все про него известно становится, — пояснил Барам, перебирая старые пейнтбольные журналы. — Любой, как на ладони. Наведывался к нам как-то один оборотень, — Бахрам хмыкнул. — В человеческом обличье пребывал, да только Ньялсагу не проведешь. Он с ним за руку поздоровался и по ауре сразу догадался, что перед ним — не человек! У нелюдей аура особенная, — пояснил он. — Ньялсага говорит, их как бы дымка серебристая окутывает. А у людей ауры обычные, цветные. Синяя там или желтая, у кого как…

Девушка бросила взгляд в сторону соседней комнаты.

— Значит, чтобы распознать сущность, вашему заклинателю нужно коснуться человека?

— Точно!

— Необычный дар, — пробормотал девушка так тихо, что Бахрам не расслышал.

Во дворе послышался шум мотора. Бахрам подошел к окну.

Раньше ему доставляло почти детское удовольствие прочесывать двор бдительным взглядом, как бы ожидая за собой слежки каких-то неведомых спецслужб, но сегодня он лишь мельком взглянул на белый пикап.

— Кемен приехал… медальон, небось, привез!

Хлопнула входная дверь, раздались голоса.

— Кто этот человек? — понизив голос, спросила девушка и кивнула на дверь. — Тот, с кем разговаривает сейчас заклинатель… кто это? Высокий, светловолосый, глаза колючие, недоверчивые…

Она опасливо поежилась.

— Кемен, — Бахрам шумно вздохнул. Ему порядком надоело отвечать на вопросы, но он снова вспомнил наставления Ньялсаги и подавил очередной вздох.

— Потомственный, можно сказать, охотник, — добросовестно принялся он втолковывать. — У него на всякую нечисть прямо-таки нюх. От него не скроешься!

Девушка пристально смотрела на Кемена.

— Ты это… не бойся его, — с досадой забубнил Бахрам, заметив, что она насторожилась. — Он сам по себе, а мы — сами по себе!

Бахрам встал напротив открытых дверей, заложил большие пальцы за ремень и в раздумье покачался с носков на пятки. Не мастак он девиц утешать, нечего и пытаться! Пусть Ява этим занимается. Небось, с ним бы она слезы не лила! Или вот Кемен… и как ему удается одним своим появлением пугать незваных гостей до смерти? При нем они не то, что плакать, дышать боятся!

Бахрам на мгновение ощутил что-то вроде легкой зависти к потомку Хэрвелла.

— На кого же он охотится, если здесь у вас только люди живут? — робко поинтересовалась девушка.

Бахрам глянул в окно: не видно ли Явы. Его не было, значит, придется и дальше отдуваться самому. Святые ежики, за что все это?!

— На тех, кто сюда попадает, — выдавил Бахрам и заметив тень, мелькнувшую в глазах девушки, добавил: — Уговор у нас с ним…

Бахрам вкратце изложил суть договора и, не удержавшись, прибавил:

— Мы с ним поначалу даже повоевали малость, с Кеменом, то есть, — в его голосе явно слышалась легкая грусть по старым добрым временам. — Эх, вспомнить приятно! У нас полномасштабные боевые действия шли!

Он тепло улыбнулся воспоминаниям, но тут же погрустнел:

— А потом пришлось нам все-таки перемирие заключать, договариваться… Ньялсага говорит: худой мир лучше доброй войны.

Бахрам пожал могучими плечами.

— А я так думаю наоборот: хорошая война всегда лучше худого мира!

А теперь никакой войны, конечно, не дождешься… нечего и мечтать!

Ему хотелось поделиться с девушкой своими соображениями относительно военных действий, но вряд ли она так хорошо разбиралась в тактике и стратегии. Эх, и почему никогда не заносило сюда самого завалящегося военачальника? Вот поговорили бы, отвели душу!

Он посмотрел на девушку: она не сводила глаз с Кемена.

— Да не бойся ты! Ты — человек, а Ньялсага никогда не позволит Кемену уничтожить человека!

— И он послушается?

— Святые ежики, еще бы! — самодовольно заявил Бахрам. — Кемен вашего брата терпеть не может, была б его воля, он бы их всех…

Бахрам состроил зверскую физиономию.

— Но договор есть договор и он его соблюдает. Но, конечно, если гость здесь кого-нибудь убил, то уж тут мы, как говорится, умываем руки…

Девушка непонимающе посмотрела на него.

— Как это?

— Бывает иной раз, что попадет сюда кто-нибудь… оборотень там или гоблин… да прикончит здесь кого-нибудь из людей, прольет кровь. С перепугу или того… есть захочет, — Бахрам развел руками. — Вот тогда — все. Тех, кто здесь пролил кровь, мы не защищаем. Своими руками, можно сказать, кеменовской банде отдаем!

Ему показалось, что девушка затаила дыхание.

— Но… почему?

— Людей убивать нельзя, — твердо сказал Бахрам. — Убил — значит, смертный приговор себе подписал. Ясно?

Он взглянул на девушку и сделал неуклюжую попытку ободрить ее.

— Тебе-то чего бояться? Ты же здесь никого не убивала, верно?

Девушка взглянула на Бахрама и слегка улыбнулась.

— Верно, — ответила она

…Потомок Хэрвелла появился в агентстве, как и обещал: через час-другой после событий на морском берегу.

Кемен в агентстве никогда прежде не бывал и Ньялсага ожидал расспросов, но тот лишь бросил хмурый взгляд на

сгиллы, нарисованные над дверью, на убранство, состоящее из разномастных стульев, столов и еле заметно кивнул.

— Привез амулет, как договаривались, — сказал он и протянул фарфоровый медальон на белой шелковой ленточке. Гинзога, перед тем, как исчезнуть, в ярости швырнула его людям и, если бы Кемен не поймал его на лету, амулет угодил бы прямехонькой в груду дымящегося пепла — все, что осталось от однорукого воина-предателя по имени Харгал.

— Пусть хранится у тебя, так безопасней. Ты бессмертный, к тому же, заклинатель. Сделай так, чтоб закрыть сюда дорогу и Своре и всем остальным!

Ньялсага осторожно взял в руки медальон.

— Сделаю. Гостей из другого мира больше не будет и настанет у нас спокойная мирная жизнь.

Он спрятал амулет в нагрудный карман и взглянул на Кемена.

— Как жить станешь, потомок Хэрвелла? Чем заниматься?

Тот пожал плечами.

— Еще не думал. А вы?

Ньялсага обвел взглядом комнату. Все было знакомым и привычным: сгиллы над дверью, шкаф с заклеенными стеклами, свернутые спальные мешки у стены…

— Помещение переходит в собственность Бахрама, он давно собирался устроить тут что-то вроде штаб-квартиры своего пейнтбольного клуба.

Коль гостей больше не будет, то и агентства «Аргентина» тоже не будет. Через денек-другой все тут переделаем: закрасим сгиллы, уберем решетки, снимем с двери вывеску…

Ньялсага пожал плечами.

— Хотя, что здесь будет — неважно. Главное, нам удалось победить Свору. Честно говоря, не сильно я на это надеялся!

Потомок Хэрвелла кивнул, напряженно раздумывая о чем-то.

— Я тоже. Вот только…

Он запнулся.

— Марк. Не могу в толк взять, как это могло произойти? У него был твой защитный амулет. Кто смог напасть на него?

Ньялсага перевел взгляд в окно. Мысль о погибшем парне тоже не давала ему покоя. Было во всей этой истории что-то странное, чудилась какая-то загадка, которая свербила в мозгу, требуя, чтобы ее разгадали.

— Не знаю, — признался он.

Кемен закусил губу.

— Я не успокоюсь, пока не выясню. Погиб один из наших, и погиб при обстоятельствах более, чем странных!

Он сунул руки в карманы.

— Лютер сейчас поехал туда, к «Химере». Обшарит парковку, может, что и найдет. А ваш гость… ты говорил, это девушка? Она здесь?

Ньялсага кивнул на дверь в соседнюю комнату.

— Здесь. Бахрам обнаружил ее возле клуба.

— Хочу с ней поговорить. Вдруг она что-то видела?

— Попробуй, — пожал плечами Ньялсага. — Только аккуратно: она каждого шороха боится. Сидит в комнате и носа оттуда не кажет.

…Ньялсага поглядывал в открытую дверь соседней комнаты, где беседовал с девушкой Кемен. На его, Ньялсаги, взгляд, беседа больше напоминала допрос, но вмешиваться он не стал, не до того:

в агентстве, шумно пререкаясь, появились Алина и Ява.

Завидев их, Бахрам оживился.

— Пожрать привезли? — нетерпеливо спросил он.

— Если бутерброды из закусочной можно назвать едой, то да, — отозвалась Алина. — Я настаивала на чем-нибудь полезном, но Ява отказался покупать здоровую пищу, — она бросила на стол пакет. — А где девушка? Интересно взглянуть. Она не маг?

Ньялсага, торопливо разворачивая пакет, помотал головой.

— Нет. Ауру я еще не видел, но и так ясно: обычный человек.

— Говоришь, красивая? — заинтересовался Ява. — Блондинка, брюнетка?

— Началось… — проворчала Алина, выкладывая из сумки пачку салфеток и упаковку пластиковых вилок. — Бахрам, ты когда, наконец, приберешься? — она брезгливо отодвинула коробку с остатками засохшей пиццы. — Здесь все-таки не конюшня Черного Легиона. И что это за мешки валяются там, в углу? В поход, что ли, собираешься?

Бахрам повел плечами.

— Вроде того, — уклончиво ответил он, не глядя на друзей. — Слушайте, я тут подумал… кое-что сказать вам хочу…

— Говори, — отозвался Ньялсага, откусывая сразу половину бутерброда.

— Я подумал и решил…

— Генеральная уборка, — перебила Алина. — Вот что мы должны сделать!

— Уборка? На меня не рассчитывайте, — отозвался Ява. — Я лучше чем-нибудь другим развлекусь.

— Наведем здесь порядок, чистоту, цветы поставим…

Ява протянул Ньялсаге коробку карандашей.

— Какой смысл наводить чистоту? Агентство-то к Бахраму переходит. Знаешь, что здесь будет через месяц-другой?

— Что? — недовольно пробурчал Бахарм.

— Штаб-квартира твоего клуба, а значит, самое настоящее логово троллей, — ответила за Яву Алина. — Всем известно, что тролли в своем логове отродясь не убираются!

— Скажешь тоже! Вот у нас в Легионе был один тролль — чистюля, не хуже сильфа. Он даже мылся каждый год!

Алина махнула рукой и повернулась к Ньялсаге.

— Кемен привез медальон? Покажи!

Ньялсага протянул ей амулет.

— Надо же… — Алина осторожно взяла медальон. — А с виду совсем обычный. Нужно ленточку поменять. Мужики тебя не поймут: уж очень женственно!

— Поменяем, — легко согласился Ньялсага, снова принимаясь за бутерброд. Алина передала медальон Яве.

— Не урони. Хрупкая вещица!

Ньялсага хмыкнул.

— Хрупкая? Да по нему молотком колотить можно. Это же не просто фарфоровая безделушка, а волшебная вещь!

Ява повернул медальон, рассматривая полустертый рисунок.

— Получается, уничтожить его нельзя?

Ньялсага довел бутерброд и потянулся за вторым.

— Почему? Можно. Почти все магические предметы можно уничтожить при помощи серебра. Если, к примеру, отыщешь серебряный молоток и хорошенько стукнешь им…

Ява протянул ему медальон.

— Не уж. Лучше не рисковать!

Ньялсага надел ленточку на шею и спрятал амулет под курткой.

— Вот отправим ее, — Ньялсага кивнул на соседнюю комнату, где находилась девушка. — И закроем границу между мирами раз и навсегда! — он потер руки. — Жду не дождусь!

Алина кивнула. Она держала в руке пачку салфеток и пыталась отыскать на столе место, не заваленное хламом, которые Бахрам упорно именовал «нужными вещами».

— Нет, мы должны тут хоть немного прибраться!

Она взглянула на Бахрама и спохватилась.

— Ты что-то сказать хотел?

— Хотел, да вы не слушаете! А я…

Из соседней комнаты появился Кемен и раздосадованный Бахрам снова умолк. Ньялсага поднялся из-за стола.

— Ну, как? Удалось что-нибудь узнать?

Кемен пожал плечами.

— Она ничего не видела.

— Так я и думал. Жаль…

Потомок Хэрвелла направился к выходу, но возле дверей замешкался, поглядывая то на комнату, в которой находилась девушка, то на Ньялсагу.

— Отправите ее на рассвете?

— Да, как обычно.

— Сегодня? — уточнил Кемен.

— Конечно.

— Ясно…

Ньялсаге показалось, что Кемен собирался сказать еще что-то, но в последний момент он передумал и, кивнув на прощанье, исчез за дверью

Ньялсага вздохнул: пройдет еще пара день — и агентство «Аргентина» прекратит свое существование! Фарфоровый медальон надежно запечатает границу между мирами и синеглазая девушка — последний гость из другого мира…

Ньялсага прикоснулся к медальону. Все закончилось благополучно, опасность миновала, но пока что ощущалась не столько радость, сколько бесконечная усталость.

…Алина отыскала на столе кружку, казавшуюся чистой, и придирчиво осмотрела.

— Значит, гостья из Горного королевства? — Алина налила чай, бросила пару кусков сахара и принялась размешивать, позвякивая ложечкой.

— Вроде, из Лангедака, — проводив Кемена, Ньялсага снова уселся в старое, продавленное кресло. — Я особо не расспрашивал.

Ява сдвинул брови припоминая.

— Лангедак — это ж, кажется, дыра неописуемая? Где-то на краю света?

Ньялсага не согласился.

— Не дыра, а большой город. Но я о нем мало что слышал. Туда добраться не так-то просто: кругом непроходимые леса и горы.

— Вот и поинтересовался бы, — учительским тоном посоветовала Алина, накладывая на блюдце печенье. — Географические познания никогда лишними не бывают!

— Делать мне больше нечего, как географию изучать, — проворчал Ньялсага. — Мне надо заклинание для закрытия границы создать, да и о твоем пятикласснике Соловьеве подумать, а ты мне предлагаешь лясы точить с гостями.

Понадобится что-нибудь про Горное королевство узнать, я у Бахрама спрошу.

— Да уж, он известный географ. По крайней мере, поверил, наконец, что земля — круглая, — съязвила Алина, взяла чашку с чаем, блюдце. — Кто-нибудь знает, как зовут девушку? Предложу ей чай и печенье: мы должны быть гостеприимны, это хороший тон.

— Завтра она о тебе и помнить не будет, — усмехнулся Ньялсага.

— Неважно. Хорошие манеры никто не отменял, — благовоспитанно сказала Алина и направилась в другую комнату. — Надеюсь, меня она не испугается?

— Нет, до тех пор, пока тебе не захочется покормить ее своей стряпней, — съязвил Ява, увязываясь следом: ему тоже хотелось взглянуть на девушку. Ньялсага остался за столом, расправляясь с очередным бутербродом.

Бахрам же лишь пробурчал что-то и снова принялся мерить комнату шагами.

Разные существа попадали в этот мир из-за невидимой черты, но человек появился здесь впервые.

Алина увидела невысокую, стройную, очень привлекательную девушку. Наряд ее оказался скромным, однако черные косы были скреплены высоким золотым гребнем затейливой формы.

— Ява, ты лучше не входи, — скомандовала Алина. — Она может тебя испугаться.

— С чего бы это? Девушки меня не пугаются, они мне радуются, — самодовольно заявил Ява, однако остановился на пороге и, прислонившись к косяку, устремил заинтересованный взгляд на гостью.

— Меня зовут Алина. А это — Ява. Ничего плохого мы тебе не сделаем, не бойся!

Алина смотрела на девушку с сочувствием. Ньялсага прав: всего боится, но кто на ее месте не испугался бы? Она, Алина, хорошо помнит свой первый день на этой земле и страх, который испытала, увидев мир, который оказался так непохож на прежний, привычный.

Алина придвинула к дивану столик, поставила чашку с чаем, блюдечко с печеньем и оглянулась на Яву. Ей почудилось, что любопытство в его глазах уступило мето настороженности.

— Ну, что ты на нее уставился, как василиск? Она может подумать, что мы замышляем что-то недоброе!

Ява молча пожал плечами.

Алина протянула девушке салфетку.

— Видишь, она плачет. Боится, бедняжка! Испуганные люди могут совершать самые опрометчивые поступки.

— Например? — поинтересовался Ява, внимательно рассматривая гостью.

— Например… попытаться сбежать! Многие ведь пытались, ты прекрасно помнишь. Вдруг от страха она попробует выпрыгнуть в окно и скрыться?

Ява перевел взгляд на окно.

— Смешно, наверное, будет, — задумчиво проговорил он. — На нем четыре заклинания, одно другого круче.

Алина укоризненно покачала головой.

— Нашел время острить! Не обращай на него внимания, — сказала она девушке. — Вот чай, печенье. Захочешь еще что-нибудь, не стесняйся! А может, что-нибудь еще нужно? Скажи.

Девушка мотнула головой.

— Она немая? — осведомился Ява. — Неужели нам повезло и никто не будет таскаться по пятам и допытываться, при помощи какого заклинания из крана течет горячая вода?

— Она не немая, Бахрам только что с ней разговаривал! — с негодованием сказала Алина. — И вообще, что ты к ней прицепился?! Лучше иди отсюда!

— С удовольствием, — откликнулся Ява и исчез.

Алина сердито фыркнула.

Конечно, они все еще не пришли в себя после приключений со Сворой, но ведь это не повод так себя вести!

Она наклонилась к сидевшей на диване девушке.

— Как тебя зовут?

Ответа не последовало, но Алина не обиделась.

Девушка выглядела растерянной, так что самое лучшее — оставить ее ненадолго одну и дать прийти в себя.

— Ладно. Я ухожу, но если что-то нужно, я — в соседней комнате.

Девушка кивнула.

Алина была уже на пороге, когда услышала тихий голос:

— Мерсея.

… Бахрам пощелкал выключателем электрического чайника — бесполезно: чайник продолжал бурлить и плеваться кипятком.

— Опять кнопка сломалась… — Бахрам выдернул шнур из розетки.

Алина бросила в чашку чайный пакетик, отрезала лимон.

— Помните наш первый день здесь? Действительно, страшно было. Но мы хоть не по одиночке сюда попали, а все вместе, а она…

Ява передернул плечами.

— Ты, Алина, за всех переживать готова. Что — «она»? Она скоро дома окажется, в отличие от нас. Ничего помнить не будет, станет жить, как обычно.

— Но ты мог хотя бы посочувствовать, а не глупые шуточки отпускать, — упрекнула Алина. — Молодая красивая девушка, попавшая в беду… неужели тебе ее совсем не жаль?

Ява уселся в кресло и нахально положил ноги на старый журнальный столик, который Алина упорно именовала «кофейным».

— Нет. Терпеть не могу девиц, попавших в беду.

Ньялсага отломил от батона кусок, пододвинул пачку масла.

— Почему?

— Потому что всегда находятся доверчивые идиоты, которые бросаются им на помощь, — объяснил Ява. — И ничего хорошего из этого не получается. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, ясно?

Алина со стуком поставила чайник на место.

— Человек попал в незнакомое место, — принялась она втолковывать Яве. — В другой мир, на чужбину…

— Мы все тут на чужбине, — буркнул он и потянулся за пластиковым стаканом. Бахрам пододвинул чашку, но Ява покачал головой.

— Своими собственными глазами видел, как эту чашки облизывала Лукерья.

— Наверное, там сахар оставался, — безмятежно сообщил Ньялсага. — Лукерья любит сладкое.

— Замечательно, — саркастически сказал Ява.

Бахрам мельком взглянул на столик, заставленный кружками, банками с кофе и чайными коробками.

— Святые ежики, послушайте меня! Я поговорить с вами хочу…

Алина подозрительно осматривала чайную ложку.

— Лукерья ее не облизывала? Нет? Точно?

Поколебавшись, она решительно отложила ложку в сторону.

— Нет, не хочу рисковать. Надо бы перемыть здесь всю посуду с хлоркой!

— Займись, — посоветовал Ява и повернулась к Ньялсаге. — Может, заглянем сегодня к Цолери? Там, на берегу, мы и поблагодарить его не успели. Храмовый рыцарь, да еще и оборотень! Кто бы мог подумать?!

Ньялсага кивнул.

— Потому-то он никогда и не протягивал мне руки. Хранил свою тайну, волк-одиночка…

— Но после того, как все закончилось, вы пожали друг другу руки! — припомнила Алина, с треском разрывая упаковку с пластиковыми ложками.

Ньялсага вспомнил крепкое рукопожатие и вспыхнувшую ауру — изумрудно-зеленую, как весенний лес, всю пронизанную серебристыми нитями.

— Да… хотел бы я знать, каким образом Цолери оказался здесь? И почему?

— Не скажет, — уверенно заявила Алина, заметила раздосадованную физиономию Бахрама и спохватилась:

— Бахрам, ты что-то сказать хотел?

— Ежик всемогущий, хотел! — рявкнул тот. — Да только вы не слушаете!

Он дождался, пока все умолкнут, поднялся и прошелся по комнате туда-сюда.

— Уф-ф, не знаю, с чего и начать…

Он помолчал, собираясь с духом.

Алина и Ява озадаченно переглянулись.

Ньялсага поставил на стол чашку с чаем.

— Только вы меня не перебивайте! Я, святые ежики, хорошо обдумал все. Раньше-то я решиться на это не мог, а теперь момент настал самый подходящий! Свору отсюда вышвырнули, гостей больше не будет…

— Ты о чем? — насторожившись, проговорил Ньялсага.

Бахрам набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Я вернуться хочу!

— Куда? — удивленно переспросила Алина.

— В Легион, — решительно произнес агент Бахрам, уселся за стол и положил перед собой сжатые в кулаки руки. — Решил железно! Сегодня, на рассвете уйду, то есть!

Чайная чашки выскользнула из пальцев Алины, упала на пол и разлетелась вдребезги.

…Маленькие электронные часы, купленные Алиной с небывалой скидкой на какой-то распродаже пропищали двенадцать раз, сообщая, что наступил полдень.

Давно ушел Бахрам, напоследок объявив непреклонным тоном, что все давно обдумано, решено и говорить больше не о чем. Сегодня он передаст клуб «Легион» в надежные руки, а на рассвете придет на берег моря, чтобы совершить переход.

Ньялсага, Ява и Алина сидели за столом, пытаясь переварить новость. Здесь же, на столе стояла бутылка коньяка и блюдечко с конфетами. Коньяк принес с собой Ява, собираясь отметить победу, но получилось так, что бутылка так и осталась

нераспечатанной.

— Как он вообще до такого додумался! — бурлила раскрасневшаяся от возмущения Алина.

— Это все твой дружок-оборотень, — совершенно безосновательно попенял Ява. — И кто его за язык тянул? Не брякнул бы он тогда Бахраму, что Черный Легион снова существует, не было бы теперь у нас проблем!

— Дэхарн-то тут при чем?

— А при том, что Бахрам потерял покой с тех самых пор, как только узнал, что Легион возродили. Черный Легион для него, как…

Ява замешкался, подбирая нужное слово.

— Мы знаем, что для него Легион, — сказал Ньялсага. — Но возвращаться опасно. Бахрам говорит, конечно, что возьмет другое имя, заметет следы, но…

Он тяжело вздохнул.

— Чародеи Сумеречного Ордена наверняка уже узнали от Гинзоги, где мы скрываемся. Пока медальон в целости и сохранности, мы в безопасности: они сюда попасть не смогут. Но Бахрам? Если те-кто-в-сумерках пронюхают, о нем, ему конец! Он не сможет ни скрыться от них, ни вернуться сюда, чтобы спастись, ведь завтра граница между мирами будет запечатана навечно!

Ньялсага покрутил в руках тяжелую глиняную кружку.

— Я, конечно, могу создать амулет, который не даст его выследить, но заклятье-то будет действовать лишь какое-то время. А потом?

— Он говорил, что отыщет хорошего мага и закажет новый амулет, — припомнила Алина.

— Я бы на этих хороших магов не рассчитывал, — перебил Ява. — Они сами сдадут Бахрама Ордену, как только узнают, сколько золота отвалят чародеи за бессмертного!

— Вот и я об этом! — Алина стукнула кулаком по столу. Блюдечко подпрыгнуло. — Но как это Бахраму втолковать? Он же упрямей гоблина!

Ньялсага отодвинул недоеденный бутерброд: аппетит пропал начисто.

— Вот именно. Если уж ему что в башку втемяшилось, то все, конец! И коль он задумал уйти…

— А ты не открывай ему дорогу!

— Как я не открою?! Он — взрослый человек, а не пятиклассник Соловьев. Как мы можем за него что-то решать?

— Пусть подумает денек-другой! Глядишь — и передумает!

Ява покачал головой.

— Не передумает он, Алина, и ты это знаешь. Мы все это

знаем…

Он кивнула на дверь в соседнюю комнату.

— А что насчет этой красавицы?

Ньялсага вздохнул.

— Двоих сразу отправить не получится. Если Бахрам хочет уйти сегодня…

— Значит, девушка останется еще на день? — уточнила Алина.

Ява смял картонный стаканчик и бросил в мусорную корзину

— А нельзя наоборот? Сегодня — девушку, а завтра — Бахрама?

Ньялсага развел руками

— Он ни за что не согласится ждать еще сутки…

Алина вскочила и забегала по комнате.

— Нет, надо с ним еще раз серьезно поговорить! Но сначала, конечно, придумать план, подобрать аргументы…

Она мельком глянула в соседнюю комнату: девушка сняла плащ и поднялась с дивана.

— Например, я буду отговаривать его, используя логику и доводы, чтобы подчеркнуть глупость его затеи. Ты, — Алина остановилась напротив Ньялсаги. — Поговори с Бахрамом по душам, как старший товарищ и бывалый, умудренный опытом чародей. А если он не поймет по-хорошему, тогда Ява вспомнит, что вырос среди головорезов Морского квартала и начистит ему морду!

— Кому? — насторожился Ява. — Бахраму?! А ты уговоришь его не давать сдачи?

Он тоже поднялся и прошелся из угла в угол, размышляя о предстоящем разговоре.

— Ты, Алина, с ним говорить собираешься, как со своим двоечником Соловьевым на педсовете. Это никуда не годится!

— Соловьев не двоечник. За последнюю контрольную он, конечно, схлопотал пару, но это потому что…

Ява отмахнулся.

— Я не о том. Поговорить с Бахрамом, конечно, нужно, только…

Он задумался, рассеянно посматривая в открытую дверь, ведущую в соседнее помещение.

Девушка бесшумно бродила по комнате, осматриваясь. Так поступали почти все гости, когда проходил первый испуг: изучали комнату, втайне надеясь выбраться, но это пока что не удавалось никому.

Ява наблюдал, как она подошла к окну, взглянула на прочные решетки.

Затем взгляд девушки упал на сгиллу, нарисованную над окном.

Девушка наморщила лоб, словно пытаясь догадаться, что она означает, пожала плечами и двинулась дальше. Вскоре она заметила еще один магический знак, начертанный над дверью. Стоило только замкнуть эту сгиллу, нарисованную красной краской — и ни одно живое существо не смогло бы покинуть помещение… кроме разве что, оборотня Дэхарна. Еще одна сгилла, рассчитанная уже на визиты неживых, была нарисована на полу и прикрыта самым обычным ковриком, лежавшим у порога. Живые о ней и не подозревали, почуял лишь Дэхарн, а ведь сгилла даже не была активирована!

Ява усмехнулся, вспомнив оборотня, но в следующую секунду усмешка на его лице замерла: показалось, что девушка взглянула на коврик возле двери. Взгляд был таким коротким и быстрым, что Ява не был уверен, видел ли он что-то или же ему почудилось.

Он озадаченно сдвинул брови.

— Я говорю, что мы должны что-то сделать, — продолжала гнуть свое Алина. — Что-то предпринять. Для его же безопасности!

Ява тряхнул головой и вернулся к разговору.

— Предпринять? Да, конечно. Кстати, про безопасность. Как насчет того, чтобы запереть нашу гостью в клеткеу для оборотней? Из соображений ее безопасности, разумеется. Вдруг она сбежит? А Кемен обнаружит ее и…

— Он обещал не трогать человека, — отозвался Ньялсага, постукивая карандашом по ежедневнику. — И как это она сбежит, хотел бы я знать?

— Мало ли что он обещал! Кемен себе на уме, никогда не поймешь, что он думает на самом деле.

Алина покосилась в сторону открытой двери, где виднелся силуэт девушки.

— Зачем ты говоришь такие вещи? Она же все слышит!

— Что такого страшного в том, чтобы посидеть немного за решеткой? — искренне удивился Ява.

Ньялсага вздохнул и тоже поднялся.

— Не бойся, он шутит, — успокаивающе проговорил он, остановившись в дверях комнаты. — Никто не станет запирать тебя в клетку.

Целую минуту девушка смотрела на него, потом еле заметно улыбнулась и кивнула.

Ява уселся в кресло и пожал плечами.

— Ладно, не хотите клетку, тогда, может просто наложить на

нее сонное заклятье покрепче? И пусть себе спит на здоровье!

Алина отодвинула стул, села и взглянула на Яву.

— Какая муха тебя укусила? — озадаченно спросила она.

— Действительно, что ты к ней прицепился? — Ньялсага тоже вернулся к столу. — Она сидит тихо, никому не мешает. Сонное заклятье? Попозже сделаю, конечно…

Алина вернулась к разговору.

— Так вот, о Бахраме. Может, скажем ему…

…Нелегкий разговор подходил к концу. Алина потерла усталые глаза и взглянула на часы.

— Съезжу, пожалуй, домой ненадолго. Хоть переоденусь. Ява, а ты?

— Тоже отлучусь на часик, — кивнул тот. — Могу тебя подбросить по пути.

Ньялсага задумался, рассеянно постукивая пальцами по синему ежедневнику.

— Я немного поработаю, — он кивнул на тяжелую серебряную подвеску, оставленную Бахрамом. — Потом наведаюсь в «Последний белый слон».

— Не забудь сгиллы замкнуть, — напомнил Ява, надевая плащ. — И зря ты не согласился на клетку!

…Алина села в машину и хлопнула дверцей.

— Ну, что прикажешь? Домой или по магазинам? — осведомился Ява.

Алина шутки не поняла.

— Магазины? Нет, настроения что-то не то. Подумывала я, конечно, приготовить что-нибудь изысканное, вас пригласить, но теперь…

Она помотала головой.

— Домой. А по дороге Бахраму позвоним.

Ява медленно вырулил с парковки.

— Я звонил уже. Он, не будь дурак, телефон отключил!

Алина нашарила в сумке мобильник, набрала номер. Телефон откликнулся долгими гудками.

Алина с досадой хмыкнула.

— Не отвечает. Где он может быть? Ладно, перезвоню минут через пять. А, может, нагрянем к нему домой? — она оживилась. — И Ньялсагу с собой захватим, нечего ему торчать в агентстве одному!

— Он там не один, в том-то и дело, — проворчал Ява.

Алина непонимающе взглянула на него.

— Не один? А с кем? А-а-а… — спохватилась она. — Совсем

из головы вылетело. Наша гостья… как ее? Мерсея? Кстати, за что ты на нее взъелся? Перестали нравиться красивые девушки?

Автомобиль выехал на шоссе и помчался, быстро набирая скорость.

— Мне, Алина, красивые девушки нравиться не перестали, — задумчиво проговорил Ява. — Но вот конкретно эта красивая девушка мне почему-то не нравится.

Алина снова принялась набирать номер Бахрама.

— Да? И почему?

Ява пожал плечами.

— Не знаю, — честно признался он. — Не нравится — и все.

Он перестроился в другой ряд и притормозил, пропуская другую машину.

— Ты видела, как она на него посмотрела?

— Кто? На кого?

— Эта девица на Ньялсагу.

Алина честно постаралась припомнить.

— Нет. А как?

Ява немного помешкал.

— Как будто наметила цель, — неохотно выдавил он.

Алина поднесла телефон к уху.

— Не отвечает… да что же это такое!

Она бросила телефон в сумку и опустила боковое окно, подставляя лицо теплому ветру.

— Какую еще цель? Глупости, показалось тебе. Мы все устали, а тут еще Бахрам…

Алина тяжело вздохнула.

— Надо, надо с ним поговорить!

— Не будет он с нами говорить, — отозвался Ява, останавливаясь на светофоре. — И дома его сейчас нет, и в агентство он не приедет, а объявится только утром, на берегу. Он для себя уже все решил.

Он побарабанил пальцами по рулю, ожидая, пока неторопливые пешеходы пересекут улицу.

— Но все-таки лучше было бы если б Ньялсага сначала эту девицу отправил, а уж потом….

Алина закатила глаза.

— Хватит, это уже даже не смешно! Ну, посмотрела она на него как-то особенно. И что? Ничего не случится. Ньялсаге об опасности известно, больше чем нам с тобой. И он умеет обращаться с женщинами!

Ява плавно тронул машину с места.

— Конечно, умеет, — согласился он. — И когда научился только…

Алина закрыла окно.

— Я не в том смысле, — с достоинством проговорила она. — Я хочу сказать, что он умеет хорошо умеет держать себя в руках!

Ява вздохнул.

— Конечно, — устало сказал он. — Конечно, он умеет прекрасно держать себя в руках. И ты это умеешь, и я. Но все мы, поймавшие Соранг, знаем, что наше бессмертие и наша вечная жизнь — это все до поры, до времени. За исполнение желания рано или поздно придется расплачиваться.

Алина кивнула и отвернулась, невидящим взглядом уставившись в окно, за которым проплывали городские улицы.

— Только бездушное существо могло придумать такую расплату за бессмертие, — пробормотала она. — Всю свою жизнь мы должны избегать любви. Но как ее избежать? Разве это возможно? Разве это хоть кому-то удавалось? И стоит только влюбиться — и тот, кого ты любишь, станет причиной твоей гибели!

Ява свернул с шумного проспекта на боковую улицу.

Алина закрыла окно.

— Глупости, Ньялсага не влюбится, — твердо сказала она, глядя перед собой. — С какой стати? Под любовное заклятье попадет, что ли? Пока что всем нам удавалось избежать проклятья!

— Вот именно «пока что», — Ява снова круто повернул, Алина качнулась на сиденье. — Вспомни, сколько раз мы срывались с места, и меняли города и страны, когда казалось, что я вот-вот влюблюсь по уши?

Алина не сдержала улыбки.

— Было дело. Но, в конце концов, ты научился справляться.

Ява бросил в зеркало короткий взгляд: в темных глаза не было и тени веселья.

— Нет. Когда-нибудь и я попадусь. И ты, тоже. Вся наша жизнь — лишь попытка оттянуть неизбежное.

Алина испуганно вцепилась в сумку.

— Думаешь, для Ньялсаги неизбежное уже наступило?

Ява пожал плечами.

— Надеюсь, что нет. Но от этой девицы хочется избавиться как можно быстрее. Беспокоит она меня.

Он нахмурился и умолк.

До дома Алины они добрались в молчании.

Попрощавшись, Алина медленно поднялась на свой этаж, отперла дверь.

Квартира еще носила следы поспешной эвакуации пятиклассника Соловьева: на полу валялись детали рассыпанного

конструктора, на столе виднелись огрызки яблок и конфетные фантики

Раньше Алина непременно затеяла бы большую уборку, но сегодня заниматься наведением порядка не хотелось.

Не снимая куртки, она прошла в кухню. Здесь все радовало глаз уютом: стояли на полке ряды кулинарных книг, произрастали в глиняных горшочках душистые травы, а клетчатая скатерть всегда была свежей и чистой.

Алина села за стол и задумалась.

…Ньялсага взглянул в окно, чтобы определить время. В агентстве, конечно, имелись часы (настенные, в виде расписанной райскими птицами тарелки, купленной Алиной), но старые привычки оказались неискоренимыми: он любил определять время по солнцу.

Время перевалило за полдень, неяркое солнце, задержавшись в зените, начало медленно скользить к крышам домов, пробираясь сквозь облака.

Последний день Бахрама в этом мире неумолимо заканчивался.

Несколько раз Ньялсага пытался дозвониться, но Бахрам отключил телефон, так что вместо разговора (который, как уверен был Ньялсага, все равно оказался бы бесполезен), приходилось снова возвращаться к делам: синему ежедневнику и тяжелой серебряной подвеске на черном шнуре.

Работа продвигалась медленно: мешала навалившаяся усталость, напряжение последних дней, которое вымотало как морально, так и физически. После объявления Бахрама об уходе, радость от победы над Сворой померкла и сейчас Ньялсага ощущал то же чувства, что и Алина и Ява: подавленность и растерянность. Он перевернул очередную страницу ежедневника и заставил себя сосредоточиться на написанном. Внезапно легкий шорох привлек его внимание.

Он поднял голову.

На пороге стояла Мересея.

— А, это ты… проходи, не стесняйся, — вздохнул Ньялсага, все еще ломая голову над заклинанием. Девушка, кажется, не из разговорчивых, значит, есть надежда, что она не станет отвлекать болтовней. С заклинанием приходилось торопиться и это раздражало не на шутку: есть вещи, спешить с которыми нельзя. Но коль Бахрам решил уйти сегодня, защитный амулет для него должен быть готов, не смотря ни на что.

Негромкий голос нарушил тишину:

— Тот человек… он придет сюда снова?

Ньялсага поднял голову и встретился взглядом с девушкой.

Так. Она все-таки заговорила. Сейчас начнутся расспросы, а времени на пустые разговоры нет.

— Какой человек? — с досадой переспросил Ньялсага. — А, Кемен… не знаю. Не думаю. Что ему здесь делать?

Он снова уткнулся в ежедневник, быстро отмечая карандашом нужные строчки. В другое время, конечно, можно было бы и поговорить, но сегодня тратить на пустую болтовню драгоценные часы, оставшиеся до рассвета просто преступление. Каждая потраченная впустую минута — время, украденное от работы над заклинанием для Бахрама.

Ньялсага перевернул страницу и взглянул на девушку: та по-прежнему стояла, глядя на него.

Что ж, есть один прекрасный способ нейтрализовать разговорчивого собеседника…

Заклятья крепкого сна находились на самой последней странице синего ежедневника, но Ньялсага, конечно, знал их наизусть. Усыплять гостей приходилось частенько: большинство из них проявляло странное недружелюбие к тому, кто пытался им помочь. Крепкий непробудный сон до рассвета решал эти проблемы.

— Он расспрашивал меня о чем-то, но я…

Девушка умолкла.

— Один из его людей погиб, и он хочет понять, как это произошло, — пояснил Ньялсага. — Кемен думал, может, ты видела что-нибудь.

— Погиб?

— Да. Его убили недалеко от того места, где Бахрам тебя обнаружил, — Ньялсага побарабанил карандашом по столу. — Оборотень напал несмотря на защитный амулет. Это странно. Но Кемен непременно докопается до сути, такой уж он человек. Выяснит, как это могло произойти, — он взглянул на девушку. — А теперь, может быть, тебе…

Первая строчка усыпляющего заклинания уже вертелась на языке, но внезапно в голову ему пришла неожиданная мысль: он уже так долго сидел над книгой заклинаний, так почему бы не сделать маленький перерыв? Минут на десять, не больше. Выпить чая, перекинуться с девушкой парой слов, а потом наложить на нее сонные заклятья и вернуться к синему ежедневнику. На свежую голову и работа пойдет быстрее!

Ньялсага поколебался немного, потом отложил карандаш и решительно отодвинул книгу.

— Передохну чуток. Давай-ка сделаем чай, — сказал он. — Чем там тебя угощала Алина? Надеюсь, не пирожками?

Он включил чайник, отыскал в столе коробку с печеньем.

— Алина? — переспросила девушка. Удивительно, как быстро она перестала бояться. Это хорошо: испуганный человек — не самый лучший собеседник!

— Она добрый человек, это видно!

— Добрый-то добрый, — согласился Ньялсага. — Но попробуй только не вымыть руки перед едой!

Он открыл коробку, протер салфеткой чайные чашки.

— Да и сама еда… Алина любит готовить, к сожалению. Бахрам утверждает, что она прошла выучку у горных троллей. Говорит, они стряпают примерно так же!

Девушка улыбнулась.

Ее юное оживленное лицо являло собой резкий контраст с озабоченными, напряженными лицами, которые Ньялсага видел последнее время вокруг. Он заварил чай, чувствуя, как усталость и напряжение отступают, как по волшебству и на сердце становится легче. Еще пару минут назад, стоило подумать об уходе Бахрама, как на душе начинали кошки скрести, а теперь эти проклятые твари куда-то сгинули. В самом деле, до утра еще много времени, всякое может случиться. Например, Бахрам может передумать. Почему нет?

Он улыбнулся в ответ.

— Чай готов. Есть хочешь? У нас только печенье и…

Он с сомнением покосился на коробку с засохшей пиццей.

От еды девушка отказалась. Она присела за стол и взяла чашку с чаем.

— Значит, тот человек — твой друг?

— Кемен?

Похоже, потомок Хэрвелла напугал ее не на шутку. Неудивительно, впрочем. Хорошими манерами он не злоупотребляет, так что если Кемену вздумается поговорить с ней еще раз, придется его предупредить, чтобы был повежливей.

— Друг? Гм… — Ньялсага осторожно налил себе горячий чай, размышляя над словами Мерсеи. — Не знаю, что и сказать, — признался он, наконец. — Еще недавно я ответил бы не задумываясь: нет, не друг, но теперь…

Он бросил рассеянный взгляд в окно. Ветер разогнал тучи и за окном сиял солнечный день. Наверное, из-за того, что долгая унылая непогода, наконец-то отступила, все выглядело как-то иначе: будто тусклый прежде мир протерли тряпкой, и он засиял всеми красками. Цвета были яркими, четкими: зеленые деревья, ярко-желтая стена дома, освещенная солнцем, ослепительно-синее небо, по которому летели над городом огромные золотистые облака.

— Он, в общем-то неплохой человек. Надо же… — удивленно добавил он. — Никогда бы не подумал, что скажу о нем такое!

С улицы донесся резкий автомобильный гудок, Мерсея вздрогнула, пролив чай на бумаги.

— Бояться нечего, — успокаивающе сказал Ньялсага. Он вытащил из пачки пару салфеток и промокнул воду. — Все нормально.

Девушка выглядела такой хрупкой и беззащитной, что хотелось ее защитить.

Ньялсага бросил в корзину влажные салфетки.

Да, защитить. От кого? Да мало ли на свете недобрых людей? Даже здесь, в этом мире полно опасностей, а она здесь совсем одна. Сначала Кемен ее напугал, потом Ява почему-то цеплялся…

Он покачал головой.

— Значит, он не бессмертный? — девушка осторожно взяла чашку и присела за стол.

— Нет, обычный человек.

Девушка подумала и кивнула, как бы соглашаясь с какими-то своими мыслями.

— Когда ты отправишь меня обратно? Сегодня?

Ньялсага передвинул по столу пустую чашку.

— Тут такое дело… — он извиняющее улыбнулся. — Придется тебе немного задержаться: сегодня мы отправляем Бахрама…

Он запнулся, почувствовав, как при этих словах вернулись тревога и горечь, словно кто-то вонзил прямо в сердце узкий отравленный нож.

— Отправить вас двоих сразу я не могу… миг перехода очень короткий, но требует много сил. Тебе придется задержаться ненадолго…

В синих глазах девушки мелькнула тревога.

— Задержаться?

Ньялсага заторопился.

— Всего на один день! Я, конечно, попробую уговорить Бахрама переменить решение, но не знаю, получится ли…

Мерсея перевела взгляд за окно. Сдвинув тонкие черные брови, она долго размышляла о чем-то. Ньялсага ждал. Наконец, она кивнула, будто решившись.

— Как скажешь, заклинатель. Я подожду.

Тревога мгновенно покинула его сердце. Успокоившийся Ньялсага пододвинул ей коробку печенья, но девушка отрицательно покачала головой.

— Бахрам говорил, ты из Горного королевства? — спросил он, завязывая разговор. Гости обычно охотно рассказывали о

себе. — Из Лангедака, что на краю света?

Мерсея улыбнулась.

— Ты слушал о нем?

— Кое-что. Но не очень много: уж очень далеко это королевство находится.

— На краю света — согласилась она. — Это так.

Ньялсага покопался в памяти.

— Бахрам говорил, там кругом непроходимые леса и обитают в них оборотни, ведьмы, вампиры, ламии и прочие твари? И что в лесах этих частенько пропадают люди?

— Прочие твари, — повторила девушка, взглянув на него яркими синими глазами. — Они считают леса своими, а людей — добычей. Конечно, вокруг города возведены высокие крепкие стены, часовые день и ночь несут караул… но не всех остановишь высокими стенами и крепкими замками!

Она еле заметно улыбнулась, словно вспомнив что-то забавное.

Удивительная у нее улыбка: будто после долгой непогоды выглянуло, наконец, из-за мрачных серых туч долгожданное солнышко и от этого делалось на душе легко и светло.

— Хочешь, я поведаю тебе о Лангедаке?

Ньялсага кивнул. Взгляд его случайно упал на раскрытый ежедневник. Он закрыл книгу и отодвинул на край стола: заклинаниями можно заняться чуть позже, а пока — послушать рассказ Мерсеи.

Рассказывать она умела: он словно наяву видел высокие горы, заснеженные ели, высокие крепостные стены, слышал свист ветра и еле слышный шорох снега, с которым подбирались к зазевавшимся часовым волки.

Рассказ так захватил его, что когда Мерсея закончила говорить, Ньялсага долго сидел, как завороженный.

— Теперь твоя очередь, — проговорила она.

Ньялсага тряхнул головой, возвращаясь к действительности. Он отхлебнул остывший чай и посмотрел на девушку.

— О чем же тебе рассказать?

Мерсея устроилась в кресле с ногами.

— Как вы стали бессмертными? Это ветер Соранг?

— А, так ты о нем слышала, — Ньялсага вздохнул, поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Кто же не слышал? — ответила Мерсея, следя за человеком пристальным кошачьим взглядом. — Поведай, каково это: жить вечно и не думать о смерти?

Ньялсага неопределенно пожал плечами.

— Так уж получилось, что в последние дни мы только о ней и

думали. Она была близко… так близко, что даже бессмертные почувствовали ее дыхание.

Он умолк, прислушиваясь к неясной тревоге, снова шевельнувшейся под сердцем.

— И хотя все закончилось, кажется почему-то, что она не ушла, а лишь затаилась где-то рядом, где-то близко…

Мерсея перебила его:

— Но вы-то можете не бояться смерти, а вот все остальные…

— Боятся не смерти, а неизвестности, — поправил Ньялсага. — Ведь никто не знает, что ждет нас за чертой. Там не будет печали, тоски, радости и страсти… но, может быть, будет что-то другое? Или не будет вообще ничего….

Он остановился возле окна. У театрального подъезда стоял небольшой грузовичок и люди в синих комбинезонах сноровисто выгружали на асфальт разные диковинные вещи: пузатые маленькие комодики, старые сундуки, лакированные ширмы, разрисованными райскими птицами.

— Но смерть придает человеческому существованию смысл. Без нее жизнь превращается в долгий-долгий путь, который никуда не ведет.

Он перевел взгляд на высокое небо, по которому стремительно неслись легкие облака.

— Жаль будет уходить из этого прекрасного мира. В последние дни у меня появилось странное чувство: как будто река жизни течет все быстрее и быстрее и тянет нас всех к логическому концу, к нашей последней стоянке, туда, где мы, наконец, узнаем ответы на все наши вопросы… или не узнаем ничего, потому что и вопросы и ответы больше не будут интересовать нас.

Он вернулся к столу.

Мерсея отставила свою чашку с нетронутым чаем.

— Волшебный ветер Соранг, — проговорила она, еле дождавшись, пока он закончит говорить. — Говорят, для каждого он особенный? Это правда?

Ньялсага немного помедлил.

— Правда. Алина говорила, что для нее Соранг был теплым летним ветром и нес ароматы цветущих садов. Бахраму чудился дым костров… а Ява утверждал, что Соранг явился к нему морским штормовым ураганом.

— А каким был он для тебя? — быстро спросила Мерсея, подавшись вперед.

Ньялсага невесело усмехнулся.

— Запах осени, увядающих листьев, близких холодных туманов, запах близкого снега. С тех пор я не люблю осень.

Мерсея откинулась на спинку кресла.

— В Горном королевстве сейчас как раз осень. Хорошее время… тихое!

— Завтра ты будешь там, — пообещал Ньялсага. — В своем городе, что на самом краю света.

Она кивнула и поднялась с кресла.

— Все-таки, в вечной жизни что-то есть, не так ли, заклинатель?

Ньялсага засмеялся: к нему вернулось хорошее настроение.

— Я тебе скажу, что в ней есть: очень много свободного времени. И его нужно чем-то занять, иначе жизнь не превратиться в бессмысленное тягостное существование. Поэтому, Алина воспитывает подрастающее поколение, а Ява всю свою вечную жизнь тратит на то, чтобы отыскать способ снова сделать нас смертными.

Мерсея удивленно подняла брови.

— Разве это возможно?

— Нет, — Ньялсага щелкнул кнопкой чайника. — Но переубедить человека с аурой цвета стали, еще никому не удавалось. У таких людей характер тверже алмаза!

Ньялсага вдруг спохватился: а какими цветами сияет аура у гостьи? Ведь собирался полюбопытствовать, но из-за новости, которую выложил утром Бахрам, все вылетело из головы!

Он взял блюдце и протянул девушке.

— Ты так ничего и не поела. Хочешь печенье?

Мерсея отрицательно покачала головой.

Ньялсга поставил угощение обратно. Не беда, цвет ауры можно узнать и попозже. А, может, здешняя еда Мерсее не по вкусу? Жаль, ей не мешало бы немного подкрепиться, уж очень хрупкой и бледной она выглядела.

— Ты, наверное, устала? — догадался Ньялсага. — Денек у тебя был не из легких. В другой комнате можно отдохнуть, если только не обращать внимания на бардак, который устроил там Бахрам!

Мерсея кивнула и направилась к двери.

— А я пока над заклинаниями поработаю, — сказал вслед ей Ньялсага.

…Он сидел над книгой заклинаний, время от времени беспричинно улыбаясь. За окном стемнело, зажглись фонари.

Наконец, он оторвался от работы, потер глаза, потом поднялся и вышел на крыльцо: хотелось глотнуть свежего воздуха.

Над городом догорал закат, полыхающий в полнеба. Дымные багровые облака ползли, задевая крыши домов, стекла окон

сверкали алыми огнем, и казалось, еще немного — и потянет тревожным запахом гари и дымом пожарищ.

Закат предвещал бурю, ветер или дождь, а может, что-нибудь похуже.

Ньялсага, как завороженный, смотрел на пылающее небо, словно залитое огнем и кровью и не мог отвести от него глаз.

Промчался по улице огромный полупустой автобус, ярко освещенный изнутри, взметнулись с асфальта клочки бумажек, смятые автобусные билеты, закружились маленьким смерчем.

Порыв ветра ударил в лицо Ньялсаги, но пахло не гарью далеких пожаров, а увядающими цветами, опавшей листвой и первыми заморозками. Где-то недалеко раздались голоса, заклинатель вздрогнул, и наваждение прошло.

Ньялсага вернулся в комнату и запер за собой дверь.

…Первый день без Своры вышел каким-то странным, скомканным: вроде, тянулся долго, нескончаемо долго, и в то же время — пролетел мгновенно.

Всю ночь Ньялсага просидел в агентстве, размышляя о том, что предстоит, точно зная, что и остальным было не до сна.

Он вытащил из кармана телефон.

За последние несколько часов звонили только Алина и Ява (каждый — раз по десять), но звонка, на который он втайне надеялся, не было.

На всякий случай, проверил еще раз и вздохнул.

Он все ждал, что вот-вот объявится Бахрам и весело скажет, что разговор его о возвращении в Легион был шуткой, а на самом деле никуда он не собирается, разве что на большую игру куда-нибудь в горы.

Но в глубине души Ньялсага знал, что разговор был серьезным и что Бахрам не передумает.

Когда условленный час настал, он поднялся, заглянул в соседнюю комнату, где на диване прикорнула Медея и покинул агентство.

Дорога до берега по пустым утренним улицам заняла всего несколько минут. Небо было серым, над заливом гулял свежий ветерок и клубился утренний туман.

Первым Ньялсага заприметил Бахрама, затем увидел Яву и Алину. По их виду он сразу понял, что эти трое уже успели хорошенько переругаться между собой.

— Святые ежики, Алина, — бубнил покрасневший от досады Бахрам. — Что ты ко мне прицепилась, как болотная лихорадка?! Сказал же: решил я! Как решил, так и будет!

— Оставайся, Бахрам, — проговорил Ява. — Поедем к Алине

домой, она тебя пирожками накормит!

При упоминании о пирожках Бахрам вздрогнул.

— Нет уж! У нас в Легионе лекарь служил, так он постоянно говорил: «Для живых здоровье — прежде всего»! Он сам-то из умертвий был, так что знал, что говорил. А ты — пирожки…

— Из умертвий, значит, — вздохнул Ява. — Нашли кого лекарем назначить!

— Прежнего-то кто-то из троллей съел… не понравилось им, как он их от чесотки лечил. Умертвие-то тоже съесть пытались, да на вкус он не очень…

— Нельзя так с врачами обращаться, — попенял Ява.

Ньялсага протянул Бахраму амулет.

— Вот, держи. Заклинание будет действовать около года. А потом…

— Еще одно раздобуду, — пообещал Бахрам, надел серебряную подвеску и, выпрямившись и расправив плечи, взглянул в сторону горизонта.

— Ежик всемогущий, скорей бы солнце! Жду не дождусь!

Ньялсага переглянулся с Явой. Ява вздохнул и пробормотал что-то на незнакомом языке.

Бахрам оглянулся.

— Эй! Сам ты тупой гоблин, понял?!

И тут же, расплывшись в улыбке, пояснил:

— Немного язык этот понимаю, потому что был у нас…

— Снова про Легион? Я о нем слышать не могу! — не выдержала Алина.

— Ладно, не буду, — непривычно покладисто сказал Бахрам и снова бросил нетерпеливый взгляд на залив.

— Вот-вот солнце выглянет. Ну, что? — он неловко переступил с ноги на ногу. — Пора, это самое, прощаться!

Прощание было недолгим.

Как только из-за моря показался краешек солнца, открылся путь: прямо по водной глади, через все море, пролегла широкая дорога, над которой висела густая пыль, словно только что прошло по этой дороге большое войско, и она еще гудела от сотен ног.

Бахрам поправил ремень, подошел к воде и обернулся на Ньялсагу.

— Ну, говори свои слова!

Но тот молчал.

— Святые ежики, пожалуйста! Скажи мне: «Свободной дороги»!

Клубившая пыль постепенно оседала, и становилось видно, что дорога тянулась далеко-далеко, через поля и виноградники и

уводила в зеленые, залитые солнцем холмы, суля настоящую жизнь, ту самую, по которой так скучал Бахрам.

— Свободной дороги, — услышал он за своей спиной.

Бахрам кивнул и шагнул вперед, оставив друзей на берегу.

Налетел утренний ветерок, разметал над водой клочья тумана и в этом тумане скрылись и холмы, и дорога, и бодро марширующий Бахрам.

…Через полчаса Ньялсага сидел в кофейне «Последний белый слон» и чувствовал себя старым и таким усталым, словно вся тяжесть мира лежала на его плечах.

Глава-12

Ява запарковался возле одного из пирсов и медленно побрел куда глаза глядят. Город просыпался. Уже летели по автомагистралям машины, звенели трамваи, распахивались двери многочисленных кофеен и первые посетители заворачивали за утренней чашкой кофе по дороге на работу. Погрузившись в свои мысли, Ява свернул на боковую улицу, взбежал по крутой бетонной лестнице и оказался на совершенно пустой улочке. Свежий утренний ветерок ворошил невесть откуда взявшуюся солому на булыжниках мостовой, оттуда-то издалека доносился звон металла, словно где-то рядом находилась кузница и, казалось, вот-звонко зацокают по камню конские копыта.

Да, Прибрежный квартал был поистине самым загадочным местом в городе!

Ява побрел по улице. На душе было тяжело и темно, примерно так, как много лет назад, когда мальчишка-беспризорник, живущий в Морском квартале Лутаки, вдруг понял, что бессмертие — это вовсе не то, чего он хотел, и что дар волшебного ветра рано или поздно обернется проклятием.

Он прошел вдоль ряда закрытых еще магазинчиков, лавок, с окнами, закрытыми ставнями, мимо пустых лотков и свернул под навес. Он совсем не замечал, куда идет, но вдруг, неожиданно для себя самого, обнаружил себя стоящим перед дверью с деревянной табличкой «Книжная лавка «Бродяга».

Несмотря на ранний час, дверь оказалась открытой.

Ява поколебался и вошел. В лавке царила тишина. Неярко горели светильники на стенах, обшитых деревом, тянулись стеллажи с книгами, на низком столике обнаружилась забытая с вечера чашка с недопитым кофе. Ява двинулся вдоль книжных рядов, рассматривая переплеты старых увесистых томов, украшенные полустертыми золотыми вензелями. В дальнем темном углу вспыхнули зеленые глаза, маленький юркий зверек вынырнул из-за книжного шкафа и ловко вкарабкался на полку.

— Привет, Дэберхем, — бросил ему Ява. — Ты ведь уже все знаешь, верно?

Зверек, замерев, уставился на Яву блестящими глазами.

— Цолери у себя?

Деберхем вдруг отчаянно пискнул и исчез, словно растворившись в воздухе.

Ява обернулся.

В дверях «логова», в наброшенном на плечи пледе, сером, как волчья шерсть, стоял Цолери

— А, это ты, — проговорил он, нисколько не удивившись раннему гостю. — А я-то гадаю, кто здесь бродит? Заходи…

В «логове» было полутемно, горели толстые восковые свечи, на столе лежала раскрытая толстая книга.

— Хорошо, что заглянул, — Цолери бросил поверх книги пергаментный лист, словно не желал, чтобы случайный человек узнал, чем интересовался хозяин «Бродяги». Ява не хотел любопытничать, однако, до того, как пергамент упал на раскрытую книгу, невольно успел скользнуть взглядом по строчкам:

«Как и большинство оборотней и вампиров они боятся серебра и заговоренного оружия. Однако, отличие от вампиров и оборотней, эти существа имеют возможность менять свой облик, превращаясь в прекрасных…».

— Проводили Бахрама? — Цолери взял с полки большой пергаментный пакет, запечатанный алыми сургучными печатями, и, вернувшись к столу, уселся в кресло.

Ява кивнул.

Цолери неодобрительно хмыкнул.

— Опасное дело он затеял! Такое опасное, что…

Он покачал головой.

— Будем надеяться, Орден до него не доберется.

— Доберется или нет, мы никогда этого не узнаем, — проговорил Ява. — Неизвестность — вот что хуже всего!

Цолери коротко кивнул, соглашаясь, и перевел разговор на другое.

— Достал для тебя кое-то любопытное: рукопись из сундука одного колдуна. Колдун тот по слухам был большим специалистом по изучению чужих заклятий. Смекаешь, к чему я?

Ява осторожно взял в руки тяжелый пакет. Шершавый, грубо выделанный пергамент был забрызган бурыми пятнами, похожими на засохшую кровь.

— Он что, пытался взломать заклятья, связанные с Сорангом?

Цолери откинулся на спинку кресла.

— Он умел многое, но насчет волшебного ветра — не скажу. Но, возможно, в записях найдется какая-то подсказка?

Ява спрятал пакет в карман куртки.

— Посмотрю. А чем сейчас этот колдун занимается?

— На кладбище лежит. Видно, так увлекся чужими заклинаниями, что перешел дорожку кому-то из могущественных магов, — пояснил Цолери.

Где-то в конце коридора хлопнула дверь, он прислушался.

— Гадальная лавка уже открылась. Видел бы ты, сколько доверчивых дураков является каждый день, чтобы разузнать

будущее!

Цолери усмехнулся и снова сменил тему.

— Ну, а как ваша гостья поживает? — небрежно спросил он. — Слышал, из-за Бахрама ей пришлось задержаться еще на день?

— Пришлось, — со вздохом подтвердил Ява. Осведомленность хозяина «Бродяги» его давно уже не удивляла.

— Такая: толстенькая, рыженькая, на носу веснушки?

— Стройная, темноволосая, глаза синие, — нехотя проговорил Ява. — Выглядит, как фотомодель.

Цолери наклонился вперед, поставил на стол локти и впился в собеседника острым внимательным взглядом.

— Вот как? Значит, Деберхем снова что-то перепутал!

Из-за книжного шкафа донесся протестующий писк хорька.

— Заткнись, безмозглое животное, — не оборачиваясь, бросил Цолери.

— А что значит «как фотомодель»? Как они выглядят-то, фотомодели? Ни разу не видел. Они сюда что-то не заходят.

— Это значит, красивая, — выдавил Ява, недоумевая, с какой стати Цолери вдруг заинтересовался гостьей.

— В кои-то веки сюда забросило не гоблина, не пьяного некроманта, и не умертвие, а красивую девушку, — Цолери скупо улыбнулся, но улыбка не затронула волчьи настороженные глаза. — Жалеешь, небось, что она скоро вас покинет?

Ява поморщился.

— Жалею? Да я жду не дождусь, когда она уберется восвояси! Терпеть не могу плачущих девиц, а у этой вечно глаза на мокром месте. На нервы действует своим нытьем…

В глазах Цолери, устремленных на Яву, промелькнуло что-то вроде облегчения.

— Так она сейчас с Алиной? — уточнил он.

— С Ньялсагой. Он ее утешает и чаем поит.

Цолери откинулся на спинку кресла и побарабанил пальцами по поручню кресла.

— Значит, Ньялсага… — еле слышно пробормотал он.

— Что?

— Ничего. Хочешь кофе? Я сварю.

Он поднялся и принялся возиться с кофейной мельничкой.

Ява скользил взглядом по набитым книгами шкафам, столу, плотно закрытому жалюзи окну. Оборотень, рыцарь древнего несуществующего уже Ордена! Какими судьбами занесло его сюда и как оказался он связан с Хэрвеллом? Ответ на это могли дать только Кемен и сам Цолери. Но потомок Хэрвелла, там, на берегу, не ответил на вопрос, а самого Цолери никто расспрашивать не

рискнул.

Сразу после сражения с Харгалом он исчез, и Ява не успел даже не поблагодарить за то, что тот заменил его в поединке.

Впрочем, это ведь можно сделать сейчас. Он кашлянул.

— Насчет Своры и Харгала, — начал он нерешительно. — Я…

Цолери поставил перед ним тяжелую глиняную чашку.

— Пей, — приказал он, пресекая ненужные слова. — Хороший кофе — единственное, что примиряет меня с существованием здесь.

Ява покорно взял чашку. Благодарности снова пришлось отложить. Такой уж он есть, оборотень, волк-одиночка, не любитель говорить по душам.

Ява взглянул на древние фолианты, громоздившиеся на полках.

— Спасибо, что помогаешь искать книги о Соранге. Может, удастся отыскать то в них, что нужно. А если нет…

Он умолк. В очередной раз подумалось, что поиски его тщетны, и в очередной раз Ява прогнал эти мысли прочь. Выход обязательно найдется, главное — не сдаваться!

Цолери одобрительно кивнул.

— Рано или поздно каждый найдет то, что ищет, — сказал он. — Уж поверь мне!

…Алина-барракуда чувствовала себя странно: первый раз в жизни ей совершенно нечем было заняться. Ехать в школу не нужно, готовить не хотелось, к уборке не лежало сердце, даже любимые кулинарные книги валились из рук. Алина подумала, походила из угла в угол, потом собралась и поехала в агентство.

В агентстве она застала только Яву. Тот, расположившись в кресле Ньялсаги, изучал потрепанный пергаментный лист, испещренный таинственными знаками. Алине показалось, что вид у приятеля был непривычно озабоченный, точно Ява о чем-то сосредоточенно размышлял.

— У Цолери был? — поинтересовалась она, кивая на пергамент.

Ява аккуратно свернул лист и потянулся за чайной чашкой.

— Да, заглянул по дороге.

— Как он там?

— Сидит в своем логове, воюет с Дэберхемом. Пока что Дэберхем одерживает победу по всем фронтам, — Ява хмыкнул. — А потом вот сюда завернул.

Он сделал глоток и поставил чашку.

— Наблюдаю за развитием событий.

Алина насторожилась и быстро глянула в сторону соседней

комнаты.

— Уже есть события? — спросила она, понизив голос.

Ява пожал плечами.

— Вроде нет.

— О чем тогда разговор?

— Предчувствия, — сказал Ява. — Предчувствия у меня очень скверные!

Алина скептически посмотрела на него.

— Предчувствия? В предсказатели решил податься?

Она подошла к столу и поморщилась.

— Посуду после вчерашнего так никто и не помыл? Ясно…

— Мы рассчитывали на тебя, — хладнокровно сообщил Ява, разворачивая очередной пергамент и углубляясь в чтение.

— На меня? Я что — домовой гном, посуду за вами мыть?

Ява не отозвался. Недовольно бормоча что-то себе под нос, Алина собрала со стола бумажные тарелки с остатками еды и выбросила в корзину.

— А где Мерсея?

Не отрывая глаз от пергамента, Ява ткнул пальцем в сторону окна.

— На лавочке сидит. Дышит свежим воздухом.

— В своем наряде?! Гм… народ, наверное, удивляется?

Ява вздохнул, аккуратно свернул пергамент и вложил в пакет.

— Во-первых, Ньялсага разрешил ей накинуть твой плащ.

Алина замерла, держа в одной руке коробку из-под печенья, в другой — скомканные салфетки.

— Что?

— А, во-вторых, с чего бы кто-то удивлялся? Наш дом — на задворках драматического театра. Все давно привыкли, что здесь то короли покурить выходят, то рыцари в латах на троих соображают, то какие-то раскрашенные тетки в париках пирожки трескают. Помнишь прошлогоднего некроманта, который клаустрофобией страдал?

Алина покопалась в памяти.

— Это не тот, что отказывался находиться в закрытом помещении и весь день на крылечке торчал? Его еще Бахрам караулил?

— Он самый, — кивнул Ява. — В камзоле и с трупными пятнами на лице. Целый день сидел у всех на виду — и что? Кто-то удивился? Как бы не так. Поинтересовались у него пару раз, что за спектакль сегодня вечером идет — и все!

Алина бросила мусор в корзину, отряхнула руки и подошла к окну.

— Взяли мой плащ, — проворчала она, глядя во двор. — Хоть бы позволения спросили для приличия, что ли. А давно Ньялсага с ней сидит?

— Давненько, — сдержанно ответил Ява. — Наверное, помогает дышать свежим воздухом.

Он вытащил из пакета еще один лист и развернул.

— Ты с ним разговаривал? Насчет… ну, об этом?

— Разговаривал. Он сказал, все под контролем.

Пару минут Алина рассматривала сидевших на скамье людей пристальным снайперским взглядом.

— Мне тоже так кажется. Все нормально, ничего подозрительного не вижу. Зря ты волнуешься!

Ява отбросил пергамент, вскочил с кресла и в одну секунду оказался рядом с ней.

Некоторое время они молча наблюдали.

— Разве ты сама не видишь? Он выглядит таким… — Ява запнулся, подбирая слова. — Таким…

— Каким — таким?

— Спокойным. Безмятежным.

Алина снова уставилась в окно.

— И что? Это плохо?

— Алина, мы только что проводили Бахрама! А Ньялсага уже словно забыл о нем!

— Преувеличиваешь. Ничего он не забыл.

— Преувеличиваю? — воскликнул Ява. — Да его будто околдовали!

Он махнул рукой, вернулся к столу, развернул пожелтевший лист и погрузился в чтение, однако, Алина видела, что Ява лишь скользит глазами по строчкам, а мысли его блуждают где-то очень далеко.

Она подошла к столу, прихватил до пути парочку испачканных вареньем чашек.

— Это все усталость, — примиряющее сказала Алина. — Свора, Бахрам… столько всего на нас навалилось!

Она поставила чашки в раковину.

— Знаешь что? Давай съездим, наконец, в Аргентину. А? Мы ведь давно собирались. Вот прямо завтра купим билеты — и все втроем отправимся!

Ява посмотрел на нее поверх пергаментного листа.

— Что-то не хочется. Чего мы там, в этой Аргентине не видели?

— Там красиво, говорят…

Ява недоверчиво хмыкнул и снова углубился в чтение.

Алина отыскала в столе черный пластиковый мешок,

развернула и окинула взглядом стол, намечая фронт работ. Коробки, старые журналы, мотки веревок, гвозди…

Она опустила руки.

— Нет, не могу… это ведь вещи Бахрама. Вдруг… вдруг они ему еще понадобятся?!

Алина поколебалась, потом решительно сунула мешок под стол.

— Тролль с ней, с уборкой! Потом займусь… когда-нибудь.

— Здравая мысль. Выпей лучше чаю, — посоветовал Ява.

Алина осторожно взяла горячую чашку, поднесла к губам — и замерла.

— А ты не знаешь, Кемена кто-нибудь предупредил? Он в курсе?

— В курсе чего? — без особого интереса спросил Ява, переписывая что-что из старинного манускрипта в записную книжку.

— Того, что девушка задержалась здесь на день.

— Понятия не имею. Цолери, впрочем, знает.

Алина хмыкнула.

— Насчет Цолери я не сомневаюсь. Вот только телефоном он не пользуется, так что позвонить Кемену не может. И Кемену неизвестно, что Мерсея осталась здесь. Вдруг он решит, что в городе объявился еще один гость?

— И что?

— И захочет разобраться с ним по-своему?

— Хорошо бы, — вздохнул Ява.

— Значит, никто не звонил? — уточнила Алина. — И о чем вы только думали? Давай, звякни Кемену, объясни ситуацию, а то он сюда нагрянет.

Ява убрала записную книжку в карман.

— Сама звякай. Я ради этой девицы ничего делать не собираюсь.

Алина поджала губы.

— Вечно ты всю неблагодарную работу на меня спихиваешь. Ладно уж…. — она вздохнула. — А ты номер его телефона знаешь? Знаешь?! Откуда? Неужели ты ему звонишь?

— Ага. Сказки на ночь рассказываю, — Ява увидел выражение лица Алины и усмехнулся.

— Шутки понимать перестала? Как только Свора тут появилась, мы все номерами обменялись, на всякий случай. Кроме тебя, конечно. Лютер все собирался у тебя телефончик попросить, да так и не решился. Странно, вроде не робкого десятка парень…

Алина промолчала, набирая номер.

Послышались длинные гудки.

— Не отвечает, — она отхлебнула чай, подумала. — Что ж, Лютеру звонить?

— Непременно звонить. Пусть порадуется!

Алина хотела ответить достойно, но сдержалась.

— Ах да, тебе же номерок нужен, — театрально спохватился Ява. — Какой: домашний или рабочий?

— Домой я ему звонить не буду, много чести! — проворчала Алина. — Давай служебный. А где он работает, случайно не знаешь?

— Случайно знаю. Оружейный магазин возле университета.

Алина понимающе кивнула.

— Так я и знала. Самое место для такого, как он! Тип с внешностью профессионального наемного убийцы просто обязан торговать оружием. Или на крайний случай человеческими органами или украденной секретной информацией!

Она проверила, правильно ли записала цифры.

— И кем он там трудится? Сторожем?

Ява закрыл мобильный телефон и убрал в карман.

— Владельцем. Это его магазин.

Алина набрала номер и снова услышала длинные гудки.

— Тоже не отвечает, — она пожала плечами. — Странно. Чем они заняты, хотела бы я знать? Может, уже сюда едут?

Ява вытащил из пачки чистую салфетку, отыскал карандаш и стал перерисовывать печать, украшающую пергаментный пакет.

— Неужели ты не знаешь, чем занимаются в свободное время молодые неженатые мужчины? Могу просветить. Во-первых…

— Не надо, — решительно остановила Алина. — Ты уже рассказывал как-то. А кое-что я даже сама видела.

Она задумалась, постукивая телефоном по ладони.

— Слушай, а почему бы тебе не съездить к Лютеру на работу? Это же совсем близко!

Ява закончил рисунок и сравнил с оригиналом.

— Зачем? Я по нему не соскучился.

— Предупреди насчет Мерсеи. Будь другом, съезди, а? — принялась уговаривать Алина. — А то ведь они, чего доброго, сюда завалятся. А я их видеть не хочу!

Ява лениво потянулся.

— Если это тебя так волнует, то занимайся всем сама. Звони Кемену, поезжай на работу к Лютеру, а меня оставь в покое. Эта девица у меня уже в печенках сидит. Я, честное слово, считаю часы до того момента, как она отсюда, наконец, исчезнет!

Алина поджала губы.

— Значит, помогать ты не желаешь? Прекрасно. А я-то хотела

испечь специально для тебя пирожные «Тропический рай» с кокосом и орехами пекан. Но теперь, — она наградила Яву выразительным взглядом. — Теперь, конечно, не испеку!

— Не испечешь? Какое счастье! — облегченно сказал Ява.

Алина вышла из агентства, высоко подняв голову.

…К тому времени, когда Алина увидела вывеску оружейного магазина, настроение у нее было испорчено окончательно. Злилась она на всех сразу: на Бахрама, за то, что он ушел, на Яву, не согласившегося взять визит на себя, на Ньялсагу, не посчитавшего нужным позвонить, и, в особенности, на Лютера, за то, что тот упорно не брал трубку.

Встречаться с «Бриммским василиском» лично Алине очень не хотелось, но деваться было некуда. Она остановилась на перекрестке, подождала, пока светофор загорится зеленым, пересекла улицу и направилась к магазину.

Возле стеклянных дверей курили, разговаривая между собой, два человека.

Один Алине был незнаком, в другом она, приглядевшись, не сразу узнала Лютера, одетого в потертые джинсы, черную футболку и легкую черную куртку-ветровку. Он заметил Алину, торопливо попрощался с собеседником, выбросил окурок и пошел навстречу. Алина насторожилась: во взгляда «Бриммского василиска» мелькнуло нечто странное — удивление и еще что-то, похожее на радость.

— Я звонила, но ты трубку не брал, — без долгих вступлений начала она. — Поэтому пришлось зайти. Я по делу.

— Ну, говори, раз по делу, — согласился Лютер, глядя на нее сверху вниз.

Алина впервые заметила, что глаза у него вовсе не хмурые, а ясные, дымчато-серые, как зимнее морозное утро. Да и сам он был не сумрачным и насупленным, а совсем другим: свободным, спокойным и вроде как даже обрадовавшимся чему-то. Однако размышлять, отчего Лютер внезапно повеселел, было некогда.

— Хотела предупредить вас с Кеменом насчет нашей гостьи, девушки, — сказала Алина.

Во взгляде «Бриммского василиска» появилась непонятная задумчивость.

— А что с ней?

— Ничего. Просто ей пришлось задержаться здесь еще на день. Так получилось.

— Знаю. Из-за Бахрама?

Алина посмотрела на него с подозрением.

— Откуда ты знаешь?

Лютер неопределенно пожал плечами.

— Почему он ушел? Вы ж вроде говорили, что тамошние чародеи только и мечтают, чтобы заполучить бессмертных? Он что, всерьез надеется, что о нем никто не узнает?

— На что он надеется, вас не касается, — ответила Алина, очень не любившая, когда посторонние совали нос куда не следует. — Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо. Значит, насчет девушки вам известно? А то я уже и Кемену звонила, но у него телефон не отвечает.

«Бриммский василиск» на мгновение отвел глаза.

— Он… э-э… он занят сильно. Дело одно появилось. Срочное…

Алина пожала плечами.

— Ну, тогда все. Мне пора.

Лютер сунул руки в карманы куртки.

— Так ты поэтому пришла? — спросил он, глядя на Алину так, будто ожидал чего-то еще. — Предупредить насчет вашей гостьи?

— А зачем же, по-твоему? — удивилась Алина.

«Бриммский василиск» промолчал. Огонек, засветившийся в его глазах, погас.

Он вытащил пачку сигарет и закурил.

Алина смотрела на своего собеседника, недоуменно сдвинув брови.

Вид у «Бриммского василиска» был странный: он явно был раздосадован чем-то, но чем?

Какая-то назойливая мысль крутилась у нее в голове, не давая покоя и Алине казалось, что еще немного — и она поймет в чем дело. Но мысль каждый раз ускользала, а времени, чтобы додумать ее не было.

Лютер посмотрел на Алину и усмехнулся.

Она тут же забыла о своих сомнениях: теперь перед ней был прежний «Бриммский висилиск» и в глазах его появилось знакомое выражение ленивой усмешки.

— Ладно, — проговорил он, щелчком отправляя недокуренную сигарету на асфальт. — Хорошо. Когда вы ее отправляете? На рассвете? Понятно.

Он круто повернулся и направился обратно, сразу же позабыв про Алину.

Она посмотрела вслед, пожала плечами.

«Бриммский василиск» вел себя странно, однако размышлять над чужими странностями Алина не собиралась.

И она выкинула все это из головы.

…За дверью послышались шаги и негромкие голоса.

Ява поставил на стол чашку с остывшим чаем (чаепитие сегодня не приносило никакого удовольствия) и поднялся из-за стола.

Первой появилась Мерсея. Она не вошла, а проскользнула в дверь, стройная, гибкая и грациозная, как кошка. Не глядя на Яву, она быстро пересекла комнату и скрылась в соседнем помещении. Следом вошел Ньялсага, держа перекинутый через руку синий плащ.

— Ты еще здесь? А Алина где?

— Уехала по делам, — ответил Ява. Говорить, что она направилась к Лютеру, почему-то не хотелось. — Скоро вернется.

Ньялсага аккуратно повесил плащ на спинку стула.

— Не сердилась, что я без спросу ее вещи брал? Мерсее нужно было что-то накинуть.

— Кажется, нет, — покривил душой Ява и кашлянул. — М-м-м…

Он оглянулся на открытую дверь, ведущую в другую комнату.

— Я что сказать хотел…

Ньялсага вопросительно поднял брови.

— Ты здесь все утро… и весь вчерашний вечер, — осторожно начал Ява. — Не хочешь развеяться: съездить в «Белый слон» или еще куда-нибудь? А с девушкой может и Алина остаться. Они все-таки дамы, быстро найдут общий язык. Поболтают о своем, о женском…

Ньялсага уселся в кресло, вынул из кармана синий ежедневник.

— Нет.

Книга заклинаний сама собой открылась на нужной странице.

Ява подавил вздох: иного ответа он и не ожидал.

— Почему?

Ньялсага отыскал в куче бумаг карандаш.

— Зачем? У Алины и так дел хватает, а мне все равно нужно закончить работу над заклинанием, которое закроет сегодня границу. Сейчас заварю чай, посижу, подумаю…

Ява присел на край стола.

— Раньше ты в «Белом слоне» над заклинаниями думал.

Ньялсага молча пожал плечами.

Ява изучающе смотрел на приятеля.

— Почему ты не наложил на девушку сонное заклятье? Обычно гости спят и никаких хлопот не причиняют. А в этот раз все не так. Ты ведь не уезжал домой на ночь?

Ньялсага оторвался от книги.

— Да, я не уезжал домой, — раздраженно откликнулся он. — И что?

Ява не сводил с него глаз.

— Разве ты не понимаешь, о чем я? Что с тобой вообще происходит?

Ньялсага откинулся на спинку стула и потер уставшие глаза.

— Ничего со мной не происходит. Не было времени куда-то ехать: создать заклинание, закрывающее дверь между мирами не так-то просто. Сидел над книгой всю ночь…

— Всю ночь? Брось, невозможно всю ночь творить заклинания. Это никому не под силу.

Ньялсага пожал плечами.

— Я отдыхал. Немного болтал с Мерсеей. Это ведь не преступление?

— Чудесно. И чем же вы болтали?

Ньялсага поднял бровь.

— Я тебе должен отчитываться, о чем мы разговаривали?

— Нет, конечно. Просто интересно.

Ньялсага перевел взгляд в окно. Возле театрального подъезда толпились странно одетые люди, на которых, впрочем, никто не обращал особого внимания.

— Она говорила о… о чем же? Я рассказывал о том, как нам удалось справиться с Гинзогой и ее Сворой…

— Ты и это рассказал?

— Да, а что? Потом Мерсея… что-то она говорила…. знаешь, она отлично умеет рассказывать, а слушать — еще лучше. Это не каждому дано! Она говорила о…

Он растерянно умолк, постукивая карандашом по столу.

Ява ждал.

Ньялсага помнил, что Мерсея долго рассказывала что-то необыкновенно интересное и очень важное, он до сих пор помнит, как звучал ее голос. Она говорила всю ночь, но о чем?

Как ни старался Ньялсага, он не мог припомнить ни единого слова.

— Ясно, — проговорил Ява. — Понимаю. Из головы вылетело?

Он снова прошелся из угла в угол, стараясь не смотреть в соседнюю комнату.

— Вот что, — решительно сказал Ява, останавливаясь напротив Ньялсаги. — Эта девица на тебя плохо влияет…

— Ее зовут Мерсея, — перебил Ньялсага.

— Мне плевать, как ее зовут. Ты находишься при ней безотлучно уже много часов. Это плохой знак. Ты понимаешь, что я имею в виду, — Ява взглянул на Ньялсагу, тот пожал

плечами. — Поэтому сейчас же поезжай домой и возвращайся не раньше утра. А я останусь здесь и…

— Нет, — Ньялсага захлопнул ежедневник. — Ты здесь не останешься. Мерсее это не понравится. Ты ее невзлюбил. Ты хотел посадить ее в клетку.

— Какое мне дело до того, что ей не нравится? Почему мы вообще должны думать о том, что ей понравится?!

— Потому что… — начал Ньялсага, но в кармане Явы затрезвонил мобильный телефон.

Ява поднес телефон к уху.

— Что тебе? Где ты? Что? Ладно… заеду, — бросил он с досадой.

— Алина, — пояснил он, убирая мобильник. — Купила что-то в магазине бытовой техники, просит заехать, помочь довезти.

— Поезжай, — согласился Ньялсага.

— Лучше ты, — предложил Ява. — Тебе не помешает проветриться. А я здесь посижу, если, конечно…

Ньялсага сжал пальцы. Карандаш с хрустом переломился на две части.

— Нет. Я останусь здесь. А ты поезжай, забери Алину.

Ява с изумлением уставился на сломанный карандаш.

— Ты…

— Поезжай, — коротко повторил Ньялсага и в его голосе скользнули какие-то новые непривычные нотки.

Мгновение Ява смотрел на него, затем пожал плечами и вышел, хлопнув дверью.

Он сбежал по ступенькам лестницы, дошел, сосредоточенно глядя себе под ноги, до парковки, сел в машину и задумался.

Ему очень хотелось разобраться в том, что он только что услышал. Какая-то новая интонация, проскользнувшая в голосе Ньялсаги, какая-то не слышанная раньше нотка, тревожила его, и Ява знал, что не успокоится, пока не разберется, в чем дело.

Он повернул ключ зажигания и медленно выехал с парковки.

Сидевший в стеклянной будке охранник проводил машину равнодушным взглядом.

Раз за разом Ява прокручивал в голове последнюю фразу, короткую, всего из одного слова. Кроме раздражения в голосе Ньялсаги чудилось, еще что-то, и это «что-то» не давало покоя.

Серая машина влилась в автомобильный поток, несущийся по бульвару. Пасмурный серый день сменялся таким серым ненастным вечером.

Задумавшись, Ява проехал нужный поворот, чертыхнулся и повернул обратно. Магазин, где поджидала его Алина, находился не так уж далеко, но из-за дорожных работ так просто туда не

подъедешь, придется пробираться окольными путями.

Еще раз помянув Алину нелестным словом, Ява остановился на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора и продолжая раздумывать, барабаня пальцами по рулю.

Внезапно Ява встрепенулся, глядя прямо перед собой невидящими глазами.

Красный сигнал сменился зеленым, позади истошно засигналили машины, но он не слышал этого.

Ява понял, что прозвучало в голосе Ньялсаги.

Угроза.

…Был серый предутренний час, когда все живое спит особенно крепко.

Мерсея остановилась у самой воды, так, что набежавшая на песок волна, коснулась ее ног.

— Когда? — не поворачивая головы, спросила девушка.

— С первым солнечным лучом, — поспешно ответил Ньялсага.

Ява взглянул в сторону горизонта, Мерсея, заметив это, усмехнулась.

За все время они и парой фраз не обменялись, но ему почему-то казалось, что между ними постоянно происходил безмолвный то ли разговор, то ли спор. У Явы было крайне неприятное чувство, будто верх в этом споре взяла Мерсея.

— Еще минут пять, — сказала Алина, кутаясь поплотней в легкую светлую куртку: у воды было похладно.

— Скорей бы, — пробормотал Ява и добавил громче. — Начинай: не хочется заставлять гостью ждать!

Ньялсага поднял голову: край неба посветлел.

— Еще несколько минут. Нельзя открывать проход раньше времени.

Он посмотрел на Мерсею. Она выглядела совершенно спокойной, но руки под плащом были крепко сжаты.

Снова подала голос Алина.

— Ты сразу же закроешь границу между мирами? Как только Мерсея уйдет?

Ньялсага поморщился, словно от внезапно боли.

— Да, — с усилием сказал он и коснулся медальона, висевшего на груди

— Исторический момент, — заметил Ява. — Ну что, уж теперь-то, наверное, кое-кому пора в путь? Как говорится: «Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева»?

— Да, пора, — медленно проговорил Ньялсага.

Повернувшись лицом к горизонту, он начал читать

заклинание, негромкие слова сливались с плеском волны, набегавшей на песок.

Внезапно громкое хлопанье крыльев нарушило тишину: ворон опустился на нижнюю ветку дерева, сложил крылья и зорко взглянул на людей.

— Деребхем? — удивился Ява. — Ты здесь зачем?

Ньялсага договорил заклинание — теперь дорога Мерсее могла открыться в любой момент — и взглянул на Дэберхема. Смутное беспокойство овладело заклинателем: черная птица показалась вдруг предвестником беды.

Послышался шум мотора, громко хлопнула дверца машины, раздались чьи-то голоса.

— А это кого еще принесло? — в недоумении пробормотала Алина.

На берегу появились Кемен и Лютер.

— Зачем они… — начал было Ньялсага и умолк, настороженно глядя на приближающихся людей: они двое явились сюда не спроста.

Кемен не стал тратить время на пустые разговоры.

— Мы за ней, — не утруждая себя приветствием, объявил он и кивнул на девушку.

— Что значит: «за ней»? — поинтересовался Ява. — Она, как видите, собирается покинуть этот бренный мир. Не в прямом смысле слова, конечно, — поправился он, заметив косой взгляд Ньялсаги.

Кемен прищурил глаза.

— Она покинет бренный мир, это уж точно, — пообещал он. — Только сначала расскажет, как убила Марка.

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнула Алина. — Убила Марка? При чем тут… вы что, с ума сошли?

Ньялсага переводил взгляд с Лютера на Кемена, оба они казались ему одинаково опасными для Мерсеи.

Ява сообразил быстрее всех.

— Хочешь сказать, на ней кровь вашего парня?

Кемен, не сводя глаз с Мерсеи, коротко кивнул.

— Объяснить ничего не хотите? — спросил Ява. — Я ее защищать не собираюсь, но кровь — это серьезное обвинение. Нужны доказательства.

Ньялсага решительно отодвинул его в сторону.

— Чушь! — резко сказал он — Как вам вообще такое в голову пришло? Мерсея никакого отношения к смерти Марка не имеет. Она…

— Посмотри на нее, — негромко произнес Кемен.

Ньялсага раздраженно передернул плечами, повернулся к

Мерсее и… замер.

Она больше не казалась хрупкой испуганной девушкой. Она стояла, выпрямившись, без страха глядя на людей и в ее синих глазах было что-то вроде усмешки.

— Ну, красавица, — проговорил Кемен, делая незаметный шаг по направлению к Мерсее и зорко следя за каждым ее движением. — Расскажи, как ты его убила? Высосала жизнь, как вы обычно делаете? Но ты немного наследила: мы кое-что обнаружили. Пять небольших ожогов в виде отпечатков пальцев у него на шее.

— Стой, где стоишь, — приказала Мерсея. В ее голосе не слышалось и тени испуга. — Иначе то же самое случится с тобой!

— Следы ожогов? — пробормотала Алина, лихорадочно роясь в памяти. — Но… кто оставляет такие следы?

— Ламии, — подсказал Лютер. Он стоял чуть в стороне, держа одну руку в кармане расстегнутой куртки. — Они умеют превращаться в человека, когда пожелают, а их любимый облик — девушка редкой красоты.

Кемен кивнул.

— Я сразу обратил внимание на ожоги на шее Марка: словно кто-то держал его за горло огненными пальцами. Это почерк ламий!

— Ламия?! — пораженно переспросил Ява. — Проклятье! Я подозревал, что с ней что-то нечисто! Но я и подумать не мог, что…

Он бросил на ламию яростный взгляд, Мерсея улыбнулась в ответ.

— Неправда! — твердо сказал Ньялсага. — Она — человек!

Кемен покачал головой.

— Нет. Мы тоже не сразу заподозрили ее, — он кивнул в сторону Мерсеи. — Помнишь, я приезжал в ваше агентство, чтобы поговорить с ней? Тогда я заметил золотой гребень в ее волосах, и мне показалось, что где-то уже видел точно такой же.

— Это какая-то ошибка, — беспокойно проговорил Ньялсага.

— Никакой ошибки, — отрезал Кемен. — Мы все проверили. Я перерыл бумаги Хэрвелла и нашел клочок бумаги, где был нарисован точно такой же гребень, принадлежавший ламии, которую когда-то убил Хэрвелл. Особый гребень: такие носят все ламии-женщины. Это их оружие. Но они редко пускают его в ход, потому что владеют другим, более опасным — своими чарами!

Во взгляде, который Кемен бросил на Ньялсагу, мелькнуло что-то вроде сожаления.

— Но я все еще боялся ошибиться, поэтому отправился к Цолери. Перечитал у него книги, где упоминались ламии. И

везде, в каждом случае, на шеях их жертв были замечены отпечатки пальцев в виде ожогов!

Теперь он смотрел на Мерсея.

— Что скажешь, ламия?

Мерсея снова улыбнулась так, словно все происходящее не пугало, а всего лишь забавляло ее.

— Скажу, что все так и есть. Когда я только что попала сюда, в незнакомый мир, мне требовалась еда, мне нужны были силы, ведь неизвестно, что произойдет дальше! И тут подвернулся ваш мальчишка — очень даже кстати. Пара минут — и он добровольно снял защитный медальон. Никто не устоит против чар ламии!

— И ты… — начал Ява, осененный догадкой. — Шкатулка с ножом оказалась у Мунго-лиса. Он… ты…

— Тот рыжий оборотень? Столкнулась с ним случайно. Ему нужен был какой-то нож, я помогла его получить, — она пожала плечами. — Никогда не встречалась со Сворой, но слышала о ней. Ссориться с мертвой ведьмой не хочу. Взамен узнала от оборотня кое-что о вас…

Лютер покосился на Яву.

— Еще доказательства нужны? Она убила человека, так что живой отсюда не уйдет!

Краешек золотого солнца показался из-за горизонта. Первый солнечный луч скользнул по воде, и в то же мгновение из воздуха соткалась дорога: узкая тропа, что начиналась возле берега и вела в самую чащу ночного дремучего леса. Мелькнул в кустах тощий бурый волк, вспыхнули желтые глаза, и тоскливый вой пролетел над берегом.

— Рассвет наступил, — бросила Мерсея. — Дорога для меня открыта. Никому не остановить меня!

— Посмотрим!

Мерсея не стала медлить. Быстрее кошки метнулась к лесной тропе.

— Говори свои слова, заклинатель! — крикнула ламия.

Неожиданно громко и резко грохнул выстрел, но пуля просвистела, не задев Мерсея, и Лютер выругался.

— Говори слова!

— Нет! — Алина крепко схватила Ньялсагу за руку. — Не говори, тогда она не сможет уйти!

Резким движением Ньялсага стряхнул ее руку.

— Свободной дороги!

Точно услышав его слова, в лесной чаще взвыл волк, затем — другой, а потом, где-то вдалеке, в темных дебрях, откликнулся еще кто-то, и от голоса этого неведомого существа у людей мороз

прошел по коже.

Путь Мерсее был открыт, и у Ньялсаги точно гора с плеч свалилась.

Она уйдет живой и невредимой… но тут, четко, словно в замедленном кино, Ньялсага увидел, как «Бриммский василиск» вскидывает руку, чтобы выстрелить еще раз, увидел его холодно-сосредоточенные глаза и каким-то чувством понял совершенно точно: на этот раз он не промахнется.

И в ту же секунду Ньялсаге вдруг стало ясно, что нужно сделать.

Он бросился вперед и закрыл собой Мерсею.

Дымка над водой задрожала и начала медленно таять, словно растворяясь в воздухе. Еще миг была видна лесная тропа, Мерсея бегущая в самую чащу, а потом все исчезло.

Ньялсага услышал выстрел и звук, с которым разлетелся вдребезги разбитый серебряной пулей медальон, висевший у него на груди, тот самый, который навсегда должен был закрыть дверь между мирами.

Ньялсага повернулся к Лютеру, чтобы высказать кое-какие соображения, относительно идиотов, которые палят, куда попало, а попадают почему-то в людей и что если он, Ньялсага, бессмертен, то это еще не повод стрелять в него при каждом удобном случае.

Многое хотелось сказать, но почему-то не получалось.

Вдруг стало невозможно дышать.

Изнутри обожгло, как огнем.

Воздух стал раскаленным, не вдохнуть, ни выдохнуть.

— О, черт, — растерянно проговорил Ньялсага и песчаный берег вдруг стремительно полетел ему навстречу.

…Прошло уже несколько дней, как Свора покинула город, а хорошей погоды не было и в помине. Выпал всего один-единственный солнечный денек, а потом снова началась непогода. Пасмурное небо грозило пролиться дождем, ветер тащил по небу огромные неповоротливые облака, которые ползли так низко, что, казалось, вот-вот зацепятся за острые крыши домов.

Ветер раскачивал ветки деревьев, шуршал черными лентами из дешевого коленкора, ворошил выцветшие бумажные цветы венков.

На кладбище, где обитал когда-то веселый некромант Гигель, было тихо и пустынно.

Алина отыскала взглядом синий вагончик-бытовку. Табличка — кусок фанеры с небрежно намалеванными буквами: «Офис

кладбища № 18» — покосилась, дверь висела на одной петле и громко скрипела, раскачиваемая ветром.

Во всем чувствовалось какое-то запустение: видно было, что замену Гигелю так и не нашли и без смотрителя-некроманта порядок на кладбище поддерживать стало некому. Алина окинула взглядом ряды низких холмиков, оградки, сваренные из железных прутьев, неширокие, посыпанные песком, дорожки, двух неприветливых угрюмых рабочих, что с лопатами на плечах направлялись к вагончику. Сколько дней прошло, с того, как приходила она сюда, чтобы разыскать некроманта Гигеля? Всего ничего. Но казалось, что минуло лет сто, не меньше. Сто долгих-предолгих лет, и столько всего за это время произошло, что сразу и не расскажешь.

А здесь, на кладбище ничего и не изменилось. Да и что здесь может измениться? Разве что могил за сегодняшний день прибавилось — стало на одну больше.

— Хватит себя изводить, Алина, — нарушил молчание Ява.

Она отбросила с глаз прядь русых волос.

— Все это время мы были рядом и ничего не сделали! А могли бы…

— Вряд ли. Он уже находился под чарами ламии, а человек сопротивляться им не может. Мерсея запросто могла подчинить себе любого из нас: меня, тебя, Бахрама…

— Но выбрала-то Ньялсагу, — буркнула Алина.

Ява кивнул.

— Она все рассчитала верно. Больше всех Мерсея опасалась Кемена: видно кто-то просветил ее, что бывает с теми, кто пролил здесь кровь. Ньялсага был единственным, кто мог ее защитить от него, единственным, к кому Кемен прислушался бы, поэтому важно было сделать так, чтобы Ньялсага оказался на ее стороне. Тем более, что Мерсея знала, что именно он отправит ее обратно.

— Вот Кемена бы и зачаровала! — буркнула Алина.

— Если б он пробыл рядом с ней подольше, не сомневаюсь, так оно и произошло бы. Но Кемен сразу же уехал, а на расстоянии магия ламий не действует. Зачаровать же сразу нескольких человек ламии не под силу. Поэтому она выбрала себе другую жертву и разыграла любимую игру — «несчастная девушка в беде». На это все покупаются.

Ява поднял голову и посмотрел в серое низкое небо.

— Если бы он заподозрил ее, то защитился бы заклинаниями! Но Мерсея опередила его и пустила в ход собственные чары…

Алина стиснула железные прутья, словно чье-то горло.

— Я как чувствовал, что что-то здесь не то, — продолжал Ява. — Но думал лишь, как спасти его от Соранга, а спасти нужно

было от Мерсеи…

Алина сверкнула глазами.

— Если бы Кемен сразу сообщил нам, в чем дело, все вышло бы совсем по-другому. Но ему захотелось устроить собственное расследование!

Ява покачал головой.

— Кемен ни в чем не был уверен: он, как и мы, никогда не сталкивался с ламиями. А когда догадался, было уже поздно. Кроме того, он же не знал, кто именно попал под чары! Он не виноват, что все так сложилось: просто Соранг отыскал еще одного бессмертного.

— Не виноват, — сердито проворчала Алина. — Если бы Лютер не выстрелил…

— Он стрелял в Мерсею. Единственный способ освободить человека, заколдованного ламией — убить ее. Именно это Лютер и хотел сделать. Но чары ламии заставляют человека защищать ее даже ценой собственной жизни. Так и произошло…

По лицу Алины прошла тень.

— Можешь говорить, что угодно. Но если я встречу его, клянусь, я его убью.

Если бы Алина сказала это так, как раньше, кипя от возмущения и злости, Яву бы не встревожили ее слова. Но она произнесла это очень спокойно, так спокойно, что Ява насторожился. Подумалось отчего-то, что Лютеру лучше бы не попадаться ей на глаза как можно дольше. По крайней мере, ближайшие сто лет.

— Покажи медальон, — проговорила Алина после молчания. — Хочу взглянуть.

Ява достал из кармана аккуратно свернутый носовой платок и осторожно развернул. Алина долго смотрела на фарфоровые осколки, потом отвернулась.

— Серебряная пуля, предназначенная ламии. Серебро, уничтожившее волшебный амулет. Еще одно глупое совпадение, случай!

Она умолкла.

Ява осторожно завернул в платок то, что осталось от амулета и убрал в карман.

Большой черный ворон плавно опустился на оградку соседней могилы и сложил крылья.

— Дэберхем? — удивился Ява.

— Он не один, — проговорила Алина, бросив взгляд на затянутую редким туманом дорогу. В другое время Алина безмерно поразилась бы тому, что вот уже второй раз хозяин «Бродяги» покинул свое логово.

Но сегодня у нее не осталось сил ни удивляться, ни радоваться, так что она просто стояла и смотрела, как приближается Цолери: высокий, широкоплечий, одетый, как обычно, в просторную клетчатую рубаху с кожаным жилетом, потертые джинсы и грубые армейские ботинки.

Он приблизился к ним и молча кивнул. Блеснул висевший на шее амулет: серебряная подвеска с оттиском волчьей лапы.

Ява покопался в памяти. Полагалось что-то сказать, но что? Может, поблагодарить, за то, что…

— Спасибо, что пришел, — сказал он.

Хозяин «Бродяги» пожал плечами.

— Он был и моим другом.

Повисло молчание.

— А Бахрам не знает, — с горечью сказала Алина. — И никогда уже не узнает.

Она сунула руки в карманы куртки.

— Я все думаю: как он там? Добрался ли до Легиона, повстречал ли там кого знакомого?

— А я все думаю, когда его повстречают чародеи Ордена, — хмуро проговорил Ява. — Не надо было ему уходить.

— Ночует, наверное, на постоялых дворах, питается, как попало, — продолжала Алина. — Может, он когда-нибудь вернется, а?

В ее голосе прозвучала надежда.

Ява повернулся к Цолери.

— Это ты добыл Кемену сведения о ламиях?

Тот кивнул.

— Я. Прости, что не сказал вам: Кемен потребовал, чтобы я молчал, пока не выяснится точно. Но когда мы разобрались, было уже поздно: Ньялсага уже находился во власти ламии.

Он взглянул на Яву.

— Я боялся, что это будешь ты.

— Долго же вы разбирались! — бросила Алина. — Нужно было прийти, поговорить! Ньялсага бы понял!

Цолери медленно покачал головой.

— Нет. Человек, очарованный ламией, опасен, поэтому мы ничего не могли вам сказать. Вы могли невольно выдать себя и тогда…

Он умолк.

— Что? — напряженным голосом спросила Алина.

Цолери поколебался прежде, чем ответить.

— Влюбленный в ламию человек убьет любого, если заподозрит, что тот хочет навредить ей. Он становится сам не свой, ламия кажется ему смыслом всей его жизни.

Алина тряхнула головой.

— Нет, — твердо сказала она. — Ньялсага ничего бы нам не сделал. Никогда!

Цолери взглянул на нее в упор.

— Ньялсага — нет. Человек, очарованный ламией — да.

И, видя, что Алина хочет возразить, добавил:

— Я видел, как брат убивает брата, друг — друга, мать — сына. Поверь, так и произошло бы. Ламия полностью подчиняет себе человека.

Алина подавленно умолкла.

Ява подумал, что самое время спросить у Цолери еще кое о чем.

— Там, на берегу, когда Свора исчезла… твой разговор с Кеменом насчет какого-то договора… Кемен сказал, что теперь вы в расчете. Это он о чем?

Цолери долго нее отвечал.

— Давняя история, — сказал он тогда, когда Ява уже решил, что ответа так и не дождаться. — Из другой жизни. В той жизни мне довелось встретиться с Хэрвеллом.

— С предком Кемена?! — удивленно воскликнула Алина.

Цолери кивнул.

— Мы сражались на одной стороне, уничтожая нечисть, которая заполоняла тогда эти земли. Мы были заодно, но…

Цолери замялся.

— Хэрвелл ненавидел не только вампиров и химер. Оборотней он тоже не жаловал, терпел лишь потому, что у нас с людьми имелись общие враги. И как-то раз… — он снова запнулся. — Хэрвелл спас мне жизнь. Взамен он связал меня клятвой из тех, что подписывают собственной кровью. Я лишался свободы и должен был служить Хэрвеллам до тех пор, пока последний из их рода живет на земле.

Ворон, сидевший на оградке, вдруг встрепенулся, съежился и словно растаял в воздухе. В следующий момент вместо птицы появился коричневый хорек с белой полосой на морде. Цепляясь лапками, он ловко пробежал по оградке и замер возле Цолери.

Ява припомнил кое-что:

— Я слышал, что нет большего унижения для оборотня, чем подобная клятва?

Глаза Цолери блеснули зеленым огнем.

— Да, Хэрвелл знал, как отравить жизнь. Волки — не собаки, они никому не служат! По счастью, Кемен не часто вспоминал об этом договоре. Он лишь велел, чтобы я никогда не вмешивался в истории с «попаданцами», даже, если среди них окажется оборотень.

Ява сдвинул брови. Какая-то мысль мелькнула у него в голове и эта мысль заставила его пристальней взглянуть на Цолери.

— Погоди-ка… но ведь со смертью последнего из Хэрвеллов ты получил бы свободу? Ведь попади Кемен в лапы Гинзоги, она прикончила бы его, так?

Цолери кивнул.

— Значит, ты мог бы просто не приходить на берег и не вступать в поединок? Дождался бы, пока Гинзога заберет нас, прихватит Кемена — и вот она, свобода?

Деберхем, в обличье хорька, возмущенно фыркнул.

— Но ты пришел, — проговорила Алина, вспоминая события поединка. — Пожертвовал свободой ради нас?

Цолери молча пожал плечами.

Ява посмотрел на дорожки, затянутые туманом, на тусклые кладбищенские фонари.

— У Кемена по-прежнему есть власть над тобой?

— Была, — ответил Цолери. — До сегодняшнего дня.

— А что произошло сегодня?

— Кемен аннулировал договор. Утром зашел ко мне в лавку и отдал бумагу, подписанную мной и Хэрвеллом много лет назад.

Он посмотрел на хорька, неподвижно сидевшего на ограде из металлических прутьев.

— Теперь мы свободны и можем, наконец-то, расстаться. Наша связь рухнула.

Ява и Алина переглянулись.

Хорек тихо пискнул, робко подобрался поближе к Цолери и замер, уставившись на него.

— Хамское животное, — пробормотал он, не глядя на зверька. — Ты ведь никогда от меня не отстанешь, верно?

Он вздохнул и осторожно погладил хорька.

— Ньялсага считал, что у вас с Дэберхемом одна душа на двоих, — вспомнила Алина.

— Так и есть, — нехотя промолвил Цолери.

Алина и Ява ждали продолжения, но он молчал.

У хозяина «Бродяги» имелось много тайн и он ни с кем не собирался ими делиться.

— А Кемен… — начал Ява, но вдруг поднял голову и прислушался.

Послышался шум мотора, захрустел под колесами гравий. Громко хлопнула дверца машины.

— Кого еще принесло? — буркнула Алина.

— Это общественное кладбище, — напомнил Ява. — Вход свободный.

В конце дорожки показался человек, одетый в потертую

джинсовую куртку. Его светлые волосы трепал ветер.

— Легок на помине, — вполголоса проговорил Ява, наблюдая, как приближается потомок Хэрвелла.

Алина вскипела.

— И у него хватило совести прийти? Что ему здесь надо?!

Ява попытался успокоить ее.

— Алина, он ни в чем не виноват. Ни он, ни Лютер тут не при чем. Это Соранг решил, что время пришло, а все остальное — просто совпадение, случай, который…

Но уже Алина не слышала его.

Ява видел, как она понеслась навстречу Кемену, как тот остановился, глядя на нее сверху вниз Алину и слушая ее слова. Потом лицо его потемнело. Алина, круто повернувшись, направляясь обратно, а потомок Хэрвелла посмотрел ей вслед, помедлил и отправился обратно к машине.

Ява вздохнул.

— Зря ты так, — пробормотал он, когда она вернулась. — Говорю же, никто не виноват. Да и вообще, хватит уже этой вражды…

В ответ Алина непримиримо сверкнула глазами.

— Понятно, — сказал Ява. — Ну, как хочешь. Только давай ты не будешь нам рассказывать, как ты их ненавидишь. Не здесь и не сейчас, ладно? Давайте лучше поговорим о хорошем.

— А оно есть, это «хорошее»? — угрюмо поинтересовалась Алина.

Ява задумался.

— Наверное. Цолери и Дэберхем свободны — разве это не хорошая новость?

Он посмотрел себе под ноги, на комья рыхлой бурой земли, вперемешку с песком.

— Только жаль, что он не узнает…

— Да, — тихо проговорила Алина. — Жаль, что не узнает…

…Ньялсага слышал голоса друзей, слышал шорох песка у них под ногами, позвякивание браслета на руке у Алины, хлопанье крыльев Дэберхема, мягкую волчью поступь Цолери.

Ньялсага чувствовал себя странно.

Вечная жизнь оказалась не такой уж вечной и сейчас стремительным потоком утекала куда-то все дальше и дальше. Лишь знакомые голоса пока что еще удерживали его и не позволяли ускользнуть окончательно. Он вслушивался изо всех сил, но происходило что-то непонятное: голоса доносились все глуше и глуше, словно он и те, кого он знал и любил, находились на разных берегах бурной широкой реки, и расстояние между

берегами все увеличивалось.

Теперь он уже не мог расслышать слов и не мог понять, о чем они говорили: река стала шире, течение — стремительней, а берега — дальше.

Голоса доносились все тише и невнятней, а потом затихли окончательно. Один за другим умолкли все звуки прежней жизни: плеск волн, шелест листьев, свист ветра.

Наступила тишина.

…Дома у Алины тоже было тихо, но это была живая обыденная тишина: бормотало радио на кухне, ворковали за окном голуби, постукивала в стекло ветка тополя. Ява и Алина сидели на кухне, за столом, на котором стояли тарелки с нетронутой едой.

В тесном коридорчике лежала, положив голову на лапы, Лукерья. На душе у собаки было сумрачно.

— Завтра съездим в агентство, — нарушила тишину Алина. — Отвезем туда его вещи. Книгу заклинаний запрем в сейф: все равно ни ты, ни я работать с ней не умеем.

Ява кивнул, не отрывая взгляда от красно-белой клетчатой скатерти.

Алина вздохнула.

— Досадно, что книга будет лежать без дела. Нужен человек со способностями к магии, но где его взять?

Ява поднял голову, перевел взгляд за окно. Сгущались сумерки, тьма постепенно захватывала город, но в доме напротив одно за другим вспыхивали уютным желтым светом окна, точно огни маяка, обещавшие усталым скитальцам тепло и кров.

— А помнишь… — медленно проговорил Ява. — Ньялсага как-то рассказывал о девушке из кофейни. Помнишь?

— О какой?

— Девушка-прорицатель. Он говорил, у нее фиолетовая аура. Фиолетовый цвет — способность к магии.

Алина сдвинула брови, роясь в памяти.

— Да, теперь вспомнила. И что?

Ява отодвинул тарелки: от запаха еды мутило.

— Съезжу завтра в «Белый слон», посмотрю на нее.

Алина покачала головой.

— Ньялсага бы этого не одобрил. Он всегда был против того, чтобы втягивать людей в наши дела.

Ява промолчал.

Алина подумала немного и пожала плечами.

— Думаешь, она нам пригодится? — неуверенно спросила она.

— Нам, Алина, сейчас все пригодятся, — невесело ответил Ява.

Он обвел глазами уютную кухню Алины-барракуды: полки с книгами, стеклянные баночки с приправами, бутылочки с соусами. На особой полочке стояли две вырезанные камня фигурки. И взглянув на них, Ява еле заметно покачал головой: божества, отвечающие за удачу, не пожелали вмешаться тогда, когда их помощь была так нужна…

Алина кивнула на собаку.

— А с Лукерьей что делать?

Ява поднялся из-за стола.

— Я ее заберу.

Он взял салфетку, положил туда всего понемногу с тарелок и спустился во двор.

На улице уже почти стемнело.

Ява мимоходом удивился — куда девался день? Как он промелькнул, так что никто и не заметил? И почему ничего не запомнилось, словно кто-то неведомый взял и стер все события этого дня, за исключением одного?

И вспомнив это «одно», Ява закрыл глаза и постоял немного, успокаиваясь.

А когда открыл, то увидел, что не один. Привлеченные запахами Алининой стряпни, из подвала и гаражей вылезли дворовые собачонки и робко сгрудились поодаль. Еда пахла соблазнительно, но человек, который принес ее, был не тот, что кормил их прежде. Осторожные дворняжки опасались подходить.

— Идите, не бойтесь, — сказал Ява и положил салфетку на землю.

Собачонки помялись, переглядываясь, и осторожно, одна за другой двинулись к угощению. Еды оказалось много, хватало на всех. Изредка они отрывались от трапезы и смотрели на человека. Тот не торопился уходить, продолжал стоять рядом, но опасности в нем не чувствовалось, и они успокоились окончательно.

— Что, лохматые, — проговорил Ява, глядя на пирующих дворняжек. — Нет больше вашего хозяина…

Чья-то тень выскользнула из темноты в круг света, падавшего от тусклого фонаря. Ява прищурил глаза и вгляделся. Возле фонарного столба появился большой серый кот. Не обращая внимания на собачонок, он дернул хвостом и поежился, словно кошачья шкура была ему мала. Затем кот сел и осмотрелся по сторонам. Вид у него был растерянный. Заметив Яву, кот беззвучно мяукнул.

Кудлатая дворняжка, крутившаяся рядом, вздрогнула и подняла голову: на спину ей упала горячая капля, сначала одна,

потом другая. Собака недоуменно посмотрела на человека. В кармане плаща у него что-то негромко зазвенело. Дворняжка на всякий случай вильнула хвостом и снова принялась за еду.

Ява, не отрываясь, смотрел на кота, но с глазами происходило что-то странное — все плыло и двоилось.

Телефон затрезвонил снова. Ява достал мобильник и нажал кнопку.

— Да, — сказал он, глядя на серого кота.

В трубке раздался голос Алины.

— Ты где?

— Во дворе.

— Поднимайся в квартиру, дело есть.

— Что за дело?

До его слуха донесся тяжелый вздох.

— Сейчас звонил Цолери…

— Цолери? Звонил?!

— Я тоже удивилась, — призналась Алина. — Похоже, он стал пользоваться телефоном!

— Хорошо. Что он сказал?

Алина замялась.

— Гости. Цолери говорит, это, наверное, человек. Девушка. И… — Алина споткнулась. — Он сказал, чтобы мы сначала обязательно заехали к нему. Он раздобыл амулеты от чар ламий.

— Еще одна девушка? — пробормотал Ява — Везет нам на девушек в последнее время…

Он умолк, не сводя глаз с кота. Кот снова поежился, будто ему было тесно в собственной шкуре.

— Ява! — донесся тревожный голос Алины. — Ты меня слышишь?

Он очнулся.

— Слышу. Сейчас приду.

Он убрал телефон. Серый кот по-прежнему сидел под фонарем, будто не знал, что ему делать дальше.

— Мне надо идти, — сказал Ява.

Кот промолчал.

Ява кивнул ему на прощанье и направился к подъезду.

Уже совсем стемнело.

На земле было тихо и спокойно, но в темном небе шло беспрерывное движение. Там, на огромной высоте, бушевали ветра и гнали громады темных туч, а где-то, выше облаков и солнца, летал ветер Соранг.

И пока существовал Соранг, существовали и те, кто больше всего на свете жаждал поймать его, ведь волшебный ветер мог исполнить любое желание и дать все, чего ни попросишь.

Например, бессмертие.

THE END